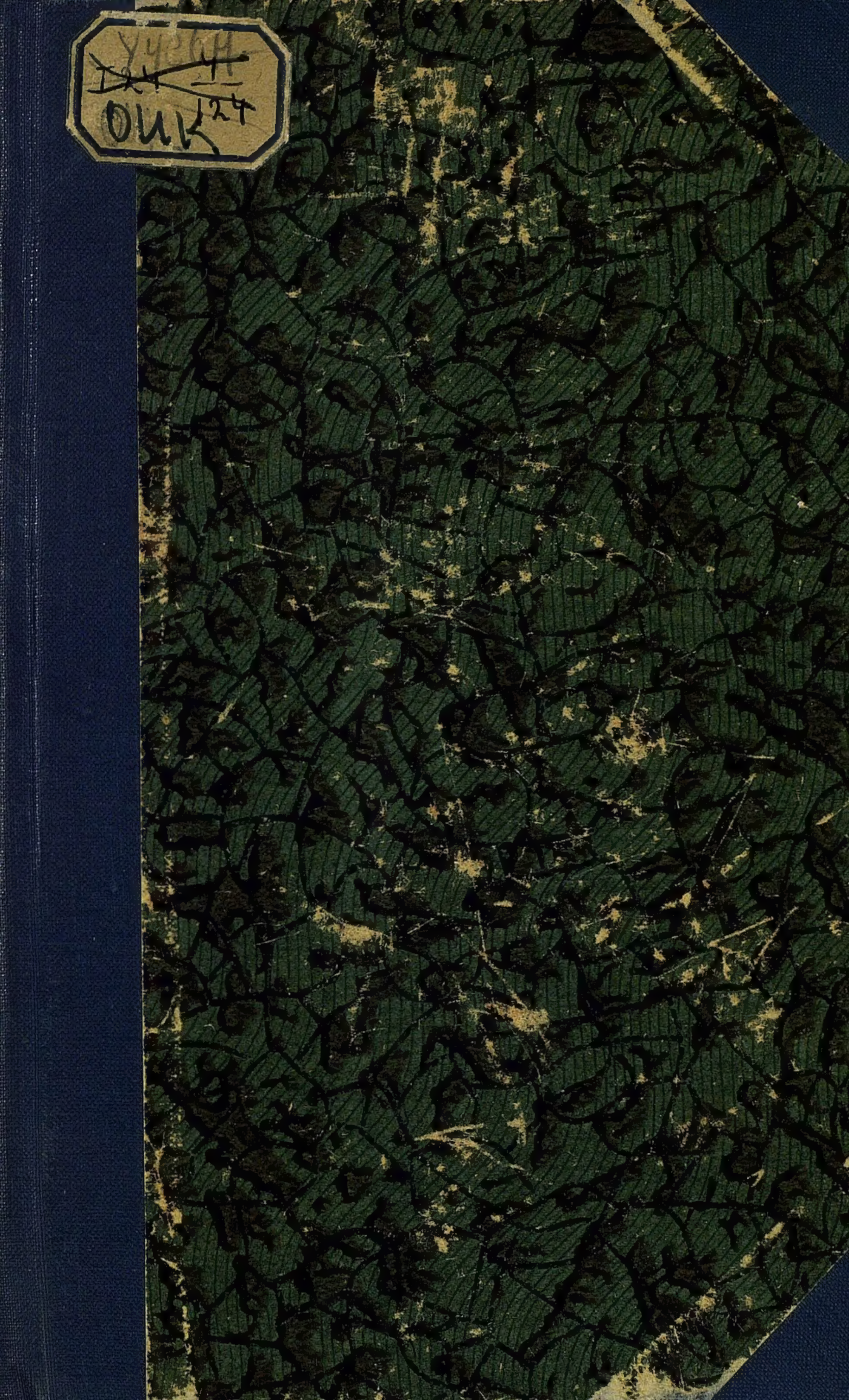
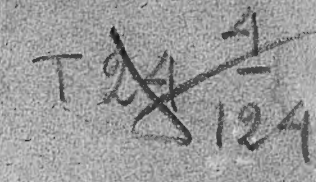

ОИК 124

Кн.чиб.

ОИК

КРАТКІЕ ОЧЕРКИ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

—

Приспособленные къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній.

—

Составилъ

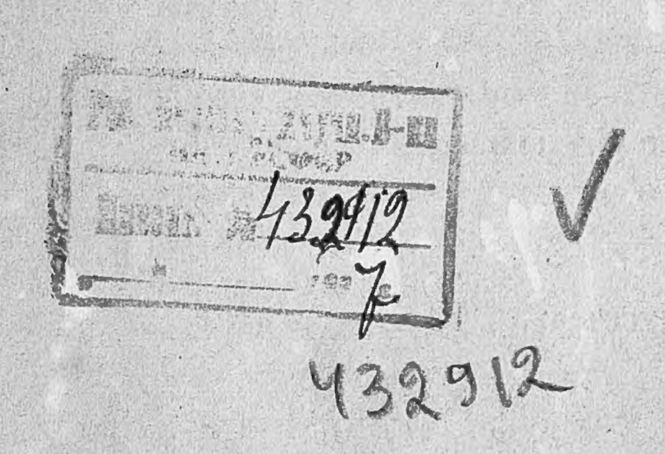
Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

ВЫПУСКЪ I.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Мая 2 дня 1860 года.

Цензоръ Гиляровъ Платоновъ.

Взглядъ на историческое руководство въ послѣднее время значительно уяснился, благодаря педагогическимъ вопросамъ, поднятымъ нашею литературою. Автору предлагаемыхъ «очерковъ» съ своей стороны не разъ приходилось печатно говорить о тѣхъ научныхъ и учебныхъ требованіяхъ, которыя долженъ имѣть въ виду каждый составитель подобной книги. Въ настоящемъ случаѣ я позволю себѣ не распространяться болѣе объ этихъ требованіяхъ. Современное состояніе Русской исторіи какъ науки, и условія, при которыхъ совершается ея разработка, я также предполагаю извѣстными. Замѣчу только два слова о внѣшнемъ построеніи своихъ очерковъ.

Дѣленіе на періоды и ихъ подраздѣленія — вещь довольно условная, которая сама по себѣ не имѣетъ существенной важности; но въ учебной книгѣ подобная система приноситъ извѣстную долю пользы, когда оттѣняетъ различныя эпохи и уясняетъ постепенное измѣненіе политическихъ формъ. Основою для своей системы я принимаю два момента въ исторической жизни нашего народа — съ одной стороны возвышеніе Москвы изъ среды удѣльныхъ княжествъ, съ другой Петровскія реформы, и считаю наиболѣе удобнымъ въ учебномъ отношеніи дѣленіе Русской исторіи на три слѣдующія части: во первыхъ *Русь удѣльно-вѣчевая* *, во вторыхъ *Русь Московская* **; трудно придумать соотвѣтствующее названіе для третьей

---

* Заимствую этотъ, по моему мнѣнію счастливый, эпитетъ изъ первой лекціи Г. Костомарова (Рус. Сл. 1859 г. дек.): онъ ясно указываетъ на двѣ самыя характеристическія стороны древнерусскаго политическаго быта.

** Вѣрнѣе было бы сказать: Московская и Литовская; но послѣдняя занимаетъ сравнительно небольшое мѣсто въ моихъ «краткихъ очеркахъ», и притомъ трудно еще найдти ей опредѣленныя границы отъ исторіи собственно Польской.

части, назовемъ ее просто *Русь-имперія*. Сообразно съ этимъ дѣленіемъ я размѣщаю и обзоры внутренняго состоянія общества.

Элементъ эпизодическій (болѣе мелкими буквами) я считаю далеко нелишнимъ въ краткомъ историческомъ руководствѣ. Во первыхъ, эпизоды дѣйствуютъ на воображеніе читателя; слѣдовательно смягчаютъ сухость и отрывочность, неизбѣжныя тамъ, гдѣ авторъ старается передать значительное количество фактовъ, но излагаетъ ихъ въ очеркахъ весьма сжатыхъ. Во вторыхъ, сообщаемыя время отъ времени подробности уясняютъ бытовую сторону эпохи вмѣстѣ съ характеромъ историческихъ лицъ и событій; въ этомъ отношеніи онѣ гораздо полезнѣе отвлеченныхъ описаній и разсужденій, которыя съ трудомъ укладываются въ юную голову, потому что несоотвѣтствуютъ степени ея умственнаго развитія.

Нужно ли прибавлять, что книга моя есть не болѣе какъ попытка отвѣчать на одну изъ общественныхъ потребностей, и что авторъ «краткихъ очерковъ» будетъ радъ всякому дѣльному замѣчанію.

Опечатки, измѣняющія смыслъ. На стр. 60, строка 23 вмѣсто «частныхъ» должно читать: «частыхъ». На стр. 109, строка 32 вмѣсто «Сильвестръ и Адашевъ» должно читать: «Адашевъ и Сильвестръ».

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

РУСЬ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВАЯ.

I. Восточная Европа въ IX в.

Характеръ страны. Восточная половина Европы имѣетъ видъ сплошной однообразной равнины, предѣлы которой ограничиваются четырьмя морями и тремя горными хребтами. Такая форма поверхности, непредставляющая внутреннихъ естественныхъ преградъ, много способствовала образованію на ней одного обширнаго государства. Только въ средней полосѣ этой равнины почва поднимается и поверхность получаетъ холмистое очертаніе. Здѣсь берутъ начало главныя рѣки, которыя въ сопровожденіи безчисленныхъ притоковъ направляются къ четыремъ упомянутымъ морямъ. Обиліе рѣчныхъ водъ имѣло весьма важное вліяніе на исторію страны: по теченію рѣкъ селились племена и распространялась гражданственность; рѣки служили главнымъ средствомъ сообщенія. Тысячу лѣтъ тому назадъ вся сѣверная половина Россіи, отличавшаяся климатомъ холоднымъ и суровымъ, была покрыта дремучими лѣсами, многочисленными озерами и болотами; а въ южной половинѣ залегали обширныя степи, мѣстами поросшія высокою травою, мѣстами песчаныя и солонцоватыя. На востокѣ, между Ураль-

скими горами и Каспійскимъ моремъ, русскія степи сливаются съ великою равниною средней Азіи, откуда безпрепятственно приходили всегда кочевые азіатскіе народы.

Древнѣйшая исторія нашей равнины начинается на югѣ. Еще задолго до Рождества Христова берега Чернаго и Азовскаго морей были заселены цвѣтущими греческими колоніями. Самыя замѣчательныя изъ нихъ: Ольвія — при устьѣ Буга, Пантикапея, столица Босфорскаго царства — близь Керчи, Херсонесъ Таврическій (Корсунь)— подлѣ Севастополя и Танаисъ—на устьяхъ Дона. Въ сосѣднихъ степяхъ господствовалъ многочисленный кочевой народъ Скиѳы, дѣлившійся на орды; Скиѳы славились какъ отличные наѣздники и искусные стрѣлки изъ лука. Памятникомъ этого народа считаются курганы, которыми усѣяна вся южная полоса Россіи (*скиѳскія могилы. Походъ Дарія Гистаспа*). Къ сѣверу отъ Скиѳовъ по темнымъ извѣстіямъ древнихъ писателей жили: Невры, Андрофаги или людоѣды, Меланхлены или черные плащи и другіе народы. Но объ нихъ ходили только баснословные разсказы между Греками и Римлянами. Говорили напримѣръ, что на самомъ далекомъ сѣверѣ гдѣ-то у полюса обитаетъ блаженный народъ Гипербореи, которые питаются сокомъ цвѣтовъ и росою, живутъ по нѣскольку вѣковъ и наконецъ сами прекращаютъ свою жизнь, повергаясь въ морскія волны.

Послѣ Рождества Христова между Балтійскимъ и Чернымъ морями нѣкоторое время господствовало германское племя Готы. Потомъ на мѣстѣ Скиѳовъ (и Сарматовъ) появляются другіе кочевые народы, пришедшіе изъ средней Азіи; они впрочемъ недолго остаются здѣсь и уходятъ далѣе на западъ, таковы: Гунны и Авары.

Въ IX в. по Р. Х. Восточную Европу населяли слѣдующіе народы:

1. Славяне. Они составляютъ восточную отрасль великаго Славянскаго племени, которое съ незапамятныхъ вре-

менъ пришло изъ Азіи и поселилось сначала на Дунаѣ, а отсюда разошлось потомъ въ разныя стороны, (именно: въ Моравію, Богемію, Польшу, Померанію и Россію). Русскіе Славяне заняли широкую полосу земли отъ озеръ Ильменя и Чудскаго до низовьевъ Днѣпра и Днѣстра. Они расселились отдѣльными группами или племенами, изъ которыхъ наиболѣе значительныя по словамъ лѣтописца Нестора были: Поляне—по среднему теченію Днѣпра; сосѣди ихъ Древляне — по р. Припети, и Кривичи—самое многочисленное племя, обитавшее по верховьямъ Днѣпра, Западной Двины, Волги и около озера Ильменя. На востокъ отъ Днѣпра жили: Сѣверяне, Радимичи и Вятичи. Еще до пришествія Рюрика Восточные Славяне имѣли у себя города; такъ въ странѣ Кривичей мы находимъ: Смоленскъ, Полоцкъ и знаменитый Новгородъ — при истокахъ р. Волхова. У Полянъ былъ городъ Кіевъ, расположенный на высокомъ правомъ берегу Днѣпра.

О началѣ Кіева народное преданіе, записанное Несторомъ, разсказываетъ слѣдующее: «Между Полянами жили нѣкогда три брата по имени Кій, Щекъ и Хоривъ съ сестрою Лыбедью. Братья построили городъ и въ честь старшаго назвали его Кіевъ. Городъ былъ окруженъ лѣсами, въ которыхъ жители ловили звѣрей. Кій, бывшій княземъ своего племени, однажды предпринялъ путешествіе въ Царьградъ. На возвратномъ пути онъ хотѣлъ поселиться на берегахъ Дуная и построилъ тамъ городъ; но сосѣдніе жители заставили его удалиться. Онъ воротился въ Кіевъ и здѣсь одинъ за другимъ братья померли. Остатки же построеннаго на Дунаѣ города долго послѣ того назывались: городище Кіевецъ.»

Племена Славянскія, разсѣянныя на обширныхъ пространствахъ, жили небольшими селеніями по берегамъ озеръ и рѣкъ въ глуши первобытныхъ лѣсовъ. Каждая семья повиновалась своему родоначальнику или старшему члену, и имѣла одно общее имущество до тѣхъ поръ, пока съ теченіемъ времени не-

распадалась на отдѣльныя семейства. Старшины семействъ сходились вмѣстѣ и составляли *вѣче*, на которомъ они разсуждали о дѣлахъ, касающихся всего селенія, города или цѣлаго племени. Мало по малу нѣкоторые роды возвысились надъ другими и пріобрѣли княжеское достоинство; глава такого рода пользовался особымъ почетомъ и вліяніемъ на рѣшенія вѣча. Такъ въ древнѣйшую эпоху упоминаются *князья* у Полянъ и Древлянъ. Городами назывались тѣ поселенія, которыя были *огорожены* землянымъ валомъ и рвомъ для защиты отъ непріятелей.

Славяне отличались высокимъ ростомъ, темнымъ цвѣтомъ волосъ, румянымъ лицомъ и сѣрыми глазами. По своему суровому образу жизни они съ ранней молодости привыкали легко переносить холодъ, жаръ и недостатокъ въ пищѣ. Характеръ ихъ, какъ и всѣхъ необразованныхъ народовъ, представлялъ смѣсь хорошихъ и дурныхъ качествъ: съ одной стороны они были миролюбивы и гостепріимны (позволялось даже украсть у сосѣда, чтобы угостить странника), съ другой очень неопрятны и склонны къ раздорамъ между собою. Вооруженіе ихъ состояло изъ тяжелаго деревяннаго щита, короткихъ копій и стрѣлъ, намазанныхъ иногда ядомъ; они любили сражаться не дружною толпою, а въ розсыпную. Женщины у Славянъ непользовались такимъ уваженіемъ какъ у Германцевъ; на нихъ лежали самыя тяжелыя домашнія работы. Невѣсту обыкновенно похищали и потомъ платили за нее родителямъ *вѣно*. Существовалъ также обычай многоженства, и послѣ смерти мужа одна изъ его женъ должна была слѣдовать за нимъ въ могилу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мертвеца сожигали на кострѣ; пепелъ его собирали въ сосудъ и ставили на столбѣ, гдѣ сходилось нѣсколько дорогъ. Погребеніе сопровождалось *тризною* (поминки), которая состояла въ пиршествахъ и разныхъ воинственныхъ играхъ. Главнымъ средствомъ пропитанія слу-

жила охота: рѣки и озера изобиловали рыбою, а лѣса дикими животными, которыхъ Славяне безъ разбора употребляли въ пищу. Земледѣліе въ IX столѣтіи еще мало было распространено между ними; вѣроятно болѣе успѣховъ имѣло скотоводство. Вообще сѣверные, т. е. новогородскіе, Славяне были образованнѣе южныхъ и находились въ то время уже въ торговыхъ сношеніяхъ съ сосѣдними народами.

2. Литва. Къ западу отъ Кривичей въ области Западной Двины, Нѣмана и нижней Вислы жило племя Литовское, родственное славянскому.

3. Финны. Весь сѣверъ Россіи отъ Балтійскаго моря до Уральскихъ горъ занимало Финское или Чудское поколѣніе. Нѣкогда Финны обитали гораздо южнѣе, но Славянами и другими народами они были отодвинуты далѣе на сѣверъ. Главныя Финскія племена: Чудь — около Финскаго залива; далѣе по верхнему и среднему теченію Волги — Весь, Меря, Мурома и Мордва. По верховьямъ Сѣверной Двины и Камы лежала область народа Пермь (Біармія — въ скандинавскихъ сагахъ). Финны представляются вообще племенемъ очень бѣднымъ, скудно одаренным и физическими и духовными силами; они также некрасивы и угрюмы какъ ихъ сѣверная природа. Разсѣянные небольшими группами въ странахъ холодныхъ, лѣсистыхъ и чрезвычайно болотистыхъ, они съ трудомъ доставали себѣ средства пропитанія употребляя въ пищу мясо даже самыхъ нечистыхъ животныхъ.

4. Турецко-татарскіе народы. Весь юго-востокъ Россіи занимали народы Тюркскаго племени, родственнаго Финскому. Изъ нихъ особенно замѣчательны: Козары и Болгары. Послѣдніе, получившіе названіе отъ рѣки Волги, съ незапа-

мятныхъ временъ отдѣлились отъ своихъ единоплеменниковъ Козаръ и заняли область нижней Камы. Принявъ магометанскую религію, они вошли въ торговыя сношенія съ азіатскими государствами и достигли значительной степени гражданственности; въ ихъ землѣ было много промышленныхъ городовъ, особенно славились Великіе Болгары — на лѣвомъ берегу Волги пониже камскаго устья. Болѣе обширное и могущественное государство составили Козары, подчиненные одному верховному повелителю или *кагану*. Они отчасти вели кочевой образъ жизни и располагались въ кибиткахъ, отчасти жили въ городахъ. Главнымъ городомъ у Козаръ былъ Атель или Балангіаръ—на устьяхъ Волги; сюда изъ отдаленныхъ странъ Европы и Азіи стекались купцы съ своими товарами. Кромѣ того, въ степяхъ При-уральскихъ и При-каспійскихъ обитали разныя кочевыя орды, которыя тѣснили другъ друга и въ послѣдствіи переселялись въ южную Россію или подвигались далѣе на западъ; таковы: Угры, Печенѣги, Половцы и другіе.

Варяги-основатели Русскаго государства. Разъединеніе, взаимная вражда племенъ и другія неблагопріятныя обстоятельства мѣшали Славянамъ образовать сильное, самобытное государство. Въ IX вѣкѣ они немогли даже отстоять свою независимость въ борьбѣ съ двумя сосѣдними народами; между тѣмъ какъ Приднѣпровскія племена платили дань Козарамъ, сѣверные Славяне должны были подчиниться воинственнымъ Норманнамъ, которые въ русскихъ лѣтописяхъ извѣстны подъ именемъ *Варяговъ*. Въ то время Норманны (вообще народы сѣверныхъ странъ, преимущественно жители Скандинавіи и Ютландіи) почти на всю Западную Европу наводили ужасъ морскими набѣгами подъ начальствомъ своихъ смѣлыхъ викинговъ, и положили тамъ основаніе нѣсколькимъ государствамъ. Точно также стремились они и въ Восточную Европу, стараясь

обложить данью туземцевъ и утвердить здѣсь свое господство. Кромѣ того, Варяги по Греческому водному пути, на лодкахъ ходили иногда въ богатую Византію, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ занимались торговлею, а большая часть нанималась въ гвардію Византійскаго императора. По Волгѣ они спускались иногда въ Камскую Болгарію или въ Козарію, и, смотря по обстоятельствамъ, или грабили тамъ или торговали *.

Плодомъ такого движенія Варяговъ на Восточную Европу было основаніе Русскаго государства. Лѣтописецъ Несторъ разсказываетъ объ этомъ великомъ событіи слѣдующее преданіе:

«Нѣкоторое время Варяги брали дань на сѣверныхъ Славянахъ и сосѣднихъ съ ними Финнахъ; потомъ покоренныя племена общими силами прогнали чужеземцевъ; но у Славянъ произошли сильные внутренніе раздоры. Тогда для устроенія порядка и безопасности, они рѣшились призвать князей изъ чужой земли. Въ 862 году послы Славянскіе отправились за море къ варяжскому племени Русь, и сказали: *Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами.* Три брата приняли ихъ предложеніе и явились съ своими дружинами. Старшій изъ нихъ Рюрикъ поселился въ Новгородѣ, второй Синеусъ на Бѣлоозерѣ, третій Труворъ въ Изборскѣ. Отъ нихъ земля наша стала называться *Русью*».

Различнымъ образомъ рѣшали вопросъ о томъ, кто были Руссы и откуда пришли князья: одни принимали ихъ за

---

* Греческій или великій водный путь шелъ изъ Финскаго залива въ Черное море: р. Невою, Ладожскимъ оз., р. Волховымъ, оз. Ильменемъ и р. Ловатью; отсюда нѣсколько разъ надобно было на рукахъ перетаскивать лодки до верхняго Днѣпра (волоки). Другая дорога изъ Балтики на Днѣпръ шла по Западной Двинѣ. Днѣпромъ выходили въ Черное море, а потомъ держались около морскаго берега, и такимъ образомъ достигали Византіи.

Финновъ, другіе за Славянъ (изъ Помераніи); нѣкоторые выводятъ ихъ изъ Литвы съ устьевъ Нѣмана; но бóльшая вѣроятность остается на сторонѣ скандинавскаго происхожденія.

Добровольное призваніе князей также подвержено сомнѣнію. Очень можетъ быть, что Варяги-Русь небыли призваны, а просто покорили Новогородскихъ Славянъ; вмѣстѣ же съ Славянами подчинились и тѣ Финны, которые уже находились въ зависимости отъ Новогородцевъ.

II. ПЕРВЫЕ РУССКІЕ КНЯЗЬЯ—ЗАВОЕВАТЕЛИ *.

Рюрикъ. По смерти своихъ братьевъ Рюрикъ одинъ завладѣлъ всею Новогородскою областью; онъ укрѣпилъ важнѣйшіе ея пункты городами, и размѣстилъ по нимъ свою дружину, которая удерживала въ покорности окрестныхъ жителей. Новогородцы однако же пытались при немъ свергнуть владычество иноземной дружины, но не удачно; на эту попытку указываетъ темное преданіе о замыслахъ Вадима, который палъ отъ руки самого Рюрика.

Около того же времени на югѣ, у Днѣпровскихъ Славянъ основано было другое варяжское княжество: единоземцы Рюрика Аскольдъ и Диръ, по словамъ преданія, заняли Кіевъ, освободили Полянъ отъ козарской дани и начали господствовать въ ихъ землѣ. По обычаю норманскихъ викинговъ они предпринимали морской набѣгъ на Греческую имперію въ надеждѣ получить большую добычу; но буря разсѣяла ихъ лодки, и князья безъ успѣха воротились въ Кіевъ.

* Извѣстія Нестора о первыхъ русскихъ князьяхъ, основанныя большею частію на народныхъ преданіяхъ, не вполнѣ достовѣрны относительно своихъ подробностей. Нѣкоторыя изъ нихъ впрочемъ подтверждаются византійскими и западными писателями (каковы: императоръ Константинъ Багрянородный, Левъ Діаконъ, Ліутпрандъ епископъ Кремонскій, Дитмаръ епископъ Мерзебургскій и др.), а также и Скандинавскими сагами.

На берегахъ Западной Двины, въ Полоцкой области, встрѣчается потомъ третье владѣніе, по всей вѣроятности также основанное Варягами.

Олегъ. Рюрику наслѣдовалъ его родственникъ Олегъ (879 г.), князь необыкновенно умный и предпріимчивый. Первымъ его дѣломъ было соединеніе варяжскихъ владѣній, находившихся въ землѣ Восточныхъ Славянъ. Онъ двинулся на югъ по великому водному пути, покорилъ встрѣчавшіяся ему племена, захватилъ Кіевъ и утвердилъ здѣсь столицу своего княжества *(мать русскихъ городовъ)*.

Несторъ разсказываетъ, что Олегъ овладѣлъ Кіевомъ посредствомъ хитрости. Оставивъ позади главную рать, онъ съ небольшой дружиною, скрытою въ лодкахъ, подошелъ къ городу и послалъ звать Аскольда и Дира на свиданье съ варяжскими купцами, которые отправляются въ Грецію. Довѣрчивые витязи спустились изъ крѣпости на берегъ Днѣпра; но тотчасъ же были окружены непріятелями. «Вы не князья и не княжескаго рода»—сказалъ имъ Олегъ;—«но я князь», и указавъ на маленькаго Игоря, прибавилъ «а вотъ сынъ Рюрика». Аскольдъ и Диръ были убиты и погребены на одномъ сосѣднемъ холмѣ.

Далѣе, онъ подчинилъ себѣ Славянъ, жившихъ къ востоку и западу отъ Днѣпра (Сѣверянъ, Радимичей и Древлянъ), наложилъ на нихъ дань, и построилъ въ ихъ землѣ крѣпости, въ которыхъ посадилъ своихъ мужей съ военными отрядами. Недовольствуясь скудною данью славянскихъ народовъ, Олегъ совершилъ походъ на Византію. Онъ принудилъ Византійскаго императора заплатить большой окупъ, заключилъ съ нимъ договоръ, весьма выгодный для русскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Греціи, и воротился въ Кіевъ съ богатою добычею, которая состояла изъ золота, шелковыхъ тканей (паволоки), греческихъ винъ и прочихъ товаровъ. Народъ дивился необыкно-

венной удачѣ своего князя и прозвалъ его *вѣщимъ*, т. е. чародѣемъ. Самая смерть его (912 г.) была украшена особымъ преданіемъ: по словамъ этого преданія, Олегъ погибъ отъ своего коня, о чемъ будто бы заранѣе предсказалъ ему одинъ кудесникъ.

Игорь. Мѣсто вѣщаго Олега заступилъ сынъ Рюрика Игорь. Княженіе его не было ознаменовано никакимъ громкимъ подвигомъ. Игорь долженъ былъ съ одной стороны усмирять возмутившіяся славянскія племена—въ особенности Древлянъ, которые упорнѣе другихъ боролись за свою независимость, съ другой отражать хищныя орды Печенѣговъ. Тѣснимые другими кочевыми народами, Печенѣги изъ Уральскихъ степей перешли въ южную Россію; они отличались чрезвычайною дикостію и свирѣпостію. Вооруженные копьями и стрѣлами, ихъ наѣздники стремительно бросались на непріятеля, поднимая страшный крикъ; а въ случаѣ неудачи они тотчасъ показывали ему тылъ и на своихъ быстрыхъ коняхъ легко спасались отъ преслѣдованія. Нетолько южные предѣлы Руси, но и самый Кіевъ съ тѣхъ поръ находился въ опасности отъ этого хищнаго народа. Торговыя сношенія съ Греками сдѣлались гораздо затруднительнѣе, потому что печенѣжскія шайки около днѣпровскихъ пороговъ поджидали обыкновенно купеческія суда.

По примѣру своего предшественника Игорь предпринималъ походы на Византію; но онъ не имѣлъ успѣха, и потому новый договоръ, заключенный съ Греками, не такъ выгоденъ, какъ прежній.

Цари Греческіе, подтвердивъ клятвою этотъ договоръ, отправили пословъ въ Кіевъ, чтобы привести къ такой же клятвѣ Игоря и его воиновъ. Дружина княжеская состояла въ то время изъ язычниковъ и христіанъ. Первые вмѣстѣ съ Игоремъ пошли на холмъ, гдѣ стоялъ идолъ главнаго ихъ

бога Перуна. Сложивъ на землю свои щиты, золотыя кольца, обнаженные мечи и остальное оружіе, они въ присутствіи пословъ произнесли слѣдующую клятву: «Пусть мы не будемъ имѣть помощи отъ Перуна и неукроютъ насъ щиты наши, если задумаемъ разрушить миръ съ Греками; пусть будемъ тогда изрублены своими мечами, погибнемъ отъ собственныхъ стрѣлъ или отъ другаго оружія, и да будемъ рабами въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ». Между тѣмъ крещеная Русь присягала именемъ христіанскаго бога въ соборномъ храмѣ Иліи. Дружба и любовь съ Греками, по словамъ договорной грамоты, должны были сохраняться до тѣхъ поръ, пока сіяетъ солнце и стоитъ міръ.

Игорь былъ убитъ возмутившимися Древлянами въ то время, когда собиралъ съ нихъ дань (945 г.).

Ольга. Послѣ Игоря княжествомъ управляла его супруга Ольга, потому что сынъ Святославъ былъ еще малолѣтенъ. Совершивъ кровавую месть надъ убійцами своего мужа, она усмирила непокорныхъ Древлянъ и сожгла ихъ главный городъ Коростень (при помощи воробьевъ и голубей, какъ разсказываетъ лѣтописецъ); а потомъ устроила внутренній порядокъ, и болѣе точнымъ образомъ опредѣлила количество дани, которую платили подчиненныя племена. Вообще дѣятельность Ольги украшена многими баснословными преданіями, въ которыхъ она изображается женщиною необыкновенно хитрою съ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ. Но особенно Ольга прославилась принятіемъ христіанства. Она совершила путешествіе въ Константинополь, гдѣ и былъ исполненъ надъ нею обрядъ крещенія (957 г.).

Святославъ. На всѣ увѣщанія матери принять новую религію Святославъ отвѣчалъ упорнымъ отказомъ: христіанская вѣра неправилась воинственному и суровому князю.

Получивъ власть въ свои руки, онъ вполнѣ предался страсти къ походамъ и завоеваніямъ. Лѣтописецъ изображаетъ его характеръ и привычки слѣдующими словами: «Онъ ходилъ на непріятелей съ быстротою барса; въ походахъ невозилъ за собою ни возовъ, ни котловъ и неварилъ мяса; но, мелко изрѣзавъ конину, говядину или звѣрину, пекъ на угольяхъ и ѣлъ; спалъ безъ шатра, подославъ подъ себя конскій потникъ и положивъ въ изголовье сѣдло. Таковы были и всѣ его воины». Послѣ Олега на востокъ отъ Днѣпра только одно славянское племя не было подвластно Русскому князю, именно Вятичи, платившіе дань Козарамъ; Святославъ побѣдилъ Козаръ и подчинилъ себѣ Вятичей. За тѣмъ по приглашенію Византійскаго императора Никифора Фоки онъ обратилъ свое оружіе противъ Дунайскихъ Болгаръ, и завоевалъ ихъ землю.

Но между тѣмъ Печенѣги напали на Кіевъ, и едва имъ неовладѣли *(смѣлость одного юноши спасаетъ городъ)*; вѣсть о томъ заставила князя воротиться назадъ. Однако онъ не долго оставался въ Кіевѣ, и вслѣдъ за кончиною Ольги опять поспѣшилъ въ Болгарію. Страна эта такъ понравилась Святославу, что онъ хотѣлъ перенести свою столицу на берега Дуная въ городъ Переяславецъ. «Туда (говорилъ онъ матери) сходится все хорошее: изъ Греціи — золото, паволоки, вина и разные плоды; изъ Чехіи и Венгріи—серебро и кони, изъ Руси — мѣха, воскъ, медъ и невольники». Но вторичное завоеваніе Болгаріи повлекло за собою борьбу съ Греками. На Византійскомъ престолѣ мѣсто Никифора Фоки занялъ его убійца Іоаннъ Цимисхій, бывшій весьма храбрымъ и искуснымъ полководцемъ. Онъ потребовалъ, чтобы Русскій князь удалился изъ Болгаріи, и, получивъ отказъ, самъ повелъ на него многочисленныя войска. Послѣ упорной обороны Святославъ принужденъ былъ уступить, и заключилъ миръ.

Проигравъ главное сраженіе въ открытомъ полѣ, Святославъ заперся въ крѣпости Доростолѣ (Силистрія) и здѣсь былъ осажденъ Цимисхіемъ. Русскіе нѣсколько разъ выходили на битву съ Греками и мужествомъ своимъ удивляли непріятелей. Нерѣдко, побѣжденные превосходными силами, они обращали тылъ; но шли назадъ медленно, закинувъ за плечи свои длинные щиты. Иногда ночью при свѣтѣ луны они выходили изъ города; сожигали тѣла павшихъ товарищей, убивали надъ ними плѣнниковъ, и съ какими-то священными обрядами погружали въ волны Дуная младенцевъ и пѣтуховъ. Заключивъ миръ, Святославъ пожелалъ имѣть свиданіе съ императоромъ, и получилъ согласіе. Одинъ изъ Византійскихъ историковъ (Левъ Діаконъ) такъ описываетъ это свиданіе:

«Іоаннъ въ блестящихъ латахъ на конѣ подъѣхалъ къ берегу Дуная; его окружалъ многочисленный отрядъ всадниковъ, у которыхъ доспѣхи были покрыты золотомъ. Между тѣмъ Святославъ приближался въ лодкѣ, дѣйствуя весломъ на равнѣ съ другими гребцами. Онъ казался средняго роста и весьма строенъ; имѣлъ широкую грудь, плоскій носъ, голубые глаза и длинные косматые усы. Волосы на его головѣ были выстрижены за исключеніемъ одного локона—знакъ благороднаго происхожденія; въ одномъ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная рубиномъ и двумя жемчужинами. Вся наружность князя представляла что-то мрачное и суровое. Бѣлая одежда его только чистотою отличалась отъ другихъ Русскихъ. Невыходя изъ лодки, Святославъ поговорилъ немного съ императоромъ и отправился назадъ».

Возвращаясь въ Кіевъ съ остатками своей дружины, Русскій князь погибъ въ битвѣ съ Печенѣгами, которые дожидались его у днѣпровскихъ пороговъ (972 г.).

Владиміръ. Отправляясь въ Болгарію, Святославъ роздалъ удѣлы своимъ сыновьямъ: старшему Ярополку онъ пре-

доставилъ Кіевскую область, Олегу Древлянскую и младшему Владиміру Новогородскую. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ раздѣленія были междоусобныя войны (*воевода Свенѣльдъ виновникъ междоусобія*). Олегъ погибъ въ борьбѣ съ Ярополкомъ, и Древлянскій удѣлъ перешелъ въ руки старшаго брата, который также хотѣлъ захватить и Новогородскій. Тогда юный Владиміръ бѣжалъ съ своимъ дядею Добрынею за море къ Варягамъ и привелъ оттуда наемное войско. (*Насильственный бракъ съ гордою Рогнѣдой, дочерью Полоцкаго князя Рогвольда*). Онъ овладѣлъ Кіевомъ, и, заманивъ къ себѣ Ярополка, приказалъ его умертвить и (980 г.). Когда такимъ образомъ единодержавіе было возстановлено, Владиміръ снова покорилъ отложившіяся племена и совершилъ нѣсколько удачныхъ походовъ на сосѣдей: Поляковъ, Ятвяговъ и Камскихъ Болгаръ. Но этотъ воинственный и жестокій князь сдѣлался знаменитъ въ исторіи не столько своими побѣдами, сколько принятіемъ христіанской религіи и распространеніемъ ея между Славянами.

Введеніе христіанства. Подобно всѣмъ языческимъ народамъ древніе Славяне смотрѣли на окружающую природу какъ на существо живое, и отдѣльныя стихіи представлялись ихъ воображенію въ видѣ различныхъ божествъ. Между ними главныя мѣста въ IX и X вв. занимали: Перунъ, божество грозное и воинственное, олицетворявшее собою вообще огонь, а преимущественно громъ и молнію; Волосъ, покровитель стадъ; Стрибогъ, повелѣвавшій вѣтрами; солнцу же поклонялись подъ именами Дажбога и Хорса. Впрочемъ эти боги не вездѣ имѣли одинаковое значеніе. За ними слѣдуетъ многочисленный сонмъ нисшихъ духовъ, которыми воображеніе народа населяло весь видимый міръ. Такъ въ глубинѣ каждаго озера или рѣки, по его понятію, жилъ *водяной дѣдушка*, а въ

чащѣ темнаго лѣса обиталъ лѣсной духъ *(лѣшій)*. Славяне вѣрили въ загробную жизнь, и почитали тѣни своихъ предковъ, которыя будто бы оставались въ домѣ потомковъ и охраняли его отъ разныхъ бѣдъ *(Чуръ, домовой)*; а души умершихъ дѣтей представлялись имъ въ образѣ *русалокъ*. Вообще языческая религія у восточныхъ Славянъ не достигла высокой степени развитія; повидимому они не имѣли, у себя ни храмовъ, ни общественнаго богослуженія, ни особаго сословія жрецовъ, и въ каждомъ семействѣ старшіе члены сами приносили жертвы богамъ. Однако существовали люди, о которыхъ думали, что они находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ богами, получаютъ сверхъестественныя силы, могутъ предсказывать будущее, творить заклинанія и пр. таковы: *волхвы*, *кудесники* (или колдуны) и *вѣдьмы*. Послѣ пришествія варяжскихъ князей упоминаются и человѣкообразные кумиры главныхъ боговъ.

Въ первое время своего княженія Владиміръ отличался жестокостію, женолюбіемъ и особенною ревностію къ языческой религіи: онъ приказывалъ ставить идоловъ и приносить имъ кровавыя жертвы. Въ Кіевѣ поставили при немъ деревянный истуканъ Перуна съ серебряною головою и золотыми усами; подобный истуканъ былъ воздвигнутъ и въ Новгородѣ на берегу Волхова. Народъ въ угоду князю приносилъ Перуну на закланіе своихъ дѣтей, избираемыхъ по жребію. Разъ упалъ жребій на христіанскаго мальчика изъ Варяговъ; отецъ незахотѣлъ выдать сына кіевскимъ старѣйшинамъ, и оба они были убиты разсвирѣпѣвшею толпою язычниковъ.

Но языческая религія немогла долѣе выдерживать борьбу съ христіанскою проповѣдью. Уже въ IX вѣкѣ греческая вѣра утвердилась въ Кіевѣ; при Игорѣ здѣсь былъ храмъ св. Иліи и часть княжеской дружины состояла изъ христіанъ; при Ольгѣ число ихъ увеличилось еще болѣе. Убѣжденія греческихъ

проповѣдниковъ поколебали наконецъ самого Владиміра, и онъ задумалъ принять новую вѣру. *(Посольство, отправленное въ разныя земли для испытанія различныхъ религій, поражено красотою византійскаго богослуженія).* Въ то время случилась война съ Греками. Владиміръ предпринялъ походъ на Таврическій полуостровъ и осадилъ Корсунь; граждане защищались мужественно, и князь далъ обѣтъ креститься, если возьметъ городъ. Когда же Корсунцы сдались, онъ послалъ просить у Греческихъ императоровъ Василія и Константина руку ихъ сестры Анны, и объявилъ о своемъ намѣреніи креститься. Обрадованные цари поспѣшили прислать сестру и священниковъ, которые немедленно окрестили Русскаго князя, его сыновей и дружину (988 г.).

Въ Кіевѣ Владиміръ приказалъ истреблять языческіе жертвенники и сокрушать идоловъ; а священники между тѣмъ ходили по городу и проповѣдывали христіанство. Такъ какъ многіе граждане медлили принять новую религію, то князь велѣлъ имъ собраться на берегъ Днѣпра, и здѣсь торжественно былъ совершенъ надъ ними обрядъ крещенія. Послѣ того Владиміръ посылалъ проповѣдниковъ по другимъ русскимъ городамъ и строилъ вездѣ христіанскіе храмы; желая образовать собственное, русское духовенство, онъ приказывалъ набирать мальчиковъ и отдавать ихъ для книжнаго ученія священникамъ, пріѣхавшимъ изъ Греціи и Болгаріи. Вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою въ Россію перешли и богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ. (Письмена славянскіе изобрѣтены свв. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ для Дунайскихъ Болгаръ и Моравовъ въ IX в.). Христіанство распространилось сначало по великому водному пути изъ Кіева до Новгорода и вообще по главнымъ городамъ; въ другихъ же мѣстахъ долго еще господствовало язычество. Особенно упорное сопротивленіе новая религія встрѣтила на сѣверѣ по сосѣдству съ Финнами. Въ Нов-

городѣ язычники подняли мятежъ и были усмирены только силою оружія, послѣ чего, также какъ въ Кіевѣ, ихъ собрали на рѣку Волховъ, и окрестили.

Сдѣлавшись христіаниномъ, Владиміръ нестремился болѣе къ расширенію русскихъ предѣловъ; а заботился о томъ, чтобъ обезопасить ихъ отъ внѣшнихъ непріятелей, особенно со стороны Печенѣговъ. Съ этою цѣлью князь построилъ на югѣ нѣсколько новыхъ крѣпостей, и не разъ выводилъ въ поле свою храбрую дружину для отраженія хищниковъ. Въ пѣсняхъ русскаго народа онъ до позднѣйшихъ временъ величается «Красное Солнышко»; его окружаютъ «могучіе богатыри», которые или пируютъ вмѣстѣ съ княземъ, или сражаются съ его врагами и совершаютъ баснословные подвиги; таковы: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и другіе.

Сыновья Владиміра. Будучи отцомъ многочисленнаго семейства, Владиміръ почти всѣ свои области роздалъ въ управленіе сыновьямъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были: Изяславъ (отъ Рогнѣды), получившій въ удѣлъ Полоцкое княжество, какъ наслѣдіе своего дѣда Рогвольда; потомъ Святополкъ Туровскій, Ярославъ Новогородскій, Борисъ Ростовскій и Мстиславъ Тмутараканскій. Самою нѣжною отцовскою любовью пользовался Борисъ Ростовскій, кроткій благочестивый юноша, подававшій прекрасныя надежды. Владиміръ отправилъ его съ кіевскою дружиною на Печенѣговъ, а самъ вскорѣ заболѣлъ и скончался въ своемъ любимомъ селѣ Берестовѣ (1015 г.). Святополкъ Туровскій немедленно прискакалъ въ Кіевъ и объявилъ себя старшимъ, т. е. великимъ княземъ кіевскимъ. Опасаясь соперничества со стороны Ростовскаго князя, онъ послалъ къ нему убійцъ. Между тѣмъ Борисъ, отпустивъ домой отцовскую дружину, оставался съ немногими отроками (т. е. воинами) въ шатрахъ на берегу рѣки Альты; здѣсь на-

шли его клевреты Святополка, и умертвили. Увлеченный успѣхомъ перваго злодѣянія, Туровскій князь замыслилъ истребить всѣхъ братьевъ, чтобы одному владѣть русскою землею. Ему удалось убить еще двоихъ (Глѣба Муромскаго и Святослава Древлянскаго); но Ярославъ Новгородскій положилъ конецъ такому злодѣйству. Побѣжденный Святополкъ нашелъ убѣжище у своего тестя Польскаго короля Болеслава Храбраго и при его помощи снова занялъ Кіевъ. Но когда Болеславъ разсорился съ нимъ и ушелъ къ себѣ въ Польшу, Ярославъ съ Новгородцами и Варягами опять напалъ на Святополка, и поразилъ его на берегу Альты тамъ, гдѣ былъ умерщвленъ Борисъ. Святополкъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти; народъ далъ ему прозваніе *окаяннаго*.

Ярославъ I. Окончивъ трудную борьбу съ свирѣпымъ братоубійцею, Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ, и, по выраженію лѣтописи, «утеръ потъ съ своею дружиною». Онъ хотѣлъ завладѣть всѣми землями умершихъ братьевъ; но нашелъ опаснаго соперника въ Мстиславѣ Тмутараканскомъ, который уже успѣлъ прославить себя ратными подвигами въ странахъ Прикавказскихъ *(поединокъ его съ Косожскимъ богатыремъ Редедею)*. Послѣдній побѣдилъ старшаго брата и заставилъ его раздѣлить земли по поламъ. Только по смерти Мстислава, удалось Ярославу соединить въ своихъ рукахъ всю Русь, за исключеніемъ Полоцкаго удѣла. Онъ возвратилъ Червенскіе города (Галицію), завоеванныя у Поляковъ Владиміромъ Св., но отнятыя потомъ Болеславомъ Храбрымъ, и однажды нанесъ Печенѣгамъ такое сильное пораженіе, что они съ тѣхъ поръ почти прекратили свои набѣги. При немъ былъ послѣдній морской походъ на Византію: за неисполненіе договоровъ великій князь послалъ на Грековъ войско подъ начальствомъ одного

изъ своихъ сыновей (Владиміра); но русскій флотъ потерпѣлъ крушеніе отъ бури.

Подобно отцу Ярославъ заботился о распространеніи христіанства и образованіи русскаго духовенства, воздвигалъ и украшалъ храмы, заставлялъ переписывать священныя книги или переводить ихъ съ греческаго на славянскій языкъ. Изъ городовъ, имъ основанныхъ, замѣчательны Юрьевъ въ землѣ Чуди и Ярославль на берегу Волги; первый названъ христіанскимъ именемъ великаго князя, а второй языческимъ. Ярославъ кромѣ того пользуется славою перваго русскаго законодателя: ему приписываютъ собраніе постановленій, извѣстное подъ именемъ «Русской Правды». Вообще этотъ князь занималъ почетное мѣсто въ ряду современныхъ ему европейскихъ государей и со многими изъ нихъ находился въ родственныхъ связяхъ *. Онъ умеръ въ 1054 году.

Въ тѣ времена еще не было понятія о Русской землѣ, какъ о единомъ, нераздѣльномъ государствѣ; князья считали ее своею собственностью и наравнѣ съ прочимъ имуществомъ дѣлили между сыновьями и другими родственниками. У Ярослава оставалось въ живыхъ пять сыновей, и, по словамъ лѣтописца, онъ распорядился о наслѣдствѣ слѣдующимъ образомъ:

«Кіевъ и Новгородъ я поручаю старшему сыну моему Изяславу, котораго вы почитайте также какъ меня, потому что онъ будетъ вамъ вмѣсто отца; Святославу даю волость Черниговскую, Всеволоду Переяславскую, Игорю Владиміро-Волынскую, а Вячеславу Смоленскую». «Если будете жить въ любви

---

* А именно: съ королями Французскимъ, Венгерскимъ, Шведскимъ, Норвежскимъ, Польскимъ и съ императоромъ Греческимъ. Бракъ Ярославовой дочери Елизаветы съ Норвежскимъ принцемъ Гаральдомъ Смѣлымъ, украшенъ въ сѣверныхъ сагахъ поэтическими подробностями.

и мирѣ,—замѣтилъ отецъ—то Богъ будетъ за васъ и покоритъ вамъ враговъ ваших. Если же возненавидите другъ друга и начнете жить между собою въ браняхъ и распряхъ, то сами погибните и погубите землю своихъ отцовъ и дѣдовъ, которую они стяжали великими трудами». Потомъ, запретивъ имъ отнимать волости у братьевъ или изгонять ихъ, онъ обратился къ Изяславу, и прибавилъ: «Если же кто вздумаетъ обидѣть своего брата, то ты помогай обиженному».

III. Развитіе удѣльной системы.

Сыновья Ярослава I. Нѣсколько лѣтъ они жили въ мирѣ и согласіи и общими силами боролись противъ внѣшнихъ враговъ. Въ то время на югѣ Россіи появился новый кочевой народъ Половцы. Отчасти истребивъ Печенѣговъ, отчасти смѣшавшись съ ними, они заняли южныя степи и открыли безпрерывные набѣги на русскія области. Изяславъ съ братьями попытался отразить варваровъ, но потерпѣлъ на первый разъ сильное пораженіе. Наконецъ и сами Ярославичи, позабывъ отцовское завѣщаніе, разсорились между собою: Святославъ и Всеволодъ вооружились на старшаго брата, и онъ принужденъ былъ удалиться въ Германію, а на Кіевскомъ столѣ сѣлъ Святославъ Черниговскій. Только послѣ смерти соперника, Изяславъ помирился со Всеволодомъ и опять занялъ Кіевъ, но не надолго; онъ погибъ въ войнѣ съ собственными племянниками, которымъ нехотѣлъ дать наслѣдственныхъ удѣловъ (1078 г.).

На великокняжескомъ престолѣ, по понятіямъ того времени, долженъ былъ сидѣть старшій въ цѣломъ княжескомъ родѣ, и такъ какъ дяди считались старше своихъ племянниковъ, то Кіевъ перешелъ не къ сыну Изяслава а къ его брату

ВЛАДИМІРЪ Св.

- Изяславъ. *Отъ него Полоцкіе князья.*
  - Брячиславъ.
    - Всеславъ.
- Святополкъ I.
- Ярославъ I.
  - Владиміръ.
    - Ростиславъ.
      - Василько.
      - Володарь. *Галицкіе.*
        - Владимірко.
          - Ярославъ Осм.
  - Изяславъ I.
    - Святополкъ II.
  - Святославъ.
    - Олегъ. *Чернигово-Сѣв.*
    - Ярославъ. *Муромо-Рязан.*
  - Всеволодъ I.
    - Владиміръ-Мономахъ.
      - Мстиславъ I.
        - Изяславъ II. *Волынскіе.*
          - Мстиславъ II.
            - Романъ.
              - Даніилъ *Король Галицкій.*
        - Ростиславъ. *Смоленскіе.*
          - Мстиславъ Храб.
            - Мстиславъ Удал.
      - Юрій Долгорукій. *Суздальскіе.*
        - Андрей Богол.
        - Всеволодъ III.
          - Юрій.
          - Ярославъ.
            - Александръ Нев.
              - Даніилъ. *Московскіе.*
                - Иванъ I Калита.
                  - Симеонъ Горд.
                  - Иванъ II.
                    - Димитрій Донской.
                      - Василій I.
                        - Василій II Темн.
                          - Иванъ III.
                            - Василій III.
                              - Иванъ IV Грозный.
                                - Θеодоръ.
                      - Юрій.
                        - Димитрій Шемяка
            - Ярославъ. *Тверскіе.*
  - Игорь.
    - Давидъ.
- Борисъ.
- Глѣбъ.
- Мстиславъ.

Всеволоду. Кромѣ продолжавшихся междоусобій, Россія страдала при немъ отъ половецкихъ набѣговъ, отъ голода, мора и корыстолюбія княжескихъ тіуновъ (судей). Только благодаря побѣдамъ своего знаменитаго сына Владиміра Мономаха, Всеволодъ крѣпко держался на престолѣ до самой своей смерти (1093 г.) Изъ сыновей Ярослáва I никого уже не было въ живыхъ, поэтому внукъ его Святополкъ Изяславичъ остался теперь старшимъ въ родѣ.

События при внукахъ Ярослава. Святополкъ II, подобно двумъ своимъ предшественникамъ, не имѣлъ достаточно ни ума, ни твердости характера, чтобы держать въ страхѣ внѣшнихъ враговъ и устранять внутреннія распри. Княженіе его ознаменовалось смутами и бѣдствіями; особенно сильны были междоусобія за Черниговъ и за Волынь.

Изяславъ I и Всеволодъ лишили своихъ племянниковъ Святославичей Черниговской волости, т. е. лучшей части ихъ наслѣдственнаго удѣла, предоставивъ имъ отдаленную Тмутаракань и бѣдныя Муромо-Рязанскія земли; таже несправедливость продолжалась и во время Святополка II. Но Святославичи ни за что не хотѣли отказаться отъ Чернигова и съ помощью наемныхъ половецкихъ дружинъ нѣсколько разъ пытались возвратить себѣ отцовскій городъ. Между ними болѣе всѣхъ прославился смѣлымъ, безпокойнымъ характеромъ Олегъ, прозвáнный въ народѣ «Гориславичемъ». Наконецъ внуки Ярослава собрались на общій совѣтъ въ Любечѣ, и тутъ положили, чтобы каждый изъ нихъ владѣлъ отцовскимъ достояніемъ; Черниговская область поэтому была возвращена Святославичамъ. Договоръ свой князья по обычаю скрѣпили крестнымъ цѣлованіемъ и разъѣхались (1097 г.).

Но въ то время, какъ на востокѣ Россіи прекратилась борьба за Черниговъ, на западѣ началось сильное междоусо-

біе за волости Владиміро-Волынскія. На любецкомъ съѣздѣ онѣ были раздѣлены между Давидомъ Игоревичемъ и его двоюродными племянниками Ростиславичами, т. е. между *князьями-изгоями* (такъ назывались тѣ потомки Рюрика, которыхъ отцы умерли не дождавшись старшинства и которые поэтому лишены были права занимать когда либо Кіевскій столъ). Недовольный тѣмъ, что лучшая часть Волыни досталась на долю Василька и Володаря Ростиславичей и опасаясь имѣть въ сосѣдствѣ этихъ воинственныхъ князей, Давидъ Игоревичъ рѣшился на злодѣйскій поступокъ и первый нарушилъ крестное цѣлованіе съ братьями. Онъ обвинилъ передъ великимъ княземъ Василька въ разныхъ честолюбивыхъ замыслахъ, и такъ напугалъ легковѣрнаго Святополка, что тотъ заманилъ къ себѣ несчастнаго Ростиславича и выдалъ коварному Давиду; а послѣдній приказалъ его ослѣпить и посадить въ темницу.

Вотъ какимъ образомъ лѣтописецъ расказываетъ подробности этого чернаго дѣла:

Василько съ дружиною своею, возвращаясь изъ Любеча, проѣзжалъ мимо Кіева, и остановился ночевать недалеко отъ города. На слѣдующее утро Святополкъ прислалъ ему сказать: «не уходи отъ моихъ имянинъ». Василько отвѣчалъ, что спѣшитъ домой. Святополкъ просилъ его заѣхать хотя на короткое время. Тотъ согласился и съ нѣсколькими слугами поѣхалъ въ Кіевъ. Дорогою встрѣтилъ его одинъ отрокъ и сказалъ: «не ходи, князь, тебя хотятъ схватить». Князь не повѣрилъ отроку и продолжалъ путь. Въ теремѣ у Святополка онъ встрѣтился съ Давидомъ; между тѣмъ какъ хозяинъ разговаривалъ съ гостемъ, Давидъ сидѣлъ молча, потупивъ взоры. Святополкъ вышелъ изъ комнаты подъ предлогомъ распорядиться о завтракѣ; вслѣдъ за нимъ ушелъ и Давидъ. На Василька тотчасъ напали воины и заключили его въ оковы. На другой день (такъ какъ по обычаю князь

о всякомъ дѣлѣ совѣтывался съ дружиною и лучшими людьми) Святополкъ собралъ своихъ бояръ вмѣстѣ съ кіевскими старѣйшинами и сообщилъ имъ, что, по словамъ Давида, Василько и Владиміръ Мономахъ сговорились убить великаго князя и завладѣть его городами. Совѣтники дали отвѣтъ уклончивый: «Ты, князь, долженъ беречь свою голову, и, если это справедливо, Василько подлежитъ наказанію; но если Давидъ сказалъ неправду, то пусть отвѣчаетъ за нее передъ Богомъ». Великій князь послѣ нѣкотораго колебанія склонился на увѣщанія Давида и отдалъ плѣнника въ его руки. Ночью Ростиславича привезли въ Бѣлгородъ и остановились съ нимъ въ одной избѣ. Здѣсь Василько увидалъ пастуха, точившаго ножъ; онъ догадался, что его хотятъ ослѣпить и горько заплакалъ. Дѣйствительно вошли два конюха, одинъ Святополковъ, другой Давидовъ, разослали коверъ и хотѣли повалить князя; тотъ отчаянно защищался; позвали еще двоихъ. Василько повалили, положили ему на грудь доски и сѣли на нихъ всѣ четверо; кости несчастнаго захрустѣли. Тогда пастухъ, точившій ножъ (родомъ Торчинъ) съ истинно звѣрскою жестокостью совершилъ ослѣпленіе... Замертво положили князя на телѣгу и повезли во Владиміръ. Когда проводники остановились обѣдать въ мѣстечкѣ Здвиженьѣ, они сняли съ Василька сорочку и отдали вымыть попадьѣ. Вымывъ ее и надѣвъ опять на князя, попадья начала плакать по немъ, какъ по мертвомъ. Отъ этого плача князь очнулся, выпилъ свѣжей воды, и, ощупавъ грудь, сказалъ: «за чѣмъ вы сняли съ меня окровавленную сорочку? Пусть я бы умеръ въ ней и вмѣстѣ съ нею явился передъ судомъ Всевышняго». Во Владимірѣ Давидъ посадилъ плѣнника въ темницу и приставилъ къ нему 30 воиновъ. Стараніями Володаря однако Василько былъ освобожденъ и въ слѣдующихъ за тѣмъ междоусобіяхъ онъ, хотя слѣпой, не разъ вмѣстѣ съ братомъ водилъ на битву свою дружину.

Владиміръ Мономахъ и другіе князья пришли въ сильное негодованіе, когда узнали о вѣроломномъ ослѣпленіи Василька.

По требованію ихъ Святополкъ долженъ былъ наказать Давида за клевету. Произошла междоусобная война, которая окончилась новымъ съѣздомъ князей въ Витичевѣ, близь Кіева. На этомъ сеймѣ Давидъ былъ наказанъ тѣмъ, что у него отняли Владиміръ Волынскій.

Послѣ Витичевскаго съѣзда князья соединенными силами обратились на Половцевъ и совершили нѣсколько славныхъ походовъ въ глубь половецкихъ степей. Главнымъ героемъ этихъ походовъ явился Владиміръ Мономахъ. Особенно замѣчательно сраженіе на берегахъ Сала: варвары «подобно густому бору», со всѣхъ сторонъ окружили русское войско; но были разбиты на голову, и долго потомъ не смѣли тревожить Русскую землю.

По смерти Святополка II (1113 г.), Кіевъ по порядку старшинства долженъ былъ перейдти къ одному изъ Святославичей; но такъ какъ отецъ ихъ захватилъ великокняжескій столъ силою и скончался прежде старшаго брата, то не всѣ родичи признавали за ними право старшинства. Къ тому же Кіевское вѣче объявило рѣшительно, что оно никого нехочетъ имѣть своимъ княземъ кромѣ Владиміра Мономаха. Послѣдній дѣйствительно занялъ великое княженіе, и Святославичи на этотъ разъ молчаніемъ подтвердили его избраніе. Не даромъ Кіевляне питали такую любовь къ Мономаху: личными качествами и заслугами онъ рѣзко выдавался изъ толпы своихъ родичей. Лѣтопись изображаетъ его идеаломъ русскаго князя: онъ миритъ враждующихъ, свято соблюдаетъ крестное цѣлованіе; подаетъ примѣръ набожности, правосудія, гостепріимства, и превосходитъ всѣхъ воинскими доблестями. Послѣ Ярослава это былъ первый изъ его преемниковъ, который на самомъ дѣлѣ осуществилъ понятіе о великокняжеской власти: младшіе родичи повиновались ему какъ отцу; а тѣхъ, которые пытались завести междоусобія, онъ наказывалъ отнятіемъ удѣ-

ловъ. Внѣшніе враги присмирѣли, и тишина водворилась при немъ въ Русской землѣ. Мономахъ впрочемъ не упускалъ изъ виду собственныхъ интересовъ, и умѣлъ искусно воспользоваться обстоятельствами для того, чтобы большую часть Руси соединить подъ властью своего дома.

Въ назиданіе сыновьямъ Владиміръ Мономахъ написалъ «Поученіе» въ которомъ изобразилъ свою неутомимую дѣятельность: Большую часть жизни онъ провелъ внѣ дома, большую часть ночей спалъ на сырой землѣ, дома и въ дорогѣ все дѣлалъ самъ и за всѣмъ присматривалъ; до свѣта поднимался съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною, судилъ людей, ѣздилъ на охоту и т. д. «Всѣхъ походовъ моихъ было 83, а другихъ маловажныхъ неупомню. На охотѣ въ лѣсахъ я вязалъ дикихъ коней вдругъ по нѣскольку, два раза буйволъ металъ меня на своихъ рогахъ, олень бодалъ, лось топтала ногами, вепрь сорвалъ мечь съ бедра, медвѣдь прокусилъ сѣдло, волкъ повалилъ коня подо мною; но Богъ сохранилъ меня невредимымъ». Убѣждая дѣтей жить въ мірѣ и согласіи, онъ даетъ имъ между прочимъ слѣдующія наставленія: «Больше всего имѣйте страхъ Божій, неподдавайтесь лѣни; на войнѣ неполагайтесь на воеводъ, а за всѣмъ смотрите сами; женъ своихъ любите, но недавайте имъ надъ собою власти; стараго человѣка почитайте какъ отца, а молодаго какъ брата; строго соблюдайте правосудіе и крестное цѣлованіе; гостей и пословъ чтите, если не дарами, то питіемъ и брашномъ, ибо они роспускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую и худую славу».

Мономаховичи и Ольговичи. Владиміру наслѣдовалъ старшій сынъ его Мстиславъ (1125 г.); умомъ и твердостью характера онъ походилъ на отца и подобно ему умѣлъ держать въ повиновеніи младшихъ князей. Послѣ его смерти въ самой семьѣ Мономаха произошли раздоры, которыми воспользова-

лись сыновья Олега Святославича; они завладѣли великимъ Кіевскимъ княженіемъ, но немогли долго удерживать его за собою. Кіевляне нелюбили Ольговичей и отличались особенною приверженностію къ роду Мономаха. Однажды они призвали къ себѣ на престолъ его внука Изяслава. Но, исполнивъ желаніе Кіевлянъ, послѣдній нарушилъ права родныхъ дядей. Одинъ изъ нихъ Юрій Суздальскій, прозванный «Долгорукимъ», предъявилъ свои права на старшій столъ; Изяславъ II не хотѣлъ уступить. Тогда между дядею и племянникомъ завязалась упорная борьба, замѣчательная какъ по личности соперниковъ, почти неуступавшихъ другъ другу въ талантахъ и энергіи, такъ и по своимъ размѣрамъ: едва ли не всѣ русскія княжества были увлечены въ эту борьбу; одни стояли за дядю, другія за племянника; въ ней принимали участіе Венгры и Половцы. Храбрый Изяславъ былъ два раза изгнанъ изъ Кіева; однако при помощи Венгерскаго короля онъ взялъ наконецъ верхъ, и умеръ великимъ княземъ (1154 г.).

Кіевъ потомъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Когда же онъ достался сыну Изяслава II (Мстиславу), въ потомствѣ Мономаха произошла опять борьба между дядею и племянникомъ; только исходъ ея на этотъ разъ былъ другой. Андрей Боголюбскій (сынъ Долгорукаго) въ свою очередь предъявилъ права на старшинство, и суздальскія войска подступили къ Кіеву. Граждане рѣшились защищать своего князя; но городъ былъ взятъ приступомъ и преданъ на разграбленіе, чего, по замѣчанію лѣтописца, еще никогда не случалось съ «матерью русскихъ городовъ» (1169 г.). Этимъ однако униженіе не кончилось: завладѣвъ Кіевомъ, Андрей посадилъ тамъ одного изъ младшихъ братьевъ; самъ же, принявъ титулъ великаго князя, остался во Владимірѣ на Клязьмѣ. Съ тѣхъ поръ Кіевъ долженъ былъ раздѣлить свое прежнее значеніе первопрестольнаго города съ едва извѣстнымъ дотолѣ Владиміромъ. Между

тѣмъ какъ послѣдній сталъ все болѣе и болѣе возвышаться и сдѣлался главою сѣверо-восточной Руси, первый продолжалъ еще служить яблокомъ раздора для южно-русскихъ князей и переходилъ во власть то Мономаховичей, то Ольговичей, пока татарскимъ раззореніемъ не былъ нанесенъ ему окончательный ударъ. *

Около половины XII столѣтія вслѣдствіе сильнаго размноженія Рюрикова потомства Русь распадается на нѣсколько отдѣльныхъ, самостоятельныхъ княжествъ; въ каждомъ изъ нихъ господствуетъ исключительно одна линія, въ каждомъ есть свой старшій или великій князь и младшіе или удѣльные. По большой части здѣсь происходятъ тѣже междоусобія за старшинство и за удѣлы, которыя мы видѣли въ исторіи сыновей и внуковъ Ярослава I. Княжества эти слѣдующія:

а) Суздальское. Оно занимало обширныя пространства по верхнему и среднему теченію Волги и по ея притокамъ. Отличаясь суровымъ климатомъ, населенное бѣдными Финскими племенами (Весь и Меря), оно считалось самымъ послѣднимъ удѣломъ между волостями Мономаха, и потому досталось младшему его сыну Юрію Долгорукому. Благодаря хозяйственной дѣятельности Юрія, этотъ глухой край вскорѣ оживился. Главною заботою князя было построеніе новыхъ городовъ, которые онъ старался наполнить переселенцами изъ южной Руси. Такимъ образомъ славянская народность вмѣстѣ съ христіанствомъ начала мало-по-малу распространяться на

* Въ Кіевскомъ княжествѣ послѣ главнаго города заслуживаютъ вниманіе слѣдующіе удѣльные: Переяславль Русскій на р. Трубежѣ, Вышгородъ, Васильевъ и Триполь.

финскомъ Поволожьѣ*. Кромѣ старинныхъ городовъ Ростова и Суздаля здѣсь особенно замѣчательны: Ярославль на Волгѣ, Владиміръ на Клязьмѣ, Переяславль Залѣсскій на Переяславскомъ озерѣ (и крѣпость Нижній Новгородъ, построенная въ началѣ XIII в. при впаденіи Оки въ Волгу для защиты отъ Мордвы и Камскихъ Болгаръ). Юрій Долгорукій, положившій основаніе сильному Суздальскому княжеству, однако предпочиталъ ему Приднѣпровье и постоянно стремился въ Кіевъ. Послѣ смерти своего соперника Изяслава II онъ наконецъ достигъ своей цѣли и умеръ на югѣ (1157 г.).

Андрей Боголюбскій неподражалъ своему отцу въ стремленіи къ югу: извѣстно, что, получивъ старшинство въ родѣ Мономаховичей, онъ не поѣхалъ въ Кіевъ и продолжалъ жить на сѣверѣ, который представлялъ болѣе тишины и безопасности отъ русскихъ усобицъ и половецкихъ набѣговъ. И здѣсь старымъ городамъ Ростову и Суздалю великій князь предпочелъ молодой Владиміръ. Возвеличенный и украшенный Боголюбскимъ, этотъ городъ сдѣлался столицею Суздальской области.

Андрей былъ первый изъ Русскихъ князей, который рѣшился начать борьбу съ удѣльною системою: такъ въ собственной землѣ онъ нераздавалъ удѣловъ ни братьямъ, ни племянникамъ, ни сыновьямъ и княжилъ въ ней единодержавно: кромѣ того онъ явно стремился подчинить себѣ и другія русскія области. Когда былъ завоеванъ Кіевъ, Боголюбскій вступилъ въ борьбу съ Новгородомъ, и, несмотря на неудачный походъ своего войска, заставилъ его смириться, прекративъ подвозы хлѣба изъ волжскихъ городовъ. Подъ конецъ своей

---

* Впрочемъ нѣкоторыя славянскія поселенія встрѣчаются въ тѣхъ мѣстахъ еще задолго до временъ Юрія. По всей вѣроятности онѣ были основаны Новогородцами.

жизни онъ однако утратилъ господство на югѣ: племянники его смоленскіе Ростиславичи, оскорбленные повелительнымъ тономъ Андрея, нехотѣли болѣе ему повиноваться, и одинъ изъ нихъ Мстиславъ, по прозванію «Храбрый», разбилъ многочисленную суздальскую рать, пришедшую усмирять южныхъ князей. Стремясь возстановить на Руси единодержавіе Владиміра Св. или Ярослава I, Андрей въ тоже время хотѣлъ быть самодержавнымъ властителемъ въ своемъ собственномъ княжествѣ; онъ нетерпѣлъ противорѣчій, гордо и сурово обращался съ своими дружинниками. Ожесточенные его непомѣрною строгостью, бояре наконецъ составили заговоръ, и убили великаго князя въ его любимомъ селѣ Боголюбовѣ, 1174 г. *(Сказаніе о смерти Андрея)*.

Въ Суздальской землѣ произошли смуты и междоусобія: племянники Боголюбскаго поспорили за старшинство съ его братьями. Племянниковъ поддерживало вѣче старинныхъ городовъ Ростова и Суздаля, которые завидовали возвышенію Владиміра, города младшаго (или пригорода), и хотѣли отнять у него первенство. Но съ помощью Владимірцевъ братья Андрея взяли верхъ. Одинъ изъ нихъ Всеволодъ III, по прозванью *Большое гнѣздо* (т. е. отецъ многочисленнаго семейства) успокоилъ Суздальскую область и расширилъ ея предѣлы. Онъ предпринималъ удачные походы на Мордву и Камскихъ Болгаръ, подчинилъ себѣ Рязань, имѣлъ вліяніе на Новгородъ и на событія въ южной Руси. Вообще онъ можетъ служить образцомъ сѣверно-русскихъ князей, у которыхъ отличительными свойствами были: осторожность, бережливость и постоянство въ достиженіи своихъ цѣлей. Послѣ смерти Всеволода Суздальское княжество раздробилось и утратило отчасти свое вліяніе на остальную Русь; сынъ его Юрій II былъ великимъ княземъ въ то время, когда произошло монгольское нашествіе.

b) Черниговское и Сѣверское обнимали почти всю рѣчную область Десны съ Сеймомъ и верхнее теченіе Оки (земли Сѣверянъ, Вятичей и отчасти Радимичей); онѣ принадлежали поколѣнію Ольговичей. Въ первомъ княжествѣ замѣчательные города: Черниговъ, Стародубъ и Любечъ; а во второмъ: Новгородъ Сѣверскій, Путивль, Курскъ и Брянскъ. Защищенные густыми лѣсами, Вятичи долго оставались дикимъ языческимъ племенемъ и управлялись собственными князьями. Только въ XII вѣкѣ они начали принимать христіанство, потеряли окончательно свою самостоятельность и вошли въ составъ Сѣверскаго княжества. Между тѣмъ какъ Ольговичи Черниговскіе стремились завладѣть Кіевомъ и неразъ отнимали его у потомковъ Мономаха, Сѣверскіе должны были вести почти постоянную борьбу съ своими хищными сосѣдями Половцами. *(Походъ, воспѣтый въ «Словѣ о полку Игоревѣ»).*

c) Муромское и Рязанское занимали среднее теченіе Оки и верховья Дона, т. е. земли финскихъ племенъ Муромы и Мещеры. Также какъ въ Суздальской землѣ славянскій элементъ проникалъ сюда вмѣстѣ съ городами, которые строили русскіе князья. Главные изъ нихъ были: Муромъ, Рязань и Переяславль Рязанскій—всѣ трое на берегахъ Оки, Коломна при впаденіи Москвы въ Оку и Пронскъ на р. Пронѣ. Эта область считалась самою бѣдною въ удѣлѣ Святослава Ярославича и пришлась на долю его младшаго сына. Рязанскій край, разоряемый Половцами, ослабляемый внутренними междоусобіями, немогъ успѣшно бороться за свою самостоятельность съ великими князьями Владиміро-Суздальскими, и почти постоянно находился отъ нихъ въ зависимости.

d) Полоцкое лежало въ области Западной Двины и Березины (западная часть Кривичей). Главный или стольный

городъ—Полоцкъ, а изъ удѣльныхъ замѣчательны: Минскъ и Витебскъ. Здѣсь господствовали потомки Рогнѣды. Между ними болѣе всѣхъ извѣстенъ Всеславъ (въ XI в.), князь безпокойнаго властолюбиваго характера и весьма хитрый, такъ что въ народныхъ преданіяхъ онъ является какимъ-то чародѣемъ. Родъ этотъ болѣе другихъ отдѣлился отъ Рюрикова племени и мало принималъ участія въ событіяхъ остальной Руси. Будучи раздроблено на мелкіе удѣлы, часто враждебные другъ другу, княжество Полоцкое немогло воспрепятствовать Ливонскому Ордену утвердиться на берегахъ Двины въ началѣ XIII вѣка, а спустя нѣсколько времени оно само подвергается Литовскому владычеству.

e) Смоленское находилось въ центрѣ всѣхъ Русскихъ областей, занимая верховья Днѣпра и Западной Двины (т. е. восточную часть Кривичей). Княжество это, пользуясь выгоднымъ положеніемъ, имѣло довольно густое и зажиточное населеніе; города его отличались торговымъ, промышленнымъ духомъ, а жители менѣе другихъ страдали отъ внутреннихъ усобицъ и нападенія внѣшнихъ враговъ. Послѣ Смоленска наиболѣе извѣстны: Торопецъ, Можайскъ и Вязьма. Область Смоленская принадлежала дому Мономахова внука Ростислава. Изъ его потомковъ особенно прославились: Мстиславъ Храбрый, поразившій рать Андрея Боголюбскаго, и сынъ его Мстиславъ «Удалой», князь Торопецкій. Послѣдній считается образцомъ южно-русскаго князя по своему безпокойному, воинственному характеру, по своимъ блестящимъ но безплоднымъ подвигамъ.

f. Волынское и Галицкое. Волынская область въ тѣсномъ смыслѣ занимала систему р. Припети (Древляне и Бужане). Города: Владиміръ Волынскій, Луцкъ, Туровъ и др.

Здѣсь княжила старшая линія Мономаховичей, т. е. потомство Изяслава II. Въ XII столѣтіи самымъ замѣчательнымъ княземъ этой линіи былъ внукъ Изяслава Романъ, который соединилъ подъ властью своего дома княжества Волынское и Галицкое.

Галиція или Червонная Русь лежитъ на сѣверо-восточныхъ склонахъ Карпатскихъ горъ по верхнему теченію Днѣстра и Прута (страна Хорватовъ). Она составляла нѣкогда часть Волыни и на Любецкомъ сеймѣ отдана въ удѣлъ Васильку и Володарю Ростиславичамъ. Основателемъ собственно Галицкаго княжества былъ Владимірко, сынъ Володаря. Онъ построилъ на Днѣстрѣ городъ Галичъ и соединилъ подъ своею властью всю Червонную Русь. Кромѣ Галича у него были города: Перемышль, Теребовль и Звенигородъ. Владимірко въ особенности извѣстенъ своею хитростью и коварствомъ. Онъ простиралъ властолюбивые замыслы на сосѣднюю Волынь и потому былъ усерднымъ союзникомъ Юрія Долгорукаго въ его борьбѣ съ Изяславомъ II. Еще сильнѣе сдѣлалась Галиція при сынѣ его Ярославѣ Осмомыслѣ.

Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» такими словами изображается его могущество: «Ярославъ Осмомыслъ Галицкій! ты высоко сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ и желѣзными полками своими подпираешь горы Карпатскія, затворяешь ворота Дуная, заступаешь путь королю Венгерскому, отворяешь по волѣ ворота Кіеву и далеко мечешь своими стрѣлами». Этими словами поэтъ выражаетъ господство Ярослава Осмомысла на всемъ юго-западѣ Россіи.

Ярославъ впрочемъ прославился нестолько военными дѣлами, сколько внутреннимъ устройствомъ княжества, заботами объ умноженіи населенія, объ успѣхахъ торговли и промышленности. Однако, несмотря на свое могущество, онъ не могъ укротить своеволіе галицкихъ бояръ. Боярская аристократія

усилилась въ Галичѣ болѣе, нежели въ другихъ частяхъ древней Руси; бояре имѣли вліяніе не только на внѣшнюю политику и внутреннее управленіе, но вмѣшивались и въ семейныя дѣла князя. Потомство Володаря Ростиславича въ скоромъ времени прекратилось (1198 г.), и тогда Галиція перешла во владѣніе Романа Волынскаго.

Романъ, князь воинственнаго энергическаго характера, прославился своими побѣдами надъ Половцами и Литвою. Первые были такъ напуганы, что именемъ его стращали своихъ дѣтей; а литовскихъ плѣнниковъ, по словамъ преданія, онъ приказывалъ запрягать въ плуги и заставлялъ ихъ расчищать лѣсистую почву для пашни; откуда и произошла поговорка: «Романе! худымъ живеши, Литвою ореши». Завладѣвъ Галичемъ, князь началъ упорную борьбу съ боярами, и безпощадно казнилъ непокорныхъ. Но онъ не успѣлъ окончить этой борьбы и погибъ во время одного изъ своихъ походовъ на Польшу. Въ Галиціи и Волыни наступили смуты; въ ихъ дѣла вмѣшивались почти всѣ сосѣди (Венгры, Поляки и Русскіе князья). Переходя изъ рукъ въ руки, Галичъ на нѣкоторое время достался Мстиславу Удалому; а послѣ его смерти (1228 г.) здѣсь утвердился сынъ Романа Даніилъ. Онъ возобновилъ борьбу съ непокорными боярами, но не былъ такъ жестокъ, какъ его отецъ: съ умомъ и мужествомъ Даніилъ Романовичъ соединялъ замѣчательное благородство характера.

g. Новогородская община. Ей принадлежала великая озерная область, которая ограничивалась съ одной стороны частью Финскаго залива, Чудскимъ озеромъ и верховьями Волги, а съ другой Бѣлымъ моремъ и Сѣверною Двиною. Область эта раздѣлялась на пять частей, называвшихся *пятинами*. Населеніе состояло изъ сѣверной отрасли Кривичей и Финновъ (Чудь, Ижера, Весь). Почва мѣстами песчаная, мѣ-

стами топкая и очень лѣсистая скудно вознаграждала трудъ земледѣльца и край этотъ не рѣдко былъ посѣщаемъ голодными годами; но обиліе водяныхъ путей и торговый предпріимчивый духъ жителей съ избыткомъ вознаграждали бѣдность почвы. Столица области Новгородъ лежалъ на обоихъ берегахъ р. Волхова; одна сторона его называлась Софійскою (отъ соборнаго храма св. Софьи), а другая Торговою; кромѣ того онъ раздѣлялся на пять частей или *концовъ*. Замѣчательнѣйшіе пригороды были: Ладога, Руса, Великіе Луки, Торжокъ и Псковъ. *

Сначала Новгородъ находился въ полной зависимости отъ великихъ князей Кіевскихъ; но, упорно стремясь къ самостоятельности, онъ мало-по-малу пріобрѣлъ свободное, общинное управленіе. Ярославъ I за услуги, оказанныя ему Новгородцами въ борьбѣ съ Святополкомъ, даровалъ имъ многія льготы; дальнѣйшему развитію ихъ гражданской свободы помогли соперничество разныхъ линій княжескаго дома и богатства, пріобрѣтенныя торговлею. Община стала называть себя: «Господинъ Великій Новгородъ!» Верховная власть сосредоточилась въ рукахъ *вѣча*, т. е. народнаго собранія. Оно собиралось по звуку вѣчеваго колокола на такъ называемомъ «дворѣ Ярослава» и рѣшало самые важные вопросы, а именно: опредѣляло миръ или войну, избирало и смѣняло высшихъ сановниковъ, судило важнѣйшія преступленія и т. д. На вѣче сходились всѣ Новгородскіе граждане, и дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; когда же меньшинство не хотѣло согласиться, его принуждали къ тому силою. Такое неопредѣленное устройство вѣча часто подавало поводъ къ безпорядкамъ и нерѣдко дѣло доходило до драки. Иногда собиралось два вѣча: одно на Торговой, а дру-

---

* Имена пятинъ: Бѣжецкая, Вотская, Деревская, Шелонская и Обонежская. Имена концовъ: Словенскій, Неревскій, Горничскій, Плотинскій и Людинъ.

гое на Софійской сторонѣ, и распрю свою онѣ кончали обыкновенно общимъ рукопашнымъ боемъ на Волховскомъ мосту, если архіепископъ съ духовенствомъ вовремя неуспѣвалъ прекратить междоусобіе.

Рядомъ съ вѣчемъ въ Новгородѣ продолжала существовать и княжеская власть; но она должна была уступить вѣчу первое мѣсто и даже находилась отъ него въ зависимости. Граждане принимали князя на условіяхъ, а потомъ, въ случаѣ неудовольствія «показывали ему путь» изъ Новгорода и призывали другаго; впрочемъ недовольные князья иногда сами покидали городъ, въ которомъ принуждены были играть второстепенную роль. (Такъ въ теченіе одного столѣтія ихъ перемѣнилось здѣсь до 30). Главную обязанность князя составляла защита отъ внѣшнихъ враговъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему принадлежалъ верховный судъ надъ гражданами. Вторымъ сановникомъ послѣ него былъ *посадникъ*, избиравшійся изъ богатыхъ, вліятельныхъ фамилій; онъ судилъ вмѣстѣ съ княземъ и замѣнялъ его, въ случаѣ отсутствія, въ городѣ и на войнѣ. Между княземъ и посадникомъ нерѣдко происходили споры; ихъ рѣшало вѣче, которое по большой части принимало посадника подъ свою защиту.

Въ 1218 г. въ Новгородѣ княжилъ Святославъ (одинъ изъ Смоленскихъ), а посадникомъ былъ Твердиславъ, весьма любимый народомъ. Князь прислалъ на вѣче своего тысяцкаго сказать, что не хочетъ быть вмѣстѣ съ Твердиславомъ и отнимаетъ у него посадничество. «Въ чемъ онъ виноватъ?» спросили Новогородцы. «Безъ вины», отвѣчалъ тысяцкій. «Радуюсь, что на мнѣ нѣтъ никакой вины, замѣтилъ Твердиславъ; а вы братья вольны и въ князьяхъ и въ посадникахъ». Тогда народъ велѣлъ сказать князю: «Ты цѣловалъ намъ крестъ безъ вины мужа не лишать власти, а потому мы тебѣ кланяемся (т. е. можешь уходить, если хочешь); посадникъ нашъ, и по твоему не сдѣлаемъ». Князь примирился съ посадникомъ.

Далѣе слѣдовали: *тысяцкіе*, *старосты* и другія выборныя власти. Кромѣ того, съ раннихъ временъ въ Новгородѣ начали выдѣляться знатные или боярскіе роды, которые возвысились надъ простыми гражданами (смердами) преимущественно своимъ богатствомъ и сосредоточили въ своихъ рукахъ главные торговые обороты или большія поземельныя владѣнія. Духовная власть принадлежала владыкѣ или архіепископу, который былъ избираемъ также вѣчемъ и въ случаѣ разногласія по жребію, а на поставленіе ѣздилъ къ Кіевскому митрополиту. Онъ принималъ важное участіе въ гражданскихъ дѣлахъ и особенно старался о примиреніи враждебныхъ партій. У него былъ свой особенный полкъ.

Около половины XIII столѣтія, когда Новгородъ сдѣлался членомъ ганзейскаго союза и Ганза учредила въ немъ одну изъ главныхъ торговыхъ конторъ, онъ достигаетъ полнаго развитія своихъ силъ. Господство его простиралось почти на весь сѣверъ Европейской Россіи; отдаленныя финскія племена (Пермь, Печера, Югра) платили ему дань дорогими мѣхами и серебромъ. Новогородскія дружины неограничивались однимъ взиманіемъ дани съ инородцевъ; въ ихъ землѣ онѣ нерѣдко строили новые города и такимъ образомъ распространяли славянскую колонизацію на дальнемъ сѣверо-востокѣ Россіи. Утвержденію русскаго господства въ тѣхъ странахъ помогали особенно походы отважной Новогородской молодежи, извѣстной подъ именемъ повольниковъ или «ушкуйниковъ» (ушкуй—лодка). Отряды повольниковъ спускались на лодкахъ внизъ по Волгѣ или поднимались вверхъ по ея притокамъ, грабили прибрежныхъ жителей; а иногда покоряли Новгороду новыя племена или полагали основаніе новымъ самостоятельнымъ общинамъ. Такъ покорена была часть Вятской области и основанъ городъ Хлыновъ на берегу Вятки (1174 г.), который составилъ особую общину, около 300 лѣтъ управлявшуюся собственнымъ вѣчемъ.

После главнаго города второе мѣсто по богатству и значенію въ Новогородской области занялъ Псковъ. Сначала, какъ и всѣ пригороды, онъ управлялся посадникомъ, котораго назначало новогородское вѣче; но съ XII столѣтія Псковитяне обнаружили стремленіе завести у себя самостоятельное общинное управленіе и имѣть особаго князя. Въ послѣдствіи они достигли своей цѣли и подобно Новогородцамъ приняли участіе въ ганзейскомъ союзѣ. Въ то же время Псковъ является главнымъ оплотомъ русскихъ предѣловъ со стороны Ливонскихъ рыцарей.

Ливонскій орденъ. Прибалтійскій край, заключавшійся между Западною Двиною и Финскимъ заливомъ, былъ населенъ въ южной части литовскимъ племенемъ (Ливы), а въ сѣверной чудскимъ (Эсты); первая находилась въ зависимости отъ Полоцкихъ князей, вторая отъ Новогородцевъ. Когда германскіе купцы завели здѣсь торговлю съ туземцами, Бременскій архіепископъ во второй половинѣ XII вѣка прислалъ сюда монаха Мейнгарда въ качествѣ миссіонера. Мейнгардъ началъ крестить Ливовъ, строить церкви, и былъ сдѣланъ первымъ епископомъ Ливоніи. Замѣтивъ наконецъ властолюбивые замыслы пришельцевъ, туземные обитатели возстали противъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ, и принявшіе христіанство опять возвращались къ язычеству; многіе изъ нихъ погружались въ Двину, думая смыть съ себя крещеніе и отослать его обратно въ Германію. Тогда Римскій папа велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Ливонцевъ. Епископъ Альбертъ Буксгевденъ прибылъ съ крестоноснымъ ополченіемъ на берега Двины, построилъ городъ Ригу (1200 г.), и съ разрѣшенія папы основалъ духовный рыцарскій орденъ подъ именемъ «Братства креста Господня» или «Ордена Меченосцевъ». Съ тѣхъ поръ туземцы, несмотря на упорную борьбу, мало-по-малу покорились нѣм-

цамъ и силою оружія обращены были въ христіанскую вѣру. Слабые Полоцкіе князья тщетно старались остановить успѣхи рыцарей; а Новогородцы, занятые внутренними дѣлами, въ началѣ не обратили на нихъ должнаго вниманія. Получая постоянныя подкрѣпленія изъ Западной Европы, рыцари взяли города Юрьевъ (Дерптъ), Медвѣжью Голову (Оденпе), Колывань (Ревель), и завоевали все пространство, извѣстное теперь подъ именемъ Остъ-зейскаго края. Они усѣяли страну крѣпкими замками, которые держали въ страхѣ туземцевъ и надолго утвердили здѣсь суровое владычество Ордена.

IV. НАЧАЛО МОНГОЛЬСКАГО ИГА.

На обширныхъ равнинахъ средней Азіи съ незапамятныхъ временъ кочевали монгольскія и татарскія орды, которыя состояли подъ управленіемъ своихъ князей или хановъ и постоянно вели между собою мелкія войны. Во второй половинѣ XII вѣка явился человѣкъ, который соединилъ многочисленныя орды кочевниковъ и двинулъ ихъ на сосѣдніе народы. Это былъ Темучинъ, прозванный Чингисъ-Ханомъ, сынъ одного монгольскаго князя Десу-кая, котораго орда кочевала при истокахъ Амура. Сосѣднія государства подверглись страшному опустошенію и должны были признать надъ собою власть дикихъ завоевателей. Своею свирѣпостью и непобѣдимостью Монголы навели такой ужасъ, что азіатскіе народы смотрѣли на нихъ какъ на неизбѣжную кару, посланную самимъ небомъ; жители селеній и городовъ иногда добровольно подставляли подъ удары свою шею, убѣжденные въ томъ, что всякое сопротивленіе безполезно.

Въ 1224 году полководцы Чингисъ-Хана, побѣдивъ кавказскіе народы, напали на Половцевъ. Половецкіе ханы обрати-

лись съ просьбою о помощи къ Русскимъ князьямъ. Мстиславъ Удалой, владѣвшій тогда Галичемъ. собралъ княжескій сеймъ въ Кіевѣ, и склонилъ своихъ родичей итти вмѣстѣ на невѣдомыхъ пришельцевъ, недожидаясь, пока они войдутъ въ Русскую землю и начнутъ ее разорять. Составилось сильное ополченіе подъ начальствомъ трехъ главныхъ князей Южной Руси, трехъ Мстиславовъ (Галицкаго, Кіевскаго и Черниговскаго). Русскіе перешли за Днѣпръ и углубились въ степи. На берегу рѣчки Калки, впадающей въ Азовское море, они встрѣтили Татаръ. Къ несчастью между предводителями не было единодушія, и Мстиславъ Удалой, непредупредивъ союзниковъ, началъ битву. Несмотря на храбрость Русскихъ, особенно Даніила Романовича Волынскаго, они были разбиты на голову, и не многіе успѣли достигнуть Днѣпра; большая часть князей съ дружинами остались на мѣстѣ. Такого страшнаго пораженія Русскіе дотолѣ никогда неиспытывали. На этотъ разъ Татары однако ограничились одною побѣдою и ушли назадъ въ Азію.

Прошло 13 лѣтъ. Русскіе князья стали уже забывать о свирѣпыхъ пришельцахъ и воротились къ своимъ безконечнымъ распрямъ. Россію въ это время посѣтили разныя физическія бѣдствія, волновавшія умы народа, какъ-то: неурожаи, породившіе голодъ; сильные лѣсные пожары, густые туманы и моровое повѣтріе; а появленіе блестящей кометы съ длиннымъ хвостомъ принято было за грозное предзнаменованіе новыхъ несчастій.

Нашествіе Батыя. Когда умеръ Темучинъ, его огромная имперія раздѣлилась между сыновьями, и старшій изъ нихъ Угедей сдѣлался верховнымъ ханомъ надъ всѣми ордами. Страны къ востоку отъ Урала и Каспійскаго моря пришлись на долю его племянника Батыя (сынъ Джучи); страны эти на-

добно было еще завоевать. Батый перешелъ на правый берегъ Урала съ нѣсколькими сотнями тысячъ степнаго народа. Это не было войско, подобное тому, которое сражалось на Калкѣ: за Батыемъ шла цѣлая кочевая орда, медленно подвигавшаяся впередъ съ своими семействами, кибитками и стадами; ей предшествовали многочисленные отряды татарскихъ наѣздниковъ, которые разоряли всѣ населенныя мѣста встрѣчавшіяся на пути, истребляя или уводя въ плѣнъ жителей. Опустошивъ землю Камскихъ Болгаръ, Татары зимою 1237 года вступили въ предѣлы Рязанскаго княжества. Тщетно Рязанскіе князья просили помощи у Юрія Владимірскаго; предоставленные однѣмъ собственнымъ силамъ, они первые подали примѣръ храброй, но безполезной обороны *(сказаніе о княгинѣ Евпраксіи и Евпатіѣ Коловратѣ)*. Разгромивъ Рязанскую область, Татары двинулись въ Суздальскую и подступили къ Владиміру. Юрій II удалился на сѣверо-западъ собирать войска. Владимірцы подъ начальствомъ его сыновей мужественно оборонялись: но городъ былъ взятъ приступомъ и сожженъ; семейство великаго князя вмѣстѣ съ епископомъ и многими гражданами заперлось въ соборной церкви, гдѣ и погибло посреди пламени. Татары разсѣялись по Суздальской землѣ и разорили въ ней до 14 городовъ. Между тѣмъ великій князь встрѣтилъ Батыя на берегахъ рѣчки Сити (впадающей въ Мологу), былъ побѣжденъ и палъ въ битвѣ. Татары пошли къ Новгороду; но ихъ остановили дремучіе лѣса и непроходимыя болота; въ то время приближалась весна и наступало разлитіе водъ. Батый повернулъ отсюда къ юго-востоку въ Приволжскія степи. На этомъ пути прославился геройскою защитою городокъ Козельскъ, который нѣсколько недѣль выдерживалъ приступы варваровъ, пока не былъ взятъ и разоренъ.

Когда Татары скрылись въ Половецкихъ степяхъ, Русскіе думали, что они опять уйдутъ въ Азію; но эта надежда ихъ

обманула. Покоривъ землю Половцевъ, Батый напалъ на Южную Русь, опустошилъ княжества Черниговское, Кіевское, Волынь и Галицію; здѣсь, также какъ и въ Сѣверной, князья не соединились вмѣстѣ для дружнаго отпора, и каждый городъ защищался отдѣльно.

Когда одинъ изъ Монгольскихъ воеводъ посланъ былъ впередъ, чтобы осмотрѣть Кіевъ, онъ долго любовался красотою и величіемъ города. Кіевъ живописно возвышался передъ нимъ на другомъ холмистомъ берегу Днѣпра посреди зеленыхъ рощъ, блистая на солнцѣ частыми главами церквей, и опоясанный бѣлою каменною стѣною съ высокими башнями, которыя были украшены византійскими художниками. Кіевляне умертвили татарскихъ пословъ, предлагавшихъ сдаться безъ боя, и рѣшили защищаться до послѣдней крайности. Городъ въ то время находился во власти Даніила Романовича Галицкаго, который поручилъ его защиту мужественному боярину Димитрію. Вскорѣ несмѣтная сила Батыя облегла его съ разныхъ сторонъ. Лѣтописецъ говоритъ, что граждане не могли слышать другъ друга отъ скрыпа безчисленныхъ телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанія коней въ непріятельскомъ лагерѣ. Татары сдѣлали приступъ и начали бревнами (пороками) разбивать ворота; несмотря на храбрую оборону, къ вечеру они вломились въ городъ. Кіевляне ночью укрѣпились около Десятинной церкви (построенной еще св. Владиміромъ); на слѣдующій день былъ уничтоженъ и этотъ послѣдній оплотъ. Жители большею частію истреблены, и величественный городъ превратился въ груду развалинъ.

Потомъ Татары перешли въ Венгрію и Польшу; но въ Моравіи они въ первый разъ потерпѣли пораженіе; въ тоже время великій ханъ Угедей умеръ, и Батый воротился назадъ (1241 г.).

Золотая Орда. Татары Батыя заняли своими кочевьями всѣ южныя и восточныя степи Россіи, обращенныя ими по

большей части въ пустыню; они образовали новое царство, извѣстное подъ именемъ Золотой или Кипчакской Орды, которое простиралось отъ Урала до низовьевъ Дуная. Главныя силы его сосредоточились на берегахъ Волги; на волжскомъ рукавѣ Ахтубѣ Батый построилъ городъ Сарай, въ которомъ стали жить Кипчакскіе ханы, окруженные пышнымъ дворомъ и многочисленнымъ войскомъ. Въ прочихъ степяхъ Татары разсѣялись малыми ордами и кочевали вмѣстѣ съ остатками Половцевъ, Печенѣговъ и другихъ своихъ предшественниковъ; надъ ними начальствовали темники или воеводы, которые должны были оберегать предѣлы Кипчака и держать въ повиновеніи покоренные народы.

Батый приказалъ всѣмъ русскимъ князьямъ ѣхать въ Орду для изъявленія покорности; ослушникамъ грозила потеря волостей. Немногіе отказались исполнить ханскую волю. Вслѣдъ за Суздальскими князьями явились Рязанскіе, Черниговскіе, Сѣверскіе и съ разными унизительными обрядами представились хану. Такъ они должны были проходить между священными огнями, разложенными подлѣ ханской ставки, кланяться языческимъ кумирамъ, становиться на колѣна, пить кумысъ и пр. Набожный Михаилъ Черниговскій нехотѣлъ поклониться языческимъ идоламъ и былъ за это преданъ мучительной казни вмѣстѣ съ бояриномъ Ѳеодоромъ.

Зависимость Россіи отъ Татаръ главнымъ образомъ состояла въ дани. Она отдавалась сначала на откупъ восточнымъ купцамъ, которые собирали ее съ большою жестокостію подъ покровительствомъ ханскихъ чиновниковъ (баскаковъ) и многочисленныхъ татарскихъ отрядовъ. Такъ было въ первый и самый тяжкій вѣкъ монгольскаго владычества. Но въ XIV столѣтіи великіе князья сами стали собирать русскую дань и отвозить ее въ Орду. Кромѣ дани князья обязаны были по первому требованію соединять свои дружины съ войсками хана

и итти на его враговъ. Татары ненарушили существовавшаго въ Россіи политическаго порядка; она по прежнему управлялась потомками Рюрика; послѣдніе однако утверждались въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ ханскими грамотами (ярлыками), за которыми обыкновенно путешествовали въ Орду, гдѣ должны были раздавать многочисленные подарки ханскимъ любимцамъ и женамъ. Греческая религія осталась неприкосновенною, и ханы даже исключили русское духовенство изъ поголовной дани. Татары вообще отличались вѣротерпимостію; въ то время они были еще идолопоклонники, но вскорѣ между ними распространилась религія Магомета.

Династія Джучи господствовала въ Золттой Ордѣ до конца XIV вѣка. Въ началѣ она зависѣла отъ великаго хана, жившаго въ средней Азіи; но огромная имперія Чингиса распалась на отдѣльныя государства, и Кипчакскій ханъ сдѣлался однимъ изъ сильнѣйшихъ монгольскихъ властителей. Послѣ смерти Батыя (1255 г.) недолго существовало согласіе и въ самой семьѣ Джучидовъ; произошли обычные споры за престолъ, которые въ послѣдствіи повели за собою раздробленіе и упадокъ Кипчакскаго царства. Первый примѣръ отпаденія и междоусобной войны подалъ Ногай, который начальствовалъ западными улусами въ концѣ XIII вѣка. Но послѣ его смерти ногайскіе татары опять соединились съ сарайскими, и въ царствованіе Узбека (1313—1340) Золотая Орда достигла высшей степени своего блеска и могущества.

Съ паденіемъ Кіева политическая связь между сѣверо-востокомъ и юго-западомъ Россіи почти прекращается. Исторія каждой части идетъ послѣ того своимъ особымъ путемъ.

Р у с ь с ѣ в е р о - в о с т о ч н а я. Юрію II наслѣдовалъ во Владимірѣ его младшій братъ Ярославъ Всеволодовичъ, князь дѣ-

ятельный и бережливый, въ молодости показавшій себя довольно жестокимъ и властолюбивымъ. Онъ нашелъ сѣверныя области въ самомъ печальномъ состояніи: многіе города и села лежали въ развалинахъ, а значительная часть населенія скрывалась въ лѣсахъ и дебряхъ. Великій князь вызвалъ жителей изъ лѣсовъ и усердно началъ возобновлять города. Онъ смирился передъ ханомъ и первый подалъ примѣръ покорности, за что и былъ утвержденъ въ своемъ старшинствѣ между русскими князьями. По требованію Батыя онъ предпринялъ потомъ путешествіе въ глубину монгольскихъ степей къ истокамъ Амура, чтобы поклониться великому хану Гаюку, и во время этого труднаго путешествія скончался (1246 г.). Спустя шесть лѣтъ, послѣ нѣкоторыхъ споровъ между родичами, Владимірскій столъ перешелъ въ руки Александра Ярославича.

Александръ *Невскій.* Онъ княжилъ въ Новгородѣ въ то время, когда Батый опустошалъ сѣверную Русь. Это былъ самый замѣчательный изъ всѣхъ современныхъ князей: съ блестящею храбростію онъ умѣлъ соединить осторожность и холодную расчетливость. Первый подвигъ, доставившій ему громкую славу, былъ совершенъ на берегахъ Невы. Распространяя свое господство на сѣверъ отъ Финскаго залива, Новогородцы пришли въ столкновеніе со Шведами, которые старались утвердиться въ тѣхъ мѣстахъ и насильно вводили тамъ католическую религію. Подстрекаемые Новогородцами, новообращенные туземцы не разъ возставали противъ своихъ утѣснителей и возвращались къ язычеству. Римскій папа велѣлъ тогда проповѣдывать въ Швеціи крестовый походъ противъ Русскихъ и Финновъ. Сильное крестоносное ополченіе подъ начальствомъ Биргера высадилось на южномъ берегу Невы. Александръ Ярославичъ немедленно собралъ новогородскую дружину, съ необыкновенною быстротою напалъ на Шведовъ

и поразилъ ихъ на голову (1240 г.). Любимый гражданами, онъ однако немогъ ужиться съ ними въ мирѣ и скоро оставилъ Новгородъ. Но опасность со стороны Ливонскаго Ордена заставила ихъ опять призвать Александра, и рыцари потерпѣли отъ него сильное пораженіе на льду Чудскаго озера («Ледовое побоище» 1241 г.). Также удачны были походы его противъ Литовцевъ, которые около того времени начинаютъ сильно тѣснить русскіе предѣлы на западѣ.

Храбро сражаясь съ западными врагами, Александръ совсѣмъ иначе велъ себя относительно восточныхъ варваровъ. Онъ понималъ, что раздробленная Русь не въ состояніи начать новую борьбу съ монгольскими ордами, и безъусловную покорность считалъ единственнымъ средствомъ спасти ее отъ конечнаго разоренія. Неоднократными путешествіями въ Орду съ богатыми дарами онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе Батыя и его преемниковъ. Сдѣлавшись великимъ княземъ, Александръ особенно старался внушить русскому народу терпѣніе и покорность въ отношеніи къ завоевателямъ. Однако это ему невсегда удавалось. Первый примѣръ неповиновенія подали гордые Новогородцы; они не хотѣли дозволить у себя татарскимъ баскакамъ поголовную перепись, которую ханъ Беркай велѣлъ произвести въ Россіи для того, чтобы опредѣлить количество дани. Когда же Александръ началъ уговаривать гражданъ, чернь подняла мятежъ, убила своего посадника, и укоряла великаго князя въ томъ, что онъ продаетъ новогородскую вольность и свободныхъ людей хочетъ сдѣлать рабами. Только слухи о приближеніи сильнаго татарскаго войска и угрозы Александра покинуть городъ на жертву ханскому гнѣву заставили Новогородцевъ смириться. Вслѣдъ за тѣмъ начались волненія въ другихъ мѣстахъ. Восточные или *бесерменскіе* купцы, взявшіе русскую дань на откупъ, собирали ее съ большою жестокостію и жадностію; тѣхъ, которые немогли запла-

тить, они уводили въ рабство, а богатыхъ людей принуждали выкупать свою свободу. Угнетенный народъ въ нѣкоторыхъ городахъ (Ростовѣ, Суздалѣ, Владимірѣ) собрался на вѣче и и возсталъ противъ сборщиковъ дани; одни изъ бесерменовъ были убиты, другіе прогнаны. Послѣ того надобно было ожидать новаго нашествія; но Александръ поспѣшилъ въ Орду и успѣлъ умилостивить Беркая. Это былъ его послѣдній подвигъ: на возвратномъ пути онъ скончался (1263 г.). Александръ хотя на короткое время умѣлъ доставить сѣверной Руси отдыхъ отъ татарскихъ погромовъ и внутреннихъ междоусобій, поэтому народъ оплакивалъ его смерть непритворными слезами.

По старинному обычаю престолонаслѣдія, Владимірское великое княженіе послѣ Невскаго одинъ за другимъ занимали его младшіе братья. Потомъ два его сына (Димитрій Переяславскій и Андрей Городецкій) долго спорили за великокняжескій престолъ, и каждый изъ нихъ призывалъ на помощь татарскіе отряды, грабежи которыхъ увеличивали бѣдствія междоусобной войны. Младшій изъ братьевъ наконецъ взялъ верхъ (онъ княжилъ до 1304 г.).

Между тѣмъ на сѣверо-западѣ Россіи Новогородцы и Псковитяне продолжали борьбу съ Ливонскими рыцарями. Героемъ этой борьбы послѣ Невскаго является одинъ Литовскій выходецъ, по имени Довмонтъ. Онъ принялъ крещеніе во Псковѣ и пріобрѣлъ такую любовь гражданъ, что они провозгласили его своимъ княземъ; послѣ того цѣлые тридцать пять лѣтъ Довмонтъ мужественно защищалъ Псковъ отъ своихъ единоземцевъ и Ливонскихъ рыцарей.

Судьба юго-западной Руси. Положеніе южныхъ областей послѣ татарскаго нашествія было самое плачевное; особенно сильно пострадало Приднѣпровье. Кіевъ сдѣлался

ничтожнымъ городкомъ, а окрестности его представляли печальную пустыню. Населеніе, уцѣлѣвшее отъ Татаръ, большею частію разсѣялось по другимъ русскимъ областямъ: одни бѣжали на сѣверъ, другіе на западъ въ Галицію. Жители, оставшіеся на мѣстѣ, терпѣли сильное угнѣтеніе отъ татарскихъ баскаковъ. Въ такомъ же угнѣтеніи находилась Черниговосѣверская область; послѣ князя Михаила, замученнаго въ Ордѣ, она раздробилась между его потомками на мелкіе удѣлы (Брянскій, Карачевскій, Тарусскій, Курскій и др.), которые во взаимныхъ междоусобіяхъ тратили свои послѣднія силы. Гораздо счастливѣе Приднѣпровья была Галиція, которая успѣла оправиться отъ татарскаго погрома и пріобрѣсти даже нѣкоторый блескъ, благодаря уму и дѣятельности своего князя Даніила.

Даніилъ Романовичъ во время Батыева нашествія спасся въ Венгрію; а по уходѣ Татаръ воротился въ свое княжество и началъ возобновлять разрушенные города, собирая разбѣжавшихся жителей. Кромѣ того, по примѣру Польскихъ королей онъ призывалъ въ свои земли Нѣмцевъ, Евреевъ, Армянъ и давалъ имъ нѣкоторыя льготы, такъ что въ галицкихъ городахъ скоро начали развиваться промышленность и торговля. Но это пестрое населеніе чуждалось русской народности и слабо поддерживало князя въ борьбѣ съ внѣшними врагами.

Даніилъ долго нехотѣлъ ѣхать въ Орду, и послѣднимъ изъ русскихъ князей представился хану. Тяжко однако показалось ему унижаться передъ варваромъ; онъ началъ хлопотать о сверженіи ига, и завелъ сношенія съ папою, подавая ему надежду на соединеніе своего народа съ католическою церковью, если получитъ помощь противъ Татаръ. Обрадованный папа прислалъ ему королевскій вѣнецъ и велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ на Золотую Орду. Но папскія буллы непроизвели никакого дѣйствія, и крестовый походъ несостоялся.

Тогда Даніилъ прервалъ свои сношенія съ Римомъ, впрочемъ королевскій титулъ удержалъ за собою. Онъ попытался было однѣми собственными силами свергнуть иго; но эта попытка окончилась неудачею, и Татары принудили Галицкаго короля разорять укрѣпленія собственныхъ городовъ. За то борьба его съ другими сосѣдями, напримѣръ съ Литовцами, была очень успѣшна и доставила ему большую славу между современниками.

Послѣ Даніила (1264 г.) Галицкое королевство раздѣлилось на три удѣла между его сыновьями. Они жили довольно дружно, общими силами оборонялись отъ Литовцевъ и Поляковъ и менѣе другихъ князей раболѣпствовали передъ ханомъ. Внукъ Даніила Юрій успѣлъ даже по наслѣдству соединить подъ своею властью всю Галицію и Волынь; но вскорѣ потомъ родъ его пресѣкся. Неустройствами юго-западной Руси воспользовался польскій король Казиміръ III и овладѣлъ Галиціей (1340 г.), а Волынь досталась на долю великимъ князьямъ Литовскимъ.

V. ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВОЙ РУСИ.

Если исключить отчасти Новгородъ, то главныя черты гражданскаго устройства были одинаковы во всѣхъ русскихъ княжествахъ.

Верховная власть принадлежала князю. Онъ устроивалъ порядокъ въ своей волости, производилъ судъ и расправу, велъ войну и обыкновенно самъ начальствовалъ надъ войскомъ. Доходы его состояли во первыхъ изъ дани; сначала князья сами съ дружиною объѣзжали свои волости, чтобы собирать дань съ подвластныхъ племенъ и творить между ними судъ — такой обычай назывался *полюдьемъ*. Но потомъ они стали по-

ручать судъ и сборъ дани въ областяхъ своимъ намѣстникамъ и слугамъ. Эта дань платилась преимущественно естественными произведеніями, одни давали хлѣбъ, другіе мѣха; только нѣкоторые богатые города, напримѣръ Новгородъ, платили серебромъ. Кромѣ даней въ княжескую казну собирались пошлины: торговыя — съ провозимыхъ товаровъ и судныя— съ преступниковъ и тяжущихся. Князья получали еще доходы съ деревень, населенныхъ княжескою челядью; тутъ устроивались ихъ загородные дворы и складывалось всякое добро: скирды хлѣба, стоги сѣна, запасы меду, вина и пр.; тутъ же паслись стада рогатаго скота и многочисленные табуны лошадей. Въ дѣлахъ, касавшихся внутреннихъ междоусобій или внѣшней защиты, добрые князья имѣли обычай собирать своихъ родичей для общаго совѣта.

Примѣръ перваго рода съѣздовъ мы видѣли въ Любечѣ. Возьмемъ изъ лѣтописи примѣръ съѣзда по поводу внѣшней защиты. Въ 1103 году Владиміръ Мономахъ пригласилъ Святополка II выступить весною въ походъ на Половцевъ; но дружина Святополкова отсовѣтывала походъ на томъ основаніи, что не время было отрывать земледѣльцевъ отъ поля. Князья уговорились съѣхаться недалеко отъ Кіева на лѣвомъ берегу Днѣпра. Братья сѣли въ одномъ шатрѣ, каждый съ своею дружиною. Владиміръ первый прервалъ молчаніе: «Братъ! ты старшій, начни же говорить, какъ намъ охранять Русскую землю?» Святополкъ отвѣчалъ: «Братъ! лучше ты начни.» «Какъ же мнѣ говорить? — возразилъ Владиміръ— противъ меня и твоя и моя дружина; скажутъ, что я хочу погубить и поселянъ и пашни. Но вотъ что для меня удивительно: какъ вы ихъ жалѣете, а того неподумаете, что станетъ весною смердъ пахать на своей лошади; а пріѣдетъ вдругъ половчинъ, убьетъ смерда стрѣлою; лошадь его, жену и дѣтей возьметъ себѣ, да и гумно зажжетъ. Почему же объ этомъ-то вы неподумаете?» Дружина единодушно признала

справедливость его словъ. «Я готовъ идти съ тобою» — сказалъ Святополкъ. «Великое, братъ, добро сдѣлаешь Русской землѣ» — замѣтилъ Владимiръ. Князья встали, поцѣловались, и послали звать съ собою въ походъ Святославичей.

Населенiе княжества распадалось главнымъ образомъ на три части: княжескую дружину, смердовъ и людей несвободныхъ.

Дружину составляли наемные воины, въ началѣ набиравшiеся преимущественно изъ варяговъ; но съ XI вѣка въ ней уже преобладаетъ туземный славянскiй элементъ. Впрочемъ князья продолжали принимать въ свою службу всякаго витязя, изъ какого бы народа онъ ни былъ. Самое слово дружина указываетъ на ея отношенiя къ князю. Онъ жилъ съ нею по-дружески, побратски и нескрывалъ отъ нея своихъ намѣренiй. Князь почти все время проводилъ съ дружиною: съ нею онъ совѣтовался, пировалъ, судилъ народъ; ходилъ на войну, на охоту, и вообще дорожилъ ея расположенiемъ, потому что она была главною опорою его власти и силы; притомъ же въ случаѣ неудовольствiя дружинники, какъ люди вольные оставляли одного князя и переходили на службу къ другому. Удѣльная система много способствовала такому переходу и долго мѣшала военнымъ людямъ прiобрѣсти осѣдлость. Дружина дѣлилась на старшую или *бояръ* (т. е. бóльшихъ) и младшую. Вторая извѣстна подъ именами: отроковъ, дѣтскихъ, гридей и пр., которые въ послѣдствiи получаютъ общее названiе *боярскихъ дѣтей*. Бояре были по преимуществу совѣтниками (*думцами*) князя; изъ нихъ назначались воеводы во время войны и посадники или намѣстники княжескiе по городамъ; послѣднiе пользовались частью доходовъ отъ судопроизводства и разныхъ даней. Кромѣ того за свою службу бояре получали обширныя помѣстья; съ XII вѣка, когда нѣкоторыя вѣтви Рюрикова дома основались въ

отдѣльныхъ княжествахъ, бояре начали пріобрѣтать осѣдлость и становятся богатыми землевладѣльцами. Образуются знатныя боярскія фамиліи, которыя полагаютъ въ Россіи начало родовой аристократіи. Младшая дружина также съ теченіемъ времени получаетъ осѣдлость: вмѣсто жалованья за службу князья начинаютъ раздавать ей участки земли, и боярскіе дѣти составили классъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Изъ княжескихъ слугъ, отправлявшихъ при дворѣ разныя должности, въ послѣдствіи большее значеніе получаютъ *дьяки*, занимавшіеся письмоводствомъ.

Главная масса населенія состояла изъ городскихъ и сельскихъ жителей, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ *смердовъ*; отъ нихъ современемъ отдѣляются наиболѣе зажиточные, уважаемые граждане, которые получаютъ названіе *лучшихъ людей*. Всѣ они обязаны были платить князю дани или оброки, отправлять разныя повинности и по его требованію выставлять военное ополченіе. Сообразно дѣленію на волости и уѣзды, жители распадались на отдѣльныя общины, имѣли свои земскія власти, какъ-то: тысяцкихъ, старостъ, соцкихъ и десяцкихъ (которыхъ отчасти выбирали сами); а для рѣшенія общихъ дѣлъ собирались на вѣче или сходку. Князья нерѣдко сами созывали на вѣче лучшихъ гражданъ и совѣтовались съ ними въ затруднительныхъ случаяхъ. Во времена княжескихъ усобицъ и частыхъ перемѣщеній съ одного стола на другой, вѣче главныхъ городовъ пріобрѣло большую силу, такъ что иногда само выбирало себѣ князя, и ихъ вѣчевому рѣшенію должно было подчиняться населеніе младшихъ городовъ или *пригородовъ*. Лѣтописецъ говоритъ, что «новогородцы, смольняне, кіевляне и полочане какъ на думу на вѣче сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ пригороды станутъ». Но дальнѣйшее развитіе этого вѣчеваго порядка замедлялось по мѣрѣ того, какъ возрастала осѣдлость князей и дружины; городскія и сельскія общины

мало-по-малу переходятъ въ непосредственное завѣдываніе княжескихъ чиновниковъ, т. е. посадниковъ, волостелей, тіуновъ и т. д.

Между тѣмъ какъ въ селахъ жители по преимуществу обработывали землю, въ городахъ стала сосредоточиваться дѣятельность промышленная и торговая. Но въ древнѣйшую эпоху различіе между ними заключалось только во внѣшнемъ видѣ. Городъ обыкновенно строился на высокомъ холмистомъ берегу рѣки и представлялъ группу бревенчатыхъ домиковъ, огороженную рвомъ и землянымъ валомъ. Внутри большихъ городовъ встрѣчается еще особая крѣпость или замокъ (дѣтинецъ, кремль); но вообще размѣры крѣпостей были очень не велики. До нашествія Монголовъ насчитываютъ въ Россіи по лѣтописямъ около трехъ сотъ городовъ.

Князья, по праву завоевателей, считали всю Русскую землю своею собственностію или «отчиною». По мѣрѣ того какъ они раздавали земельные участки своимъ дружинникамъ и духовенству, сельское или *крестьянское* населеніе все болѣе и болѣе теряло право на полное владѣніе землею, на которой жило и которую обработывало; за свою усадьбу и за свое поле оно обязывалось платить разнаго рода оброки и отправлять повинности землевладѣльцу. Но сохраняя пока личную свободу, крестьяне могли покидать невыгодный для себя участокъ и переселяться на другой; отсюда развились крестьянскіе переходы, которые совершались безъ большаго затрудненія, потому что въ тѣ времена, даже и внутри Россіи оставалось еще много пустыхъ, незаселенныхъ земель.

Рядомъ съ свободнымъ населеніемъ въ городахъ и селахъ жили несвободные люди, носившіе названія: *холоповъ*, челяди и рабовъ. Они употреблялись или для домашней прислуги или для сельскихъ работъ. Главнымъ источникомъ рабства у насъ, какъ и вездѣ, служила война; но, повидимому, только съ

пришествіемъ варяжской дружины въ Россію плѣнниковъ начали обращать въ рабовъ и продавать какъ вещь или домашнее животное; иногда впрочемъ князья заселяли плѣнниками пустыя земли. Несостоятельные должники по большой части также обращались въ рабство. Далѣе, въ тѣ грубые вѣка случалось, что во время голода мужья продавали въ неволю своихъ женъ, отцы дѣтей. Потомство рабовъ оставалось въ томъ же несвободномъ состояніи. Кромѣ полныхъ или *обѣльныхъ* холоповъ, которые совершенно зависѣли отъ воли своего господина и неимѣли никакихъ гражданскихъ правъ, существовало еще сословіе полусвободное — *наймиты* или *закупни;* это были работники, нанимавшіеся на извѣстный срокъ. Если работникъ, взявъ деньги впередъ, убѣгалъ отъ господина; тогда онъ обращался въ полнаго или обѣльнаго холопа.

Судопроизводство. Мѣстомъ для суда служилъ обыкновенно дворъ князя или его намѣстника; судомъ завѣдывали княжескіе чиновники, называвшіеся «тіунами». Древнѣйшее собраніе писаныхъ законовъ у насъ извѣстно подъ именемъ *Русской Правды,* имѣвшей силу преимущественно въ Новгородѣ и Приднѣпровьѣ. Русская Правда явилась подъ варяжскимъ вліяніемъ и образовалась постепенно; первое ея изданіе приписывается Ярославу; потомъ она дополнялась его преемниками и полный свой составъ получила не ранѣе XIII вѣка. Она заключаетъ въ себѣ статьи о наказаніяхъ за разныя преступленія противъ личности и собственности. О тѣлесныхъ наказаніяхъ въ «Правдѣ» неупоминается; виновный платитъ за все *виру,* т. е. денежный штрафъ. Только за убійство позволялось близкимъ родственникамъ убитаго совершить кровавую месть; но уже сыновья Ярослава уничтожили это право и замѣнили кровомщеніе также вирою *. Если не было представ-

* За смерть свободнаго человѣка взыскивалось 40 гривенъ (за боярина

лено свидѣтелей или ясныхъ доказательствъ преступленія, то употреблялось испытаніе желѣзомъ и водою; а въ послѣдствіи вошло въ обычай *поле*, т. е. судебные поединки.

Торговля и искусства. Торговыя сношенія значительнѣйшихъ городовъ древней Руси между собою и съ иноземными народами происходили по рѣчнымъ путямъ. Самое важное торговое движеніе совершалось по великому или греческому водному пути: съ юга приходили товары изъ Византійской имперіи, съ сѣвера изъ Германіи и Скандинавіи. Кіевъ былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ въ Южной Россіи; сюда привозили изъ Греціи: разныя ткани, вина, плоды, церковную утварь и дорогое оружіе. Но торговлѣ съ Греками много мѣшали кочевыя орды сначала Печенѣговъ, а потомъ Половцевъ.

Византійскій императоръ Константинъ Багрянородный (въ X в.) описываетъ ежегодное путешествіе русскихъ каравановъ въ Грецію слѣдующимъ образомъ: зимою приднѣпровскіе Славяне рубили лѣсъ и строили лодки-однодеревки. Въ началѣ весны они пригоняли эти лодки въ Кіевъ; здѣсь купцы, съѣхавшіеся изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и другихъ городовъ, покупали лодки и снаряжали ихъ для морскаго плаванія. Въ апрѣлѣ собирался весь русскій флотъ у Витичева и отсюда шелъ къ днѣпровскимъ порогамъ. Достигнувъ четвертаго порога, купцы выгружали товары и на разстояніи 6000 шаговъ слѣдовали берегомъ, ведя за собою скованныхъ невольниковъ. За порогами въ одномъ узкомъ мѣстѣ обыкновенно ихъ дожидались Печенѣги; но русскіе вступали съ ними въ битву и отражали разбойниковъ. Миновавъ это опасное мѣсто, купцы приставали къ одному острову, и тутъ подъ огромнымъ дубомъ совершали благодарственное жертвоприношеніе своимъ богамъ. Достиг-

---

вдвое болѣе; а за женщину вдвое менѣе, нежели за мущину); за ударъ палкою 12 гривенъ, за отсѣченіе руки 20 и т. д.

нувъ днѣпровскаго устья, они отдыхали нѣсколько дней на другомъ островѣ, а потомъ продолжали путь вдоль сѣверозападныхъ береговъ Чернаго моря.

Въ XII вѣкѣ Кіевскіе князья въ извѣстное время года обыкновенно высылали военный отрядъ къ низовьямъ Днѣпра на встрѣчу судамъ, приходившимъ изъ Греціи. Когда же появились въ тѣхъ мѣстахъ Монголы, непосредственныя торговыя сношенія съ Византіею почти прекратились. Посредниками въ торговлѣ Русскихъ съ Южною Европою сдѣлались Генуэзцы, которые завели колоніи въ Крыму и при устьяхъ Дона; ханы татарскіе ради собственныхъ выгодъ оказывали имъ покровительство. Въ Сѣверной Россіи главнымъ торговымъ пунктомъ былъ Новгородъ. Суда новогородскія плавали по Балтійскому морю; а въ Новгородѣ постоянно жили нѣмецкіе купцы или *гости*; они имѣли тамъ свои лавки, храмы и судились по своимъ законамъ. Нѣмцы привозили въ Россію: оружіе, вина, сукна, полотна, соль, сельдей, а въ случаѣ неурожаевъ хлѣбъ. Кромѣ Новгорода дѣятельное участіе въ этой торговлѣ принимали Псковъ, Смоленскъ и Полоцкъ.

Второе мѣсто послѣ греческаго занималъ водный путь поволжскій. Волгою производились торговыя сношенія съ Камскою Болгаріею и Хазаріею, а потомъ съ Казанью и Золотою Ордою. Болгарскіе купцы были посредниками въ торговлѣ Россіи съ Востокомъ; они привозили къ намъ металлическія издѣлія, жемчугъ, шелковыя и бумажныя ткани, серебряную монету и иногда хлѣбъ. У сосѣднихъ кочевыхъ народовъ Русскіе вымѣнивали коней, овецъ, воловъ. Князья наши вообще покровительствовали внѣшней торговлѣ, потому что она доставляла имъ разные предметы роскоши, тогда какъ ихъ собственныя земли были богаты только сырыми произведеніями: мѣхами, медомъ, воскомъ, кожами, пенькой и т. п. Но съ другой стороны князья вредили успѣхамъ торговли своими междо-

усобіями; сюда присоединялись еще набѣги сосѣдей и внутренніе разбои, особенно новогородскихъ повольниковъ *.

Водвореніе искусствъ въ Россіи начинается вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Первая художественная дѣятельность была обращена на построеніе и украшеніе храмовъ. Учителями Русскихъ въ строительномъ искусствѣ и въ иконной живописи были Греки; но въ Сѣверной Россіи преобладали потомъ нѣмецкіе художники. Только съ XII вѣка лѣтописи начинаютъ упоминать о русскихъ зодчихъ и живописцахъ. Такъ, описывая обновленіе Суздальскаго храма (1194 г.), лѣтописецъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, какъ о событіи необыкновенномъ, что это обновленіе совершено только русскими мастерами безъ помощи нѣмцевъ. Изъ ремесленниковъ того времени упоминаются: оружейники, плотники, каменьщики, горшечники и т. п.

Чтоже касается до жилищъ русскаго народа, то онѣ отличались вообще простотою постройки, малымъ объемомъ и бѣдностью внутреннихъ украшеній. Это были бревенчатые дома или *хоромы*, раздѣленные на двѣ половины: теплая зимняя *изба* (собственно «истопка») и холодный лѣтній покой или *клѣть*; обѣ половины соединялись между собою сѣнями, къ которымъ придѣлывалось крыльцо на столбахъ (такая постройка и теперь сохраняется въ нашемъ сельскомъ быту). Этой простотѣ жилищъ соотвѣтствовала и вся прочая домашняя обстановка: деревянная и глиняная посуда, столы и лавки грубой работы, закопченый потолокъ съ полатями, соломенная или тростниковая кровля и пр. Хоромы или *терема* князей, бояръ, высшаго духовенства и зажиточныхъ горожанъ отличались отъ

* Торговля была вообще мѣновая. Собственной монеты Русскіе почти неимѣли. Вмѣсто монеты служили отчасти мѣха; изъ нихъ произошли *куны* — первоначально шкуры куницъ, соболей и другихъ пушныхъ животныхъ; въ послѣдствіи кунами называли вообще разнаго рода деньги. Первая русская монета является повидимому въ Новгородѣ; это были куски серебра подъ названіемъ *гривны*, потомъ *рубля, полтины* и т. д.

другихъ бо́льшимъ просторомъ, внутренними украшеніями и бо́льшею опрятностію. Между ними изрѣдка встрѣчаются и каменныя зданія.

Церковь. Послѣ Владиміра св. и Ярослава I христіанство довольно медленно распространялось между племенами, вошедшими въ составъ Руси, въ особенности были слабы его успѣхи вдали отъ главныхъ городовъ. Позднѣе другихъ Славянъ обратились къ христіанству Вятичи: только въ XII столѣтіи часть ихъ приняла крещеніе, благодаря усиліямъ св. Кукши, который проповѣдь свою запечатлѣлъ смертью мученика. Самую упорную борьбу съ язычествомъ должны были выдерживать проповѣдники новой религіи на сѣверѣ; здѣсь финскіе волхвы возмущали противъ нихъ народъ, и жители обращались иногда опять къ язычеству. Такъ было въ Муромской области, въ Ростовской (гдѣ замученъ епископъ Леонтій) и въ самомъ Новгородѣ. Христіанскому духовенству въ этой борьбѣ ревностно помогала свѣтская или княжеская власть; князья нерѣдко силою оружія уничтожали противодѣйствіе волхвовъ и мятежи язычниковъ.

Однажды въ Новгородѣ явился волхвъ, который началъ смущать народъ мнимыми чудесами и хулою на христіанскую вѣру (1071 г.). Въ городѣ произошелъ мятежъ; народъ хотѣлъ убить епископа. Епископъ облекся въ ризы, взялъ крестъ, вышелъ къ народу и сказалъ: «Кто вѣруетъ волхву, пусть идетъ за нимъ; а кто почитаетъ крестъ—слѣдуетъ за мною». Князь Глѣбъ Святославичъ съ дружиною сталъ подлѣ епископа; но около волхва собрались всѣ граждане. Глѣбъ спряталъ подъ одеждою топоръ, подошелъ къ волхву и спросилъ: «Знаешь ли, что будетъ завтра?» «Знаю», отвѣчалъ онъ. «А знаешь ли, что будетъ сегодня?» «Я сотворю великія чудеса». Тогда Глѣбъ ударилъ волхва топоромъ, и тотъ упалъ мертвый. Мятежъ послѣ того утихъ и толпа разошлась по домамъ.

Вообще народная масса на Руси, также какъ и въ другихъ европейскихъ земляхъ, по своей необразованности, по своимъ грубымъ еще дѣтскимъ понятіямъ принимала христіанство болѣе внѣшнимъ образомъ, чѣмъ внутреннимъ, т. е. болѣе обряды новой религіи, нежели ея духовную сторону. Въ народѣ рядомъ съ христіанскими вѣрованіями живутъ еще прежнія, языческія преданія, приносятся жертвы языческимъ богамъ и въ честь ихъ совершаются разныя празднества (*купала, коляда, семикъ* и др.). Впрочемъ подъ вліяніемъ новаго ученія эти языческія, стихійныя божества мало-по-малу измѣняютъ свой прежній характеръ въ понятіяхъ народныхъ: то причисляются они къ разряду демоновъ или злыхъ духовъ, то смѣшиваются съ нѣкоторыми лицами святыхъ изъ ветхаго и новаго завѣта.

Церковная іерархія въ Россіи устроилась по образцу греческой. Главнымъ духовнымъ лицомъ былъ митрополитъ, который въ первые вѣка нашего христіанства избирался обыкновенно между Греками и ѣздилъ на поставленіе къ Константинопольскому патріарху. Изъ Русскихъ первый достигъ митрополичьяго престола Иларіонъ, современникъ Ярослава I. Послѣ татарскаго нашествія митрополитъ оставилъ раззоренный Кіевъ и переѣхалъ во Владиміръ на Клязьмѣ, а оттуда его престолъ въ XIV вѣкѣ перенесенъ былъ въ Москву. Вся Русь въ церковномъ отношеніи была раздѣлена на епископіи, границы которыхъ большею частію совпадали съ границами отдѣльныхъ княжествъ. Епископскія каѳедры также долгое время были занимаемы по преимуществу Греками или Болгарами, которые избирались съ согласія князя и ѣздили на поставленіе къ Русскому митрополиту. По церковнымъ уставамъ Владиміра св. и Ярослава I духовному суду предоставлены были семейныя тяжбы и преступленія противъ нравственности, каковы: нарушеніе брака, оскорбленіе родителей, оскорбленіе женской че-

сти, ссоры между близкими родственниками и пр.; доходы съ этого суда или виры шли въ пользу самихъ судей. Кромѣ того на содержаніе храмовъ и духовенства назначались разныя недвижимыя имущества; а нѣкоторыя князья отдѣляли церкви десятину, т. е. десятую часть извѣстныхъ доходовъ.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ появилось въ Россіи монашество, устроенное также по образцу греческому. Люди, отличавшіеся особенною ревностью къ новой религіи, отрекались отъ міра уходили въ лѣса, и начинали вести уединенную жизнь, посвящая ее посту и молитвѣ. Около такихъ подвижниковъ собирались ученики и составляли монашескую братію; они строили маленькую церковь, нѣсколько келій, обносили ихъ деревянною стѣною и вводили у себя монастырскій уставъ. Благочестивые князья покровительствовали монастырямъ, дарили ихъ разнымъ имуществомъ, угодьями (рыбными, бортными и др.) и уже съ XI вѣка начали давать имъ населенныя земли, т. е. деревни и села. Примѣру князей слѣдовали ихъ бояре и другіе зажиточные люди, которые дѣлали вклады или на молитву о своемъ здравіи при жизни или на поминъ души послѣ смерти. Монастыри стали богатѣть, украшаться каменными зданіями и дорогою церковною утварью. Число ихъ особенно увеличилось во время монгольскаго ига—время частныхъ бѣдствій и раззореній, когда монастыри представляли болѣе спокойствія и безопасности нежели города. Но рядомъ съ благочестивыми подвижниками въ нихъ нерѣдко искали убѣжища люди праздные, желавшіе безъ особеннаго труда жить въ изобиліи. Самые знаменитые монастыри древней Руси были: Кіевопечерская лавра, основанная въ XI в. (св. Антоніемъ); Троицкая лавра и Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь—въ XIV и Соловецкая обитель—въ XV в.

Духовенство въ Россіи кромѣ религіознаго имѣло и политическое значеніе. Князья въ важныхъ случаяхъ совѣтуются не

съ одними боярами и лучшими людьми, но и съ духовенствомъ. Во время княжескихъ междоусобій оно неразъ являлось посредникомъ и примирителемъ враждующихъ сторонъ. Находя опору въ княжеской власти, оно въ свою очередь помогало укрѣпленію этой власти, потому что давало ей религіозное освященіе въ глазахъ народа. Далѣе, христіанская церковь съ своей стороны не мало способствовала сліянію разрозненныхъ дотолѣ племенъ въ одну русскую народность.

Просвѣщеніе. Религія, принятая отъ Грековъ, облегчила путь въ Россію византійскому образованію, которое весьма замѣтно отразилось въ искусствахъ, въ государственномъ устройствѣ и въ литературѣ. Съ запада, при помощи торговли и частыхъ политическихъ сношеній, въ древнюю Русь проникало вліяніе нѣмецкой образованности; а съ востока, посредствомъ Камскихъ Болгаръ, могли приходить и нѣкоторыя начала арабской цивилизаціи. Но въ XIII вѣкѣ съ двухъ сторонъ Россію облегла дикая татарская Орда, наложила на нее иго и надолго задержала свободное развитіе русской образованности. Въ слѣдующемъ столѣтіи возникло сильное Литовское государство, которое вмѣстѣ съ Ливонскимъ Орденомъ загородило Россію отъ Западной Европы, и только, благодаря новогородской торговлѣ, не былъ совершенно прекращенъ путь европейскому вліянію.

Духовенство въ древней Руси было почти единственное грамотное сословіе; литературная дѣятельность— по преимуществу духовная—развивалась подъ вліяніемъ византійскимъ и сосредоточивалась болѣе всего въ тишинѣ монастырскихъ келій. Памятниками словесности того времени служатъ объясненія разныхъ вопросовъ, относящихся къ вѣрѣ и религіознымъ обрядамъ, напримѣръ: «сочиненія митрополита Иларіона», «посланіе митрополита Никифора къ Владиміру Монома-

ху», «проповѣди Кирилла епископа Туровскаго» (въ XII в.), «вопросы Кирика, обращенные къ новогородскому епископу Нифонту». Далѣе до насъ дошли: многочисленныя житія святыхъ (напримѣръ «Житіе Ѳеодосія игумена Печерскаго»), поученія къ дѣтямъ (Владиміра Мон.), описанія путешествій ко святымъ мѣстамъ («хожденіе Даніила паломника въ Іерусалимъ»), загадочное «Слово о Даніилѣ Заточникѣ» и пр.

Наиболѣе видное мѣсто между произведеніями древне-русской словесности занимаютъ лѣтописи, т. е. погодные записки о событіяхъ. Отцомъ нашихъ лѣтописцевъ считается Несторъ, монахъ Кіевопечерской лавры, жившій во второй половинѣ XI и въ началѣ XII в. Онъ составилъ свой *временникъ* по образцу византійскихъ лѣтописцевъ, и описалъ событія русской исторіи отъ ея начала почти до княженія Мономахова. Народныя преданія служили ему главнымъ источникамъ для исторіи первыхъ русскихъ князей; поэтому она отличается иногда характеромъ баснословнымъ; но чѣмъ ближе событія приближаются ко времени самого Нестора, тѣмъ описаніе ихъ становится полнѣе и достовѣрнѣе. Нашлись люди, которые продолжали его дѣло и записывали событія въ разныхъ концахъ Россіи; такимъ образомъ явилось нѣсколько мѣстныхъ лѣтописей, именно: кіевская, новогородская, суздальская, волынская и др. Сюда заносились часто отрывки изъ житія святыхъ и украшенныя цвѣтами краснорѣчія *сказанія* о какомъ-либо знаменитомъ князѣ, или о важномъ событіи, напр. объ Александрѣ Невскомъ, о нашествіи Батыя на Рязанскую землю, о «Мамаевомъ побоищѣ» и пр.

При нѣкоторыхъ княжескихъ дворахъ развивалась историческая поэзія, предметомъ которой служили подвиги князей и дружины. Образецъ такой поэзіи представляетъ намъ: «Слово о полку Игоревѣ».

Содержаніе его слѣдующее:

Игорь Святославичъ, князь Сѣверскій, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Всеволодомъ Трубчевскимъ отправляется на Половцевъ. Сначала походъ удаченъ; враги разбиты, князья идутъ далѣе. На берегахъ Каялы, впадающей въ Донъ, ихъ встрѣчаютъ ханы Гзакъ и Кончакъ съ многочисленными толпами Половцевъ. Происходитъ упорная битва; русская дружина истреблена, князья взяты въ плѣнъ. Печаль разливается по всей русской землѣ. Супруга Игоря плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ и обращается съ жалобами на свое горе къ вѣтрамъ, къ солнцу и Днѣпру. Въ заключеніе, князь съ помощью половчина Овлура убѣгаетъ изъ плѣна и благополучно возвращается домой.

Расказъ поэта почти во всемъ сходенъ съ извѣстіемъ лѣтописца о томъ же походѣ (подъ 1185 г.). «Слово» написано на древнемъ южно-русскомъ нарѣчіи и дошло до насъ въ искаженномъ видѣ. Оно изобилуетъ поэтическими красотами. Авторъ искусно воспользовался миѳологическими вѣрованіями древней Руси и изобразилъ всю природу существомъ живымъ, которое скорбитъ о несчастіи князя и радуется его удачѣ. Онъ также искусно воспользовался пораженіемъ своего героя, чтобы указать на главный источникъ торжества враговъ—на княжескія междоусобія *.

Самую богатую эпоху въ отношеніи къ произведеніямъ словесности составляютъ XII вѣкъ и первая половина XIII-го. Эпоха же, послѣдующая за нашествіемъ Татаръ, напротивъ очень бѣдна замѣчательными памятниками литературы, что ясно указываетъ па упадокъ просвѣщенія.

---

* Кромѣ неизвѣстнаго автора Слова о Полку Игоревѣ могутъ быть упомянуты еще два придворно-княжескіе поэта: Боянъ, пѣвецъ Святослава Ярославича Черниговскаго, и Митуся «словутный» пѣвецъ Галицкій, современникъ Даніила Романовича.

Съ XIV вѣка удѣльно-вѣчевой порядокъ начинаетъ мало-помалу уступать мѣсто другому порядку, единодержавному: между тѣмъ какъ Юго-западная Русь, собранная великими князьями Литовскими, соединяется съ Польшею въ одно государство, Москва притягиваетъ къ себѣ удѣлы сѣверовосточные.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ РУСЬ ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ ЛИТВЫ И ПОЛЬШИ.

Литва распадалась на слѣдующія главныя племена: собственная Литва и Жмудь — въ области Нѣмана, къ западу отъ отъ нихъ Пруссы, а къ сѣверу — Куры и Ливы. Между тѣмъ какъ часть сѣверныхъ племенъ была покорена Ливонскимъ Орденомъ Меченосцевъ въ началѣ XIII вѣка, на нижнемъ теченіи Вислы утвердился другой рыцарскій орденъ—Тевтоновъ, которыхъ призвалъ изъ Палестины одинъ польскій князь на помощь противъ Пруссовъ. Послѣ отчаянной борьбы туземцы, также какъ и на сѣверѣ, были завоеваны и силою оружія обращены въ христіанскую вѣру; но дальнѣйшимъ успѣхамъ Меченосцевъ и Тевтоновъ положили предѣлъ Литовцы, жившіе по Нѣману, которые около того времени соединились въ одно сильное княжество.

Живя въ странѣ бѣдной и глухой, покрытой дремучими лѣсами и болотами, Литовское племя могло долго оставаться недоступно чужеземному вліянію. Оно успѣло болѣе развить свою языческую религію, нежели сосѣдніе, соплеменные ему Славяне: такъ мы находимъ здѣсь жреческое сословіе, весьма важное по своему значенію; главный жрецъ — *Криве* былъ вмѣстѣ и верховный судія; высшимъ божествомъ почитался *Перкунъ*, въ честь котораго постоянно пылалъ священный огонь. Князья же занимались преимущественно военными дѣлами. Отъ набѣговъ безпокойной Литвы много страдали сосѣднія

русскія княжества, особенно Полоцкое и Волынское. Пока это племя было раздроблено на мелкія владѣнія, Русскіе съ успѣхомъ отражали его набѣги, а иногда платили ему взаимными опустошеніями и налагали на него дань. Но въ половинѣ XIII вѣка здѣсь совершилась важная перемѣна. Хитрый Миндовгъ—сначала одинъ изъ мелкихъ литовскихъ князей (владѣтель городка Кернова)—отчасти силою, отчасти коварствомъ успѣлъ соединить подъ своею властью почти всю Литву, и одновременно съ эпохою Монгольскаго нашествія захватилъ нѣкоторыя русскія области. Большая часть Полоцкаго княжества сдѣлалась добычею новыхъ завоевателей; только побѣды Александра Невскаго и Даніила Романовича остановили на время успѣхи Литовцевъ. Угрожаемый въ тоже время со стороны Ливонскихъ рыцарей, Миндовгъ притворно принялъ католическую вѣру и вступилъ въ родство съ Даніиломъ; онъ погибъ въ послѣдствіи отъ руки обиженныхъ имъ родственниковъ. Послѣ его смерти въ Литвѣ наступили смуты и междоусобія, которыя продолжались почти половину столѣтія. Конецъ этимъ смутамъ и начало новому, быстрому возвышенію Литвы положилъ знаменитый Гедиминъ.

Гедиминъ. Преданіе говоритъ, что онъ былъ конюшимъ литовскаго князя Витена, умертвилъ своего господина и захватилъ себѣ верховную власть (1315 г.). Необыкновенно умный и предпріимчивый, Гедиминъ искусно воспользовался слабостью и неустройствами юго-западной Руси для того, чтобы подчинить ее литовскому владычеству. Сначала онъ пріобрѣлъ вліяніе на ея дѣла родственными связями и договорами; а потомъ одною рѣшительною побѣдою надъ соединенными силами южно-русскихъ князей и Монголовъ покорилъ земли Волынскую и Кіевскую. Жители русскихъ областей охотно признавали надъ собою владычество Литвы, потому что оно было

для нихъ освобожденіемъ отъ тяжелаго татарскаго ига. Гедиминъ принялъ титулъ великаго князя Литовскаго и Русскаго, и утвердилъ свою столицу въ городѣ Вильно, который былъ построенъ имъ на холмистыхъ берегахъ Виліи. Онъ много заботился о распространеніи образованности между полудикими Литовцами, даровалъ ганзейскимъ купцамъ право безпошлинной торговли въ своихъ владѣніяхъ и вызывалъ изъ сосѣднихъ земель ремесленниковъ; а завоеванными областями управлялъ довольно кротко и непреслѣдовалъ въ нихъ ни прежняго гражданскаго устройства, ни греческой религіи. Дальновидный политикъ, Гедиминъ старался родственными союзами связать свой домъ съ потомствомъ св. Владиміра, дозволяя даже своимъ сыновьямъ принимать крещеніе и строить христіанскіе храмы въ Вильнѣ и Новогродкѣ. Самъ же онъ остался вѣренъ религіи предковъ и умеръ язычникомъ; тѣло князя по древнему литовскому обычаю было сожжено на кострѣ вмѣстѣ съ боевымъ конемъ и любимымъ оруженосцемъ (1345 г.).

Ольгердъ. Слѣдуя тому же удѣльному порядку, который господствовалъ въ древней Руси и Польшѣ, Гедиминъ роздалъ волости своимъ семи сыновьямъ, но при этомъ стольный городъ Вильно назначилъ младшему сыну (Явнуту). Самый умный изъ братьевъ Ольгердъ соединился съ самымъ храбрымъ, Кейстутомъ, завладѣлъ Вильною и присвоилъ себѣ верховную власть надъ всѣмъ Литовскимъ княжествомъ. Правленіе его ознаменовано необыкновенною воинственною дѣятельностію. Со всѣхъ сторонъ окруженный врагами, Ольгердъ почти все время провелъ въ борьбѣ съ сосѣдями, и вездѣ оставался побѣдителемъ. Онъ докончилъ покореніе Южной Руси (т. е. присоединилъ княжества Черниговское и Сѣверское); далеко отодвинулъ въ степи татарскія орды, и первый началъ тѣснить Сѣверо-во-

сточную Русь; но борьба на западѣ съ Поляками и двумя рыцарскими орденами задержала его стремленіе на востокъ.

Ягелло. Подобно отцу Ольгердъ раздѣлилъ свое княжество и старшій столъ отдалъ младшему сыну Ягелло (1377 г.). Послѣдній захватилъ коварнымъ образомъ въ плѣнъ своего престарѣлаго дядю Кейстута и велѣлъ его умертвить. Стремясь возстановить единодержавіе, онъ началъ преслѣдовать родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, которые большею частію спаслись бѣгствомъ въ сосѣднія земли. Вскорѣ потомъ Ягелло пріобрѣтаетъ великое историческое значеніе: онъ окрестилъ Литовскій народъ по католическому обряду и положилъ начало соединенію Литвы съ Польшею,—что имѣло весьма важное вліяніе на дальнѣйшія судьбы Восточной Европы.

На Польскомъ престолѣ во второй половинѣ XIV вѣка прекратилась династія Пястовъ; корона перешла въ руки Венгерскаго короля, а потомъ досталась его дочери Ядвигѣ. Желая обратить опасныхъ сосѣдей въ вѣрныхъ союзниковъ и соединиться съ ними для общей борьбы противъ Нѣмцевъ, польскіе вельможи задумали устроить бракъ своей королевы съ великимъ княземъ Литовскимъ. Юная Ядвига, неравнодушная къ австрійскому герцогу, съ которымъ была уже обручена, долго несоглашалась отдать свою руку *свирѣпому язычнику*. Но такъ какъ Ягелло обѣщалъ принять католическую вѣру со всѣмъ своимъ народомъ, то духовенство убѣдило наконецъ королеву согласиться на этотъ бракъ. Въ 1386 г. Ягелло крестился и вмѣстѣ съ рукою Ядвиги получилъ королевскую корону. Вслѣдъ за тѣмъ окрещена и большая часть Литовскаго народа; древній огонь Перкуна угасъ, священные змѣи перебиты и заповѣдныя рощи истреблены. Но попытка новаго короля ввести католичество въ своихъ русскихъ областяхъ произвела здѣсь сильное неудовольствіе. Литовцы та-

кже не были довольны королемѣ, который поселился въ Кракове, и окружилъ себя польскою аристократіею; а на соединеніе съ Польшею они начали смотрѣть какъ на потерю своей самостоятельности. Этимъ неудовольствіемъ воспользовался хитрый, необыкновенно дѣятельный и властолюбивый Витовтъ, сынъ Кейстута: при помощи нѣмецкихъ рыцарей ему вскорѣ удалось отнять у своего двоюроднаго брата великое княжество Литовское.

Витовтъ продолжалъ наступательное движеніе Ольгерда на сѣверо-восточную Русь и захватилъ Смоленское княжество. Его постигла впрочемъ важная неудача на востокѣ: походъ противъ Золотой Орды, предпринятый съ большимъ отборнымъ войскомъ, окончился страшнымъ пораженіемъ на берегахъ Ворсклы. За то на западѣ борьба съ Тевтонскимъ орденомъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: литовскій князь соединился съ польскимъ королемъ, и общими силами они сокрушили навсегда могущество рыцарей (битвою при Танненбергѣ). Витовтъ умеръ въ глубокой старости, огорченный тѣмъ, что неисполнилась его надежда на полученіе королевскаго титула (1430 г.).

Послѣ Витовта Литовское великое княжество иногда существовало отдѣльно, но чаще соединялось съ Польшею подъ властью одного короля. Окончательное соединеніе было утверждено на общемъ Люблинскомъ сеймѣ (1569 г.) въ царствованіе Сигизмунда II Августа, послѣдняго короля изъ династіи Ягелло. Литва и Польша соединились на равныхъ правахъ и составили одну *Рѣчь Посполитую* (республику).

Когда Западная Русь была завоевана Литвою, завоеватели начали перенимать у покореннаго народа его образованность; послѣ же соединенія съ Польшею и Литва и Русь подверглись вліянію польской гражданственности. Въ юго-западной Руси, также какъ и въ Польшѣ, образовалось высшее сосло-

віе изъ магнатовъ, владѣвшихъ обширными помѣстьями, и изъ шляхты или мелкопомѣстныхъ дворянъ. Древніе русскіе княжества были раздѣлены на воеводства и повѣты; прежнихъ намѣстниковъ и тіуновъ замѣнили воеводы, каштеляны и старосты. Многіе русскіе города получили распространенное въ Польшѣ нѣмецкое городовое устройство (извѣстное подъ именемъ *Магдебургскаго права*) съ ремесленными цехами, войтами и бургомистрами. Въ юго-западную Русь проникли польскіе нравы и обычаи; языкъ также подвергся сильному вліянію польской рѣчи. Въ судопроизводство вошли многія статьи изъ польскаго права, которыя вмѣстѣ съ старыми мѣстными законами были собраны подъ именемъ *Литовскаго статута* и въ послѣдствіи напечатаны на русскомъ языкѣ. Но не смотря на всѣ старанія католическаго духовенства ввести латинскую вѣру, русскій народъ упорно держался своей прежней религіи по греческому обряду. Въ отношеніи къ церковной іерархіи Западная Русь отдѣлилась отъ Восточной во времена Витовта: онъ велѣлъ посвятить для первой особаго митрополита, который сталъ называться «Кіевскимъ и всея Россіи».

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

РУСЬ МОСКОВСКАЯ.

I. СѢВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ СОБИРАЕТСЯ ОКОЛО МОСКВЫ.

Во второй половинѣ XIII вѣка и въ началѣ XIV на сѣверо-востокѣ Россіи появляются три главныя княжества, въ которыхъ утвердилось потомство Всеволода III, и которые долго спорили между собою за первенство. Это:

а) Тверское, составленное изъ волостей лежавшихъ по верхнему теченію Волги и частію отнятыхъ великими князьями Суздальскими у Новогородцевъ. Небольшое по своему объему, оно было довольно густо населено, и, занимая выгодное положеніе между Новгородомъ и Восточною Россіею, изобиловало промышленными городами и селами. Замѣчательные города послѣ Твери: Кашинъ, Микулинъ, Ржевъ и Зубцевъ.

b) Суздальское (въ тѣсномъ смыслѣ) или Нижегородское, занимавшее среднее теченіе Волги и низовья Оки. Оно было самое обширное между сѣверо-восточными княжествами, но съ населеніемъ весьма рѣдкимъ. Важнѣйшіе города: Нижній Новгородъ, сдѣлавшійся столицею княжества, Суздаль, Галичъ, Кострома и Владиміръ на Клязьмѣ.

c) Московское.

Городъ *Москва* въ первый разъ упоминается лѣтописцемъ во время борьбы Юрія Долгорукаго съ племянникомъ Изяславомъ II; а именно, въ 1147 г. онъ угощалъ здѣсь своего союзника, одного изъ князей сѣверскихъ (Святослава Ольговича). Преданіе говоритъ, что тутъ находилось прежде помѣстье боярина Степана Кучка; что Юрій казнилъ боярина за какую-то вину и присвоилъ себѣ помѣстье; ему понравилось красивое мѣстоположеніе деревни Кучковой на берегу Москвы, посреди густыхъ лѣсовъ, и онъ велѣлъ построить здѣсь городокъ, который получилъ свое имя отъ рѣки. Послѣ Юрія Москва долго оставалась незначительнымъ городомъ Суздальской области подъ управленіемъ княжескихъ намѣстниковъ.

Основателемъ Московскаго княжества былъ младшій сынъ Александра Невскаго Даніилъ, который получилъ себѣ въ удѣлъ Москву съ нѣсколькими селами и деревнями. Этотъ умный, дѣятельный князь изъ небольшаго удѣла умѣлъ составить довольно сильное владѣніе. Его возвышенію много способствовалъ племянникъ (Іоаннъ Дмитріевичъ), который, умирая бездѣтнымъ, отказалъ Даніилу Переяславль Залѣсскій, одинъ изъ старинныхъ и самыхъ значительныхъ городовъ Сѣверной Россіи. Потомъ онъ отнялъ у сосѣдей — Рязанцевъ Коломну; а сынъ его Юрій захватилъ у Смольнянъ Можайскъ. Юрій былъ уже такъ силенъ, что вступилъ въ борьбу съ Тверскимъ княземъ за старшій Владимірскій столъ. Этотъ споръ, ознаменованный страшною жестокостью, продолжался 24 года (1304—1328) и былъ оконченъ въ пользу Москвы уже братомъ Юрія Іоанномъ Калитою.

Первая борьба между Москвою и Тверью. Великокняжескій Владимірскій столъ по смерти сыновей Алексан-

дра Невскаго по праву старшинства долженъ былъ перейдти къ его племяннику Михаилу Ярославичу Тверскому; но внукъ Александра Юрій Даниловичъ Московскій, необращая вниманія на права дяди, явился ему соперникомъ. Сначала и въ Ордѣ передъ судомъ Хана, и на полѣ битвы мужественный Михаилъ одержалъ верхъ. Однако Юрій упорно преслѣдовалъ свою цѣль: онъ нѣсколько лѣтъ хлопоталъ въ Ордѣ, женился между прочимъ на Кончакѣ, сестрѣ хана Узбека; а потомъ при помощи подкупленныхъ ханскихъ вельможъ заставилъ вызвать Михаила въ Орду, обвинивъ его въ отравленіи Кончаки, которая умерла въ плѣну у Тверскаго князя. Михаилъ былъ осужденъ на смерть и звѣрски замученъ почти на глазахъ своего жестокаго племянника. Юрій получилъ великокняжескій титулъ; но недолго торжествовалъ свою побѣду: онъ погибъ въ Золотой Ордѣ отъ руки сына Михаилова Димитрія по прозванью *Грозныя Очи*. Послѣдній за такое самоуправство былъ казненъ по повелѣнію Узбека.

Смертью соперниковъ вражда непрекратилась. Борьбу продолжали ихъ преемники: съ одной стороны братъ Димитрія Александръ, съ другой братъ Юрія Іоаннъ Даниловичъ *Калита* (т. е. мѣшокъ съ деньгами). Александръ получилъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе; но вскорѣ навлекъ на себя его гнѣвъ по слѣдующему случаю. Въ Тверь пріѣхалъ изъ Орды посолъ Чол-ханъ (или Щелканъ, какъ его называлъ русскій народъ). Татары, составлявшіе его многочисленную свиту, по обыкновенію позволяли себѣ дѣлать гражданамъ разныя обиды и насилія. Тверитяне, подстрекаемые самимъ княземъ, подняли мятежъ, напали на посольскую свиту, зажгли домъ, въ которомъ она оборонялась, и Татары погибли въ пламени. Калита ловко воспользовался гнѣвомъ Узбека: ханъ далъ ему большое войско и поручилъ наказать мятежниковъ. Тверское княжество подверглось сильному опустошенію, Александръ спасся бѣгствомъ, а великокняжескій титулъ перешелъ къ Іоанну Московскому. Въ послѣдствіи Александръ возвратился и получилъ прощеніе отъ хана; но

по проискамъ Калиты былъ вызванъ въ Орду, гдѣ и погибъ подобно своему отцу и брату.

Іоаннъ I Калита (1328 — 1340) представляетъ собою образецъ сѣверныхъ князей—*собирателей* Руси: необыкновенно расчетливый и осторожный, онъ однако не былъ разборчивъ на средства къ достиженію главной цѣли, т. е. къ возвышенію Москвы на счетъ ея сосѣдей. Особенно замѣчательна его политика въ отношеніи къ Татарамъ. Калита оказывалъ всегда полную покорность Узбеку, часто ѣздилъ въ Орду съ дарами и раболѣпно кланялся хану; заслуживъ его довѣріе, покровительство и помощь въ борьбѣ съ соперниками, онъ самихъ Татаръ сдѣлалъ орудіемъ для усиленія Москвы. Присвоивъ себѣ право собирать дань съ удѣльныхъ князей и доставлять ее въ Орду, Калита искусно пользовался этимъ правомъ, чтобы увеличить свою собственную казну. Во владѣніяхъ Московскаго князя водворилась тишина, и народъ началъ отдыхать послѣ продолжительныхъ смутъ и разореній; а безопасность привлекала сюда многихъ жителей изъ сосѣднихъ областей. Княжество свое Іоаннъ увеличилъ новыми пріобрѣтеніями, которыя совершилъ не силою оружія, а путемъ мирнымъ—преимущественно деньгами; онъ покупалъ у бѣдныхъ князей деревни, села и даже города.

Важнымъ событіемъ этого княженія было перенесеніе митрополіи изъ Владиміра въ Москву. Іоаннъ умѣлъ пріобрѣсти расположеніе митрополита Петра, такъ что Петръ жилъ большею частію въ Москвѣ; а преемникъ его Ѳеогностъ поселился здѣсь окончательно, и Москва сдѣлалась столицею Россіи въ церковномъ отношеніи. Митрополиты съ своей стороны всѣми силами помогали возвышенію Москвы; такъ напримѣръ, они употребляли иногда противъ непокорныхъ московскому князю духовное оружіе, т. е. церковное запрещеніе.

Сыновья Калиты (1340—1359). Калитѣ наслѣдовали одинъ за другимъ его сыновья Симеонъ Гордый и Іоаннъ II. Князья Тверской и Суздальскій напрасно пытались оспаривать у нихъ титулъ великаго князя Владимірскаго; ханы каждый разъ рѣшали споръ въ пользу Москвы. Симеонъ отличался характеромъ твердымъ и гордо обращался съ удѣльными князьями, за что и получилъ свое прозваніе. Онъ умеръ отъ моровой язвы, извѣстной въ лѣтописяхъ подъ именемъ Черной Смерти, которая изъ Азіи перешла въ западную Европу, а оттуда на ганзейскихъ корабляхъ занесена въ Россію и истребила здѣсь множество народу (1353 г.). Іоаннъ II характеромъ непоходилъ на своихъ предшественниковъ, потому что былъ кротокъ и миролюбивъ. Ему помогали въ управленіи старые отцовскіе бояре и въ особенности митрополитъ Алексѣй (родомъ изъ Черниговскихъ бояръ), который неоднократно ѣздилъ въ Орду и умѣлъ заслужить ханское благоволеніе.

Димитрій Донскій (1363—1389). Тѣ же старые бояре и митрополитъ Алексѣй поддерживали сына Іоанна II, юнаго Димитрія, когда его малолѣтствомъ хотѣлъ воспользоваться князь Суздальскій Димитрій Константиновичъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неудачной борьбы съ Москвою Суздальскій князь отказался отъ притязаній на Владимірскій столъ и потомъ выдалъ собственную дочь за своего бывшаго соперника. Молодой Димитрій скоро далъ почувствовать свою силу и другимъ сосѣдямъ. Такъ напримѣръ, когда тотъ же Суздальскій князь поспорилъ съ роднымъ братомъ Борисомъ за Нижній Новгородъ, Димитрій принялъ сторону своего будущаго тестя, и призвалъ на помощь духовное оружіе: св. Сергій, игуменъ и основатель Троицкой Лавры, по порученію митрополита Алексѣя отправился въ Нижній Новгородъ, заперъ тамъ храмы и прекратилъ богослуженіе. Борисъ принужденъ былъ смириться.

Все княженіе Димитрія наполнено непрерывнымъ рядомъ войнъ: онъ удачно воспользовался тѣми силами, которыя тихо и постепенно были приготовлены его предшественниками. Внукъ Калиты не былъ также расчетливъ и остороженъ какъ первые Московскіе князья, и, отличаясь болѣе отважнымъ, болѣе открытымъ характеромъ, смѣло вступилъ въ борьбу съ Тверью, Рязанью, Литвою и Ордою.

Тверь и Рязань, самые значительные удѣлы въ то время, съ опасеніемъ смотрѣли на постоянно возраставшую силу Москвы, и боясь потерять свою самостоятельность, старались помѣшать этому усиленію. Но они сами страдали отъ внутреннихъ смутъ и разъединенія: въ первой происходила вражда между князьями Тверскими и Кашинскими, во второй между Рязанскими и Пронскими; а Москва искусно вмѣшивалась въ эти междоусобія, чтобъ и тамъ и здѣсь утвердить свое вліяніе. Случилось такъ, что въ обоихъ княжествахъ современниками Димитрію Московскому явились лица, отличавшіяся дѣятельнымъ, мужественнымъ характеромъ и умѣньемъ пріобрѣсти народную любовь; то были: Михаилъ Александровичъ Тверской и Олегъ Ивановичъ Рязанскій. Первый началъ войну съ помощью зятя своего Ольгерда Литовскаго; три раза выступалъ Ольгердъ въ походъ и разорялъ московскія волости; однако рѣшительныхъ битвъ непослѣдовало. Когда же Литовцы прекратили войну, Михаилъ, оставшись одинъ, былъ побѣжденъ; онъ отказался отъ притязаній на старшинство и даже призналъ себя въ нѣкоторой зависимости отъ Москвы (1375 г.) *. Не такъ рѣшительна была побѣда надъ Рязанскимъ княземъ. Дол-

*) Сынъ послѣдняго московскаго тысяцкаго Вельяминова Иванъ по смерти отца перешелъ на службу къ Тверскому князю и хлопоталъ за него въ Ордѣ передъ ханомъ. На возвратномъ пути изъ Орды онъ былъ схваченъ и торжественно казненъ въ Москвѣ. Эта публичная казнь знатнаго боярина произвела на народъ сильное впечатлѣніе.

говременная вражда съ нимъ прекратилась только при помощи духовенства: тотъ же св. Сергій отправился въ Рязань и уговорилъ суроваго Олега заключить съ Москвою *вѣчный* миръ (1386 г.).

Между тѣмъ какъ Московское княжество со временъ Калиты постоянно усиливалось, Золотая Орда послѣ Узбека начала ослабѣвать вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и кровавыхъ распрей за ханскій престолъ; а во второй половинѣ XIV вѣка она даже раздѣлилась между нѣсколькими ханами. Димитрій Іоанновичъ думалъ, что пришла наконецъ пора свергнуть ненавистное иго. Онъ неотказался отъ своего замысла даже въ то время, когда вся Орда снова соединилась подъ властью Мамая, и открылъ враждебныя дѣйствія противъ Татаръ. Чтобы смирить Московскаго князя, Мамай послалъ на него большое войско; но Димитрій встрѣтилъ это войско въ Рязанской области на берегахъ Вожи и разбилъ его на голову (1378 г.). Мамай пришелъ въ ярость; онъ сталъ собирать огромныя силы, чтобы напомнить Россіи времена Батыева нашествія. Ягелло Литовскій обѣщалъ соединиться съ нимъ и вмѣстѣ идти на Москву. Но Димитрій вооружилъ сильную рать, призвалъ на помощь *подручныхъ* ему мелкихъ князей сѣверной Россіи, и быстрымъ движеніемъ на югъ предупредилъ соединеніе Мамая съ Ягелломъ. На полѣ Куликовомъ (при впаденіи рѣчки Непрядвы въ Донъ) 8 сентября 1380 года произошла знаменитая битва съ Татарами. Великій князь отрядилъ въ засаду часть войска подъ начальствомъ своего двоюроднаго брата храбраго Владиміра Андреевича и опытнаго воеводы Волынскаго. Спрятавшись въ сосѣднемъ лѣсу, они выждали время, пока обѣ стороны утомились битвою, и тогда съ свѣжимъ засаднымъ полкомъ ударили на непріятеля; разбитыя татарскія полчища обратились въ бѣгство.

Какъ ни блистательна была Куликовская побѣда, однако она неизбавила Россію отъ ига. Орда все еще была сильна и мно-

гочисленна, пополняясь время отъ времени приливомъ степныхъ варваровъ изъ Средней Азіи. Въ Сараѣ, на мѣстѣ низверженнаго Мамая, воцарился новый ханъ Тохтамышъ, который потребовалъ отъ русскихъ князей прежней дани и покорности. Когда же они неисполнили его требованія, ханъ, спустя два года послѣ Куликовской битвы, внезапно явился въ предѣлахъ Московскаго княжества, жители котораго уже отвыкли отъ татарскихъ погромовъ. Димитрій не имѣлъ на готовѣ войска, потому что народное ополченіе послѣ похода обыкновенно распускалось по домамъ и возвращалось къ мирнымъ занятіямъ; онъ удалился на сѣверъ собирать ратниковъ. Но въ его отсутствіе Тохтамышъ, коварнымъ образомъ захвативъ столицу, предалъ ее грабежу и пламени; тогда Московскій князь снова призналъ себя татарскимъ данникомъ. Куликовская побѣда однако непропала даромъ: она возвысила упавшій духъ Русскаго народа и пробудила надежду на близкое освобожденіе; а гордости и самоувѣренности завоевателей былъ нанесенъ ударъ: ханы поняли, что только быстрымъ неожиданнымъ нападеніемъ можно принудить Москву къ покорности.

Замѣчательно, что Димитрій въ своемъ духовномъ завѣщаніи благословилъ старшаго сына Василія не только Москвою, но и великимъ княженіемъ Владимірскимъ, называя послѣднее уже своею *отчиною*.

Василій I (1389—1425). Подобно Калитѣ онъ старался неупускать удобнаго случая тамъ, гдѣ представлялась возможность увеличить свою наслѣдственную область. Такъ, съ согласія Тохтамыша, онъ присоединилъ къ Москвѣ княжество Нижегородское (бояре котораго были имъ заранѣе подкуплены) и Муромскій удѣлъ. При немъ Восточная Россія испытала два татарскія нашествія. Первое было сдѣлано Тамерланомъ—новымъ Монгольскимъ завоевателемъ, вышедшимъ изъ

глубины Средней Азіи: преслѣдуя разбитаго имъ Тохтамыша, Тамерланъ опустошилъ берега Дона, но отъ Ельца воротился назадъ. Другое, болѣе чувствительное для насъ, нашествіе произошло по слѣдующему поводу. Во вторую половину своего княженія Василій поддался вліянію молодыхъ бояръ и попытался оставить прежнюю, осторожную политику: онъ думалъ воспользоваться смутами въ Золотой Ордѣ и пересталъ платить дань. Но старый мурза Эдигей (побѣдитель Витовта на берегахъ Ворсклы), бывшій полновластнымъ лицомъ въ Ордѣ, подобно Тохтамышу внезапно явился въ Московской области, разорилъ ее и взялъ большой выкупъ съ столицы. Великій князь долженъ былъ смириться.

Кромѣ того, большой опасности подвергалась Восточная Русь во времена Василія I со стороны грознаго Витовта. Покоривъ Смоленскій удѣлъ*, Витовтъ обнаружилъ стремленіе подчинить и самую Москву, хотя Василій былъ женатъ на его дочери. Три раза великій князь выступалъ съ войскомъ противъ тестя; впрочемъ до рѣшительной битвы дѣло не дошло, и соперники заключили миръ, по которому рѣка Угра назначена границею между Литовскою и Московскою Русью.

Василій II Темный (1425—1462). Начало его княженія ознаменовано первымъ и почти единственнымъ междоусо-

---

* Послѣдній Смоленскій князь былъ Юрій Святославичъ, нелюбимый подданными за свою жестокость. Потерявъ княжество, онъ не измѣнилъ своего буйнаго нрава и въ особенности запятналъ себя слѣдующимъ злодѣйскимъ поступкомъ. Василій Московскій сдѣлалъ его намѣстникомъ въ Торжкѣ; здѣсь вмѣстѣ съ Юріемъ поселился другъ его, одинъ изъ удѣльныхъ смоленскихъ князей, Симеонъ Вяземскій, который имѣлъ супругу Юліанію, отличавшуюся красотою и добродѣтелью. Юрій прельстился ею; но, встрѣтивъ мужественное сопротивленіе, пришелъ въ ярость, изрубилъ Юліанію въ куски и велѣлъ также убить ея супруга. Послѣ того онъ уѣхалъ въ Орду, скитался нѣкоторое время по южнымъ степямъ и кончилъ жизнь въ одномъ изъ рязанскихъ монастырей.

біемъ въ потомствѣ Калиты. Дядя Василія Васильевича Юрій Галицкій нехотѣлъ уступить великокняжескій престолъ племяннику, основываясь на древнемъ обычаѣ старшинства и на завѣщаніи отца своего Димитрія Донскаго. Соперники отправились въ Орду и представили дѣло на судъ Улу-Махмета, который рѣшилъ его въ пользу племянника.

У Василія Московскаго былъ бояринъ Иванъ Всеволожскій, который подкупилъ ордынскихъ вельможъ и очень искусно склонилъ приговоръ Хана въ пользу своего князя. Между тѣмъ какъ Юрій доказывалъ свои права древними обычаями и ссылался на отцовское завѣщаніе, бояринъ говорилъ, что Василій ищетъ великаго княженія не по завѣщанію, а по милости Хана, который воленъ отдать его кому захочетъ. Василій однако заплатилъ Всеволожскому неблагодарностью: онъ обѣщалъ жениться на его дочери, но по волѣ матери своей гордой Софьи Витовтовны женился на княжнѣ Боровской. Всеволожскій *отъѣхалъ* тогда на службу къ Юрію и постарался усилить его вражду съ Василіемъ.

Сюда же присоединилось оскорбленіе, нанесенное сыновьямъ Юрія Василію Косому и Димитрію Шемякѣ на свадебномъ пиру у молодаго Московскаго князя. Здѣсь одинъ изъ старыхъ бояръ узналъ на Косомъ поясъ, украшенный золотомъ и дорогими каменьями, который нѣкогда былъ отданъ въ приданое за женою Димитрія Донскаго, но украденъ во время свадьбы тысяцкимъ Вельяминовымъ и подмѣненъ другимъ поясомъ; переходя изъ рукъ въ руки то по наслѣдству, то вмѣстѣ съ приданымъ невѣсты онъ достался наконецъ Василію Юрьевичу. Бояринъ, признавшій поясъ, сказалъ о немъ Софьѣ Витовтовнѣ; а та приказала тотчасъ снять его съ Косаго. Братья уѣхали съ пира, поклявшись отомстить за такое оскорбленіе.

Побуждаемый своими безпокойными сыновьями, Юрій вооружился, изгналъ Василія изъ Москвы и умеръ здѣсь великимъ княземъ. Сыновья его продолжали борьбу. Захвативъ въ

плѣнъ Косаго, Василій Васильевичъ приказалъ его ослѣпить; но во время одной поѣздки на богомолье въ Троицкую Лавру, онъ въ свою очередь самъ попался въ руки Димитрія Шемяки и также былъ ослѣпленъ. Шемяка принялъ титулъ великаго князя. Борьба все-таки окончилась въ пользу Василія Васильевича, которому помогали духовенство, бояре и народъ Московскій. Вообще жителямъ болѣе нравилось наслѣдованіе по прямой линіи, т. е. отъ отца къ сыну, потому что новый порядокъ доставлялъ имъ болѣе спокойствія, нежели прежнія понятія о старшинствѣ, подававшія поводъ къ частымъ распрямъ. Послѣ двадцатилѣтняго междоусобія Василій, прозванный *Темнымъ*, окончательно сѣлъ на Московскомъ престолѣ, а Шемяка умеръ бѣглецомъ въ Новгородѣ.

Василій II снова утвердилъ московское вліяніе на сосѣднія русскія области, которыя во время предыдущихъ смутъ пришли въ зависимость отъ Литвы или вступили съ нею въ союзъ. Онъ уничтожилъ раздробленіе Московскаго княжества между потомками Калиты (оставивъ только Верейскій удѣлъ); но по старому обычаю передъ смертью надѣлилъ волостями своихъ младшихъ сыновей. Впрочемъ ихъ удѣлы могутъ считаться весьма незначительными въ сравненіи съ тою частію, которую получилъ старшій сынъ Іоаннъ, бывшій въ послѣдніе годы соправителемъ отца. Городъ Владиміръ назначенъ ему въ отцовскомъ завѣщаніи уже безъ всякаго различія съ прочими московскими городами.

Итакъ, обстоятельства, способствовавшія возвышенію Москвы, были слѣдующія:

1. Выгодное географическое положеніе—вдали отъ сильныхъ внѣшнихъ враговъ.

2. Цѣлый рядъ даровитыхъ личностей на Московскомъ столѣ; ихъ хитрая, настойчивая политика и расчетливая, хозяйственная дѣятельность.

3. Покровительство хановъ Золотой Орды.

4. Дѣятельная помощь со стороны духовной власти и боярскаго сословія.

5. Малочисленность княжеской фамиліи (сравнительно съ другими отраслями Рюриковичей) и отсутствіе внутреннихъ междоусобій до временъ Василія Темнаго.

6. Утвержденіе новаго порядка престолонаслѣдія—отъ отца къ сыну (или старшинство племянника надъ дядею), и сочувствіе населенія къ этому новому порядку.

7. Неустройства и раздробленіе сосѣднихъ княжествъ и пр.

При Василіѣ Темномъ произошло окончательное распаденіе Кипчакской монархіи; отъ Золотой Орды отдѣлились два большія владѣнія: Казань и Крымъ.

Основателемъ Казанскаго царства былъ тотъ самый Улу-Махметъ, который присудилъ великое княженіе Василію; но, когда онъ былъ изгнанъ изъ Сарая и искалъ убѣжища въ московскихъ предѣлахъ, великій князь послалъ противъ него войско. Ханъ удалился въ древнюю Болгарію, возобновилъ на берегахъ Волги разрушенный Русскими городокъ Казань, собралъ вокругъ себя толпы Монголовъ и началъ господствовать надъ окрестными племенами Мордвы, Черемисовъ, Камскихъ Болгаръ и др. (1440 г.). При помощи торговли и выгоднаго положенія Казань вскорѣ сдѣлалась многолюднымъ, богатымъ городомъ; а татары казанскіе набѣгами своими часто тревожили сосѣднія русскія области. Во время одного изъ такихъ набѣговъ они захватили въ плѣнъ неосторожнаго Василія, и только за большую сумму денегъ Улу-Махметъ возвратилъ свободу великому князю.

Еще сильнѣе Казани была Крымская Орда, которая составилась изъ татарскихъ улусовъ въ Крыму и на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Здѣсь утвердилась династія *Гиреевъ*; первый ханъ этой династіи Азы-Гирей по нѣкоторымъ извѣ-

стіямъ происходилъ отъ Тохтамыша. Крымскіе татары въ продолженіе трехъ столѣтій терзали Россію внезапными и опустошительными набѣгами.

Кромѣ того, изъ Золотой Орды въ XIV и XV вв. нерѣдко выходили знатные мурзы и царевичи, которые съ своими дружинами поступали на службу къ русскимъ князьямъ, получая отъ нихъ большія помѣстья и цѣлыя города на свое содержаніе (или «кормленіе») съ обязанностію защищать предѣлы и по первому призыву являться на помощь. Поселяя эти дружины на юго-восточныхъ границахъ, Московское правительство такимъ образомъ самихъ же Татаръ старалось противопоставить набѣгамъ ихъ соплеменниковъ. На берегахъ Оки, напримѣръ, явилось особое ханство Касимовское, которое получило свое названіе отъ Касима, одного изъ татарскихъ служебныхъ царевичей, и находилось въ ленной зависимости отъ великаго князя Московскаго.

Во времена Василія Темнаго лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ о казакахъ (именно Рязанскихъ, подъ 1444 г.). Такъ назывались легковооруженные ратники, которые служили въ южныхъ, украинскихъ городахъ и употреблялись для пограничной стражи, т. е. для наблюденія въ степи за движеніями Татаръ. Это собственно «казаки городовые»*. Рядомъ съ ними, далѣе въ степяхъ, образовался другой родъ казаковъ изъ русскихъ людей, искавшихъ свободнаго образа жизни и простора своему молодечеству. Въ степь убѣгали преимущественно тѣ, которымъ тяжела казалась жизнь на родинѣ, напримѣръ холопы. Мало-по-малу они составили независимыя военныя общины, которыя рѣшали свои дѣла вѣчемъ или *кругомъ* и сами выбирали себѣ предводителей (атамановъ). Степные или *вольные*

---

* Имя свое казаки заимствовали у сосѣдей—татаръ: въ Ордѣ *казаками* назывался нисшій классъ войска, сословіе благородныхъ составляли *уланы*, а высшее—*мурзы*.

казаки обыкновенно селились по берегамъ рѣкъ, изобилующихъ рыбою; очень часто они должны были вступать въ отчаянную борьбу съ сосѣдями-кочевниками, а иногда вмѣстѣ съ ними дѣлали набѣги на московскія и польскія владѣнія, и вообще неупускали случая пограбить караваны, шедшіе съ товарами въ Россію или изъ Россіи. По мѣрѣ того какъ монгольскія орды слабѣли и отодвигались отъ русскихъ границъ, усиливалось и размножалось казачество. Въ XVI столѣтіи оно уже занимало всѣ южныя украинскія степи и распадалось на двѣ главныя вѣтви: на Донскую и Днѣпровскую (или Малороссійскую); первая образовалась преимущественно изъ выходцевъ восточной, т. е. Московской Руси, а вторая—изъ юго-западной или Литовской.

II. Уничтоженіе удѣльно-вѣчеваго порядка въ сѣверовосточной Руси и успѣхи монархической власти въ московскомъ государствѣ.

Іоаннъ III 1462—1505 г.

Іоаннъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ умѣлъ пользоваться благопріятными обстоятельствами, и хотя медленнымъ, но твердымъ и неуклоннымъ шагомъ онъ почти всегда достигалъ своихъ цѣлей. Его княженіе ознаменовано многими важными событіями внѣшней и внутренней политики. Первое мѣсто между ними занимаетъ присоединеніе къ Москвѣ самыхъ значительныхъ удѣловъ сѣверо-восточной Россіи.

Паденіе В. Новгорода. Почти всѣ Владимірскіе великіе князья, начиная съ Андрея Боголюбскаго, тѣснили Новгородскую общину, отнимали у нея земли и старались ограничить ея вольности. Тоже самое дѣлали потомъ князья Московскіе:

со временъ Іоанна Калиты, почти всѣ они предпринимали походы противъ Новогородцевъ, при чемъ заставляли ихъ покупать миръ большими суммами денегъ съ обязательствомъ доставлять въ Москву ежегодную подать съ новогородскихъ волостей (извѣстную подъ именемъ «чернаго бора»), и одну за другою отнимали у нихъ земли. Торжеству внѣшнихъ враговъ много помогали внутреннія смуты и отсутствіе единодушія въ самой общинѣ. Новогородское вѣче неполучило правильнаго, опредѣленнаго устройства и постоянно представляло ожесточенную борьбу разныхъ партій. Тѣснимыя сильнѣйшею стороною, слабѣйшія партіи начали искать защиты передъ судомъ великаго князя Московскаго и такимъ образомъ подавали ему поводъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла своей общины. Одною изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ фамилій въ Новгородѣ были Борецкіе; во главѣ этой фамиліи находилась умная, честолюбивая Марѳа, вдова посадника Исаака Борецкаго, которая съ помощію подкупа составила себѣ многочисленную партію приверженцевъ между бѣдными гражданами и посредствомъ ихъ пріобрѣла вліяніе на рѣшенія вѣча.

Однажды московскіе намѣстники были оскорблены Новогородцами и великій князь потребовалъ удовлетворенія; но вѣче, увлекаемое партіею Борецкихъ, положило отдаться подъ покровительство польскаго короля Казиміра IV и заключило съ нимъ договоръ на довольно выгодныхъ для себя условіяхъ; впрочемъ большинство гражданъ неохотно соглашалось подчиниться королю-католику. Тогда Іоаннъ съ сильнымъ войскомъ выступилъ въ походъ, и князь Даніилъ Холмскій, начальствуя передовымъ московскимъ отрядомъ, разбилъ новогородское ополченіе на берегахъ Шелони; въ числѣ плѣнниковъ находился одинъ изъ сыновей Марѳы Борецкой, котораго Іоаннъ велѣлъ казнить вмѣстѣ съ тремя другими боярами. Между тѣмъ, слабый характеромъ, отвлекаемый иными заботами, Казиміръ не присылалъ ни какой по-

мощи; въ самомъ Новгородѣ поднялась партія людей, приверженныхъ къ Москвѣ и стала одолѣвать на вѣчѣ враждебную ей сторону Борецкихъ. Когда же отъ прекращенія подвозовъ вздорожалъ хлѣбъ, граждане упали духомъ и послали къ Іоанну бить челомъ о мирѣ. Великій князь согласился на миръ съ условіемъ, чтобы Новогородцы заплатили ему 15,500 руб.; на этотъ разъ онъ неуничтожилъ ихъ вѣчеваго устройства и укрѣпилъ за собою только право верховнаго суда (1471 г.).

Но, пока Новгородъ сохранялъ свою самостоятельность, его мирныя отношенія къ Москвѣ не могли быть продолжительны. Спустя шесть лѣтъ, Іоаннъ разсорился опять съ Новогородцами и предпринялъ второй походъ; на этотъ разъ онъ осадилъ городъ безъ битвы. Московская партія, главою которой былъ владыка Ѳеоѳилъ, опять взяла верхъ, и граждане снова просили мира. Но теперь Іоаннъ несоглашался мириться на прежнихъ условіяхъ. «Хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ», сказалъ великій князь, «въ немъ не должно быть ни вѣча ни посадника, а будетъ только моя государева воля». Новогородцы, подумавши, согласились, и присягнули Іоанну какъ своему полновластному государю (1478 г.) Вѣчевой колоколъ и престарѣлая Марѳа посадница были отправлены въ Москву. Однако волненія въ Новгородѣ послѣ того долго непрекращались, потому что граждане немогли скоро забыть о своей прежней вольности. Іоаннъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры: онъ казнилъ зачинщиковъ смутъ; перевелъ нѣсколько тысячъ новогородскихъ семей въ восточные города, а на мѣсто ихъ переселилъ купцовъ и дѣтей боярскихъ изъ Московской области, чѣмъ ослабилъ сторону враждебную Москвѣ и усилилъ партію ея приверженцевъ. Кромѣ того, по поводу ссоры съ г. Ревелемъ, великій князь велѣлъ захватить въ своихъ владѣніяхъ до 50 ганзейскихъ купцовъ и бросить ихъ въ тюрьму, а товары ихъ отобрать въ

казну; торговля съ Ганзою почти прекратилась, что нанесло окончательный ударъ благосостоянію Новгорода.

Присоединеніе Твери и другихъ областей. Послѣднимъ Тверскимъ княземъ былъ Михаилъ Борисовичъ, родственникъ Іоанна (по женѣ) и нѣкоторое время его союзникъ. Но когда Новгородъ былъ покоренъ, Тверской князь, видя себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ московскими владѣніями, началъ опасаться за свою самостоятельность и думалъ обезпечить ее союзомъ съ Казиміромъ IV. Узнавъ о сношеніяхъ Твери съ Литвою, Іоаннъ объявилъ войну Михаилу Борисовичу; обманутый надеждою на литовскую помощь, послѣдній нерѣшился оружіемъ защищать свои права и убѣжалъ въ Литву (1485). Такимъ образомъ Тверь безъ всякаго кровопролитія была присоединена къ Москвѣ; а князья мелкихъ тверскихъ удѣловъ и бояре тверскіе поступили на службу къ Іоанну III. Далѣе, Іоаннъ присоединилъ удѣлъ Верейскій, наслѣдовалъ волости двухъ братьевъ своихъ, умершихъ бездѣтными, и отнялъ удѣлъ у третьяго (Андрея Большаго), котораго за непокорность велѣлъ заключить въ темницу, гдѣ онъ и умеръ. Часть Рязанской области также перешла въ руки Іоанна. Такимъ образомъ въ сѣверо-восточной Россіи оставались неприсоединенными только Псковъ и другая часть Рязани, которые безусловною покорностью великому князю сохранили еще на нѣкоторое время тѣнь своей самостоятельности. Вообще въ княженіе Іоанна московскіе предѣлы далеко распространились на сѣверъ и востокъ; такъ, окончательно была покорена Вятская община, завоеваны земли Пермская, Печерская и Югорская; московскіе отряды переправлялись за Уральскій хребетъ и на лыжахъ доходили до береговъ Оби.

Уничтоженіе татарскаго ига. Зависимость отъ Золотой Орды существовала уже болѣе по имени, нежели въ

дѣйствительности: она состояла въ томъ, что великій князь посылалъ иногда хану небольшую дань и честилъ его пословъ; но Іоаннъ задумалъ уничтожить и самую тѣнь постыднаго ига. Онъ воспользовался взаимною ненавистію хановъ Крымской и Золотой Орды и заключилъ тѣсный союзъ съ Менгли-Гиреемъ; потомъ прогналъ изъ Москвы пословъ сарайскаго хана Ахмата и навсегда отказалъ ему въ дани. Ахматъ выступилъ въ походъ, условившись съ Казиміромъ IV въ одно время напасть на Московское княжество. Но Іоаннъ заранѣе принялъ всѣ мѣры, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ: Менгли-Гирей сдѣлалъ набѣгъ на Литву и отвлекъ Казиміра; въ тоже время московскій отрядъ соединился съ крымцами и разорилъ Сарай, остававшійся беззащитнымъ. Самъ великій князь съ многочисленными силами встрѣтилъ татаръ на берегахъ Угры; ни то ни другое войско однако нехотѣло перейдти рѣку. Іоаннъ въ этомъ случаѣ осторожность свою довелъ до крайности: тщетно народъ изъявлялъ негодованіе и ростовскій архіепископъ Вассіанъ уговаривалъ великаго князя невнимать совѣтамъ нѣкоторыхъ малодушныхъ бояръ; Іоаннъ нерѣшился первый начать битву, и, когда рѣка стала покрываться льдомъ, велѣлъ отступать (1480 г.). Ахматъ не преслѣдовалъ русскихъ и воротился назадъ; онъ вскорѣ былъ убитъ однимъ изъ татарскихъ князей. Сыновья его однако неоставляли своихъ притязаній на московскую дань, пока вѣрный союзникъ Іоанна Менгли-Гирей, послѣ кровопролитной борьбы, не разрушилъ окончательно Кипчакскаго царства. Такимъ образомъ Монгольское иго прекратилось, но вредные слѣды его долго еще жили въ русскомъ народѣ: оно способствовало огрубѣнію нравовъ, порчѣ народнаго характера, угнетенію нисшаго класса и распространенію въ Россіи многихъ обычаевъ, свойственныхъ деспотическимъ, азіатскимъ государствамъ.

Борьба съ Литвою. Поводъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ между Москвою и Литвою подали мелкіе пограничные князья Чернигово-Сѣверской области, которыхъ Іоаннъ умѣлъ привлечь на свою сторону; они стали отдѣляться отъ Литвы и переходить съ своими городами въ московское подданство. Тщетно Казиміръ требовалъ, чтобъ ему возвратили назадъ города; онъ умеръ, приготовляясь къ войнѣ съ Москвою. Старшій сынъ его сдѣлался Польскимъ королемъ, а младшій Александръ великимъ княземъ Литовскимъ. Въ надеждѣ отклонить Іоанна III отъ враждебныхъ замысловъ, Александръ женился на его дочери, и уступилъ ему часть Сѣверскихъ удѣловъ (Новосильскій, Бѣлевскій, Одоевскій, Воротынскій и др.). Неудовольствія однако не прекратились; возобновился и переходъ удѣльныхъ князей къ единовѣрной Москвѣ. Іоаннъ первый объявилъ войну, и воевода его Даніилъ Щеня нанесъ непріятелямъ сильное пораженіе близъ Дорогобужа (1500 г.); начальникъ литовскаго войска гетманъ Константинъ Острожскій попался въ плѣнъ со всею артиллеріею. За то въ слѣдующемъ году союзникъ Александра магистръ Ливонскаго ордена Плеттенбергъ, который съумѣлъ на нѣкоторое время воскресить древнюю славу рыцарей, разбилъ московскія войска при Изборскѣ. Наконецъ Александръ, по смерти старшаго брата снова соединившій подъ одною короною Литву и Польшу, заключилъ съ Іоанномъ шестилѣтнее перемиріе; Сѣверская область осталась въ рукахъ Москвитянъ (1503 г.).

Бракъ съ Софьею Палеологъ и его слѣдствія. Послѣ завоеванія Византіи турками, племянница послѣдняго греческаго императора царевна Софья съ отцомъ и братьями нашла убѣжище въ Римѣ. Папа предложилъ руку Софьи овдовѣвшему Іоанну, надѣясь при ея помощи войти въ дружескія сношенія съ Москвою и подчинить себѣ Русскую церковь.

Предложеніе было принято, царевна прибыла въ Москву и вступила въ бракъ съ великимъ княземъ (1472 г.); но папа обманулся въ своихъ видахъ на подчиненіе русской церкви. Софьѣ обыкновенно приписываютъ важное вліяніе на дальнѣйшую московскую политику. Говорятъ, по ея настоянію Іоаннъ отказался платить дань Золотой Ордѣ и окончательно уничтожилъ иго; кромѣ того гордой византійской принцессѣ не понравилась простота, которая господствовала въ образѣ жизни Московскихъ князей, и она побудила супруга окружить себя бо́льшимъ блескомъ и величіемъ.

Старые бояре, привыкшіе запросто обходиться съ великимъ княземъ, скоро замѣтили, что онъ началъ держать ихъ въ почтительномъ отдаленіи, сдѣлался строгъ и взыскателенъ; приписавъ такую перемѣну Софьѣ, они стали питать къ ней сильное нерасположеніе, которое обнаружили особенно по поводу вопроса о престолонаслѣдіи. Отъ первой супруги великаго князя, Маріи Тверской, у него былъ сынъ Іоаннъ *Молодой*, который считался наслѣдникомъ Московскаго престола и принималъ уже дѣятельное участіе въ дѣлахъ правленія; но вдругъ онъ занемогъ и скончался къ великому огорченію отца и народа (1490 г.). Отъ его брака съ Еленою, дочерью Молдавскаго господаря, остался сынъ Димитрій. Тогда былъ поднятъ вопросъ о томъ, кому наслѣдовать престолъ, Димитрію или Василію (старшему сыну Софьи). Бояре, враждебные греческой царевнѣ, приняли сторону перваго; они обвинили Василія съ матерью въ непріязненныхъ замыслахъ противъ великаго князя, и такъ успѣли настроить Іоанна, что онъ велѣлъ заключить подъ стражу сына, удалилъ отъ себя Софью, и торжественно вѣнчалъ внука Димитрія на великое княженіе (1498 г.). Но, спустя нѣсколько времени, обнаружились происки бояръ, что навлекло на нихъ гнѣвъ великаго князя: особенно пострадали при этомъ случаѣ двѣ знатныя фамиліи, князья Па-

трикѣевы и Ряполовскіе: первыхъ постригли въ монахи, а одному изъ Ряполовскихъ отрубили голову. Іоаннъ помирился съ Софьею, объявилъ наслѣдникомъ Василія, а внука посадилъ подъ стражу.

Въ связи съ этими семейными раздорами и придворными партіями появилась въ Москвѣ такъ называемая «Жидовская ересь», которая представляла соединеніе нѣкоторыхъ іудейскихъ вѣрованій съ христіанскими. Она распространилась сначала на югѣ Россіи. Глава еретиковъ жидъ Захарія пріѣхалъ изъ Кіева въ Новгородъ и привлекъ на свою сторону нѣсколько духовныхъ лицъ, которыя перенесли ересь въ Москву. Тутъ въ числѣ ея тайныхъ послѣдователей были: архимандритъ Симонова монастыря Зосимъ, который пользовался благосклонностію Іоанна III и даже былъ возведенъ въ санъ митрополита, потомъ Елена, невѣстка великаго князя и его любимый дьякъ Ѳедоръ Курицинъ. Архіепископъ новогородскій Геннадій первый открылъ гоненіе на ересь; съ нимъ соединился основатель Волоколамскаго монастыря краснорѣчивый Іосифъ Санинъ, который написалъ противъ еретиковъ многія обличительныя проповѣди. Между тѣмъ какъ партію еретическую поддерживала при дворѣ Елена, жена Іоанна Молодаго, православная партія нашла опору въ Софьѣ. Долго великій князь непринималъ рѣшительныхъ мѣръ противъ ереси, и только въ 1504 г., уже по смерти Софьи, созвалъ духовный соборъ, послѣ котораго уличенные въ ереси были частію сожжены, частію разосланы въ заточеніе. Ересь однако не уничтожилась.

Бракъ съ Софьею способствовалъ возобновленію сношеній между Россіею и Западною Европою, прекратившихся (за исключеніемъ Новгорода) во время монгольскаго владычества. Іоаннъ началъ заботиться объ украшеніи своей столицы каменными зданіями и съ этою цѣлью выписывалъ изъ Италіи разнаго рода художниковъ и мастеровъ; самымъ знаменитымъ

между ними былъ архитекторъ Аристотель Фіоравенти, строитель Московскаго Успенскаго Собора. Въ тоже время были построены Архангельскій Соборъ, каменный великокняжескій дворецъ, новыя стѣны съ красивыми башнями около Московскаго Кремля и каменныя крѣпости въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ; кромѣ того, иностранные мастера лили пушки, открыли серебряную руду въ Печерскомъ краѣ, чеканили монету и пр. *. Начались и дипломатическія пересылки московскаго правительства съ европейскими дворами. Такъ Іоаннъ мѣнялся посольствами съ Венгерскимъ королемъ и Германскимъ императоромъ, которые искали союза Москвы противъ Польши и Турціи; съ Даніею завязались сношенія вслѣдствіе общей вражды противъ Швеціи; съ Венеціею и Турецкимъ султаномъ великій князь сносился ради торговыхъ интересовъ.

Изъ памятниковъ правительственной дѣятельности Іоанна III замѣчательно изданіе *Судебника*, который былъ составленъ дьякомъ Гусевымъ (1497 г.). Здѣсь опредѣленъ самый порядокъ судопроизводства: такъ, бояринъ или боярскій сынъ долженъ судить не одинъ, а вмѣстѣ съ *товарищами* (дворскимъ, старостою и лучшими людьми); за нѣкоторыя преступленія назначена смертная казнь, въ тяжбахъ позволяется уже рѣшать дѣло *полемъ* или поединкомъ, и судьямъ запрещено брать

---

*) Изъ иностранныхъ мастеровъ, вызванныхъ московскимъ правительствомъ, лекарямъ на первое время въ Россіи непосчастливилось:

Когда Іоаннъ Молодой заболѣлъ, его ввѣрили попеченіямъ одного нѣмецкаго доктора Леона; докторъ ручался головою, что вылечитъ больнаго. Но больной умеръ, и великій князь по истеченіи шести недѣль велѣлъ всенародно казнить несчастнаго Леона. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ такой же участи подвергся другой нѣмецкій докторъ, Антонъ; онъ лѣчилъ одного татарскаго царевича; когда же послѣдній умеръ, Антонъ былъ выданъ его родственникамъ и публично зарѣзанъ Татарами. Такое варварское правосудіе очень напугало иностранцевъ; многіе изъ нихъ хотѣли уѣхать на родину, между прочимъ и знаменитый художникъ Аристотель; но великій князь насильно удержалъ его въ Москвѣ.

посулъ (взятки). Далѣе, великій князь много заботился объ умноженіи военныхъ силъ, принималъ въ свою службу нѣмцевъ и литвиновъ, знающихъ военное ремесло, и первый завелъ въ Россіи значительную артиллерію.

Іоаннъ III нерѣшился однако совсѣмъ отмѣнить древній обычай наслѣдованія въ своей семьѣ, и отдѣлилъ младшимъ сыновьямъ особыя волости; но они не имѣли права чеканить монету или входить въ сношенія съ иноземными государями, и по слабости своихъ удѣловъ немогли быть опасными единодержавію, которое все болѣе и болѣе утверждалось въ Московской землѣ.

ВАСИЛІЙ III 1505—1533.

Уступая талантами своему отцу, Василій тѣмъ неменѣе съ успѣхомъ продолжалъ его политику въ отношеніи къ удѣльнымъ князьямъ, къ сосѣднимъ государствамъ и собственнымъ подданнымъ. Онъ окончилъ начатое его предшественниками собираніе Сѣверо-восточной Руси, присоединивъ къ Москвѣ остальные удѣлы, сохранявшіе еще тѣнь своей самостоятельности, т. е.: Псковъ, Рязань и Сѣверское княжество.

Послѣдніе удѣлы. Во Псковѣ, также какъ въ Новгородѣ, происходили частыя смуты вслѣдствіе вражды лучшихъ людей съ простыми гражданами, что подавало поводъ великому князю вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла. Сюда со временъ Іоанна III присоединились распри вѣча съ московскими намѣстниками и жалобы великому князю на притѣсненія его чиновниковъ. Василій III воспользовался одною изъ такихъ распрей, и уничтожилъ Псковское вѣче (1510 г.).

Великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ, и здѣсь началъ разбирать дѣло своего намѣстника князя Рѣпни-Оболенскаго съ

Псковскими гражданами; обѣ стороны жаловались другъ на друга. Василій вступился за намѣстника, и велѣлъ заключить подъ стражу призванныхъ изъ Пскова посадниковъ и лучшихъ людей. Одинъ псковскій купецъ въ то время ѣхалъ въ Новгородъ; узнавъ дорогою объ участи посадниковъ, онъ бросилъ товаръ и поскакалъ назадъ извѣстить своихъ согражданъ. Страхъ и тоска овладѣли Псковитянами, когда они поняли, что насталъ конецъ ихъ вольности. Собралось вѣче, и долго разсуждало о томъ, какія мѣры должно принять въ такихъ обстоятельствахъ. Порѣшили однако, что сопротивленіе открытою силою безполезно, и послали гонца къ Василію бить челомъ, чтобъ онъ смиловался надъ своею отчиною. Въ отвѣтъ на это челобитье пріѣхалъ дьякъ Далматовъ, и объявилъ гражданамъ отъ имени великаго князя два требованія: первое, чтобы вѣча впередъ не было, и второе, чтобы во всѣхъ псковскихъ городахъ были московскіе намѣстники. Сказавъ свою рѣчь, дьякъ сѣлъ на вѣчевой ступени, и дожидался отвѣта. Псковитяне такъ были поражены горемъ, что отъ слезъ едва могли говорить. Они попросили сроку на размышленіе до слѣдующаго утра; но весь остальной день и всю ночь провели только въ слезахъ, и съ рыданіемъ обнимали другъ друга. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня въ послѣдній разъ граждане собрались на вѣче; они объявили послу, что нехотятъ принимать на себя грѣхъ кровопролитія и во всемъ покоряются государю своему великому князю. Тогда сняли вѣчевой колоколъ у соборной церкви св. Троицы, и Далматовъ повезъ его въ Новгородъ къ Василію.

Послѣ того триста семействъ лучшихъ псковскихъ гражданъ должны были переселиться въ Москву; а на ихъ мѣсто прислано столько же купеческихъ семействъ изъ восточныхъ городовъ.

Точно также безъ борьбы присоединены были и другіе удѣлы. Молодой Рязанскій князь Иванъ Ивановичъ задумалъ

уничтожить свою зависимость отъ Москвы; онъ вступилъ въ тайныя сношенія съ Крымскимъ ханомъ и Польскимъ королемъ Сигизмундомъ I, надѣясь получить отъ нихъ помощь. Узнавъ о его замыслахъ, великій князь подкупилъ главныхъ совѣтниковъ Ивана и пригласилъ его на свиданье къ себѣ въ столицу. Лишь только Рязанскій князь явился въ Москву, какъ его отдали подъ стражу, а въ рязанскіе города посланы московскіе намѣстники (1520 г.). Въ слѣдующемъ году, при нашествіи Крымцевъ, Ивану удалось убѣжать къ Сигизмунду въ Литву, куда обыкновенно спасались удѣльные князья, нехотѣвшіе подчиниться Москвѣ, и недовольные московскіе бояре. Съ Рязанскою областью было поступлено также какъ съ Новгородомъ и Псковомъ: многія фамиліи помѣщиковъ переведены изъ Рязани въ Москву, а ихъ помѣстья розданы московскимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ. Послѣднимъ княземъ Новгорода Сѣверскаго былъ Василій Шемякинъ (внукъ Шемяки); когда, обвиненный въ тайныхъ сношеніяхъ съ Литвою, онъ пріѣхалъ въ столицу для оправданія, его заключили подъ стражу, а Сѣверское княжество присоединили къ Москвѣ (1523 г.) *.

В о й н ы с ъ Л и т в о ю и Т а т а р а м и. Главнымъ виновникомъ войны съ Сигизмундомъ I былъ знатный литовскій вельможа Михаилъ Глинскій, который передался на сторону Василія и побудилъ его начать враждебныя дѣйствія (1507 г.). Война, прекратившаяся спустя нѣсколько мѣсяцевъ, возобновилась черезъ четыре года съ бо́льшею силою. Самыя замѣчательныя событія ея были: во первыхъ, взятіе Смоленска Москвитянами подъ личнымъ начальствомъ великаго князя (1514 г.); во

*) Расказываютъ, будто бы одинъ умный шутъ около того времени ходилъ по улицамъ Москвы съ метлою и кричалъ: «пора очистить государство отъ послѣдняго сора» (т. е. отмѣнить послѣдняго удѣльнаго князя).

вторыхъ. сильное пораженіе, которое московскіе воеводы въ томъ же году потерпѣли отъ Литовцевъ близъ города Орши; начальникомъ непріятелей въ этой битвѣ былъ Константинъ Острожскій, успѣвшій спастись бѣгствомъ изъ плѣна. Наконецъ въ 1522 году заключено перемиріе, и Смоленскъ, болѣе ста лѣтъ находившійся подъ владычествомъ Литвы. остался за Москвою.

Со временъ Василія начинаются опустошительные набѣги на Россію Крымскихъ татаръ, которыхъ при Иванѣ III удерживалъ его союзникъ Менгли-Гирей. Сынъ и наслѣдникъ Менгли-Гирея Махметъ, подкупленный польскимъ золотомъ, сдѣлался заклятымъ врагомъ Москвы. Его вражда еще болѣе усилилась по поводу Казанскихъ дѣлъ. Воеводы Ивана III привели Казань въ зависимость отъ Москвы; но зависимость эта была весьма непрочная; при удобномъ случаѣ Казанцы отъ нея отказывались, нападали на русскія области, грабили и убивали пріѣзжавшихъ къ нимъ русскихъ купцовъ. Когда прекратилась въ Казани династія Улу-Махмета (1518 г.), Василій назначилъ туда ханомъ Шигъ-Алея, одного изъ служебныхъ татарскихъ царевичей. Но казанскіе вельможи снеслись съ Магметъ-Гиреемъ и призвали къ себѣ на престолъ его брата. Шигъ-Алей бѣжалъ въ Москву. Вслѣдъ затѣмъ Магметъ-Гирей съ своими полчищами бросился на Россію, опрокинулъ сторожевыхъ воеводъ, стоявшихъ на Окѣ, и подступилъ къ столицѣ; съ нимъ соединились Казанцы, Ногаи и днѣпровскіе казаки (подъ начальствомъ атамана Дашковича). Застигнутый въ расплохъ, великій князь удалился въ Волоколамскъ собирать войско. Магметъ-Гирей однако недолго простоялъ подъ Москвою, и воротился въ Крымъ, уводя съ собою множество плѣнниковъ (1521 г.).

По нѣкоторымъ извѣстіямъ Крымскій ханъ только тогда согласился отступить отъ столицы, когда московскіе воеводы

выдали ему грамоту, въ которой именемъ великаго князя обязались платить ежегодную дань. На возвратномъ пути Магметъ-Гирей остановился у Переяславля Рязанскаго, гдѣ въ то время начальствовалъ мужественный воевода Хабаръ. Ханъ хотѣлъ захватить городъ хитростію и велѣлъ показать Хабару московскую грамоту; но тотъ, получивъ грамоту, вдругъ приказалъ открыть пальбу, и рязанскій пушкарь Іорданъ, родомъ нѣмецъ, удачнымъ выстрѣломъ положилъ на мѣстѣ множество татаръ. Ханъ поспѣшилъ уйдти отъ города, а постыдная грамота осталась въ рукахъ Хабара. Послѣдній былъ награжденъ саномъ боярина, и подвигъ его приказано записать въ государственную лѣтопись.

Магметъ вскорѣ былъ убитъ ногайскими мурзами; а Василій, оправившись отъ нашествія, изгналъ Гиреевъ изъ Казани, и посадилъ тамъ другаго татарскаго царевича, который обязался быть присяжникомъ (т. е. вассаломъ) московскаго государя. Въ тоже время великій князь запретилъ русскимъ купцамъ ѣздить на казанскую ярмарку и положилъ начало знаменитой Макарьевской (теперь Нижегородской) ярмарки.

Внутренняя политика. Неудовольствія бояръ (на перемѣну въ обхожденіи великаго князя), начавшіяся при Иванѣ III, еще болѣе усилились при Василіѣ, который не терпѣлъ противорѣчій и только для виду отдавалъ дѣла на обсужденіе боярскаго совѣта или *думы*. Знатныя лица, слишкомъ явно выражавшія свое неудовольствіе, подвергались строгому наказанію. Такъ князь Василій Холмскій, женатый на сестрѣ государя, отправленъ въ заточеніе. Бояринъ Берсень-Беклемишевъ вздумалъ громко жаловаться на то, что великій князь слѣдуетъ новымъ обычаямъ, привезеннымъ его матерью Софьею, и что онъ рѣшаетъ всѣ дѣла «запершись самъ третей у постели»; Берсеню за такія рѣчи отрубили голову. (Два лица, съ которыми Василій самъ третей рѣшалъ государственныя дѣла были: любимый

его дворецкій Шигона Поджогинъ и одинъ изъ приближенныхъ дьяковъ). Митрополитъ Варлаамъ, неодобрявшій поступковъ Василія, лишился своего сана и заточенъ въ монастырь. Баронъ Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ посломъ отъ Германскаго императора, говоритъ въ своихъ любопытныхъ запискахъ о Россіи, что Василій властью надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ.

Супруга великаго князя Соломонида (изъ рода бояръ Сабуровыхъ) была бездѣтна; а между тѣмъ Василій нехотѣлъ, чтобы престолъ послѣ его смерти перешелъ къ кому-либо изъ братьевъ, которыхъ онъ считалъ людьми неспособными, и сильно желалъ имѣть собственное потомство. Поэтому великій князь заключилъ Соломониду въ монастырь, и съ разрѣшенія митрополита Даніила женился на Еленѣ, племянницѣ литовскаго выходца князя Михаила Глинскаго (1526 г.). Многіе бояре и духовныя лица были недовольны такимъ поступкомъ, особенно вооружался противъ развода старецъ Вассіанъ Косой (одинъ изъ князей Патрикеевыхъ, постриженныхъ въ монахи); его поддерживалъ другой монахъ, знаменитый своею ученостію, Максимъ Грекъ, который былъ призванъ въ Москву съ Аѳонской горы для перевода церковныхъ книгъ съ греческаго языка. Вассіана и Максима обвинили въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ противъ церкви и заточили въ дальніе монастыри.

ІОАННЪ IV ГРОЗНЫЙ 1533—1584 Г.

Елена и времена боярскаго правленія. Послѣ Василія остались два малолѣтные сына Іоаннъ и Юрій. Народъ присягнулъ Іоанну, а правительницею была объявлена мать его Елена, женщина съ умомъ и рѣшительнымъ характеромъ. Наибольшею ея довѣренностію пользовался князь Телепневъ-Оболенскій, молодой человѣкъ, отличавшійся красивою

наружностію. Разнаго рода интриги и крамолы незамедлили обнаружиться при московскомъ дворѣ; жертвою этихъ интригъ, между прочимъ, сдѣлались братья покойнаго государя Юрій и Андрей Старицкій: ихъ обвинили въ честолюбивыхъ замыслахъ, заключили въ темницу, гдѣ они и окончили свою жизнь. Таже участь постигла дядю Елены Михаила Глинскаго, который хотѣлъ играть первую роль при дворѣ и немогъ ужиться въ мирѣ съ Оболенскимъ. Правленіе Елены, неотмѣченное никакими особенно важными событіями внутренней или внѣшней политики, продолжалось пять лѣтъ; говорятъ, ее отравили бояре (1538 г.); а Телепнева-Оболенскаго они послѣ того немедленно бросили въ темницу и тамъ уморили голодомъ.

Наступило десятилѣтнее самовластіе бояръ, ознаменованное взаимною борьбою правителей, и угнетеніемъ, которое причиняли народу ихъ клевреты. Первое мѣсто между боярами заняла фамилія князей Шуйскихъ (потомки удѣльныхъ-суздальскихъ) и во главѣ боярской думы сталъ Василій Шуйскій, человѣкъ способный, но весьма жестокій.

Слѣдующій поступокъ даетъ ясное понятіе о его характерѣ: Василій III, овладѣвъ Смоленскомъ, поставилъ здѣсь намѣстникомъ князя Шуйскаго. Послѣ пораженія русскаго войска при Оршѣ многіе лучшіе люди въ Смоленскѣ завели сношенія съ литовцами и приглашали ихъ взять назадъ городъ, обѣщая съ своей стороны дѣятельную помощь. Василій Шуйскій, узнавъ о томъ, схватилъ главныхъ заговорщиковъ, и, когда литовцы явились передъ городомъ, онъ велѣлъ повѣсить арестованныхъ смольнянъ на городской стѣнѣ съ тѣми самыми подарками, которые они недавно получили отъ великаго князя Московскаго: одни, напримѣръ, висѣли въ дорогихъ собольихъ шубахъ, у другихъ на шеѣ были привязаны серебряные ковши и пр. Тогда измѣнниковъ въ городѣ неоказалось, и литовскій отрядъ долженъ былъ отступить.

Впрочемъ Василій Шуйскій скоро умеръ; а послѣ него власть перешла въ руки князя Ивана Бѣльскаго (изъ потомковъ Гедимина), который управлялъ государствомъ довольно кротко и искусно, но къ сожалѣнію не долго. Шуйскіе, имѣвшіе на своей сторонѣ многочисленную партію, свергли его и опять завладѣли правленіемъ; они мало заботились о внѣшней безопасности Россіи, расхищали государственную казну; а родственникамъ своимъ и приверженцамъ раздавали главныя правительственныя должности, позволяя имъ грабить и притѣснять народъ.

Между тѣмъ подросталъ молодой государь. Іоаннъ имѣлъ отъ природы необыкновенно живыя способности и пылкій, впечатлительный характеръ; къ несчастію никто непозаботился дать ему хорошее воспитаніе. Бояре обходились съ нимъ грубо, дѣлали его свидѣтелемъ позорныхъ сценъ, часто оскорбляли самолюбіе дитяти и тѣмъ ожесточали его сердце. Съ раннихъ лѣтъ уже Іоаннъ началъ обнаруживать большую жестокость, которая проявлялась и въ самыхъ дѣтскихъ его забавахъ; такъ онъ находилъ удовольствіе мучить животныхъ, или, разъѣзжая иногда съ толпою сверстниковъ по улицамъ Москвы, со смѣхомъ давилъ конями встрѣчавшихся людей и т. п. Бояре нисколько нестарались исправлять дурныя наклонности Іоанна; напротивъ поощряли его къ подобнымъ забавамъ, лишь бы отклонить отъ вмѣшательства въ ихъ управленіе; такимъ образомъ они сами себѣ приготовили грозу. Въ первый разъ Іоаннъ показалъ себя самодержавнымъ государемъ, когда ему было тринадцать лѣтъ: онъ вдругъ велѣлъ схватить гордаго князя-правителя Андрея Шуйскаго, и отдалъ его на растерзаніе своимъ псарямъ. Господство Шуйскихъ кончилось; но ихъ мѣсто заступили дяди государя по матери, князья Глинскіе, и нѣсколько лѣтъ еще продолжались безпорядки боярскаго управленія.

Реформы Іоанна IV. 1547 годъ былъ замѣчательнымъ годомъ Іоаннова царствованія. Въ генварѣ государь торжественно короновался и принялъ титулъ *царя*, имѣвшій по понятіямъ того времени высшее значеніе, нежели титулъ великокняжескій. Вслѣдъ за тѣмъ молодой царь вступилъ въ бракъ, и выборъ его палъ на Анастасію Романовну, дочь боярина Захарьина. Умная Анастасія умѣла пріобрѣсти благодѣтельное вліяніе на своего супруга, который ее горячо любилъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ Москвѣ произошелъ большой пожаръ. Подобное бѣдствіе несчиталось рѣдкостью въ столицѣ при тѣсной, безпорядочной постройкѣ ея деревянныхъ жилищъ, и обыкновенно скоро забывалось по изобилію въ лѣсѣ и по легкости, съ которою опять воздвигались изъ пепла погорѣвшія улицы; но пожаръ 1547 года въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ особенно силенъ; сгорѣла бо́льшая часть города, при чемъ погибло много народу. Царь съ семействомъ уѣхалъ въ ближнее село Воробьево. А между тѣмъ московская чернь подняла мятежъ, обвиняя въ поджогѣ родственниковъ царя Глинскихъ. Слухъ этотъ вѣроятно былъ распущенъ враждебными имъ боярами. Одинъ изъ братьевъ Глинскихъ думалъ спастись отъ народной ярости въ Успѣнскомъ храмѣ; но толпа нашла его тамъ и умертвила; слуги его были также перебиты, а домъ разграбленъ. Мятежники явились въ самомъ Воробьевѣ и требовали выдачи остальныхъ Глинскихъ; Іоаннъ велѣлъ схватить зачинщиковъ и казнить. Тогда мятежъ утихъ.

Событіе это произвело сильное впечатлѣніе на молодаго государя. Онъ оставилъ праздный образъ жизни, посвященный забавамъ, и обратилъ свое вниманіе на дѣятельность правительственную. Съ тѣхъ поръ главное мѣсто въ его совѣтѣ заняли два достойные мужа: протопопъ придворнаго Благовѣщенскаго собора Сильвестръ и одинъ изъ царскихъ спальни-

ковъ, Алексѣй Адашевъ, возведенный потомъ въ санъ окольничаго.

Для разсужденія о лучшемъ устройствѣ гражданскихъ дѣлъ Іоаннъ созвалъ въ Москву изъ городовъ выборныхъ людей отъ разныхъ сословій государства (*Земскій Соборъ*). Передъ началомъ совѣщаній, однажды въ воскресный день царь, сопровождаемый духовенствомъ, вышелъ на Красную площадь, покрытую народомъ, и съ *лобнаго мѣста* произнесъ рѣчь, въ которой описалъ безпорядки и бѣдствія, происшедшія во время его малолѣтства отъ самовластія бояръ; въ заключеніе онъ просилъ народъ забыть все прошлое, обѣщая ему впередъ правосудіе и защиту отъ притѣснителей. Тогда же былъ составленъ новый судебникъ, болѣе полный и опредѣленный, нежели судебникъ Ивана III (1550 г.). Въ слѣдующемъ году царь созвалъ духовный соборъ и поручилъ ему обсудить мѣры къ улучшенію духовнаго сословія и къ исправленію народной нравственности. (Статьи, которыя обсуждались на этомъ соборѣ, раздѣлены на сто главъ, а потому онъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ *Стоглаваго*).

Далѣе, Іоаннъ хотѣлъ ограничить злоупотребленія областныхъ правителей. На содержаніе ихъ обыкновенно назначались поборы съ самихъ жителей (деньгами или разными припасами) и доходы съ подсудимыхъ, что называлось вообще *кормленіемъ*; но корыстолюбивые правители часто переступали предѣлы законныхъ поборовъ и притѣсняли народъ своимъ неправосудіемъ,—слѣдствіемъ чего были безпрестанные жалобы. Царь поэтому возобновилъ въ Московскомъ государствѣ древній обычай городскихъ и сельскихъ общинъ самимъ выбирать себѣ судей и правителей; новыя выборныя власти получили названія: *губныхъ* (или окружныхъ) старостъ, *излюбленныхъ* головъ, *земскихъ* судей и пр.; выборнымъ людямъ отъ самихъ общинъ поручены были раскладка и сборъ податей, по-

имка и казнь воровъ и разбойниковъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Іоаннъ даже совсѣмъ отмѣнилъ великокняжескихъ намѣстниковъ и волостелей. Кромѣ того, онъ старался ограничить власть вельможъ какъ въ областяхъ, такъ и въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ (т. е. въ московскихъ *приказахъ*) тѣмъ, что поручалъ завѣдываніе гражданскими дѣлами преимущественно дьякамъ.

Потомъ царь сдѣлалъ попытку болѣе точнымъ образомъ опредѣлить, въ какихъ случаяхъ можетъ быть допускаемо *мѣстничество*. Такъ назывался укоренившійся тогда въ Московскомъ государствѣ обычай считаться знатностію рода при занятіи мѣста въ войскѣ, въ областномъ управленіи, въ придворныхъ церемоніяхъ, за царскимъ столомъ и пр.; подобный обычай подавалъ поводъ къ безпрерывнымъ спорамъ и особенно вредилъ военному дѣлу, потому что приходилось назначать главными воеводами людей не самыхъ способныхъ, а самыхъ знатныхъ.

Завоеванія на востокѣ. Въ Казани со временъ Василія III боролись двѣ партіи: московская и крымская, вслѣдствіе чего происходила частая перемѣна хановъ. Въ правленіе Елены тамъ утвердился ханъ изъ крымской династіи (Сафа-Гирей). Когда онъ умеръ, Казанцы снова признали свою зависимость отъ Москвы; но имъ непонравилось жестокое правленіе московскаго присяжника Шигъ-Алея; партія, враждебная Русскимъ, взяла верхъ и призвала на престолъ ногайскаго царевича Едигера. Тогда Іоаннъ рѣшился покончить съ Казанью. Въ 1552 году онъ предпринялъ походъ, и окружилъ городъ 150,000 воиновъ, въ числѣ которыхъ находились и *стрѣльцы* (постоянная пѣхота, впервые появившаяся около того времени въ московскомъ войскѣ). Казанцы, подкрѣпленные многими мусульманскими витязями изъ Крыма, Астрахани,

даже изъ отдаленной Турціи и Персіи, защищались съ удивительнымъ мужествомъ, и осада продлилась на пять недѣль. Изъ московскихъ воеводъ въ этой осадѣ наиболѣе отличились князья: Воротынскій, Курбскій и Горбатый-Шуйскій. Наконецъ 2 октября, послѣ отчаянной обороны, городъ былъ взятъ приступомъ; государь воротился въ Москву, и народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ это первое завоеваніе ненавистнаго, *бусурманскаго* царства. Впрочемъ нѣсколько лѣтъ еще на обѣихъ сторонахъ Волги (нагорной и луговой) продолжалась борьба съ племенами, входившими въ составъ Казанской области (т. е. съ черемисами, мордвою, чувашами, вотяками и башкирами), которыхъ поддерживали ногайскіе татары. Спустя четыре года послѣ завоеванія Казани, безъ труда было присоединено и слабое Астраханское царство, возникшее на развалинахъ Золотой Орды. Такимъ образомъ все среднее и нижнее теченіе Волги до береговъ Каспійскаго моря вошло въ составъ Московскаго государства.

Отношенія къ Крымцамъ были постоянно враждебныя. Будучи не въ состояніи помѣшать завоеванію Казани и Астрахани, Крымскій ханъ мстилъ Россіи набѣгами на московскія украйны; жегъ, грабилъ города и села и тысячами уводилъ жителей въ неволю. Іоаннъ съ своей стороны умножилъ на югѣ число крѣпостей и усилилъ сторожевые разъѣзды, наблюдавшіе въ степи за движеніями Татаръ. Кромѣ того царь иногда высылалъ на югъ легкіе московскіе отряды, которые, соединившись съ казаками, спускались внизъ по Дону или по Днѣпру и нападали на Крымцевъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Особенно былъ удаченъ походъ подъ начальствомъ Даніила Адашева (братъ Алексѣя), который проникъ въ самый Крымъ разорилъ нѣсколько улусовъ и освободилъ значительное число русскихъ плѣнниковъ (1559 г.). Приближенные люди совѣтовали Іоанну послать на Крымъ большое войско и завоевать

его также какъ Казань и Астрахань. Царь нерѣшился на такое невѣрное предпріятіе: трудно было покорить, а еще труднѣе удерживать Крымъ, отдѣленный отъ Россіи обширными степями; при томъ же ханъ считался вассаломъ турецкаго султана, слѣдовательно пришлось бы вступить въ борьбу съ турками, въ то время еще могущественнымъ и грознымъ народомъ. Оправившись отъ удара, нанесеннаго Адашевымъ, Крымскій ханъ возобновилъ свои притязанія на Казань и Астрахань; однажды онъ напалъ на Россію врасплохъ и сжегъ самую Москву, причемъ погибло огромное количество народу; болѣе 100,000 человѣкъ были отведены въ неволю (1571 г.). Девлетъ Гирей повторилъ набѣгъ и въ слѣдующемъ году; но его отразилъ воевода князь Воротынскій на берегахъ Лопасни.

Въ послѣдніе годы Іоаннова царствованія русскіе предѣлы на востокѣ увеличились новымъ пріобрѣтеніемъ: Донскіе казаки подъ начальствомъ Ермака завоевали Сибирское царство.

Донскіе казаки хотя и признавали надъ собою власть Московскаго царя, однако, нападая на Татаръ, не щадили и русскихъ, грабили на Волгѣ царскія суда, разбивали персидскія и бухарскія караваны, приходившіе съ товарами въ Россію. Царь не разъ посылалъ своихъ воеводъ, которые ловили и казнили разбойниковъ. Одна казацкая шайка, спасаясь отъ преслѣдованія москвитянъ, бѣжала съ атаманомъ Ермакомъ вверхъ по Волгѣ и явилась на Камѣ.

Въ Пермскомъ краю между русскими поселенцами находились въ то время богатые промышленники Строгановы. Получивъ отъ царя грамоту на пустыя земли между рр. Камой и Чусовой съ тѣмъ, чтобы заселить эти земли, они завели здѣсь соляныя варницы; а для защиты края отъ сосѣднихъ народцевъ получили право строить крѣпости, имѣть свои пушки и содержать на свой счетъ военные отряды.

Послѣдніе составлялись изъ разнаго сброда: изъ русскихъ и татаръ, изъ плѣнныхъ нѣмцевъ и литовцевъ; но ихъ было не достаточно для того, чтобы перенести войну за Уральскій хребетъ. Тамъ существовало особое татарское владѣніе, столицею котораго былъ городъ Искеръ или Сибирь на берегу Иртыша; сибирскіе ханы брали дань съ туземныхъ финскихъ племенъ (вогуловъ и остяковъ), и, хотя признали свою зависимость отъ московскаго царя, однако не переставали нападать на русскіе восточные предѣлы. Строгановы предложили Ермаку съ товарищами вступить къ нимъ въ службу, и тѣ охотно согласились.

Подкрѣпленный ратными людьми Строгановыхъ, съ отрядомъ въ 840 человѣкъ Ермакъ пошелъ за Каменный Поясъ (т. е. за Уральскій хребетъ), и, плывя по рѣкамъ, углубился въ Сибирскую землю. Много трудностей должны были преодолѣвать казаки на этомъ долгомъ пути, въ борьбѣ съ естественными препятствіями и туземными племенами. Но, благодаря своему необычайному мужеству и огнестрѣльному оружію, неизвѣстному у туземцевъ, они счастливо окончили свое предпріятіе. Ханъ Кучумъ оставилъ имъ свою столицу и бѣжалъ въ степи; а храбрый его родственникъ, татарскій богатырь Магметкулъ, попался въ плѣнъ (1582 г.). Товарищъ Ермака атаманъ Кольцо съ нѣсколькими казаками явился въ Москву и ударилъ челомъ Іоанну всѣмъ Сибирскимъ царствомъ; онъ привезъ и образцы туземныхъ произведеній: драгоцѣнныхъ соболей, черныхъ лисицъ и бобровъ. Царь принялъ его весьма милостиво; послалъ казакамъ подарки и жалованье, а для занятія сибирской земли отправилъ отрядъ московскаго войска.

Борьба за Ливонію. Подобно своему дѣду Іоаннъ IV старался завязать торговлю съ западными державами и привлекать въ Россію разнаго рода европейскихъ мастеровъ и ремесленниковъ. Но непосредственныя сношенія съ Западною Ев-

ропою были въ то время затруднительны: сухимъ путемъ— мѣшала постоянно враждебная Польша, а водою—единственно свободный путь представляли Бѣлое море и сѣверный Ледовитый океанъ. Этимъ отдаленнымъ путемъ Московское государство не замедлило вступить въ торговыя связи съ Англичанами.

Торговля эта началась случайно. Три корабля отправились изъ Англіи на сѣверо-востокъ съ тою цѣлью, чтобы мимо береговъ Ледовитаго океана отыскать новый путь въ Китай и Индію. Буря разлучила корабли; два изъ нихъ у Мурманскаго берега замерзли со всѣмъ экипажемъ и съ начальникомъ экспедиціи Виллоби. Лапландскіе рыбаки нашли мертваго Виллоби сидящимъ въ палаткѣ за своимъ журналомъ. Между тѣмъ третій корабль, состоявшій подъ начальствомъ капитана Ченслера, вошелъ въ Бѣлое море и присталъ къ устью Сѣверной Двины, гдѣ находился въ то время монастырь св. Николая и гдѣ послѣ былъ основанъ Архангельскъ. Холмогорскій воевода далъ знать Іоанну о прибытіи Англичанъ (1553 г.). Царь пригласилъ Ченслера въ Москву, обласкалъ его, и отпустилъ въ отечество, изъявивъ желаніе завести торговлю съ его единоземцами. Въ Англіи немедленно составилось общество купцовъ для посылки товаровъ въ Россію; а Іоаннъ даровалъ имъ грамоту на свободную, безпошлинную торговлю въ своемъ государствѣ; въ тоже время между московскимъ и англійскимъ дворомъ начались частыя, дружественныя пересылки.

На Балтійскомъ морѣ русскіе хотя и владѣли еще частью береговъ Финскаго залива, но неимѣли значительныхъ гаваней. Къ тому же ихъ сношеніямъ съ Германіей препятствовали Ливонскіе рыцари, которые поняли опасность, грозившую имъ со стороны могущественнаго сосѣда въ томъ случаѣ, когда онъ воспользуется плодами европейскаго образованія. Орденъ старался не пропускать въ Москву иноземныхъ мастеровъ, а въ

особенности военные снаряды и тѣхъ людей, которые могли научить москвитянъ военному искусству*.

Іоаннъ ждалъ удобнаго случая отомстить Ливонцамъ за ихъ явное недоброжелательство и сильно желалъ возвратить Россіи принадлежавшіе ей нѣкогда берега Балтійскаго моря. Поэтому, едва окончилась борьба съ татарами на Волгѣ, какъ царь напомнилъ рыцарямъ о дани, которую они обязались платить по старымъ договорамъ съ русскими великими князьями; когда же требованіе его не было исполнено, онъ началъ войну (1558 г.). Ливонскій орденъ находился въ то время уже въ упадкѣ; толпы крестоносцевъ изъ Западной Европы давно перестали подкрѣплять его, и онъ остался одинъ безъ всякой поддержки посреди своихъ сильныхъ сосѣдей. Къ тому же, внутри его происходили раздоры: лютеране враждовали съ католиками, магистры Ордена съ архіепископомъ. Русскія войска невстрѣтили большаго сопротивленія, взяли нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ Нарву, Дерптъ, крѣпкій замокъ Феллинъ, и жестоко опустошили непріятельскія земли. Молодой магистръ Кетлеръ, видя невозможность защищаться однѣми собственными силами, уступилъ Ливонію польскому королю Сигизмунду II, а себѣ взялъ Курляндію и Семигалію съ титуломъ герцога и призналъ свое герцогство въ ленной зависимости отъ Польши (1561 г.). Около того же времени Эстонія поддалась Швеціи, а островъ Эзель заняли Датчане; такимъ образомъ Орденскія владѣнія распались. Іоаннъ вступилъ въ войну съ По-

---

* Ливонскій Орденъ очень рѣзко обнаружилъ свою непріязнь къ Москвѣ по слѣдующему поводу. Іоаннъ отправилъ въ Германію Саксонца Шлитте съ порученіемъ набрать въ русскую службу людей, знающихъ разныя искусства и ремесла. Шлитте набралъ болѣе 100 человѣкъ (между ними были: медики, аптекари, цирюльники, архитекторы, каменьщики, литейщики, плотники, часовщики, слесари, толмачи, рудокопы, повара, каретники, типографщикъ, переплетчикъ, портной и пр.). Но въ Любекѣ, гдѣ они хотѣли сѣсть на корабль, начальство города задержало ихъ по проискамъ Ливонцевъ; самого Шлитте посадили въ тюрьму, а спутники его разсѣялись (1547 г.).

лякали, и лично отнялъ у нихъ древній русскій городъ Полоцкъ. Въ 1566 г. въ Москвѣ собрался земскій соборъ: царь спрашивалъ у него совѣта, продолжать ли войну или заключить миръ. Рѣшено было добывать Ливонію оружіемъ.

Между тѣмъ со смертію Сигизмунда II въ Польшѣ прекратилась династія Ягеллоновъ (1572 г.), и престолъ сдѣлался избирательнымъ. Послѣ нѣкоторыхъ смутъ и колебаній Поляки избрали своимъ королемъ Трансильванскаго воеводу Стефана Баторія. Стефанъ, бывшій весьма искуснымъ полководцемъ своего времени, рѣшился энергически продолжать войну съ русскими, и лично повелъ на нихъ свои закаленныя въ битвахъ войска, которыя состояли изъ наемной венгерской и нѣмецкой пѣхоты, польской конницы и многочисленной артиллеріи. Нестройныя московскія ополченія, предводимыя неискусными воеводами, начали терпѣть вездѣ неудачи; перевѣсъ склонился на сторону непріятелей. Въ то же время и Шведы открыли военныя дѣйствія; полководецъ ихъ Делагарди оттѣснилъ Русскихъ отъ береговъ Финскаго залива. Баторій отнялъ назадъ Полоцкъ, взялъ нѣсколько русскихъ городовъ и осадилъ Псковъ. Но сильно укрѣпленный и обороняемый мужественнымъ воеводою (кн. Ив. Петр. Шуйскимъ), Псковъ оказалъ неодолимое сопротивленіе и отбилъ всѣ непріятельскіе приступы. Его геройская оборона много способствовала прекращенію войны. Іоаннъ обратился къ посредничеству Римскаго папы, который поэтому случаю прислалъ въ Москву іезуита Антонія Поссевина. Переговоры съ Поляками, производившіеся у Запольскаго яма, окончились десятилѣтнимъ перемиріемъ (1582 г.): Ливонія и Полоцкъ остались за Польшею; а въ слѣдующемъ году заключено перемиріе со Шведами, которымъ уступлены были русскіе города, лежащіе около Финскаго залива (Ямъ, Ивангородъ и Копорье). Такимъ образомъ попытка Іоанна IV утвердить-

ся на берегахъ Балтійскаго моря окончилась полною неудачею.

Эпоха казней и торжество монархіи. Въ то время, какъ извнѣ Россія вела долгую и трудную Ливонскую войну, внутри ея господствовала мрачная эпоха опалъ и казней. Согласіе между царемъ и его ближайшими совѣтниками, т. е. Сильвестромъ и Адашевымъ, продолжалась недолго: пылкій, властолюбивый Іоаннъ скоро началъ тяготиться вліяніемъ своихъ любимцевъ. Сюда же присоединилось соперничество ихъ съ Захарьиными, родственниками царицы, и нерасположеніе къ нимъ самой Анастасіи.

Начало этого нерасположенія и охлажденія Іоанна къ своимъ совѣтникамъ относятъ къ 1553 г. Вскорѣ послѣ Казанскаго похода царь впалъ въ тяжкую болѣзнь; написалъ духовную, назначивъ наслѣдникомъ своего сына, младенца Димитрія, и требовалъ, чтобы бояре ему присягнули. Тогда во дворцѣ произошли шумъ и брань: одни дали присягу; другіе отказывались на томъ основаніи, что Димитрій еще малъ и вмѣсто него будутъ управлять Захарьины, что лучше быть государемъ человѣку взрослому; при этомъ они указывали на царскаго двоюроднаго брата Владиміра (сынъ Андрея Старицкаго); послѣдній также нехотѣлъ присягать Димитрію. Сильвестръ и отецъ Адашева держали сторону непослушныхъ бояръ. Только послѣ настойчивыхъ убѣжденій царя и вѣрныхъ ему вельможъ противная сторона уступила. Іоаннъ выздоровѣлъ; хотя онъ непоказалъ на первое время явныхъ знаковъ неудовольствія, однако немогъ забыть этого случая и подозрительно началъ смотрѣть на людей, его окружавшихъ. Царица также считала себя оскорбленною.

Въ 1560 году Анастасія скончалась. Около того же времени Сильвестръ и Адашевъ были удалены отъ двора: первый отправленъ воеводою въ Ливонію, гдѣ онъ вскорѣ умеръ; а вто-

рой сосланъ въ Соловецкій монастырь; ихъ родственники и друзья подверглись опаламъ и казнямъ. Нестѣсняемый болѣе присутствіемъ строгихъ совѣтниковъ и любимой супруги, Іоаннъ началъ находить развлеченіе въ шумныхъ пирахъ, порочныхъ забавахъ и давать полную волю своему крутому, необузданному характеру. Съ особенною жестокостію сталъ онъ преслѣдовать боярское сословіе, потому что бояре продолжали отстаивать свои древнія права, которыя могли ограничивать его самодержавіе. Въ этомъ отношеніи царь продолжалъ политику своего отца и дѣда, доводя ее до крайней степени. Еще Иванъ III нехотѣлъ признавать за боярами ихъ старинное право отъѣзда, и тѣхъ, которые переходили въ Литву, объявлялъ государственными измѣнниками. Съ того времени при московскомъ дворѣ вошло въ обычай брать съ ненадежныхъ бояръ крестоцѣловальныя записи въ томъ, что они неизмѣнятъ и неотъѣдутъ въ другое государство; подобная запись иногда сопровождалась денежнымъ поручательствомъ со стороны родственниковъ и друзей.

Одинъ изъ лучшихъ московскихъ воеводъ, князь Курбскій, опасаясь царской немилости, бѣжалъ изъ Ливоніи во время войны въ Литву; онъ получилъ отъ Сигизмунда помѣстья и въ рядахъ непріятельскаго войска началъ сражаться противъ своихъ соотечественниковъ. (*холопъ Шибановъ и переписка Курбскаго съ царемъ*). Тогда въ Іоаннѣ еще сильнѣе развилась подозрительность: его воображенію повсюду представлялись тайныя козни измѣнниковъ и предателей. Въ такомъ настроеніи духа царь неожиданно покинулъ Москву, уѣхалъ съ семействомъ и близкими людьми въ Александровскую Слободу (1564 г.); отсюда онъ написалъ къ митрополиту и народу о своемъ намѣреніи оставить престолъ, потому что нехочетъ сносить болѣе предательства вельможъ, за которыхъ при томъ заступается духовенство. Встревоженный народъ умолялъ его непокидать царства. Іоаннъ согласился, но

съ условіемъ, чтобъ ему немѣшали казнить измѣнниковъ, и учредилъ *опричнину*. Такъ назывался новый дворъ царя, составленный изъ людей вполнѣ ему преданныхъ и большею частію незнатныхъ (преимущественно изъ боярскихъ дѣтей). На содержаніе этого двора онъ отдѣлилъ часть Москвы и доходы съ 20 городовъ. Все остальное государство получило названіе *земщины*, управленіе которою поручено старымъ, *земскимъ* боярамъ; (впослѣдствіи царь поставилъ надъ ними главою крещенаго касимовскаго хана Симеона Бекбулатовича съ титуломъ великаго князя всея Руси). Толпа новыхъ тѣлохранителей сдѣлалась грознымъ и слѣпымъ орудіемъ царской воли; *опричники* безнаказанно буйствовали и обижали мирныхъ гражданъ, почему они скоро навлекли на себя народную ненависть и считались на равнѣ съ разбойниками. Изъ нихъ самые приближенные къ Іоанну были: Малюта Скуратовъ, Басмановы отецъ съ сыномъ и князь Вяземскій.

Съ той поры Іоаннъ жилъ большею частію въ укрѣпленной Александровской Слободѣ, и все остальное время его царствованія непрекращались казни людей, подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ. Соловецкій игуменъ Филиппъ (изъ рода бояръ Колычевыхъ), по желанію Іоанна занявшій престолъ митрополита, нехотѣлъ отказаться отъ священнаго обычая ходатайствовать (*печаловаться)* за опальныхъ; твердый духомъ, онъ смѣло обличалъ недостойное поведеніе царя и буйства его опричниковъ*. Филиппъ былъ отрѣшенъ отъ своего сана и заточенъ въ тверской Отрочъ монастырь, гдѣ его потомъ задушилъ Малюта Скуратовъ (1569 г.). Тогда же погибъ и двоюродный братъ царя Владиміръ Андреевичъ. Въ слѣдующемъ году цѣлый Новгородъ сдѣлался жертвою Іоанновой свирѣпости: Новогородцы все

* Іоаннъ избѣгалъ свиданій съ митрополитомъ, опасаясь печалованій; но нерѣдко долженъ былъ встрѣчаться съ нимъ въ церкви, и здѣсь-то происходили между ними сцены, подобныя слѣдующей:

еще немогли забыть своего прежняго вѣчеваго устройства и по всей вѣроятности явно тяготились суровымъ московскимъ владычествомъ; какъ бы то ни было, ихъ обвинили въ намѣреніи поддаться польскому королю. Іоаннъ, сопровождаемый опричниками и стрѣльцами, явился въ Новгородѣ, и тутъ въ теченіе шести недѣль производилъ свою кровавую расправу; нѣсколько тысячъ новогородскихъ гражданъ погибло отъ лютыхъ казней и пытокъ, окрестная область также подверглась опустошенію и грабежу, какъ будто ее постигло непріятельское нашествіе. Отсюда царь отправился во Псковъ, но пощадилъ его, смягченный знаками униженной покорности со стороны гражданъ. *(юродивый Никола Салосъ)*. Такими жестокими мѣрами Іоаннъ *Грозный* уничтожилъ всякое сопротивленіе своей самодержавной власти и сдѣлалъ ее вполнѣ неограниченною; но по справедливости заслужилъ въ исторіи славу тирана.

Іоаннъ умеръ въ 1584 году. Изъ дѣтей Анастасіи достигли совершеннолѣтняго возраста Іоаннъ и Ѳеодоръ; во время войны съ Баторіемъ царь разсердился однажды на старшаго сына за противорѣчіе, и такъ неосторожно ударилъ его своимъ желѣзнымъ костылемъ, что царевичъ черезъ нѣсколько дней скончался. Въ живыхъ послѣ того остались только Ѳеодоръ и малолѣтній Димитрій (рожденный отъ седьмой жены Іоанна Маріи Нагой). Престолъ долженъ былъ перейдти къ Ѳеодору.

«Только молчи, одно тебѣ говорю: молчи, отецъ святой!— говорилъ царь, едва сдерживая свой сильный гнѣвъ: молчи и благослови насъ!»

«Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ», отвѣчалъ Филиппъ.

«Ближніе мои встали на меня, ищутъ мнѣ зла, какое дѣло тебѣ до нашихъ царскихъ совѣтовъ?»

«Я пастырь стада Христова!»

«Филиппъ! непрекословь державѣ нашей, чтобы непостигъ тебя гнѣвъ мой; или лучше оставь митрополію».

«Я непросилъ, неискалъ черезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовалъ для полученія сана: зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни?» и т. д.

ӨЕОДОРЪ ІОАННОВИЧЪ 1584—1598.

Тотчасъ послѣ кончины Іоанна, въ Москвѣ составилась партія, которая хотѣла возвести на престолъ юнаго царевича Димитрія. Предводителями этой партіи были Нагіе, родственники царевича, и особенно воспитатель его Богданъ Бѣльскій. Но попытка ихъ неимѣла никакого успѣха; Димитрія съ матерью и братьями ея отправили въ Угличъ, назначенный ему въ удѣлъ отцомъ; а Бѣльскаго послали воеводою въ Нижній-Новгородъ.

Годуновъ-Правитель. Өеодоръ былъ человѣкъ кроткій, слабый здоровьемъ и характеромъ, болѣе склонный къ иноческой жизни, нежели къ занятіямъ государственными дѣлами. Время свое онъ проводилъ преимущественно въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ; а заботы правленія возложилъ на членовъ верховной, боярской думы. Ближе всѣхъ къ царю сталъ хитрый Борисъ Годуновъ, братъ супруги Өеодоровой Ирины; онъ происходилъ отъ одного татарскаго мурзы, вступившаго въ московскую службу (въ XIV в.). Но у Бориса были соперники, принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ боярскимъ фамиліямъ, которые старались помѣшать его возвышенію. Душою враждебной партіи сдѣлались князья Шуйскіе. Вмѣстѣ съ митрополитомъ Діонисіемъ они отъ лица всего народа составили челобитную грамоту къ царю о томъ, чтобъ онъ развелся съ своею бездѣтною супругою и женился на другой. Годуновъ поспѣшилъ предупредить опасность: онъ уговорилъ Діонисія неподавать челобитной; а потомъ устроилъ такъ, что Шуйскіе были обвинены въ измѣнѣ и вмѣстѣ съ своими друзьями отправлены въ дальніе города на заточеніе. Митрополитъ Діонисій вскорѣ низверженъ и на мѣсто его поставленъ преданный

Годунову ростовскій архіепископъ Іовъ. Такимъ образомъ Борисъ удалилъ всѣхъ соперниковъ, и, величаясь саномъ «ближняго великаго боярина», одинъ остался правителемъ государства.

Царствованіе Θеодора отличается вообще мирнымъ характеромъ. Осторожный правитель, неимѣя самъ талантовъ полководца, избѣгалъ большихъ войнъ и заботился только о цѣлости русскихъ предѣловъ. При немъ была незначительная война со Шведами, которая окончилась возвращеніемъ отнятыхъ ими городовъ (Яма, Копорья, Ивангорода). Крымскій ханъ Казы-Гирей попытался однажды напасть на Москву врасплохъ, но встрѣтилъ подъ ея стѣнами сильное войско и послѣ неудачной битвы ушелъ назадъ. На южныхъ украйнахъ Борисъ усилилъ оборонительную линію рядомъ новыхъ засѣкъ и крѣпостей (напр. Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки). За Ураломъ въ первый годъ Θеодорова царствованія Ермакъ погибъ при нечаянномъ нападеніи Кучума; покоренныя племена возстали и казаки ушли назадъ въ Россію; но тутъ они соединились съ царскими воеводами, воротились и снова взяли Искеръ. Русскіе потомъ утвердили свое господство въ Сибири построеніемъ нѣсколькихъ крѣпостей (Тобольскъ, Пелымъ, Березовъ и др.). Борисъ старался также поддерживать и распространять сношенія съ европейскими народами, особенно покровительствовалъ торговлѣ съ Англичанами, и для иностранныхъ купеческихъ кораблей заложилъ на Бѣломъ морѣ Архангельскую пристань.

Прикрѣпленіе крестьянъ. Изъ правительственныхъ распоряженій Годунова самою важною мѣрою почитается прикрѣпленіе къ землѣ крестьянскаго сословія. Мы знаемъ, что во времена удѣльно-вѣчевой Россіи крестьяне не сдѣлались поземельными собственниками; по крайней мѣрѣ они оставались сословіемъ вольныхъ земледѣльцевъ, т. е. имѣли право

переходить съ одного мѣста на другое и селиться тамъ, гдѣ находили для себя болѣе выгодъ. Уничтоженіе удѣловъ благопріятствовало переходу, потому что границы княжествъ служили для него главнымъ препятствіемъ. Но правительство мало-по-малу начало стѣснять подобные переходы: во первыхъ, они были ограничены извѣстнымъ срокомъ, въ году, именно временемъ около Юрьева осенняго дня (т. е. послѣ уборки хлѣба); во вторыхъ, монастыри получали иногда право неотпускать крестьянъ изъ нѣкоторыхъ селъ. (Напримѣръ, такое право на одно село пожаловалъ Василій Темный Троицкому монастырю). Вообще землевладѣльцы всѣми средствами (и не рѣдко насиліемъ) старались удерживать поселенцевъ на своихъ земляхъ; богатые же помѣщики и монастыри обыкновенно разными льготами переманивали къ себѣ крестьянъ отъ мелкихъ владѣльцевъ; а мелкіе помѣщики (дѣти боярскіе), составлявшіе главную военную силу государства и обязанные по первому требованію выступать въ походъ на конѣ съ нѣкоторымъ числомъ вооруженныхъ слугъ, часто жаловались, что немогутъ исправно нести военную службу, потому что земли ихъ остаются безъ крестьянъ. Подати государственныя, которыя раскладывались не по числу душъ, а по количеству земли, принадлежавшей волости, также немогли исправно собираться по причинѣ неосѣдлости крестьянскаго населенія. Московское правительство, не принимая другихъ, болѣе благодѣтельныхъ мѣръ къ уничтоженію этой неосѣдлости, продолжало только стѣснять переходы сельскихъ жителей, и наконецъ рядомъ указовъ, запрещавшихъ эти переходы, прикрѣпило крестьянъ къ тѣмъ землямъ, на которыхъ они находились. Первый изъ такихъ указовъ, дошедшихъ до насъ, относится къ 1597 году*.

* При господствѣ дружиннаго элемента (т. е. военнаго или служилаго сословія) въ государствѣ, при печальномъ состояніи образованности въ то вре-

Въ царствованіе Ѳеодора глава нашего духовенства перемѣнилъ санъ митрополита на высшій санъ патріарха. Съ тѣхъ поръ, какъ Византія была завоевана Турками и сношенія съ греческою церковью сдѣлались весьма затруднительны, зависимость русскаго духовенства отъ Константинопольскаго патріарха прекратилась. Когда патріархъ Іеремія случайно пріѣхалъ въ Москву, ему предложили остаться въ Россіи, быть патріархомъ всероссійскимъ и жить во Владимірѣ. Іеремія отказался, и по желанію Годунова посвятилъ въ этотъ санъ московскаго митрополита Іова (1589 г.).

Между тѣмъ царевичъ Димитрій воспитывался въ Угличѣ подъ надзоромъ своей матери Маріи Нагой, и народъ уже привыкъ смотрѣть на него какъ на преемника бездѣтному Ѳеодору. Но вдругъ разнеслась вѣсть, что девятилѣтній царевичъ погибъ отъ руки убійцъ (Битяговскаго, Качалова и Волохова), которые немедленно были растерзаны народомъ, сбѣжавшимся по звуку набатнаго колокола (1591 г.). Для изслѣдованія этого дѣла царь, или собственно Годуновъ, послалъ въ Угличъ крутицкаго митрополита Геласія, князя Василія Ивановича Шуйскаго и окольничаго Клешнина. Слѣдователи воротились и донесли царю, что Димитрій въ припадкѣ падучей болѣзни самъ закололъ себя ножемъ. Тогда жителей Углича жестоко наказали за самоуправство: нѣкоторыхъ казнили и многихъ сослали въ Сибирь; а царицу Марью постригли въ монахини. Немногіе однако повѣрили донесенію слѣдователей, и молва народная приписала смерть царевича Годунову, который по всей вѣроятности сильно желалъ устранить Димитрія отъ престола.

мя, правительство еще не могло придти къ мысли уничтожить неосѣдлость крестьянъ улучшеніемъ ихъ быта, т. е. раздачею имъ поземельныхъ участковъ въ полную собственность и расширеніемъ ихъ гражданскихъ правъ.

Въ генварѣ 1598 года скончался послѣдній царь изъ династіи Рюрика. Расказываютъ, что на вопросъ патріарха и бояръ, кому онъ поручаетъ царство, умирающій Θеодоръ отвѣчалъ: «предоставляю все на волю Божію».

III. СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

1598—1613.

Борисъ Годуновъ—царь. По кончинѣ Θеодора Москва немедленно присягнула его супругѣ Иринѣ; но она уѣхала въ Новодѣвичій монастырь и тамъ постриглась въ монахини. Когда же думный дьякъ Щелкаловъ вышелъ къ народу и предложилъ присягнуть на имя боярской думы, народъ нехотѣлъ и слышать о боярскомъ правленіи. Годуновъ вслѣдъ за сестрою также удалился въ Новодѣвичій монастырь; а между тѣмъ многочисленные приверженцы и клевреты усердно дѣйствовали въ его пользу. Патріархъ Іовъ, оставшійся тогда главнымъ лицомъ въ государствѣ, прямо указалъ народу на Бориса, какъ на мужа самого достойнаго занять престолъ; вмѣстѣ съ духовенствомъ, боярами и московскими гражданами онъ отправился къ Годунову и предложилъ ему корону. Но дальновидный Борисъ отказался: вѣроятно онъ ожидалъ выборныхъ людей изъ другихъ городовъ, которые должны были съѣхаться въ столицу для избранія царя. Земскій Соборъ подтвердилъ избраніе патріарха. Послѣ торжественныхъ, неоднократныхъ просьбъ духовенства и народа правитель наконецъ согласился возложить на свою голову вѣнецъ Мономаха.

Когда Годуновъ во второй разъ отказался отъ престола, патріархъ отправился опять въ монастырь уже съ крестнымъ ходомъ въ сопровожденіи огромной толпы народа. Іовъ, высшее духовенство и бояре вошли въ келью царицы-инокини, и долго со слезами и земными поклонами умоляли ее

благословить на царство брата; а между тѣмъ толпа, стоявшая около монастыря, плакала, вопила и безпрестанно кланялась въ землю. Впрочемъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, чиновники-клевреты Годунова большею частію насильно пригнали народъ къ монастырю, грозя взыскивать штрафъ съ того, кто непойдетъ.

Не безъ умысла также преувеличены были слухи объ угрожающемъ нашествіи крымскаго хана. Послѣ своего избранія Борисъ немедленно вооружилъ многочисленное войско и выступилъ къ южнымъ границамъ государства; но вмѣсто татарскихъ полчищъ его встрѣтили послы отъ хана съ мирными предложеніями. Угостивъ войско великолѣпными пирами, новый царь воротился въ Москву, и тогда только совершилъ обрядъ коронованія. Во время этой церемоніи онъ умилился душою, и, обратясь къ патріарху, воскликнулъ: «Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ нищаго или бѣднаго; послѣднюю рубашку раздѣлю съ народомъ!»

Первые годы Борисова царствованія характеромъ своимъ почти не отличались отъ временъ Θеодора, потому что правитель былъ тотъ же самый. Въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ онъ выказывалъ большую осторожность и даже нерѣшительность; такъ напримѣръ, невоспользовался раздорами между Швеціею и Польшею, чтобы пріобрѣсти Ливонію и стать твердою ногою на берегахъ Балтійскаго моря. Въ Сибири, гдѣ Русскіе окончательно утвердились послѣ смерти Кучума, московское правительство продолжало строить города, переводить туда ратныхъ людей и земледѣльцевъ; а разныя льготы, объявленныя переселенцамъ, привлекали въ Сибирь купцовъ, ремесленниковъ и другихъ свободныхъ людей. На югѣ, Борисъ умѣлъ предупреждать набѣги крымскихъ Татаръ. Только предпріятіе на Кавказъ окончилось неудачно. Грузинскій царь Александръ, тѣснимый своими мусульманскими сосѣдями, Персами и Турками, отдался подъ покровительство единовѣрной Москвы, и на помощь къ нему

отправленъ отрядъ войска, который занялъ нѣкоторые пункты въ Дагестанѣ; но Турки вытѣснили его оттуда, и 7000 русскихъ воиновъ на возвратномъ пути погибли въ сѣчѣ съ горными племенами.

Къ иностранцамъ Борисъ питалъ особенное расположеніе; онъ учредилъ при своемъ дворѣ наемный нѣмецкій отрядъ тѣлохранителей, которымъ давалъ богатое содержаніе; вызывалъ въ Россію художниковъ и ремесленниковъ, думалъ даже вызвать ученыхъ людей и завести школы для обученія иностраннымъ языкамъ; но духовенство этому воспротивилось. Тогда царь отправилъ для образованія за границу 18 молодыхъ людей, которые однако не воротились послѣ въ отечество. Годуновъ сдѣлалъ попытку породниться съ однимъ изъ европейскихъ дворовъ: онъ пригласилъ въ Москву датскаго принца Іоанна и помолвилъ за него свою дочь Ксенію; но принцъ вскорѣ послѣ пріѣзда скончался.

Не смотря на свои неусыпныя правительственныя заботы, Борисъ все болѣе и болѣе терялъ народное расположеніе; главною причиною того были его мелочность и подозрительность. Первою жертвою этой подозрительности сдѣлался Богданъ Бѣльскій, нѣкогда воспитатель царевича Димитрія; его обвинили въ злыхъ умыслахъ противъ царя и сослали въ Сибирь. Недостойные любимцы и слуги поспѣшили воспользоваться слабостью Бориса, и наступило время доносовъ; хотя явныхъ казней не было, за то свирѣпствовали тайныя убійства, пытки и заточенія. Повсюду распространилось уныніе. Въ числѣ знатныхъ фамилій, подвергшихся преслѣдованію Бориса, находились братья Романовы (племянники царицы Анастасіи): ихъ обвинили въ намѣреніи отравить царя и заточили по дальнимъ мѣстамъ, при чемъ старшаго изъ братьевъ Ѳеодора Никитича постригли въ монахи (подъ именемъ Филарета).

Между тѣмъ Россію въ продолженіе трехъ лѣтъ терзалъ страшный голодъ, который въ соединеніи съ моровымъ повѣтріемъ истребилъ огромное количество народу. Въ это печальное время Борисъ всѣми силами старался облегчить народныя страданія, затѣвалъ великолѣпныя постройки, чтобы доставить работу бѣднымъ людямъ (колокольня Ивана Великаго въ Кремлѣ); щедро раздавалъ милостыню; но подобная раздача способствовала только умноженію нищихъ и бродягъ. Кромѣ того государство страдало отъ многочисленныхъ разбойничьихъ шаекъ, которыя составлялись изъ бѣглыхъ холопей и крестьянъ, недовольныхъ прикрѣпленіемъ къ землѣ; такихъ шаекъ особенно много появилось на юго-западной или Сѣверской украйнѣ. Смѣлый атаманъ ихъ Хлопка Косолапъ явился даже подъ самою Москвою и вступилъ въ сраженіе съ царскими войсками, но проигралъ битву и казненъ со многими товарищами. Всѣ эти бѣдствія были только началомъ смутной эпохи. Въ народѣ стала ходить молва о томъ, что царевичъ Димитрій живъ и скоро потребуетъ отъ Бориса отцовское наслѣдіе.

Лжедимитрій I. Человѣкъ, принявшій на себя имя царевича Димитрія, былъ Григорій Отрепьевъ, бѣдный сирота, родомъ изъ галицкихъ служилыхъ людей.

Это былъ юноша даровитый, необыкновенно смѣлый, но легкомысленный и наклонный къ мечтательности. Съ дѣтства онъ велъ скитальческую жизнь, сдѣлался монахомъ, побывалъ въ разныхъ монастыряхъ и нашелъ наконецъ пріютъ въ московской Чудовской обители. Здѣсь своею грамотностію онъ понравился патріарху Іову; но смѣлые намеки о мнимомъ происхожденіи навлекли на него опасность со стороны Бориса; уже отданъ былъ царскій приказъ заточить его въ Бѣлозерскій монастырь; но Отрепьевъ спасся бѣгствомъ въ

Литву *. Нѣкоторое время онъ учился въ одной литовской школѣ; побывалъ у казаковъ въ Запорожьѣ, гдѣ привыкъ хорошо владѣть оружіемъ и отличился своею отвагою. Потомъ Отрепьевъ является въ службѣ у знатнаго польскаго пана, князя Адама Вишневецкаго, и при удобномъ случаѣ открываетъ князю, будто бы слуга его не кто иной, какъ сынъ Ивана Грознаго, спасшійся отъ клевретовъ Годунова, которые вмѣсто Димитрія убили другаго ребенка. Вишневецкій, его родственники и друзья приняли участіе въ судьбѣ мнимаго царевича. Самую дѣятельную помощь оказалъ ему воевода сендомирскій Юрій Мнишекъ, который обѣщалъ выдать свою дочь красавицу Марину за будущаго царя московскаго; этимъ бракомъ старый воевода надѣялся поправить свое разстроенное состояніе. Іезуиты также начали содѣйствовать самозванцу, надѣясь съ его помощью потомъ подчинить папѣ Русскую церковь; самъ же Отрепьевъ тайнымъ образомъ уже приинялъ католицизмъ. Папскій нунцій Рангони доставилъ ему свиданье съ королемъ Сигизмундомъ III. Король призналъ Лжедимитрія истиннымъ царевичемъ, но нехотѣлъ вступать за него въ открытую войну съ Борисомъ; а назначилъ Отрепьеву денежное вспоможеніе и позволилъ ему набирать армію изъ праздной, воинственной польской шляхты, чтобы отнять московскій престолъ у похитителя.

Подъ знаменами самозванца собралось до 1600 польскихъ шляхтичей, жадныхъ искателей приключеній и золота: къ нимъ присоединилось нѣсколько тысячъ казаковъ, которые также расчитывали на богатую добычу. Въ октябрѣ 1604 года Лжедимитрій перешелъ за Днѣпръ и вступилъ въ русскіе предѣлы. Украинскіе города одинъ за другимъ отворяли ему ворота; сопротивленіе оказалъ только Новгородъ Сѣверскій, въ которомъ

* Нѣкоторыя извѣстія заставляютъ предполагать, что мысль объявить себя царевичемъ родилась у Отрепьева не сама собою и что бояре (въ особенности Шуйскіе) употребили его какъ орудіе для низверженія ненавистнаго Годунова.

начальствовалъ мужественный воевода Петръ Басмановъ. Вслѣдъ за тѣмъ самозванецъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе подъ Сѣвскомъ; но московскіе воеводы не воспользовались своею побѣдою и дали ему время опять усилиться. Вдругъ распространилась вѣсть, что царь Борисъ внезапно скончался (13 апрѣля 1605 года). Народъ присягнулъ юному сыну его Ѳеодору; главнымъ начальникомъ войска Ѳеодоръ назначилъ Басманова. Видя кругомъ себя колебаніе и неохоту сражаться противъ Лжедимитрія, Басмановъ измѣнилъ молодому Годунову и перешелъ на сторону его соперника; примѣру вождя послѣдовало и все войско. Нѣсколько измѣнниковъ отправились въ столицу, возмутили ея жителей, и Годуновы были низвержены. Нашлись злодѣи, которые потомъ задушили Ѳеодора Борисовича вмѣстѣ съ матерью. Самозванецъ съ торжествомъ вступилъ въ Москву; мать царевича Димитрія, монахиня Марѳа, послѣ тайныхъ переговоровъ съ клевретами Отрепьева признала его своимъ сыномъ; а на мѣсто низверженнаго патріарха Іова былъ поставленъ грекъ Игнатій, угодникъ самозванца.

Новый царь ознаменовалъ милостями начало своего правленія и возвратилъ изъ заточенія большую часть бояръ, сосланныхъ Годуновымъ. Онъ усердно принялся за государственныя дѣла, при чемъ во многихъ случаяхъ обнаружилъ свою находчивость и добродушіе. Съ свойственною ему живостію самозванецъ составлялъ обширные планы, задумывалъ разныя преобразованія; но его погубили легкомысленная самоувѣренность, презрѣніе къ старымъ русскимъ обычаямъ, дружба съ поляками и іезуитами. Къ великому неудовольствію народа и духовенства царь вступилъ въ бракъ съ католичкою Мариною Мнишекъ, которая пріѣхала въ Москву въ сопровожденіи многочисленной и отлично вооруженной польской свиты; гордые, неосторожные шляхтичи своимъ буйнымъ поведеніемъ незамедлили возбудить противъ себя сильную ненависть въ московскихъ

жителяхъ. Бояре между тѣмъ въ тайнѣ начали распускать слухи о самозванствѣ царя. Противъ него составился обширный заговоръ, во главѣ котораго сталъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, не задолго передъ тѣмъ осужденный Отрепьевымъ на смерть и получившій прощеніе уже на мѣстѣ казни.

Царствованіе перваго Лжедимитрія продолжалось не болѣе одиннадцати мѣсяцевъ. 17 мая 1606 года рано поутру въ Москвѣ зазвонили набатъ, и Шуйскій съ боярами, предводительствуя большою толпою народа, вступилъ въ Кремль. Первою жертвою заговорщиковъ палъ любимецъ царя Петръ Басмановъ; вслѣдъ за тѣмъ иностранные тѣлохранители были обезоружены; а самъ Лжедимитрій, спасаясь отъ своихъ преслѣдователей, прыгнулъ изъ окна и сломалъ себѣ ногу. Караульные стрѣльцы окружили его и хотѣли защищать; но, когда бояре погрозили имъ разорить Стрѣлецкую слободу, они оробѣли; въ то же время одинъ изъ бояръ принесъ извѣстіе, что инокиня Мароа отрекается отъ самозванца и сознается въ обманѣ. Тогда стрѣльцы разступились; Лжедимитрій былъ немедленно застрѣленъ, и трупъ его подвергся поруганію. Между тѣмъ неразумная чернь бросилась на квартиры поляковъ, и, какъ говорятъ, истребила ихъ въ тотъ день до полутора тысячъ человѣкъ. Царемъ былъ объявленъ Шуйскій; а мѣсто патріарха занялъ казанскій митрополитъ Гермогенъ, ревностный защитникъ православія и мужъ непреклоннаго, суроваго характера.

Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго. Возведенный на престолъ толпою своихъ приверженцевъ, а не великою Земскою думою, Шуйскій сдѣлалъ многіе уступки боярамъ и далъ клятву не предпринимать ничего важнаго безъ ихъ совѣта; это обязательство ограничило его самодержавную власть и произвело въ народѣ неблагопріятное впечатлѣніе. Скупой, неблагообразный старикъ, нерѣшительный и неискус-

ный въ управленіи государствомъ, онъ скоро заслужилъ общее нерасположеніе. Уже въ слѣдующемъ году распространился слухъ, будто бы Лжедимитрій спасся отъ смерти и опять нашелъ убѣжище въ Литвѣ. Василій велѣлъ торжественно перенести изъ Углича въ Москву мощи убитаго царевича; но эта мѣра неподѣйствовала. Народъ, всегда склонный вѣрить всему чудесному, началъ волноваться, и обнаружилъ сильное недовѣріе къ Шуйскому. который уже не разъ кривилъ душою по поводу смерти маленькаго Димитрія.

Первое возстаніе въ пользу мнимо спасеннаго царевича произошло опять въ Сѣверской украйнѣ, которую на этотъ разъ возмутилъ путивльскій воевода князь Шаховской. Однимъ изъ начальниковъ возстанія явился Иванъ Болотниковъ, человѣкъ отважный и даровитый, бывшій прежде холопомъ, а въ то время только что воротившійся изъ татарскаго плѣна. Онъ набралъ войско изъ казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и холопей, разбилъ царскихъ воеводъ и подступилъ къ Москвѣ. Съ нимъ соединились рязанскіе мятежники подъ начальствомъ дворянина Прокопія Ляпунова и воеводы Сунбулова. Но Ляпуновъ и Сунбуловъ скоро помирились съ царемъ и получили награды; а Болотниковъ, побѣжденный царскимъ племянникомъ Михаиломъ Скопинымъ, заперся въ Тулѣ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ и однимъ казацкимъ самозванцемъ, который назвалъ себя сыномъ Θеодора Іоанновича Петромъ. Шуйскій собралъ многочисленное войско, лично осадилъ Тулу и голодомъ заставилъ ее сдаться. Болотниковъ и Лжепетръ подверглись казни; а царь послѣ того воротился въ Москву торжествовать свою побѣду. Событія показали, что это торжество было слишкомъ поспѣшное.

Въ Стародубѣ Сѣверскомъ явился человѣкъ, который принялъ на себя имя убитаго Лжедимитрія. Происхожденіе его до сихъ поръ остается загадочнымъ; во всякомъ случаѣ онъ былъ

хитрый и смѣлый самозванецъ. Подъ знаменами Лжедимитрія II скоро собрались сѣверскіе мятежники; многіе польско-литовскіе паны явились къ нему на помощь съ своими дружинами; незамедлили придти и казаки. Гетманомъ своимъ, т. е. главнымъ начальникомъ войска, поляки выбрали пана Рожинскаго. Самозванецъ двинулся къ столицѣ и въ 12 верстахъ отъ нея расположился станомъ въ селѣ Тушинѣ, откуда и получилъ прозваніе «Тушинскаго вора». Несчастная Марина Мнишекъ, возвращаясь въ Польшу изъ московскаго плѣна, была перехвачена на дорогѣ и признала Тушинскаго вора своимъ мужемъ. Между тѣмъ какъ самозванецъ и Рожинскій старались овладѣть Москвою, самые знаменитые изъ литовскихъ наѣздниковъ, Янъ Сапѣга и Лисовскій, занялись осадою Троицкой Лавры въ надеждѣ воспользоваться ея прославленными богатствами; но монахи съ нѣсколькими сотнями стрѣльцовъ цѣлые 16 мѣсяцевъ оборонялись отъ непріятелей, и успѣли отстоять крѣпкую Лавру. Въ тоже время легкіе отряды тушинцевъ разсѣялись по московскимъ областямъ, жгли, грабили ихъ, и города одинъ за другимъ переходили на сторону самозванца. Въ самой Москвѣ нельзя было положиться на вѣрность жителей: здѣсь нашлось много даже такихъ людей, которые, ради жалованья или высшаго титула, переходили на службу въ Тушинскій лагерь, а потомъ возвращались къ царю Василію съ изъявленіемъ мнимаго раскаянія, и не стыдились по нѣскольку разъ повторять эту измѣну (они получили названіе «перелётовъ»).

Въ такомъ критическомъ положеніи Шуйскій рѣшился искать иноземной помощи, и послалъ своего племянника Скопина въ Новгородъ для переговоровъ со Шведами. Король шведскій Карлъ IX былъ врагомъ Поляковъ и опасался ихъ владычества въ Россіи; поэтому онъ охотно подалъ помощь Шуйскому. Наемный шведскій отрядъ въ 5000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Делагарди соединился съ Скопинымъ, который

повелъ изъ Новгорода ополченіе, набранное въ сѣверо-западныхъ русскихъ областяхъ. Вскорѣ дѣла приняли оборотъ благопріятный для Шуйскаго: отпавшіе города начали опять признавать его царемъ; а попытки тушинцевъ остановить движеніе къ Москвѣ сѣверо-западной рати окончились неудачею; особенно замѣчательно пораженіе, которое Скопинъ нанесъ Сапѣгѣ подъ Колязинымъ монастыремъ. Столица оживилась надеждою на близкое освобожденіе отъ осады; этому освобожденію помогъ самъ польскій король.

Узнавъ о союзѣ Шуйскаго съ Карломъ IX, Сигизмундъ III вторгнулся въ московскіе предѣлы и осадилъ Смоленскъ. Въ Тушино пріѣхали послы отъ Сигизмунда; они пригласили поляковъ оставить самозванца и соединиться съ королевскимъ войскомъ. Въ лагерѣ произошло волненіе; Тушинскій воръ, несчитая себя безопаснымъ посреди буйныхъ, презрительно обращавшихся съ нимъ, шляхтичей, въ крестьянскомъ платьѣ убѣжалъ изъ лагеря, и нашелъ радушный пріемъ въ Калугѣ; вслѣдъ за нимъ ускакала и Марина, переодѣтая гусаромъ. Тогда Рожинскій зажегъ лагерь и удалился съ поляками на западъ; а казаки и часть русскихъ измѣнниковъ опять пристали къ самозванцу. Михаилъ Скопинъ-Шуйскій теперь безпрепятственно вступилъ въ столицу, и москвитяне съ восторгомъ привѣтствовали его какъ своего освободителя.

Въ эту печальную эпоху юноша Скопинъ обнаружилъ многія прекрасныя качества и пріобрѣлъ любовь народа, который нескрывалъ своей надежды видѣть его на престолѣ по смерти бездѣтнаго Василія. Еще во время похода къ Москвѣ пылкій Ляпуновъ съ своими рязанцами предложилъ корону Михаилу; но послѣдній съ негодованіемъ отвергъ такое предложеніе. Недоброжелатели его поспѣшили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, и дядя началъ подозрительно смотрѣть на племянника. Къ тому же родной братъ царя Димитрій Шуйскій воз-

ненавидѣлъ Скопина, какъ своего счастливаго соперника, потому что самъ питалъ надежду послѣ Василія наслѣдовать московскій престолъ. Скопинъ началъ готовиться къ новому походу противъ поляковъ, подъ Смоленскъ; другъ его Делагарди совѣтовалъ спѣшить, потому что слышалъ о козняхъ бояръ, враждебныхъ Михаилу. Но приготовленія замедлились, и однажды на крестинномъ пиру у князя Воротынскаго Скопинъ занемогъ кровотеченіемъ изъ носа; а спустя нѣсколько дней онъ уже скончался; народъ приписалъ внезапную смерть своего любимца отравленной чашѣ, которую будто бы поднесла ему жена Димитрія Шуйскаго. Когда же царское войско, отправленное къ Смоленску подъ начальствомъ неискуснаго Димитрія, потерпѣло рѣшительное пораженіе отъ гетмана Жолкѣвскаго, при деревнѣ Клушино, тогда Захарій Ляпуновъ (братъ Прокопія) возмутилъ москвитянъ противъ Василія; его низвели съ престола и насильно постригли въ монахи (1610 г.).

Междуцарствіе. Управленіе государствомъ перешло въ руки верховной думы, состоявшей изъ семи знатнѣйшихъ бояръ (*семибоярщина*), между которыми первое мѣсто занималъ князь Мстиславскій. Немедленно поднялся вопросъ объ избраніи царя; но тутъ обнаружилось сильное разногласіе. Многіе еще держались Тушинскаго вора; патріархъ Гермогенъ требовалъ, чтобы царь былъ выбранъ изъ русскихъ вельможъ; а бояре, составлявшіе думу, пожелали возвести на престолъ Сигизмундова сына Владислава. Когда гетманъ Жолкѣвскій подошелъ къ Москвѣ, партія польскаго принца одержала верхъ: бояре вступили съ гетманомъ въ переговоры и согласились присягнуть Владиславу, однако съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ принялъ православіе, а царская власть была бы ограничена боярскою думою и вліяніемъ высшаго духовенства. Для окончательныхъ переговоровъ отпра-

вилось къ Сигизмунду торжественное посольство, во главѣ котораго находились князь Василій Васильевичъ Голицынъ и митрополитъ ростовскій Филаретъ (бывшій бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ). Вслѣдъ за тѣмъ, по приглашенію самихъ бояръ, Жолкѣвскій ввелъ въ столицу польское войско. Онъ былъ человѣкъ умный, ловкій, устранялъ враждебныя столкновенія поляковъ съ москвитянами и даже умѣлъ заслужить довѣренность Гермогена. Но когда гетманъ узналъ, что король не соглашается отпустить сына и желаетъ московской короны для самого себя, онъ поспѣшилъ уѣхать подъ Смоленскъ, поручивъ начальство надъ польскимъ гарнизономъ въ Москвѣ пану Гонсѣвскому.

Между тѣмъ въ королевскомъ лагерѣ русское посольство вело безполезные переговоры съ польскими панами; послѣдніе прежде всего требовали сдачи Смоленска; но послы отказывались и вообще твердо стояли на своихъ условіяхъ. Наскучивъ непреклонностью пословъ, Сигизмундъ отправилъ ихъ плѣнниками въ Польшу; туда же отвезли и бывшаго царя Василія Шуйскаго съ братьями. Тушинскій Лжедимитрій около того времени палъ отъ руки одного изъ своихъ приближенныхъ (крещенаго татарина Урусова). Смерть его развязала руки тѣмъ противникамъ польской партіи, которые только изъ страха къ самозванцу соглашались признать царемъ Владислава; къ тому же вѣсть о замыслахъ Сигизмунда, извѣстнаго своею приверженностію къ католицизму, возбуждала въ Москвѣ общій ропотъ. Гермогенъ началъ разсылать по городамъ грамоты, призывая народъ вооружиться на защиту православія. Тогда въ областяхъ поднялись служилые люди, и дружины 25 городовъ двинулись къ Москвѣ подъ начальствомъ Прокопія Ляпунова; съ нимъ соединились, бывшіе прежде въ службѣ у Тушинскаго вора, казацкіе отряды, предводимые Трубецкимъ, Заруцкимъ, Просовецкимъ и другими атаманами.

Прежде нежели подоспѣло это ополченіе, москвитяне уже завязали битву и начали тѣснить поляковъ. Непріятели спаслись тѣмъ, что зажгли городъ въ разныхъ мѣстахъ и пожаръ обратилъ въ пепелъ почти всю Москву; уцѣлѣли только Кремль и Китай-городъ, въ которыхъ потомъ крѣпко засѣлъ польскій гарнизонъ и мужественно выдерживалъ осаду русскаго ополченія, подступившаго въ числѣ 100.000 человѣкъ. Начальство надъ русскимъ войскомъ и управленіе государственными дѣлами по общему приговору вручено было тремъ вождямъ: князю Димитрію Трубецкому, Ивану Заруцкому и думному дворянину Прокопію Ляпунову. Но между предводителями скоро обнаружилась сильная ненависть и распря. Ляпуновъ, человѣкъ весьма даровитый и энергическій, возбудилъ противъ себя неудовольствіе своею гордостію и неуступчивостію; особенно ненавистенъ сдѣлался онъ казакамъ, которыхъ преслѣдовалъ за буйства и грабежи. Этою ненавистью воспользовался Гонсѣвскій, который переслалъ въ казацкій станъ подложную грамоту, написанную отъ имени Ляпунова и заключавшую въ себѣ приказъ истреблять казаковъ. По своему обычаю казаки собрались въ кругъ, призвали Ляпунова, и, когда онъ въ суровыхъ выраженіяхъ сталъ отрекаться отъ грамоты, изрубили его саблями.

Со смертію главнаго вождя ополченіе разстроилось: дворяне разъѣхались по домамъ; а казаки хотя и продолжали осаду, но занялись преимущественно грабежемъ сосѣднихъ областей. Между тѣмъ Смоленскъ былъ взятъ Сигизмундомъ, Новгородъ захваченъ шведами, во Псковѣ явился третій Лжедимитрій (какой-то дьяконъ Исидоръ); а нѣкоторыя области признали царемъ сына Марины Мнишекъ. Россіи повидимому грозила опасность распаденія или чужеземнаго ига.

Въ это бѣдственное время Троицкая Лавра обнаружила необыкновенную дѣятельность для спасенія государства. Архи-

мандритъ Лавры Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ всѣми силами старались поддержать упавшій духъ народа, и неутомимо разсылали увѣщательныя грамоты по областямъ, призывая ратныхъ людей на защиту православной вѣры и отечества. Грамоты эти передавались изъ города въ городъ и возбуждали въ народѣ сильное религіозное воодушевленіе, особенно въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Россіи, которыя менѣе другихъ пострадали отъ польскихъ и казацкихъ шаекъ. По голосу нижегородскаго гражданина Козьмы Минина тамъ собралось новое ополченіе, начальство надъ которымъ принялъ князь Пожарскій.

Въ октябрѣ 1611 года одна изъ троицкихъ грамотъ явилась въ Нижнемъ Новгородѣ. Когда протопопъ прочелъ ее въ соборной церкви передъ всѣмъ народомъ, земскій староста Козьма Мининъ Сухорукій (промышлявшій мясною торговлею) началъ уговаривать согражданъ вступиться за православную вѣру и помочь московскому государству. «Не пожалѣемъ ничего—говорилъ онъ: продадимъ дома свои, заложимъ женъ и дѣтей и соберемъ казну на жалованье ратнымъ людямъ». Рѣчи его понравились нижегородцамъ. Но прежде всего надобно было найдти искуснаго воеводу; Мининъ указалъ на князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, который въ то время жилъ въ своемъ помѣстьѣ Суздальскаго уѣзда и лѣчился тамъ отъ ранъ, полученныхъ имъ на битвахъ съ поляками. Пожарскій согласился на просьбу нижегородцевъ; но потребовалъ, чтобъ они выбрали достойнаго человѣка завѣдывать общественною казною, и, въ свою очередь указалъ на Минина, который и былъ дѣйствительно выбранъ.

Какъ скоро разнеслась вѣсть о движеніи въ Нижнемъ Новгородѣ, со всѣхъ сторонъ начали сходиться служилые люди, т. е. дворяне и дѣти боярскіе; многіе города присылали и ратниковъ и деньги; составилось многочислен-

ное ополченіе, которое наконецъ двинулось на освобожденіе столицы. Походъ Пожарскаго встревожилъ находившихся въ Москвѣ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ. Послѣдніе потребовали отъ патріарха Гермогена, чтобы онъ уговорилъ нижегородское ополченіе воротиться назадъ. Гермогенъ отвѣчалъ благословеніемъ русской рати и проклятіемъ измѣнниковъ. Тогда озлобленные враги, какъ говорятъ, уморили старца голодомъ. Казаки, остававшіеся подъ Москвою и успѣвшіе уже присягнуть псковскому Лжедимитрію, сдѣлали нѣсколько попытокъ открытою силою помѣшать походу восточнаго ополченія. Когда же эти попытки неудались, Заруцкій подослалъ убійцъ, и въ Ярославлѣ, гдѣ Пожарскій нѣкоторое время промедлилъ съ главнымъ войскомъ, одинъ казакъ хотѣлъ ударить князя ножемъ, но промахнулся и убилъ другаго. Заруцкій послѣ того удалился съ своими шайками на юго-востокъ.

Подъ стѣнами Москвы Пожарскій вступилъ въ битву съ гетманомъ Ходкѣвичемъ, который привелъ значительныя подкрѣпленія польскому гарнизону. Цѣлые три дня возобновлялось упорное сраженіе. Казаки Трубецкаго отказались соединиться съ нижегородскимъ ополченіемъ; но въ рѣшительную минуту келарь Авраамій Палицынъ уговорилъ ихъ помочь русскимъ; тогда Ходкѣвичъ былъ отбитъ и ушелъ отъ Москвы. За тѣмъ послѣдовала осада польскаго гарнизона, который заперся въ Кремлѣ подъ начальствомъ полковника Струся. Страшный голодъ заставилъ наконецъ поляковъ сдаться. Король Сигизмундъ, спѣшившій къ нимъ на помощь, дорогою узналъ объ этой сдачѣ и воротился назадъ.

Итакъ, усиліями сѣверо-восточнаго населенія государство было спасено отъ внѣшнихъ враговъ. Оставалось теперь избраніемъ царя положить конецъ тягостному для всяхъ безначалію. Въ Москвѣ собрался великій Земскій соборъ, и 21 февраля 1613 года единодушный выборъ народа палъ на шестнадцатилѣтняго

Михаила Өеодоровича Романова. Онъ въ то время жилъ съ своею матерью инокинею Марфою въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ; между тѣмъ какъ отецъ его (митрополитъ Филаретъ) томился въ плѣну у поляковъ. *(Подвигъ Ивана Сусанина)*. Въ Кострому прибыли послы изъ столицы и объявили Марөѣ рѣшеніе Земскаго собора. Долго мать не соглашалась отпустить сына въ Москву, ссылаясь на его молодость, крайне разстроенное состояніе государства, и на измѣны русскихъ людей своимъ послѣднимъ государямъ. Но послы и духовенство упросили наконецъ Марөу благословить Михаила на царство.

ЗАПАДНАЯ РУСЬ ВЪ XVI И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА.

—

Русскія земли, вошедшія въ составъ Польско-литовскаго государства, распадались на слѣдующія области:

На сѣверѣ, въ бассейнѣ верхняго Днѣпра и Западной Двины, лежала *Бѣлая Русь* (древнія княжества Полоцкое и Смоленское); южная половина Приднѣпровья получила названіе *Малой Руси* (княжества: Кіевское, Черниговское и часть Сѣверскаго). На западѣ къ нимъ примыкали: *Полѣсье*—узкая полоса вдоль р. Припети, *Волынь*, *Подолія* — по верхнему Бугу; еще далѣе къ западу лежала *Червонная Русь* или Галиція.

Польскіе короли изъ династіи Ягелло много заботились о развитіи торговли, земледѣлія и промышленности въ своемъ государствѣ, и для Польши эпоха Ягеллоновъ была временемъ наибольшаго внутренняго благосостоянія и внѣшняго блеска. Королевское правительство притомъ постоянно стремилось соединить Польшу и Литву съ юго-западною Русью въ одно плотное цѣлое. Внѣшнимъ образомъ это соединеніе окончательно было признано на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года; но ему недоставало внутренней, болѣе прочной, основы. Главнымъ препятствіемъ къ тѣсному сближенію обѣихъ народностей, польской и русской, послужило различіе вѣроисповѣданій; католическое духовенство никакъ не хотѣло отказаться

отъ попытокъ вытѣснить греческую религію изъ русскихъ областей, что въ послѣднихъ возбуждало неудовольствіе противъ правительства и вообще мѣшало дѣлу соединенія. Въ правленіе Ягеллоновъ попытки эти были довольно слабы, а при послѣднихъ государяхъ этого дома почти прекратились; но въ концѣ XVI вѣка, когда въ Польшѣ утвердились іезуиты, вражда между католиками и православными возгорѣлась съ новою силою.

Въ то время религіозное движеніе, возбужденное успѣхами реформаціи, охватило всю западную Европу, и іезуитскій орденъ былъ призванъ въ Польшу собственно для борьбы съ протестантизмомъ. Ослабивъ протестантскую партію, іезуиты немедленно обратились противъ греческаго исповѣданія, и употребили свои обыкновенныя средства: они говорили краснорѣчивыя проповѣди, писали ученыя разсужденія, заводили школы (коллегіи), куда привлекали русскую молодежь и воспитывали ее въ духѣ католическаго ученія; а духовенство русское старались унизить, и мѣшали его образованію. Правительство оказывало дѣятельную помощь іезуитамъ; съ особенною ревностію помогалъ имъ преемникъ Стефана Баторія недальновидный Сигизмундъ III (изъ шведской династіи Ваза), у котораго преданность католической церкви доходила до фанатизма. Католицизмъ началъ мало-по-малу распространяться въ русскихъ областяхъ, подчиняя себѣ преимущественно высшій классъ населенія. Русскіе вельможи долгое время служили главною опорою православія; но потомки ихъ, усвоивъ нравы и обычаи польской аристократіи, довольно легко оставляли религію своихъ предковъ, такъ что въ концѣ XVI вѣка большинство ихъ исповѣдывало католицизмъ и уже ничѣмъ не отличалось отъ польскихъ магнатовъ (ополячилось); только немногіе изъ русскихъ пановъ во время религіозной борьбы, явились усердными защитниками православія, подобно князю Константину Ост-

рожскому. За то горожане и низшій классъ населенія упорно держались своей старой религіи.

Значительную помощь греческой церкви въ борьбѣ съ ея врагами оказали *братства*; такъ назывались издавна существовавшія въ Западной Россіи общества, основанныя съ цѣлями благотворительными и религіозными. Они составлялись преимущественно горожанами, и во второй половинѣ XVI вѣка получили опредѣленное устройство; а именно: члены братства выбирали себѣ старшинъ, вносили деньги въ общую казну, собирались въ извѣстное время и пр.; въ церковномъ отношеніи восточные патріархи предоставили имъ многія права и привилегіи (напр. право обличать уклонявшихся отъ уставовъ православія и даже право отлучать отъ церкви). Они заводили на свой счетъ школы для православныхъ дѣтей всякаго званія, госпитали для больныхъ и типографіи для печатанія книгъ на славянскомъ и греческомъ языкахъ. Самыя знаменитыя братства были: Львовское въ Галиціи и Виленское въ Литвѣ.

Недовольные медленными успѣхами католицизма въ русскихъ областяхъ, іезуиты для средняго и низшаго класса возобновили мысль объ *уніи*, т. е. о соединеніи греческой и латинской церкви подъ верховною властью римскаго папы, при чемъ первая сохраняла свои обряды и богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Попытка къ этому соединенію была произведена еще въ XV вѣкѣ (на Флорентинскомъ соборѣ 1438 года), но неимѣла успѣха. Между іезуитами съ особенною ревностію начали хлопотать объ уніи Петръ Скарга и знаменитый Антоній Поссевинъ; они нашли себѣ сочувствіе даже въ нѣкоторыхъ православныхъ епископахъ. Послѣдніе уже давно тяготились своимъ невыгоднымъ положеніемъ въ польскомъ государствѣ, и добивались тѣхъ же правъ, которыми пользовалось высшее католическое духовенство (напримѣръ,

права засѣдать въ польскомъ сенатѣ на ряду съ свѣтскими магнатами).

Душою уніатской партіи въ Западной Россіи сдѣлался луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій, извѣстный своею ученостію, дѣятельнымъ и честолюбивымъ характеромъ; онъ нашелъ себѣ союзника въ Ипатіи Потѣѣ, епископѣ владиміро-волынскомъ. Кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза, недовольный своею зависимостію отъ константинопольскаго патріарха, также склонился на сторону уніи; а Сигизмундъ III съ радостію принялъ ее подъ свое покровительство. Терлецкій съ Потѣемъ отправились въ Римъ, и здѣсь отъ имени всѣхъ епископовъ просили папу принять русскую церковь подъ свою верховную власть (1695 г.). Но между тѣмъ большинство русскаго духовенства и нѣкоторые изъ вельможъ горячо возстали противъ подчиненія папѣ; когда же въ слѣдующемъ году собрался соборъ въ Брестѣ, православная партія, болѣе многочисленная нежели уніатская, объявила митрополита и его главныхъ сообщниковъ лишенными сана. Съ своей стороны Рогоза предалъ проклятію духовенство оставшееся вѣрнымъ православію. Съ тѣхъ поръ въ Западной Руси произошло распаденіе церкви на православную и уніатскую; помогая послѣдней, правительство воздвигло открытое гоненіе на первую. Православная партія вступила въ дѣятельную борьбу съ католиками и уніатами, стараясь дѣйствовать ихъ же оружіемъ, т. е. проповѣдями, богословскими сочиненіями и распространеніемъ школъ для воспитанія юношества въ правилахъ греческой религіи. Изъ такихъ школъ особенно прославилась въ послѣдствіи Кіевская академія, основанная въ концѣ XVI вѣка братствомъ Богоявленской церкви; самымъ знаменитымъ ректоромъ этой академіи былъ архимандритъ Кіево-печерской лавры Петръ Могила, возведенный потомъ (1632 г.) въ санъ кіевскаго митрополита.

После религіи, вторая причина вражды русскаго населенія къ полякамъ заключалась въ угнетеніи низшаго класса. Въ древнѣйшую эпоху крестьянское или земледѣльческое сословіе («поспольство») пользовалось личною свободою; но по мѣрѣ того какъ аристократія пріобрѣтала болѣе и болѣе политическихъ правъ и шляхетскіе сеймы забирали въ свои руки судьбу государства, крестьяне теряли прежнія вольности. Въ Польшѣ, еще ранѣе нежели въ Россіи, они лишились права свободнаго перехода; когда же прекратилась династія Ягелло и престолъ сдѣлался избирательнымъ, дворянство окончательно закрѣпило ихъ за собою, и къ концу XVI вѣка крестьянское сословіе (получившее общее названіе «хлоповъ») уже находилось въ состояніи полнаго рабства. Изъ собственной Польши это рабское состояніе перешло и въ западно-русскія области. Польскіе паны и ополячившіеся русскіе вельможи, если неуѣзжали за границу или въ главные города королевства, то жили въ своихъ помѣстьяхъ и окружали себя чрезвычайною роскошью; каждый изъ нихъ держалъ въ своемъ зàмкѣ большое количество слугъ и толпу мелкихъ дворянъ или шляхтичей, такъ что свита знатнаго пана походила на королевскій дворъ, въ меньшихъ размѣрахъ. Вся тяжесть огромныхъ панскихъ расходовъ падала на бѣдныхъ хлоповъ, которые были облагаемы множествомъ разнаго рода оброковъ и повинностей. «Крестьяне украинскіе мучились какъ въ чистилищѣ, а помѣщики между тѣмъ блаженствовали какъ въ раю» *. Притомъ же помѣщики обыкновенно незанимались сами управленіемъ своихъ имѣній, а отдавали ихъ въ аренду жидамъ, которые старались выжимать изъ крестьянъ какъ можно болѣе доходовъ, и притѣсненіями своими доводили ихъ

---

* Это замѣтилъ въ своемъ «Описаніи Украйны» французскій инженеръ Бопланъ, служившій польскимъ королямъ Сигизмунду III и Владиславу IV.

до того, что цѣлыя села иногда пустѣли отъ побѣговъ; одни изъ хлоповъ переселялись въ сосѣднее Московское государство, другіе приставали къ казакамъ. Притѣсненія эти особенно усилились съ появленіемъ католицизма и уніи, когда между простолюдиномъ и вельможею исчезла религіозная связь и паны стали смотрѣть на своихъ крестьянъ какъ на еретиковъ. Жиды незамедлили воспользоваться уніею для своего обогащенія: они начали брать на откупъ даже церкви православныхъ и облагали пошлинами какъ богослуженіе, такъ и разныя церковныя требы. Къ страшному гнету отъ крѣпостнаго состоянія присоединились еще обиды и насилія отъ буйныхъ жолнеровъ (наемныя польскія войска), которые разставлены были по областямъ и содержались на счетъ мѣстныхъ жителей.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ религіознаго и политическаго угнетенія было чрезвычайное обѣдненіе низшаго класса и упадокъ его нравственныхъ силъ. Но то же угнетеніе вызвало со стороны русскаго народа сильный отпоръ и кровавую месть въ лицѣ *малороссійскаго казачества.*

Малороссійскіе или украинскіе казаки жили по обѣимъ сторонамъ Днѣпра (и населяли земли, занимаемыя теперь губерніями: кіевскою, полтавскою и южною частью подольской). Польское правительство рано оцѣнило важность этого воинственнаго сословія, которое могло служить государству твердымъ оплотомъ со стороны сосѣднихъ татарскихъ ордъ; уже Сигизмундъ I старался подчинить казаковъ военной дисциплинѣ и дать имъ опредѣленное устройство. Это устройство было окончено Стефаномъ Баторіемъ, и послѣ него имѣло слѣдующій видъ: Поселенія казаковъ дѣлились на округи или полки, носившіе названіе по городамъ (переяславскій, черкаскій, миргородскій и др.), числомъ до 20. Начальникъ или

гетманъ всего казацкаго сословія утверждался въ своемъ санѣ королемъ; знаками его достоинства были: войсковое знамя, бунчукъ, булава и печать. За гетманомъ слѣдовала войсковая *старшина,* состоявшая изъ обознаго, судьи, писаря, эсаула, хорунжаго, полковниковъ, сотниковъ и атамановъ. Стефанъ Баторій однако успѣлъ убѣдиться, что казацкое войско трудно подчинить непосредственной королевской власти и что оно становится опаснымъ для самой Польши; тогда онъ попытался ослабить казачество и задержать его дальнѣйшее развитіе учрежденіемъ особаго сословія «реестровыхъ» казаковъ, которыхъ число было опредѣлено сначала въ 6000 человѣкъ. Реестровые получали отъ правительства жалованье, и составляли отдѣльную дружину, устроенную по образцу венгерской пограничной стражи, называвшейся «гайдуками»; а прочіе казаки по плану короля должны были войти въ сословіе посполитыхъ, т. е. крестьянъ. Но эта мѣра непринесла желанныхъ результатовъ; число казаковъ все болѣе и болѣе возрастало отъ прилива лучшихъ людей изъ сосѣдняго посполыства, которое немогло помириться съ своимъ рабскимъ состояніемъ; а казацкіе гетманы, признавая верховную власть короля, часто въ важныхъ дѣлахъ обходились безъ его согласія и даже поступали вопреки его повелѣніямъ.

Отъ украинскихъ или «городовыхъ» казаковъ, проводившихъ жизнь осѣдлую и семейную, надобно отличать тѣхъ, которые обитали далѣе къ югу въ низовьяхъ Днѣпра и носили названіе «низовыхъ» или «запорожскихъ». Послѣдніе, хотя и причислялись къ Польскому государству, но въ сущности составляли сословіе совершенно вольное и неподчинялись никакой посторонней власти. Это была колыбель и разсадникъ настоящаго казачества.

Къ югу отъ самарскаго устья, посреди глухихъ степей, Днѣпръ, на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ,

отчасти запруженъ рядами огромныхъ камней (пороговъ), которые скрываются подъ водою или чернѣютъ надъ ея поверхностью, отчасти стѣсненъ въ своемъ теченіи крутыми берегами и множествомъ каменистыхъ острововъ. Пробившись сквозь каменныя тѣснины, рѣка вступаетъ въ широкое русло съ ровными, отлогими берегами, и плавно, тихо течетъ потомъ до самаго лимана; на этомъ теченіи она усѣяна архипелагомъ низменныхъ острововъ, покрытыхъ густымъ высокимъ камышомъ. Эти-то косматые, тѣнистые острова служили для казацкой вольницы самымъ лучшимъ убѣжищемъ; здѣсь не были для нихъ страшны ни турецкія и татарскія полчища, ни отряды регулярныхъ польскихъ войскъ; одни только плоскодонные челны запорожцевъ могли ходить по неглубокимъ протокамъ между островами, гдѣ они скрывали награбленную добычу. Запорожцы мало-помалу образовали родъ военнаго братства, имѣвшаго свои оригинальные уставы и обычаи. На одномъ изъ острововъ обыкновенно располагался главный притонъ запорожцевъ или *Сѣчь;* она имѣла видъ укрѣпленнаго лагеря. Верховная власть находилась въ рукахъ казацкаго вѣча или *рады.* Рада избирала главнаго («кошеваго») атамана, который во время похода пользовался неограниченною властью надъ войскомъ. Сѣчь раздѣлялась «на курени», которыя выбирали себѣ куренныхъ атамановъ. Запорожцы жили въ шалашахъ («коливахъ»), сплетенныхъ изъ хвороста, и сходились обѣдать за общественные столы. Число запорожскихъ казаковъ не было опредѣлено: въ Сѣчь принимался всякій пришлецъ православной вѣры; онъ оставался здѣсь столько времени, сколько хотѣлъ. Запорожцы вели жизнь холостую, и женщины въ Сѣчь не допускались подъ страхомъ смертной казни.

Запорожье наполнялось обыкновенно людьми самаго безпокойнаго, воинственнаго характера; сюда уходили изъ сосѣднихъ польскихъ и московскихъ областей тѣ, которые не хо-

тѣли сносить угнетеніе въ отечествѣ или отыскивали простора для своей дѣятельности. Запорожцы находились въ тѣсной связи съ донскими и малороссійскими казаками. Вмѣстѣ съ тѣми и другими они не рѣдко на своихъ легкихъ челнахъ («чайкахъ») выплывали на Черное море и грабили турецкіе берега; а въ сосѣднихъ степяхъ происходили постоянныя стычки запорожскихъ отрядовъ съ татарскими наѣздниками *.

Польское правительство, побуждаемое угрозами турецкаго султана, старалось силою удерживать казаковъ отъ походовъ въ Черное море и строило крѣпости около пороговъ; но такія мѣры только усиливали духъ неудовольствія въ казацкомъ сословіи. Когда же къ этимъ мѣрамъ присоединились введеніе уніи въ западной Россіи, гоненіе на православіе и угнетеніе народа отъ пановъ, тогда открылся цѣлый рядъ казацкихъ возстаній на Украйнѣ. Изъ вождей казацкихъ (въ эпоху отъ 1594 г. до 1638) особенно прославились борьбою съ поляками: Наливайко, Тарасъ, Павлюкъ и Остраница. (Только одинъ изъ малороссійскихъ гетмановъ этой эпохи, Конашевичъ Сагайдачный, оставаясь усерднымъ приверженцемъ православія, умѣлъ пріобрѣсти уваженіе польскаго правительства

---

* Вотъ какимъ образомъ Бопланъ описываетъ степные походы казаковъ и ихъ встрѣчи съ татарами: «Казаки, зная, какая опасность ожидаетъ ихъ въ степяхъ, переходятъ по нимъ въ таборѣ или въ караванѣ, т. е. между двумя рядами телѣгъ, замыкаемыхъ спереди и сзади 8 или 10 повозками; сами же, съ дротиками, пищалями и косами на длинныхъ ратовищахъ, идутъ посреди табора, а вокругъ его ѣдутъ лучшіе наѣздники. Сверхъ того во всѣ четыре стороны высылаютъ по одному казаку для наблюденія. Какъ скоро покажется непріятель, стражи даютъ сигналъ, и таборъ останавливается». «Случалось и мнѣ—прибавляетъ авторъ—съ 50 или 60 казаками переходить степи. Татары нападали на нашъ таборъ, въ числѣ 500 человѣкъ, но не въ силахъ были разстроить его; да и мы также мало вредили имъ, потому что татары только издали грозили нападеніемъ, неподъѣзжая однако на ружейный выстрѣлъ, и, пустивъ черезъ наши головы тучу стрѣлъ, скрывались».

и ужиться въ мирѣ съ дворянскою партіею). Возстанія казаковъ сопровождались страшною жестокостію съ обѣихъ сторонъ, при чемъ во владѣніяхъ польскихъ пановъ преимущественно свирѣпствовали мелкіе казацкіе шайки такъ называемыхъ *гайдамакъ*. Но мало-по малу дворянская партія обыкновенно при помощи наемныхъ регулярныхъ войскъ брала верхъ надъ толпами мятежниковъ; начальники возстанія подвергались лютымъ казнямъ, и Малороссія подпадала еще болѣе тяжкому гнету, чѣмъ прежде. Такой порядокъ вещей продолжался до тѣхъ поръ, пока во главѣ украинскаго казачества не явился Богданъ Хмельницкій.

—

IV. ЭПОХА ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ ЦАРЕЙ ИЗЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

МИХАИЛЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ 1613—1645.

Очищеніе государства отъ непріятелей. Въ іюлѣ 1613 года совершилось въ Москвѣ царское вѣнчаніе Михаила Ѳеодоровича. Во время этого торжества, по обычаю, объявлены разныя милости; князь Пожарскій, бывшій прежде стольникомъ, получилъ санъ боярина, а Козьма Мининъ пожалованъ въ думные дворяне и награжденъ помѣстьемъ. Но правительство немогло наградить жалованьемъ ратныхъ людей или предоставить народу льготы отъ податей, потому что казна была совершенно пуста. Отъ имени царя, духовенства и всего земскаго собора посланы были въ главные города (между прочимъ къ богатымъ купцамъ Строгановымъ) грамоты съ просьбою о присылкѣ въ Москву денегъ, хлѣба и разныхъ запасовъ на жалованье войску. Послѣднему предсто-

яло еще много дѣла, потому что внѣшніе и внутренніе враги продолжали пользоваться разстроеннымъ состояніемъ государства. Новогородская область находилась въ рукахъ шведовъ, смоленскую занимали поляки, псковскую разоряли наѣздники Лисовскаго, на юго-востокѣ господствовалъ атаманъ Заруцкій; а внутри, на всемъ протяженіи государства отъ южныхъ предѣловъ и до самыхъ сѣверныхъ, свирѣпствовали казацкія шайки. Казанскіе, ногайскіе татары и волжскіе черемисы также бунтовали и грабили русскихъ жителей.

Первыя усилія правительства были обращены противъ Заруцкаго, который вмѣстѣ съ Мариною Мнишекъ засѣлъ въ Астрахани и заставлялъ народъ присягать ея маленькому сыну (отъ Лжедимитрія II), объявляя себя правителемъ государства. Онъ созывалъ къ себѣ на службу казаковъ, ногайскихъ татаръ и просилъ помощи у персидскаго шаха. Но еще прежде, нежели подоспѣлъ съ войскомъ князь Одоевскій, отправленный изъ Москвы, астраханскіе жители возстали противъ Заруцкаго, и на помощь къ нимъ явился отрядъ терскихъ казаковъ подъ начальствомъ Хохлова. Заруцкій вышелъ изъ Астрахани, потерпѣлъ пораженіе отъ Хохлова и съ остатками своего войска бѣжалъ на Яикъ; но здѣсь настигли его стрѣльцы, посланные Одоевскимъ, и взяли въ плѣнъ (1614 г.). Заруцкій и сынъ Марины подверглись позорной казни, а сама Марина умерла въ тюрьмѣ. Къ концу того же года и сѣверная часть государства была очищена отъ казацкихъ шаекъ; успѣшнымъ преслѣдованіемъ этихъ шаекъ отличился князь Лыковъ; недалеко отъ Москвы онъ разбилъ главныя толпы казаковъ и взялъ въ плѣнъ наиболѣе свирѣпаго изъ ихъ атамановъ, Баловня.

Между тѣмъ самый знаменитый изъ московскихъ воеводъ, князь Пожарскій, напрягалъ свои силы, чтобы уничтожить хищную дружину Лисовскаго, составленную изъ отчаянныхъ

удальцовъ разныхъ націй. Необыкновенно быстрыми переходами Лисовскій долго спасался отъ преслѣдованій князя; когда Пожарскій заболѣлъ, дѣло его продолжали другіе воеводы; но они также не могли настичь неутомимаго наѣздника, который описывалъ круги по всему государству, обозначая свой путь грабежемъ и опустошеніемъ. Наконецъ онъ перешелъ за литовскую границу, и только внезапная смерть избавила Россію отъ ея злѣйшаго непріятеля (1616 г.).

Расказъ одного изъ голландскихъ пословъ (проѣзжавшихъ по сѣверо-западному краю Россіи въ ноябрѣ 1615 г.) даетъ намъ нѣкоторое понятіе о бѣдственномъ состояніи, въ какомъ находились области государства, опустошенныя лисовчиками и казаками. «На пути изъ Ревеля въ Новгородъ голландцы нигдѣ ненаходили селеній, почти всегда должны были ночевать въ лѣсу, и только изрѣдка попадался имъ гдѣ-нибудь полуразрушенный монастырь. Въ Новгородѣ посольство немного отдохнуло и продолжало путь черезъ Старую Русу; на этомъ пути оно подвергалось самымъ жестокимъ лишеніямъ. Нѣсколько разъ при переѣздѣ черезъ рѣку ломался ледъ, люди и вещи падали въ воду, и путешественники, чтобы просушить платье, должны были зажигать на берегу необитаемыя хижины. Ночевали они въ опустѣлыхъ деревняхъ, и прежде, нежели войти въ избу, вытаскивали изъ нея трупы жителей, убитыхъ казаками; но скоро невыносимый смрадъ выгонялъ путниковъ изъ избы и заставлялъ ихъ ночевать на морозѣ. Далѣе, голландцы находились въ постоянномъ безпокойствѣ отъ медвѣдей, волковъ и наѣздниковъ Лисовскаго.

Борьба съ сосѣдями. Одновременно съ очищеніемъ государства отъ казаковъ шла борьба съ двумя западными сосѣдями Россіи, Швеціею и Польшею, которыя нехотѣли ни оставить своихъ притязаній на московскую корону, ни возвратить захваченныя ими русскія области.

Делагарди, завладѣвъ Новгородомъ, взялъ съ жителей обѣщаніе, что они признаютъ московскимъ государемъ одного изъ сыновей Карла IX. Преемникъ Карла, Густафъ Адольфъ, пригласилъ въ Выборгъ уполномоченныхъ отъ Новгорода и всего русскаго государства, предлагая избрать въ цари своего младшаго брата Филиппа. Но въ Москвѣ въ то время уже царствовалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ; московскіе послы неявились въ Выборгъ, и избраніе Филиппа несостоялось. Тогда шведы принудили новгородцевъ присягнуть на подданство самому королю. Московское войско, отправленное подъ начальствомъ князя Трубецкаго, потерпѣло пораженіе отъ Делагарди подъ Бронницами. Самъ Густавъ Адольфъ явился на мѣстѣ военныхъ дѣйствій и лично осадилъ Псковъ; но псковитяне и на этотъ разъ прославили себя мужественною обороною противъ одного изъ величайшихъ полководцевъ своего времени, чѣмъ и способствовали скорѣйшему прекращенію войны. Переговоры со шведами производились при содѣйствіи Англіи и Голландіи, которыя хлопотали о мирѣ, имѣя въ виду свои торговые интересы. Посредничествомъ англійскаго посла Джона Мерика наконецъ заключенъ былъ миръ въ селѣ Столбовѣ (недалеко отъ Ладоги, 1617 г.): шведы возвратили Москвѣ Новгородъ, Ладогу и нѣкоторые другіе города; но обязали ее заплатить 20,000 рублей и удержали за собою все захваченное ими прибрежье Финскаго залива. Такимъ образомъ Русскіе были совершенно отрѣзаны отъ Балтійскаго моря *.

* Густавъ Адольфъ очень хорошо понималъ важность этого обстоятельства. Въ своей рѣчи къ шведскимъ государственнымъ чинамъ, по поводу Столбовскаго мира, онъ выразилъ удовольствіе, что Россія болѣе неопасный сосѣдъ для шведовъ. «Теперь—замѣтилъ король—насъ отдѣляютъ отъ нея великія озера Ладожское и Пейпусъ, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости. Слава Богу, Россія отрѣзана отъ Балтійскаго моря, и есть надежда, что русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ».

Впрочемъ московское правительство считало Столбовскій миръ довольно выгоднымъ, потому что оно получало теперь возможность обратить всѣ свои силы противъ врага еще болѣе опаснаго—противъ Польши.

Война съ поляками шла съ перемѣннымъ счастіемъ; русскіе по обыкновенію терпѣли пораженіе въ открытомъ полѣ, но мужественно отстаивали города; попытки отнять у непріятелей Смоленскъ оставались безъ успѣха. Между тѣмъ московскіе и польскіе уполномоченные съѣхались на литовской границѣ и вели долгіе, но безплодные переговоры о мирѣ при посредничествѣ императорскаго посла (Ганделіуса). Наконецъ война приняла рѣшительный оборотъ, когда королевичъ Владиславъ вмѣстѣ съ гетманомъ Ходкѣвичемъ двинулся на самую столицу, чтобы здѣсь возложить на себя московскую корону. Во время его похода города Дорогобужъ и Вязьма измѣнили Михаилу и сдались полякамъ *; но подъ Калугою, гдѣ воеводою былъ князь Пожарскій, поляки потерпѣли неудачу. На помощь къ Владиславу пришелъ малороссійскій гетманъ Сагайдачный, и они соединенными силами подступили къ Москвѣ. Въ виду такой опасности царь созвалъ соборъ изъ духовенства, бояръ и «всякихъ чиновъ людей»; всѣ они единодушно дали ему обѣтъ крѣпко стоять и биться за православную вѣру и своего государя. Приступы поляковъ къ воротамъ столицы были отбиты; попытка овладѣть Троицкою лаврою также неудалась. Тогда Владиславъ вступилъ въ переговоры, и въ селѣ Деулинѣ (подлѣ Троицы) было заключено перемиріе, на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. (1618 г.). По этому перемирію Смоленскъ и часть Сѣверской области остались за Польшею. Въ числѣ плѣнныхъ,

* Малодушные воеводы, бѣжавшіе изъ Вязьмы въ Москву, были строго наказаны: ихъ высѣкли кнутомъ, лишили недвижимаго имущества и сослали въ Сибирь.

которыхъ поляки размѣняли на Струся и его товарищей, возвратился въ Россію отецъ государя митрополитъ Филаретъ.

Патріархъ Филаретъ и внутренняя дѣятельность. По смерти Гермогена патріаршій престолъ оставался незанятымъ, потому что въ Москвѣ дожидались отца государева, и, когда митрополитъ воротился изъ плѣна, ему немедленно предложили санъ патріарха. Послѣ обычныхъ отрицаній Филаретъ согласился и былъ посвященъ (1619 г.). Опытный въ дѣлахъ политическихъ, Филаретъ немедленно пріобрѣлъ рѣшительное вліяніе на управленіе государствомъ; онъ укрѣпилъ московское самодержавіе, ослабленное въ эпоху смутъ, и до самой смерти своей (1633 г.) оставался полнымъ руководителемъ Михаила, отличавшагося мягкостью характера и великою сыновнею преданностію. Въ государственныхъ грамотахъ писались рядомъ имена отца и сына («Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи и великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи»).

Главныя заботы царя и патріарха обратились на приведеніе въ порядокъ хозяйственной части, которая послѣ смутнаго времени находилась въ самомъ печальномъ положеніи. Собраніе податей представляло большія затрудненія, потому что очень многіе города и села были разорены, а жители ихъ разбѣжались. Изъ дальнихъ областей многіе посадскіе люди, чтобы не платить податей, переѣхали въ Москву и въ ближайшіе города и укрывались здѣсь у своихъ родственниковъ или друзей. Нѣкоторые тяглые люди избавляли себя отъ царскихъ налоговъ тѣмъ, что записывались за боярами, духовенствомъ или монастырями; остальные же, указывая на свое разореніе, безпрестанно просили царя о дарованіи имъ разныхъ льготъ. Кромѣ того со всѣхъ сторонъ присылались въ Москву жалобы на обиды и насилія отъ воеводъ и приказныхъ людей. Для

обсужденія мѣръ противъ такой безурядицы государи неоднократно созывали земскую думу. Рѣшено было составить по областямъ точныя росписи (или «писцовыя книги») и распредѣлить подати сообразно съ имуществомъ жителей. Съ этою цѣлью во всѣ города посылались *писцы и дозорщики.* Но они по большей части недобросовѣстно исполняли свое дѣло, и ради посуловъ накладывали подати на кого легче, на кого тяжеле (хотя воеводамъ и приказнымъ людямъ подъ страхомъ жестокаго наказанія запрещалось брать посулы, а жителямъ давать ихъ). Тяглыхъ людей, уклонявшихся отъ налоговъ, велѣно было возвращать на свои мѣста. Замѣчательна также слѣдующая мѣра правительства: приказано было изъ каждаго города взять въ Москву по одному человѣку изъ духовенства, по два изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и по два изъ посадскихъ людей, которые могли бы сообщить правительству точныя свѣденія о состояніи областей и о способахъ помочь разоренным жителямъ. Выборные начальники въ областяхъ по большей части были отмѣнены, и мѣсто ихъ заступили царскіе воеводы.

Съ воцареніемъ Михаила возобновились и прерванныя въ смутную эпоху дружественныя сношенія съ иностранными державами. Такъ во время польской войны персидскій шахъ Аббасъ и англійскій король Іаковъ I помогли Михаилу деньгами. Но когда посолъ Іакова Джонъ Мерикъ попросилъ для англійскихъ купцевъ свободнаго безпошлиннаго пути по Волгѣ въ Персію, царь, отобравъ мнѣніе московскихъ купцевъ, несогласился дать англичанамъ безпошлинный путь. При Михаилѣ московское правительство въ первый разъ обмѣнялось посольствами съ французскимъ дворомъ.

Смоленскъ и Азовъ. Деулинское перемиріе непрекратило враждебныхъ отношеній между Москвою и Польшею; они

скоро возобновились, потому что поляки все еще не хотѣли признать Михаила, а Владиславъ продолжалъ носить титулъ царя и великаго князя московскаго. Къ тому же потеря Смоленска и другихъ русскихъ городовъ была очень чувствительна для московскаго правительства, и оно ожидало только удобнаго случая къ новой войнѣ. Спустя три года послѣ перемирія, турецкій султанъ предложилъ союзъ противъ Польши; царь и патріархъ созвали земскій соборъ, на которомъ рѣшено было принять предложеніе султана. Но турки помирились съ поляками, и Москва отложила войну до болѣе благопріятнаго времени, а между тѣмъ постепенно приготовляла для нея средства. Видя, какъ далеко русскіе уступаютъ западнымъ сосѣдямъ въ военномъ искусствѣ, правительство наняло въ свою службу нѣсколько тысячъ иноземныхъ солдатъ, выписало изъ-за границы большіе запасы огнестрѣльнаго оружія и поручило даже иностраннымъ офицерамъ учить русскихъ ратныхъ людей европейскому строю.

Въ Польшѣ умеръ король Сигизмундъ III (1632 г.). Пока собирался сеймъ, чтобы избрать ему преемника, Москва поспѣшила воспользоваться временемъ междуцарствія и двинула свои войска на западныя границы. Главнымъ воеводою былъ назначенъ бояринъ Шеинъ, прославившій себя въ смутную эпоху защитою Смоленска и вмѣстѣ съ Филаретомъ освобожденный изъ польскаго плѣна. Война началась удачно; болѣе 20 городовъ и мѣстечекъ перешли въ руки москвитянъ; Шеинъ осадилъ Смоленскъ. Городъ едва держался отъ голоду, и уже готовъ былъ сдаться, когда на помощь гарнизону пришелъ Владиславъ, избранный сеймомъ на польскій престолъ. Съ приходомъ короля обстоятельства перемѣнились: русскіе, отбитые отъ Смоленска, заперлись въ окопахъ и въ свою очередь были осаждены поляками. Между тѣмъ крымцы сдѣлали набѣгъ на московскую украйну; услыхавъ о томъ, многіе укра-

инскіе помѣщики уѣхали изъ русскаго лагеря. Въ самомъ лагерѣ происходили смуты: иностранные полковники и генералы нескрывали своего презрѣнія къ московскому войску и нерѣдко отказывали въ повиновеніи главному воеводѣ; къ тому же въ лагерѣ начался голодъ и сильная смертность. Наконецъ Шеинъ, оказавшійся неискуснымъ предводителемъ въ открытомъ полѣ, вошелъ въ переговоры, согласился оставить полякамъ весь свой обозъ и артиллерію, и отступилъ, преклонивъ знамена передъ королемъ. По возвращеніи въ столицу несчастные московскіе воеводы были обвинены въ измѣнѣ; Шеину и нѣкоторымъ изъ его товарищей отрубили головы, другихъ сослали въ Сибирь *. По слѣдамъ отступившаго войска король двинулся въ Россію, но подъ стѣнами крѣпости Бѣлой потерпѣлъ неудачу. Угрожаемый въ тоже время состороны Турціи, онъ предложилъ миръ, который и былъ заключенъ на рѣкѣ Поляновкѣ (1634 г.). Этимъ миромъ подтверждены были статьи Деулинскако договора; кромѣ того русскіе заплатили 20,000 рублей, а Владиславъ отказался отъ своихъ правъ на московскій престолъ.

Въ концѣ Михаилова царствованія Россія едва невступила въ борьбу съ турками. Поводомъ къ непріязненнымъ отношеніямъ служили съ одной стороны безпрерывные набѣги крымскихъ татаръ на московскія украйны, откуда они уводили множество плѣнныхъ и продавали ихъ потомъ на азіатскихъ рынкахъ. Напрасно московское правительство

---

* Обвиненіе въ измѣнѣ по всей вѣроятности ложное; бояре ненавидѣли Шеина за его надмѣнность и воспользовались случаемъ ему отомстить. Надмѣнность свою онъ вполнѣ выказалъ передъ смоленскимъ походомъ. Когда государь отпускалъ его въ походъ и давалъ ему цѣловать руку, Шеинъ съ большою гордостію высчитывалъ свои заслуги, и говорилъ, что прежнею службою онъ выше всей своей братьи-бояръ; что въ то время, какъ онъ служилъ, многіе бояре «по запечью сидѣли и сыскать ихъ было нельзя».

старалось удержать крымцевъ подарками («поминками»), которые почти ежегодно посылало хану и его главнымъ мурзамъ; тщетно просило оно и турецкаго султана, чтобъ онъ запретилъ татарамъ набѣги. Съ другой стороны и султанъ также тщетно требовалъ отъ московскаго правительства, чтобъ оно недопускало донскихъ казаковъ выходить въ Черное море и грабить турецкіе берега.

Недовольствуясь одною мелкою войною, казаки взяли сильную турецкую крѣпость Азовъ и геройски отразили войска, пришедшія на выручку крѣпости. Предвидя, что непріятель возвратится еще съ большими силами и что имъ однимъ невозможно будетъ бороться долгое время, казаки отправили посольство въ Москву бить челомъ государю, чтобъ онъ принялъ Азовъ «подъ свою высокую руку» и прислалъ бы имъ помощь. Москва понимала, что, владѣя Азовомъ, она легче могла удерживать татаръ отъ набѣговъ; но занятіе этого города вело за собою неизбѣжную и трудную войну съ могущественнымъ турецкимъ султаномъ, для чего потребны были большія военныя силы и огромныя издержки. Чтобы рѣшить этотъ важный вопросъ, царь созвалъ великую земскую думу (1642 г.).

Великая земская дума состояла изъ высшаго духовенства, думныхъ людей и выборныхъ отъ разныхъ сословій государства; число выборныхъ на этотъ разъ простиралось до 192 (тутъ были: стольники, московскіе дворяне, дьяки, стрѣлецкіе головы, жильцы, дворяне и дѣти боярскіе изъ 42 провинціальныхъ городовъ, торговыя сотни и посадскіе люди). 3 генваря они собрались въ «Столовой избѣ», и здѣсь думный дьякъ Лихачевъ отъ имени царя предложилъ имъ на обсужденіе азовскій вопросъ, раздѣленный на два пункта: 1) принять ли Азовъ отъ казаковъ? и 2) если принять, будетъ война съ Турками, въ такомъ случаѣ гдѣ взять для нея

запасовъ и денегъ? На этотъ вопросъ потомъ каждое сословіе отдѣльно давало письменные отвѣты. Предоставляя рѣшеніе дѣла на государеву волю, всѣ сословія изъявили готовность по мѣрѣ своихъ средствъ жертвовать на военныя издержки. Служилые люди охотно вызывались идти противъ «нечестивыхъ бусурманъ», и предлагали государю сдѣлать чрезвычайный сборъ денегъ съ духовенства, монастырскихъ вотчинъ, съ торговыхъ и приказныхъ людей; но въ тоже время они жаловались на свою бѣдность и на разные государственные безпорядки. Такъ дворяне и дѣти боярскіе сѣверныхъ городовъ указывали на лихоимство дьяковъ и подьячихъ: по ихъ словамъ, приказные люди, разбогатѣвъ взятками, накупили себѣ много вотчинъ, и построили прекрасныя каменныя дома («палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя»), которыхъ въ прежнее время и у знатныхъ людей не было. Дворяне и дѣти боярскіе южныхъ городовъ жаловались, что они, хуже нежели отъ турецкихъ и крымскихъ бусурманъ, разорены отъ московскихъ несправедливыхъ судовъ (отъ «московской волокиты»). Торговые люди указывали на свое разореніе, причиненное многочисленными поборами въ прежнее военное время, соперничествомъ (въ торговлѣ) нѣмцевъ и персіанъ и воеводскими притѣсненіями. Сотскіе и старосты черныхъ сотенъ и слободъ говорили, что тяглые люди «обнищали» отъ великихъ пожаровъ, отъ царской службы (въ цѣловальникахъ), отъ тяжкихъ податей и повинностей.

Изъ отвѣтовъ выборныхъ людей ясно было, что государство все еще находится въ разстроенномъ состояніи и имѣетъ слишкомъ мало средствъ для борьбы съ турками; притомъ же посланные осматривать Азовъ донесли, что укрѣпленія его всѣ разбиты. Тогда царь велѣлъ казакамъ его оставить; казаки послушались, и, уходя, окончательно разорили городъ.

Михаилъ Θедоровичъ былъ женатъ два раза, и отъ второй его супруги Евдокіи Стрѣшневой онъ имѣлъ сына Алексѣя. 12

іюня 1645 года государь скончался; одинъ приближенный бояринъ, вышедъ изъ царской спальни, возвѣстилъ о его кончинѣ, и первый присягнулъ шестнадцатилѣтнему царевичу Алексѣю; примѣру боярина послѣдовали всѣ придворные чины, потомъ присягнула Москва, за нею вся Россія.

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ 1645—1676 г.

Морозовъ и внутреннія смуты. Характеромъ своимъ молодой государь во многомъ напоминалъ добродушнаго отца и подобно ему почти всегда нуждался въ руководителяхъ. Воспитатель Алексѣя, бояринъ Морозовъ, пользуясь привязанностію и полною довѣренностію своего воспитанника незамедлилъ пріобрѣсти исключительное вліяніе на управленіе государствомъ. Спустя три года послѣ своего воцаренія, Алексѣй вступилъ въ бракъ съ дочерью стольника Милославскаго; а Морозовъ вслѣдъ за тѣмъ женился на ея сестрѣ *.

Внутреннее состояніе московскаго государства все еще но-

* Выборъ царской невѣсты между дочерьми боярскими и дворянскими былъ всегда важнымъ вопросомъ при московскомъ дворѣ, потому что вмѣстѣ съ невѣстою приближался къ престолу и весь ея родъ, часто весьма незначительный до того времени. Поэтому женитьба царя рѣдко обходилась безъ разныхъ происковъ и хитростей. Такъ первая невѣста Михаила Ѳедоровича, дѣвица Хлопова, будучи уже взята во дворецъ, вдругъ, послѣ одного желудочнаго припадка, объявлена неизлечимо больною, за что ее вмѣстѣ съ родными сослали въ Сибирь. Въ послѣдствіи патріархъ Филаретъ изслѣдовалъ это дѣло, и тутъ обнаружились происки приближенныхъ къ царю бояръ Салтыковыхъ. Тоже несчастіе случилось и съ первою невѣстою Алексѣя: изъ 200 дѣвицъ выборъ его палъ на дочь дворянина Всеволожскаго; узнавъ о своемъ счастіи, дѣвушка отъ сильнаго волненія упала въ обморокъ; ее обвинили въ падучей болѣзни и вмѣстѣ съ родными отправили въ Сибирь. По другому извѣстію Всеволожскую испортили изъ зависти жившія во дворцѣ боярыни.

сило на себѣ слѣды смутной эпохи, и бѣдствія, на которыя жаловались выборные люди 1642 года, продолжались: народъ страдалъ подъ тяжестью налоговъ и повинностей, все болѣе и болѣе возраставшихъ; такъ между прочимъ наложена была новая пошлина на соль—одинъ изъ предметовъ первой необходимости. Налоги эти вмѣстѣ съ притѣсненіями приказныхъ людей произвели сильное народное неудовольствіе, которое разрѣшилось наконецъ открытымъ мятежемъ московской черни (лѣтомъ 1648 года).

Царскій тесть Милославскій, опираясь на расположеніе Морозова, спѣшилъ замѣстить важнѣйшія государственныя должности своими корыстолюбивыми родственниками. Между послѣдними особенную ненависть народа навлекли на себя непомѣрнымъ лихоимствомъ окольничіе Плещеевъ и Траханіотовъ; первый начальствовалъ въ Земскомъ приказѣ, второй въ Пушкарскомъ. Обиженные нѣсколько разъ подавали боярамъ жалобы для передачи царю; но жалобы ихъ до царя недостигали. Выведенный изъ терпѣнія, народъ поднялъ мятежъ, умертвилъ Плещеева, думнаго дьяка Чистаго, разграбилъ домъ правителя Морозова и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ. На другой день въ Москвѣ вспыхнулъ страшный пожаръ; за нимъ послѣдовало опять возмущеніе. Мятежники потребовали выдачи Траханіотова и самаго правителя, который скрылся во дворцѣ. Пришелъ наемный нѣмецкій отрядъ и расположился стражею вокругъ дворца; тогда на площадь выѣхалъ двоюродный царскій братъ Никита Ивановичъ Романовъ, болѣе другихъ вельможъ любимый народомъ; держа въ рукахъ свою боярскую шапку, онъ уговаривалъ толпу разойтись, обѣщая отъ имени царя исполненіе народныхъ желаній. Толпа послушалась. Траханіотовъ дѣйствительно былъ казненъ; но Морозова царь поспѣшилъ спасти, отославъ его тайно на сохраненіе въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь.

Когда волненіе успокоилось и мѣста ненавистныхъ чиновниковъ заняли люди, слывшіе добрыми и угодными народу, царь однажды во время крестнаго хода, обратился къ толпѣ съ рѣчью. Онъ изъявилъ сожалѣніе о притѣсненіяхъ, которыя дѣлались его именемъ, но безъ его вѣдома; обѣщалъ понизить цѣну на соль, уничтожить монополіи, и, въ заключеніе со слезами на глазахъ просилъ не требовать выдачи Морозова, его воспитателя и втораго отца. Умиленный народъ отвѣчалъ восклицаніями: «да здраствуетъ государь на многія лѣта! да будетъ воля Божія и государева!» Морозовъ воротился въ Москву; не занимая болѣе мѣсто правителя, онъ продолжалъ еще нѣкоторое время быть главнымъ совѣтникомъ Алексѣя, и, говорятъ, успѣлъ даже заслужить народное расположеніе.

Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ городахъ (Сольвычегодскѣ и Устюгѣ) около того же времени произошло возмущеніе противъ нелюбимыхъ чиновниковъ; а спустя два года послѣ московскихъ событій, вспыхнулъ мятежъ въ древнихъ вѣчевыхъ городахъ Новгородѣ и Псковѣ. Новгородцы бросились на нѣмецкихъ купцовъ, ограбили ихъ и заключили въ тюрьму; однако здѣсь мятежъ скоро былъ укрощенъ твердостію митрополита Никона. Митрополитъ при этомъ случаѣ подвергся даже побоямъ и поруганію; но до тѣхъ поръ не переставалъ уговаривать мятежниковъ, пока они не смирились и не выдали главныхъ зачинщиковъ. Возмущеніе во Псковѣ продолжалось долѣе, и было усмирено только при помощи военной силы *.

* Во Псковѣ поводомъ къ мятежу послужило слѣдующее обстоятельство. Москва обязалась заплатить шведамъ значительную сумму денегъ (191,000 руб.) за тѣхъ переселенцевъ, которые перешли въ Россію изъ областей, уступленныхъ Швеціи по Столбовскому миру. Часть суммы положено было уплатить хлѣбомъ, и, когда правительство велѣло отпустить шведамъ 11,000 четвертей хлѣба изъ псковскихъ житницъ, граждане возмутились и умертвили многихъ нелюбимыхъ чиновниковъ.

Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малой Россіи. Въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича произошло новое и самое знаменитое возстаніе украинскихъ казаковъ противъ польской аристократіи, которое окончилось отложеніемъ Малой Россіи отъ Польши и присоединеніемъ къ Москвѣ. Вождемъ этого возстанія явился Богданъ Хмельницкій, вызванный на отчаянную борьбу съ поляками жаждою личной мести.

Зиновій Хмельницкій (извѣстный болѣе подъ именемъ Богдана) былъ сынъ казацкаго сотника, получилъ отличное, по тому времени, образованіе, и рано началъ выдвигаться изъ среды товарищей, городовыхъ казаковъ, своею храбростію и даровитостію. Онъ отличился въ битвахъ съ татарами, турками, москвитянами и занялъ мѣсто войсковаго писаря. Хотя Хмельницкій по наружности оказывалъ полную преданность Рѣчи Посполитой, однако нѣкоторые изъ пановъ, угнетавшихъ Украйну, наученные опытами прежнихъ казацкихъ мятежей, стали подозрительно смотрѣть на умнаго писаря; особенно возненавидѣлъ его чигиринскій подстароста Чаплинскій. Недалеко отъ Чигирина у Хмельницкаго былъ хуторъ Суботово, на который подстароста объявилъ свои притязанія. Однажды Чаплинскій съ толпою своихъ слугъ напалъ на хуторъ, пожегъ на гумнѣ хлѣбъ, завладѣлъ женою Богдана и такъ жестоко высѣкъ его сына, что тотъ вскорѣ умеръ. Хмельницкій принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Онъ обратился съ жалобою къ чигиринскому старостѣ (Конецпольскому), и, не получивъ отъ него никакой защиты, поѣхалъ въ Варшаву искать правосудія у польскаго сената; но судьи въ тяжбѣ шляхтича съ казакомъ по обыкновенію приняли сторону перваго. Хмельницкій обратился къ королю, который лично зналъ Богдана и покровительствовалъ ему *. Соз-

* По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Владиславъ IV замышлялъ произвести въ Польшѣ политическій переворотъ въ пользу королевской власти; въ борьбѣ съ

навая свое безсиліе передъ сеймомъ, Владиславъ отказался отъ участія въ этомъ дѣлѣ; а на жалобы Хмельницкаго противъ утѣсненія Украйны, какъ говорятъ, замѣтилъ, что у казаковъ есть сабли. Тогда Хмельницкій ушелъ на Запорожье, подготовилъ тамъ возстаніе, и получилъ помощь отъ крымскаго хана. Казацкая рада выбрала Хмельницкаго гетманомъ и рѣшила объявить войну полякамъ. По всей Украйнѣ началось сильное волненіе народа, который ждалъ только удобнаго случая, чтобы снова поднять оружіе противъ своихъ притѣснителей.

Первыя битвы Хмельницкаго съ польскими войсками (при Желтыхъ водахъ и при Корсунѣ, 1648 г.) окончились полнымъ пораженіемъ поляковъ. Этотъ успѣхъ поднялъ всю Украйну; хлопы, составивъ множество гайдамацкихъ отрядовъ («загоновъ»), бросились грабить и разрушать господскіе замки, жечь католическія церкви и предавать мучительной смерти жидовъ-арендаторовъ. Паны принуждены были бѣгствомъ спасаться отъ ярости черни; а наиболѣе сильные и храбрые изъ нихъ, собравъ вокругъ себя вооруженные отряды, били нестройныя толпы хлоповъ и въ свою очередь лютыми казнями отплачивали за ихъ неистовства. (Между такими вождями особенно прославился воинственный князь Іеремія Вишневецкій, одинъ изъ ополячившихся русскихъ вельможъ). Въ это время скончался король Владиславъ, и наступившія смуты междуцарствія еще болѣе способствовали успѣхамъ возстанія. Когда же на престолъ былъ избранъ братъ покойнаго короля Янъ Казиміръ, онъ лично принялъ начальство надъ войскомъ; но подъ

аристократіею онъ думалъ опереться на малороссійское войско, почему и вступилъ въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми казацкими старшинами, между прочимъ и съ Хмельницкимъ. Но Владиславъ неотличался твердымъ рѣшительнымъ характеромъ, и сеймъ успѣлъ принять свои мѣры противъ его замысловъ.

Зборовымъ (въ Галиціи) поляки со всѣхъ сторонъ были окружены казаками и татарами; тогда король согласился на миръ, по которому возвращались казакамъ ихъ старыя права и дарованы нѣкоторыя новыя привиллегіи.

Непрочность Зборовскаго трактата скоро обнаружилась. По трактату число реестровыхъ казаковъ ограничено въ 40,000; всѣ же остальные хлопы, приставшіе къ войску, должны были воротиться въ крѣпостное состояніе, и опять работать на тѣхъ самыхъ пановъ, которыхъ они только что прогнали изъ своей земли. Когда гетманъ попытался строгими мѣрами привести въ исполненіе эту статью, на Украйнѣ обнаружилось противъ него сильное неудовольствіе черни, и онъ принужденъ былъ отказаться отъ своей попытки. Съ другой стороны и поляки не исполнили нѣкоторыхъ условій договора; такъ напримѣръ, они не дали кіевскому митрополиту мѣста въ сенатѣ. Хмельницкій опять призвалъ на помощь крымскаго хана и началъ новую войну; на этотъ разъ она была для него неудачна. Янъ Казиміръ собралъ поголовное шляхетское ополченіе («посполитое рушенье»), и въ сраженіи подъ Берестечкомъ, казаки, внезапно оставленные ханомъ, потерпѣли совершенное пораженіе. При Бѣлой Церкви заключенъ былъ новый миръ, по которому число реестровыхъ казаковъ уменьшено до 20,000. Положеніе Малой Россіи опять сдѣлалось такое же, какое оно было до возстанія. Казаки и въ особенности крестьяне цѣлыми толпами устремились въ сосѣднюю московскую украйну, гдѣ пустынныя до толѣ пространства въ скоромъ времени заселены были малороссійскими колоніями или слободами (каковы: Ахтырка, Сумы, Изюмъ, Харьковъ и др.).

Видя невозможность одними собственными силами бороться съ Польшею, Хмельницкій еще въ началѣ возстанія вошелъ въ переговоры съ московскимъ дворомъ и просилъ царя при-

нять Малороссію подъ свое покровительство. Послѣ Бѣлоцерковскаго трактата онъ съ большею настоичивостію возобновилъ свои просьбы, говоря, что въ крайнемъ случаѣ готовъ даже поддаться турецкому султану. Московское правительство сначала приняло на себя роль посредника между казаками и Польшею и потребовало подтвержденія Зборовскаго договора; но поляки отвергли это требованіе. Кромѣ того, постояннымъ поводомъ къ неудовольствію между Москвою и Польшею служило «умаленіе» царскаго титула со стороны польскихъ пограничныхъ начальниковъ. Для обсужденія польскаго и малороссійскаго вопроса Алексѣй Михайловичъ собралъ земскую думу (1653 г.). На соборѣ рѣшено было принять предложеніе Хмельницкаго и объявить войну Польшѣ. Въ слѣдующемъ году торжественное московское посольство, во главѣ котораго стоялъ бояринъ Бутурлинъ, пріѣхало въ Переяславль; здѣсь собралась общая казацкая рада и по предложенію своего гетмана присягнула на подданство московскому царю. (8 генваря). Вслѣдъ за тѣмъ московскіе чиновники отправились по украинскимъ городамъ и привели къ присягѣ всѣ малороссійскіе полки на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Главныя условія присоединенія были слѣдующія: число постояннаго войска назначено въ 60,000; казаки сами выбираютъ себѣ гетмана, который имѣетъ право принимать иностранныхъ пословъ; права городовъ и шляхты остаются прежнія; въ городахъ правители должны быть изъ малороссіянъ, они же и собираютъ доходы, и пр.

—

Борьба съ сосѣдями за Малороссію. Открывшаяся война съ Польшею была весьма удачна для москвитянъ. Алексѣй Михайловичъ выступилъ въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ, лично осадилъ Смоленскъ и принудилъ его къ сдачѣ. Изъ Бѣлоруссіи москвитяне перешли въ Литву, взяли

Вильно, Ковно и Гродно; въ тоже время Хмельницкій, подкрѣпленный царскими воеводами, напалъ на поляковъ съ юго-востока и дошелъ до Вислы. Къ довершенію своихъ бѣдствій Польша подверглась еще нападенію съ сѣвера, со стороны воинственнаго шведскаго короля Карла X, который завладѣлъ Познанью, взялъ самую Варшаву и Краковъ. Въ такомъ критическомъ положеніи Польша была спасена заступленіемъ австрійскаго двора и соперничествомъ, которое возникло между русскими и шведами. Послы императора (Фердинанда III) подали Алексѣю Михайловичу надежду, что Поляки по смерти бездѣтнаго Казиміра изберутъ московскаго царя на свой престолъ, и такимъ образомъ Польша мирнымъ образомъ соединится съ Москвою. Тогда царь согласился на перемиріе, удержавъ за собою Малую и Бѣлую Россію. (1656 г.). Теперь онъ обратилъ свое оружіе на шведовъ, которые становились болѣе сильными и опасными сосѣдями, нежели поляки.

Думая, что настало время пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря, Алексѣй Михайловичъ вступилъ въ Ливонію, завоевалъ нѣсколько городовъ и осадилъ Ригу; но здѣсь русскіе потерпѣли неудачу. Война продолжалась потомъ съ перемѣннымъ счастіемъ. Между тѣмъ завязались переговоры; они окончились миромъ въ Кардисѣ (1661 г.), по которому русскіе возвратили шведамъ всѣ завоеванные города. Къ такой уступкѣ принудили Москву смуты въ Малороссіи и возобновившаяся польская война.

Богданъ Хмельницкій съ неудовольствіемъ узналъ о прекращеніи войны между Москвою и Польшею; онъ скончался, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перемирія. Въ Малороссіи немедленно наступили смуты. Главнымъ поводомъ для нихъ служило гетманское достоинство, которое зависѣло отъ свободнаго выбора казаковъ, и на которое всегда являлось нѣсколько претендентовъ, каждый съ своею партіею. Да и самое

соединеніе Малой Россіи съ Великою было еще непрочно: между тѣмъ какъ простые казаки и чернь тянули къ Москвѣ, старшины казацкіе и вообще люди чиновные оказывали предпочтеніе аристократической Польшѣ.

Еще при жизни Богдана казаки выбрали ему преемникомъ молодаго сына его Юрія; но вскорѣ послѣ кончины стараго гетмана генеральный писарь Виговскій, родомъ полякъ, съ помощію преданныхъ себѣ полковниковъ захватилъ въ свои руки гетманскую булаву, и тайнымъ договоромъ съ Польшею обязался возвратить ей Малую Россію. Противъ Виговскаго возстала значительная часть казаковъ, которые соединились съ московскими воеводами; гетманъ съ помощью крымскаго хана разбилъ своихъ противниковъ подъ Конотопомъ (1659); но потомъ, оставленный ханомъ, принужденъ былъ бѣжать въ Польшу. Послѣ него гетманы быстро смѣняли одинъ другаго (Юрій Хмельницкій, Тетеря и Брюховецкій), при чемъ ясно обнаружилось раздвоеніе Малой Россіи на лѣвую и правую сторону Днѣпра; въ первой брали верхъ приверженцы Москвы, вторая тянула къ Польшѣ.

Между тѣмъ вторая война Алексѣя Михайловича съ поляками была для него неудачна; большая часть завоеваній въ Литвѣ и Бѣлоруссіи перешла опять въ руки непріятелей. Утомленныя долговременною борьбою, оба государства вступили въ переговоры. и наконецъ бояринъ Ордынъ-Нащокинъ, знаменитый московскій дипломатъ, заключилъ съ Польшею перемиріе въ деревнѣ Андрусовѣ (около Смоленска) на 13 лѣтъ. (1667 г.). По этому перемирію за Москвою остались Смоленскъ, лѣвый берегъ Днѣпра въ Малороссіи. и кромѣ того городъ Кіевъ—на два года; западная часть Украйны снова отошла къ полякамъ.

Съ окончаніемъ польской войны малороссійскія смуты непрекратились. Гетманъ западной стороны, смѣлый и честолю-

бивый Дорошенко, захвативъ въ свои руки и восточную сторону (гдѣ жители были недовольны новыми московскими налогами), задумалъ изъ Малой Россіи составить особое владѣніе, и отдался подъ покровительство турецкаго султана. Впрочемъ на лѣвомъ берегу приверженцы Москвы вскорѣ опять взяли верхъ; они выбрали своимъ гетманомъ Самойловича; а общая опасность со стороны Турціи заставила московское и польское правительство сблизиться между собою и заключить оборонительный союзъ противъ сильнаго непріятеля. Западная сторона Днѣпра, куда султанъ два раза приходилъ съ большими силами, подверглась страшному опустошенію; только побѣды польскаго полководца Яна Собѣскаго (избраннаго на престолъ въ 1673 г.) спасли Польшу отъ совершеннаго униженія. Борьба съ турками и малороссійскій вопросъ еще не были рѣшены въ то время, когда скончался Алексѣй Михайловичъ.

Законодательство, экономическія мѣры и финансовыя затрудненія. Когда затихъ мятежъ московской черни, вызванный дурнымъ управленіемъ Морозова, государь по совѣту съ высшимъ духовенствомъ и думными людьми приступилъ къ слѣдующей законодательной мѣрѣ. Онъ велѣлъ выписать разныя статьи изъ отцевъ церкви и законовъ греческихъ царей, потомъ собрать указы русскихъ государей и боярскіе приговоры, и, свѣривъ съ ними прежніе судебники, исправить ихъ и дополнить недостающими статьями. Новый сводъ статей, извѣстный подъ именемъ *соборнаго уложенія*, скоро былъ оконченъ и утвержденъ земскимъ соборомъ, который для такого важнаго дѣла по обычаю былъ созванъ царемъ изъ выборныхъ людей со всего государства. (1649 г.) *. Впрочемъ законодательная дѣятельность Алексѣя

* Составленіе этого свода поручено было тремъ боярамъ (князьямъ: Одоевскому, Прозоровскому, Волконскому) и двумъ дьякамъ (Леонтьеву и Гри-

Михайловича неограничилась однимъ уложеніемъ; въ послѣдствіи имъ изданы были еще многіе указы (напр. о татебныхъ дѣлахъ, о разбойныхъ, о фальшивой монетѣ) и уставы (ратный, торговый, писцовый и др.).

Въ одинъ годъ съ изданіемъ уложенія совершилась важная мѣра относительно внѣшней торговли. Еще при Михаилѣ Ѳедоровичѣ русскіе купцы жаловались на привиллегіи, данныя англичанамъ: послѣдніе, владѣя правомъ безпошлинной торговли и огромными капиталами, захватили въ свои руки почти всѣ главные коммерческіе обороты, такъ что русскимъ купцамъ оставалась только мелочная торговля. Алексѣй Михайловичъ наконецъ внялъ этимъ жалобамъ; онъ воспользовался смутнымъ временемъ въ Англіи (гдѣ происходила тогда революція), и выдалъ указъ, по которому англійскіе купцы высылались изъ внутренности государства; имъ позволено было приставать только въ Архангельскѣ и тамъ производить торговлю съ платою обыкновенной пошлины. Въ числѣ причинъ, побудившихъ къ такому указу, упомянуты слѣдующія злоупотребленія: тайный привозъ въ Россію табаку и другихъ запрещенныхъ товаровъ, равно вывозъ изъ Россіи заповѣдныхъ товаровъ (напр. шолку сырцу), и наконецъ уголовное преступленіе всѣхъ англичанъ, которые «учинили большое злое дѣло: короля своего Карлуса убили до смерти».

Этотъ указъ неостался безъ нѣкотораго вліянія на послѣдующія за тѣмъ финансовыя затрудненія. Съ удаленіемъ англичанъ изъ внутреннихъ городовъ приливъ иностраннаго серебра

боѣдову). Подлинный списокъ уложенія подписанъ 315 членами собора. Оно раздѣлено на 25 главъ и на 967 статей. Вотъ нѣкоторыя заглавія: о богохульникахъ и о церковныхъ мятежникахъ, о государской чести и какъ его государское здравіе оберегати, о службѣ всякихъ ратныхъ людей, о судѣ, о помѣстныхъ земляхъ, о вотчинахъ и т. д.

въ Россію значительно уменьшился; а начавшіяся вскорѣ войны съ Польшею потребовали большихъ усилій и огромныхъ издержекъ со стороны государства *. Когда недостатокъ серебряной монеты сдѣлался весьма ощутителенъ, царь, по совѣту окольничаго Ртищева, приказалъ чеканить мѣдныя копейки, которыя должны были ходить въ равной цѣнѣ съ серебряными (1655 г.). Сначала эта мѣра удалась; мѣдная и серебряная монета ходила въ равной цѣнѣ, потому что обмѣнъ одной на другую совершался безпрепятственно. Но монетнымъ дѣломъ завѣдывали люди невѣжественные и корыстолюбивые, именно тесть царя Милославскій съ своими родственниками; они начали собирать всѣ серебряныя деньги въ казну, а въ выпускѣ мѣдныхъ несоблюдали никакой умѣренности; сюда незамѣдлило присоединиться и огромное количество поддѣльной монеты. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такихъ безпорядковъ было весьма быстрое пониженіе въ цѣнѣ мѣдныхъ копеекъ сравнительно съ серебряными, такъ что въ теченіе пяти лѣтъ первыя сдѣлались въ пятнадцать разъ дешевле послѣднихъ. Зло непрекращалось, не смотря на строгія наказанія фальшивыхъ монетчиковъ (имъ заливали горло растопленнымъ металломъ); притомъ же главные виновники зла оставались безнаказанными, потому что давали взятки начальникамъ монетнаго дѣла. Необходимые припасы и всѣ товары сдѣлались страшно

* Московское государство почти неимѣло собственныхъ драгоцѣнныхъ металловъ, потому что не было людей, которые умѣли бы отыскивать и разработывать руды; главный матеріалъ для выпуска звонкой монеты доставляла торговля съ иностранцами. Иноземные купцы (англійскіе, голландскіе, ганзейскіе) вмѣстѣ съ товарами обязывались привозить и серебро въ разныхъ видахъ, т, е. монетою и слитками; пошлина съ товаровъ собиралась также серебряными деньгами. Все это серебро московское правительство перечеканивало въ русскую монету съ значительною для себя выгодою: напримѣръ, голландскій ефимокъ принимался въ казну за 42 копейки; а перечеканенный онъ ходилъ 64 копейки.

дороги; отъ этой дороговизны болѣе всего терпѣли люди служилые, которые получали жалованье монетою по ея номинальной цѣнѣ; государству угрожало всеобщее разореніе. Въ народѣ поднялся сильный ропотъ, который перешелъ наконецъ въ открытый мятежъ. Московская чернь бросилась въ село Коломенское (любимое лѣтнее мѣстопребываніе Алексѣя Михайловича), и потребовала отъ царя выдачи нѣкоторыхъ ненавистныхъ бояръ (Милославскихъ, Ртищева и др.). Царь велѣлъ окружавшимъ его стольникамъ, дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и подоспѣвшему отряду стрѣльцовъ ударить на толпы мятежниковъ; часть ихъ была избита или захвачена, остальные разсѣялись въ бѣгствѣ. (1662 г.). Вслѣдъ за тѣмъ вышелъ указъ, которымъ мѣдныя деньги отмѣнялись, и всѣ уплаты приказано производить прежнею серебряною монетою. Но государство нескоро могло оправиться отъ сильнаго финансоваго разстройства; множество людей погибло въ это несчастное время отъ казней и ссылокъ; многія семейства подверглись совершенному разоренію.

Разинъ, казацкое и крестьянское движеніе. Царствованіе Алексѣя Михайловича кромѣ внѣшнихъ войнъ весьма обильно разными мятежами внутри государства. Правительство легко усмиряло отдѣльныя попытки нѣкоторыхъ городовъ; побѣда же надъ казацкимъ движеніемъ требовала значительныхъ усилій *.

---

* Мятежи XVII столѣтія считаются по большей части отголоскомъ смутной эпохи; но въ сущности они были продолженіемъ борьбы между старыми удѣльно-вѣчевыми обычаями и московскимъ государственнымъ порядкомъ, который все болѣе и болѣе проникалъ въ народную жизнь и закрѣплялъ за собою народныя силы. Казачество въ это время явилось самымъ сильнымъ бойцомъ за общинное, вѣчевое устройство.

Въ XVII столѣтіи казачество охватило уже всю юго-восточную полосу Россіи отъ береговъ южнаго Буга до Яика, перешло за Яикъ и проникло въ отдаленную Сибирь; центромъ его въ Московской Руси была равнина рѣки Дона. Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича Донскіе казаки окончательно признали надъ собою власть Москвы, обѣщая прекратить свои разбои и нападенія на сосѣдей; но подобныя обѣщанія исполнялись весьма рѣдко. На Дону, какъ и въ Малой Россіи, казацкое сословіе распадалось на двѣ главныя партіи: казаковъ зажиточныхъ или «домовитыхъ» и бѣдныхъ или «голутвенныхъ» (голь). Между тѣмъ какъ первые были наклонны болѣе къ сохраненію порядка и къ повиновенію московскому правительству, вторые составляли толпу людей безпокойныхъ, всегда искавшихъ случая погулять на чужой счетъ («добыть себѣ зипуновъ» какъ они выражались). Число голутвенныхъ постоянно увеличивалось отъ прилива бѣглыхъ холопей, крестьянъ и посадскихъ людей изъ Московскаго государства. Донъ не выдавалъ назадъ подобныхъ бѣглецовъ, и, приставши къ какой нибудь станицѣ, они считались уже вольными казаками. Вся эта голутвенная вольница ожидала только достойнаго предводителя, чтобы собраться вокругъ него для разбоя и для войны съ государствомъ. Такой предводитель явился въ лицѣ простаго казака Степана Разина.

Говорятъ, ненависть къ московскому правительству и жажда мести зародилась въ душѣ Разина во время второй польской войны, когда старшій его братъ за нарушеніе военной дисциплины, погибъ на висилицѣ по приказанію воеводы Долгорукаго. Своею дикою, неукротимою энергіею и физическою силою Стенька Разинъ рѣзко выдавался изъ толпы товарищей, и ему нетрудно было собрать шайку изъ нѣсколькихъ сотъ подобныхъ себѣ удальцовъ. Онъ бросился на Волгу, разграбилъ караванъ судовъ, плывшихъ въ Астра-

хань съ разными припасами и товарами, и пробрался на Яикъ, гдѣ шайка его быстро увеличилась новыми охотниками (1667 г.). Отсюда казаки Каспійскимъ моремъ поплыли на югъ, разгромили берега Персіи и съ богатою добычею пришли къ устью Волги. Астраханскій воевода объявилъ атаману, что государь прощаетъ казаковъ и позволяетъ имъ спокойно воротиться назадъ, если они выдадутъ персидскихъ плѣнниковъ вмѣстѣ съ служилыми людьми и пушками, захваченными по городамъ и царскимъ судамъ. Разинъ принялъ это предложеніе и принесъ повинную; впрочемъ далеко невыполнилъ всѣхъ условій. Когда же онъ воротился на Донъ, слава о его подвигахъ и богатствахъ, награбленныхъ казаками, со всѣхъ сторонъ привлекала къ нему голутвенныхъ людей; въ числѣ другихъ явились и многіе запорожцы. Своимъ привѣтливымъ обращеніемъ атаманъ умѣлъ снискать чрезвычайное расположеніе толпы, и скоро увидалъ себя во главѣ значительнаго войска.

Разглашая повсюду, что идетъ противъ ненавистныхъ московскихъ бояръ, Разинъ лѣтомъ 1670 года опять появился на Волгѣ, взялъ Царицинъ и двинулся на Астрахань. Здѣсь стрѣльцы и чернь перешли на сторону казаковъ, такъ что этотъ важный городъ былъ взятъ почти безъ бою. Начальники и лучшіе люди большею частію перебиты, имущество ихъ и купеческія лавки разграблены; а жители астраханскіе присоединились къ войску Разина и получили казацкое устройство. Отсюда атаманъ двинулся вверхъ по Волгѣ, взялъ Саратовъ, Самару, и пошелъ далѣе, распуская слухъ, будто при немъ находится царевичъ Алексѣй (незадолго умершій) и патріархъ Никонъ (лишенный сана). Приверженцы Разина разсѣялись по областямъ Московскаго государства и подстрекали простой народъ къ возстанію противъ бояръ и приказныхъ людей, обѣщая всѣмъ казацкую вольность. Мятежъ быстро охватилъ все пространство между Окою и Волгою; крестьяне убивали

помѣщиковъ, въ городахъ чернь свирѣпствовала противъ лучшихъ людей; возмутились и приволжскіе инородцы (черемисы, чуваши, мордва, татары). Силы Разина достигли огромныхъ размѣровъ. Но достаточно было одной неудачи, чтобы исчезло довѣріе народа къ дѣлу казаковъ, чтобы обнаружилась для нихъ вся невозможность побѣдить окрѣпшій государственный порядокъ. Подъ Симбирскомъ Стенька потерпѣлъ пораженіе отъ князя Борятинскаго, у котораго часть войска была обучена европейскому строю; тогда Разинъ, оставивъ крестьянъ на жертву воеводамъ, бѣжалъ съ казаками на родину, и попытался поднять весь Донъ. Но здѣсь главный атаманъ донскаго войска Яковлевъ, съ помощью домовитыхъ казаковъ, схватилъ Разина и отослалъ его въ Москву для казни (1671 г.).

Между тѣмъ царскіе воеводы послѣ нѣсколькихъ рѣшительныхъ побѣдъ надъ толпами крестьянъ и инородцевъ успѣли подавить возстаніе внутри государства. Только въ Астрахани нѣкоторое время еще свирѣпствовала казацкая шайка подъ начальствомъ атамана Васьки Уса, который, въ числѣ другихъ злодѣйствъ, подвергъ пыткѣ астраханскаго митрополита Іосифа и велѣлъ сбросить его съ колокольни. Но вскорѣ Астрахань также сдалась московскимъ воеводамъ, и главные мятежники были казнены. Во время мятежа, произведеннаго Разинымъ, какъ говорятъ, погибло до 100,000 человѣкъ. Атаманъ и его удалые товарищи сдѣлались героями многочисленныхъ пѣсенъ, и воспоминаніе о Разинѣ до сихъ поръ еще живетъ въ русскомъ народѣ.

Патріархъ Никонъ и дѣла церковныя. Никонъ, въ міру Никита, былъ сынъ одного крестьянина Нижегородской области и родился въ началѣ смутнаго времени. Съ дѣтства онъ уже показывалъ присутствіе сильной воли, необыкновен-

ныя способности и наклонность къ монашеской жизни. Мальчикъ выучился грамотѣ, что было рѣдкостью въ крестьянскомъ быту; но гоненія, которыя онъ терпѣлъ въ своей семьѣ отъ мачихи, не остались безъ дурнаго вліянія на его характеръ. По просьбѣ родственниковъ Никита женился, а грамотность доставила ему мѣсто священника. Проживъ 10 лѣтъ съ женою и потерявъ всѣхъ дѣтей, Никита убѣдилъ жену вступить въ монастырь, а самъ ушелъ въ скиты на Бѣлое море и тамъ постригся. Слава о его умѣ и строгой иноческой жизни скоро достигла Москвы; набожный Алексѣй Михайловичъ перевелъ Никона архимандритомъ въ одинъ изъ московскихъ монастырей, часто призывалъ его во дворецъ для бесѣды и вообще началъ оказывать ему большое довѣріе. Скоро Никонъ былъ посвященъ митрополитомъ въ Новгородъ, гдѣ неограничился церковнымъ управленіемъ, но пріобрѣлъ вліяніе и на дѣла гражданскія; а уваженіе къ нему царя еще болѣе усилилось послѣ извѣстнаго новгородскаго мятежа, который былъ усмиренъ твердостію митрополита. Когда же въ Москвѣ скончался патріархъ Іосифъ, престолъ патріаршій предложили Никону; онъ отвѣчалъ отказомъ на это предложеніе. Въ Успенскомъ соборѣ царь и окружавшіе его со слезами умоляли митрополита неотказываться. Послѣдній, обратясь къ боярамъ и народу, спросилъ: «будутъ ли почитать его какъ архипастыря и отца и дадутъ ли ему устроить церковь?» Всѣ клялись, что будутъ и дадутъ. Тогда Никонъ согласился, и былъ посвященъ (1652 г.).

Царь вполнѣ подчинился вліянію новаго патріарха, оказывалъ ему неограниченное довѣріе, а во время своихъ отлучекъ поручалъ управленіе почти всѣмъ государствомъ. Подобно отцу Михаила Ѳедоровича, Никонъ въ грамотахъ сталъ писаться «великимъ государемъ». Изъ церковныхъ его дѣлъ са-

мое важное по своимъ послѣдствіямъ было исправленіе богослужебныхъ книгъ.

Съ теченіемъ времени отъ невѣжественныхъ переписчиковъ въ церковныя рукописи вкралось множество ошибокъ. Когда же въ Московскомъ государствѣ появилось книгопечатаніе, то ошибки рукописей перешли и въ печатныя книги; а вмѣстѣ съ ошибками вкрались въ нихъ и разныя мнѣнія, несогласныя съ церковнымъ уставомъ *. Въ царствованіе Михаила Θеодоровича приступили къ исправленію ошибокъ; но исправленіе производилось очень небрежно и поручено было людямъ невѣжественнымъ, которые сами держались упомянутыхъ мнѣній и вносили ихъ въ новыя печатныя изданія. Для обсужденія этого вопроса Никонъ созвалъ духовный соборъ (1654 г.). Рѣшено было исправить книги по старымъ русскимъ и по греческимъ рукописямъ, которыя для этой цѣли въ большомъ количествѣ были собраны въ Москвѣ. Исправленныя и вновь изданныя богослужебныя книги разсылались по церквамъ; а книги прежнихъ изданій Никонъ приказывалъ вездѣ отбирать. Противъ этой мѣры возстала часть духовенства, нелюбившаго Никона за его непомѣрную строгость, и начала смущать народъ расказами о томъ, будто бы патріархъ вводитъ разныя еретическія новости и нарушаетъ вѣру. Люди,

---

* Напримѣръ· Іисусъ надобно писать Ісусъ; служить обѣдню на семи просфорахъ, а не на пяти; складывать два пальца, а не три при крестномъ знаменіи; не брить бороды и усовъ, и т. п.

Начало книгопечатанія въ московскомъ государствѣ относится къ царствованію Іоанна IV. Именно, два мастера изъ западной Россіи, Иванъ Θедоровъ и Петръ Мстиславцевъ, завели въ Москвѣ первую типографію въ 1553 г., и первая книга, которую они напечатали, была «Дѣянія апостольскія». Въ 1565 г. Θедоровъ и Мстиславцевъ, обвиненные въ ереси, должны были спасаться бѣгствомъ въ Литву; но книгопечатаніе уже успѣло утвердиться въ Москвѣ.

приверженные къ буквѣ устава, къ внѣшнимъ обрядамъ, стали сильно роптать на патріарха; а жестокія наказанія, которымъ суровый, вспыльчивый Никонъ подвергалъ непослушныхъ ему священнослужителей, дѣлали ихъ мучениками въ глазахъ толпы. Съ того времени книги, напечатанныя при патріархѣ Іосифѣ или *старыя*, получили священное значеніе для людей, недовольныхъ исправленіемъ (они тщательно сохраняли эти книги, и думали, что только по нимъ надобно молиться, а Никона уподобляли антихрісту). Такіе люди получили названіе *староверовъ* или *раскольниковъ*. Главными двигателями раскола были: протопопъ Аввакумъ, попы: Лазарь и Никита Пустосвятъ.

Вооружая противъ себя многочисленную партію въ духовенствѣ и народѣ, патріархъ скоро возбудилъ къ себѣ вражду и въ боярскомъ сословіи. Онъ слишкомъ неумѣренно пользовался вліяніемъ на царя, и хотѣлъ обратить въ свое неотъемлемое право то государственное значеніе, которымъ былъ обязанъ только личному расположенію Алексѣя Михайловича; онъ стремился, повидимому, самую свѣтскую власть поставить въ зависимость отъ духовной. Но такое стремленіе немогло имѣть успѣха въ Московскомъ государствѣ при полномъ развитіи царскаго самодержавія. Раздраженные высокомѣрнымъ обращеніемъ и требованіемъ совершенной покорности, многіе бояре возненавидѣли Никона, и старались ослабить расположеніе къ нему царя. Усилія бояръ увѣнчались успѣхомъ тѣмъ скорѣе, что Никонъ пренебрегалъ ихъ мелкими интригами; а главное, царь самъ началъ уже тяготиться своею зависимостію отъ неуступчиваго патріарха. Въ отношеніяхъ Алексѣя Михайловича къ Никону незамедлило обнаружиться охлажденіе; за нимъ послѣдовалъ открытый разрывъ, вслѣдствіе котораго патріархъ самовольно оставилъ свою паству.

Однажды при дворѣ угощали грузинскаго царя Теймураза, и противъ обыкновенія непригласили Никона (1658 г.). Послѣднiй послалъ спросить о причинѣ; бояринъ Хитрово выгналъ посланнаго изъ дворца и ударилъ его палкою. Раздраженный патріархъ сначала письменно потребовалъ удовлетворенія, но не могъ добиться никакого положительнаго отвѣта. Онъ хотѣлъ лично объясниться съ царемъ во время выхода къ обѣднѣ; но пришелъ бояринъ Ромодановскій и объявилъ, что государь не будетъ; при этомъ случаѣ патріархъ побранился съ бояриномъ, который упрекнулъ его въ гордости. Тогда Никонъ далъ полную волю своему гнѣву. Послѣ обѣдни онъ громко объявилъ народу, что больше не патріархъ московскій; поставилъ свой посохъ къ иконѣ Владимірской Богоматери, надѣлъ простое монашеское платье и тутъ же, въ ризницѣ написалъ къ царю письмо, въ которомъ просилъ назначить ему келію для жительства. Въ ожиданіи отвѣта онъ сѣлъ на ступени амвона. Два раза приходилъ отъ царя бояринъ Трубецкой увѣщевать патріарха, но напрасно; бояринъ пришелъ въ третій разъ, и объявилъ Никону, что государь предоставляетъ на его собственную волю избрать себѣ мѣсто для жительства. Никонъ, повидимому, надѣялся, что Алексѣй Михайловичъ самъ придетъ уговаривать своего друга, и никакъ неожидалъ подобнаго отвѣта. Въ сопровожденіи большой толпы народа, онъ отправился пѣшкомъ изъ собора на Воскресенское подворье; а оттуда уѣхалъ немедленно въ свой любимый монастырь, извѣстный подъ именемъ Новаго Іерусалима.

Государь однако не скоро рѣшился покончить съ своимъ бывшимъ другомъ, и нѣсколько лѣтъ еще продолжалась ихъ распря, которую бояре усердно старались поддерживать; а Никонъ имъ помогалъ своимъ упрямствомъ. Наконецъ состоялся духовный соборъ подъ предсѣдательствомъ двухъ восточныхъ патріарховъ (александрійскаго и антіохійскаго): Никонъ

былъ осужденъ; его лишили сана и сослали на заточеніе въ Бѣлозерскій Ѳерапонтовъ монастырь (1666 г.). Послѣ своего паденія онъ однако не смирился духомъ, и до самой смерти остался вѣренъ своему характеру.

Книги, исправленныя Никономъ, были одобрены на томъ же соборѣ, который низложилъ его съ патріаршаго престола. Тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ священники и монахи не хотѣли принимать этихъ книгъ; а въ Соловецкомъ монастырѣ дѣло дошло до явнаго возмущенія. Противъ мятежныхъ монаховъ отправленъ былъ отрядъ стрѣльцовъ; но правительство, занятое въ то время на югѣ борьбою съ Разинымъ, немогло употребить большія силы на сѣверѣ; благодаря своимъ крѣпкимъ стѣнамъ, раскольники цѣлыя восемь лѣтъ выдерживали осаду. Только въ 1676 г. воевода Мещериновъ взялъ монастырь приступомъ и перевѣшалъ мятежниковъ.

Въ послѣдніе годы Алексѣя Михайловича, личнымъ расположеніемъ царя и наибольшимъ вліяніемъ при дворѣ пользовался бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, отличавшійся своимъ образованіемъ и приверженностію къ европейскимъ обычаямъ, которые тогда понемногу начали проникать въ высшее русское общество; послѣ Ордына Нащокина онъ завѣдывалъ посольскимъ приказомъ. Его значеніе еще болѣе увеличилось съ того времени, когда царь, потерявъ первую супругу, женился на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, которая была родственница Матвѣеву и воспитывалась въ его домѣ.

Умирая, Алексѣй Михайловичъ оставлялъ послѣ себя довольно многочисленное семейство; отъ первой супруги (Милославской) у него были два сына, Ѳедоръ и Іоаннъ, и нѣсколько дочерей; отъ второй — маленькій царевичъ Петръ, родившійся въ маѣ 1672 года.

ѲЕДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ 1676—1682 г.

Новый царь былъ воспитанникъ Симеона Полоцкаго, монаха, извѣстнаго своею ученостію и своими стихотворными сочиненіями или виршами. При вступленіи на престолъ Ѳедоръ имѣлъ только 14 лѣтъ отъ роду; онъ отличался весьма слабымъ здоровьемъ, и скоро подпалъ вліянію людей приближенныхъ. Родственники царя Милославскіе спѣшили воспользоваться своею силою при дворѣ, чтобы погубить Матвѣева: за приверженность къ западной наукѣ онъ былъ обвиненъ въ чернокнижіи; лишенъ имѣнія, боярскаго сана и сосланъ въ Пустозерскій острогъ. Впрочемъ главное вліяніе на государственныя дѣла изъ рукъ Милославскихъ скоро перешло къ любимцу царя боярину Языкову.

Изъ политическихъ событій этого кратковременнаго царствованія самыя важныя: окончаніе малороссійскаго вопроса и приговоръ о мѣстничествѣ.

Въ южной части Малой Россіи продолжалъ еще держаться Дорошенко. Противъ него выступили московскій воевода князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ, они такъ стѣснили Дорошенко, что онъ сдалъ Чигиринъ русскимъ и оставилъ свои притязанія на гетманское достоинство. Турецкій султанъ однако не хотѣлъ отказаться отъ Украйны, и войска его вмѣстѣ съ крымскими татарами два раза приходили подъ Чигиринъ. Въ первый разъ турки были отбиты Ромодановскимъ и воротились безъ успѣха, въ слѣдующій походъ они овладѣли Чигириномъ, но не могли здѣсь утвердиться. Наконецъ султанъ заключилъ въ Бахчисараѣ двадцатилѣтнее перемиріе, вслѣдствіе котораго Украйна и Запорожье навсегда утверждались за Москвою (1681 г.).

Немедленно послѣ турецкой войны при московскомъ дворѣ поднятъ былъ вопросъ о вредномъ обычаѣ воеводъ считаться между собою знатностію рода. Напрасно московскіе цари со временъ Іоанна IV старались ограничить мѣстничество, и, отправляя войска въ походъ, строго запрещали начальникамъ входить въ родовые счеты; такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ почти всѣ походы были объявлены «безъ мѣстъ». Подобныя запрещенія мало приносили пользы, потому что зло укоренилось слишкомъ глубоко. Өедоръ Алексѣевичъ поручилъ выборнымъ людямъ изъ военныхъ чиновъ, подъ предсѣдательствомъ князя Голицына, обсудить, какія мѣры надобно принять для улучшенія военнаго дѣла въ Россіи. Выборные люди въ числѣ другихъ преобразованій указали на необходимость уничтожить мѣстничество. Государь созвалъ соборъ изъ высшаго духовенства и членовъ боярской думы, объявилъ ему мнѣніе выборныхъ людей и предложилъ вопросъ: «отмѣнить ли мѣстничество или оставить его по прежнему»? Соборъ единогласно приговорилъ, что мѣстничество, какъ источникъ всякаго зла, должно быть отмѣнено. Государь велѣлъ принести тяжебныя дѣла по мѣстничеству и предать ихъ огню въ присутствіи духовенства и бояръ. Виновнымъ противъ соборнаго приговора назначено лишеніе званія и имущества.

—

V. Внутреннее состояніе московскаго государства.

Во главѣ государства находился царь, самодержавный и неограниченный властитель надъ своими подданными. Московское самодержавіе имѣетъ великое историческое значеніе: оно сообщило единство раздробленнымъ дотолѣ русскимъ областямъ и связало въ одно плотное политическое тѣло племе-

на, разбросанныя на обширныхъ равнинахъ Восточной Европы; оно дало русскому народу крѣпкое государственное устройство, которое помогло ему вытти побѣдителемъ изъ долгой, упорной борьбы съ восточными и западными сосѣдями, поработившими Русь удѣльно-вѣчевую. Это устройство, замѣнивъ собою древнія вѣчевыя начала, направляло народныя силы на служеніе одной цѣли—государству.

Московскаго царя окружалъ многочисленный дворъ, составленный изъ людей высшихъ классовъ, которыхъ *чинъ* и *честь* зависѣли отъ большей или меньшей близости къ царской особѣ.

Сословія. Господствующее сословіе въ государствѣ было *служилое*, которое образовалось изъ прежней княжеской дружины и раздѣлялось на разные ступени. Верхнюю ступень составляла родовая *боярская* аристократія, сильная своимъ числомъ и значеніемъ. Въ составъ ея, кромѣ древнихъ боярскихъ родовъ, вошли потомки удѣльныхъ князей, вступившихъ въ службу московскихъ государей; они сохраняли свой княжескій титулъ. Далѣе, значительная часть нашихъ боярскихъ фамилій вела свое происхожденіе отъ иноземныхъ выходцевъ, именно: литовскихъ, нѣмецкихъ, и болѣе всего отъ татарскихъ мурзъ и царевичей. Въ XVI и XVII вв. эта аристократія представляетъ довольно замкнутое сословіе или касту, почти недоступную для людей низшихъ классовъ. По своей знатности боярскіе роды раздѣлялись на нѣсколько «статей»; сообразно съ такимъ дѣленіемъ они занимали разныя должности при дворѣ, въ гражданскомъ управленіи и въ войскѣ. * Бояре, незанятые войною или службою въ городахъ,

* «Бояринъ» (въ тѣсномъ смыслѣ) означалъ высшій придворный чинъ; за нимъ слѣдовалъ «окольничій», потомъ «думный дворянинъ». Эти три статьи

постоянно жили въ Москвѣ, и каждый день съѣзжались во дворецъ на поклонъ къ государю. Въ грамотахъ писались они государевыми «холопами» и называли себя уменьшительными именами.

Среднюю ступень служилаго сословія составляли *дворяне*, а низшую многочисленный классъ *боярскихъ дѣтей*. И тѣ и другіе въ свою очередь подраздѣлялись на разныя статьи.

Всѣ эти люди должны были служить всю жизнь тамъ, гдѣ укажетъ государь; главною же ихъ обязанностію по прежнему оставалась военная служба. За свою службу, кромѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, они получали *помѣстья* и *вотчины*. Первыя давались въ пожизненное владѣніе, вторыя составляли полную, наслѣдственную собственность; различіе это потомъ уничтожилось, и помѣстья сравнялись съ вотчинами. Между тѣмъ какъ дѣти боярскіе образовали классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, бояре и нѣкоторыя изъ дворянскихъ фамилій сосредоточили въ своихъ рукахъ обширныя поземельныя владѣнія и имѣли по нѣскольку тысячъ крѣпостныхъ людей.

Сословіе людей «тягловыхъ» или податныхъ *(земщину)* составляли посадскіе и крестьяне. Подъ именемъ *посадскихъ* разумѣлось вообще городское и пригородное населеніе, занимавшееся торговлею, промыслами и платившее подати въ царскую казну. Въ видахъ постояннаго, исправнаго сбора

засѣдали въ царской думѣ. Далѣе слѣдовали чиновники отправлявшіе службу при царской особѣ, именно: спальники, стольники, стряпчіе, жильцы и пр. Въ такія должности обыкновенно поступали дѣти знатныхъ людей, пока непереходили на высшую ступень. Происхожденіе московскихъ придворныхъ чиновъ большею частію относится къ удѣльному, княжескому періоду.

государственныхъ доходовъ, посадскіе люди были прикрѣплены къ своимъ посадамъ, какъ крестьяне къ землѣ. Болѣе зажиточные изъ посадскихъ носили древнее названіе «лучшихъ людей», остальные назывались «меньшими»; въ правительственномъ отношеніи они раздѣлены были по сотнямъ и слободамъ *. Кромѣ податей, посадскіе люди обязаны были отправлять царскую службу въ качествѣ разнаго рода приставовъ или цѣловальниковъ.

Крестьяне, по отношенію къ землѣ, распадались на три главные разряда: во первыхъ тѣ, которые жили на земляхъ, принадлежавшихъ государю; во вторыхъ, поселенные въ помѣстьяхъ и вотчинахъ служилыхъ людей; въ третьихъ, жившіе на земляхъ монастырскихъ и вообще духовенства. Первый разрядъ подраздѣлялся на двѣ части, именно: *дворцовые*, доходы съ которыхъ исключительно шли на содержаніе двора, и крестьяне черныхъ волостей или *черносошные*, платившіе подати въ государственную казну.

Въ концѣ XVI вѣка, какъ извѣстно, крестьяне лишились права свободнаго перехода и были прикрѣплены къ землѣ. Но они не скоро могли примириться съ этимъ лишеніемъ, и въ дѣйствительности переходы еще долго продолжались. Самое прикрѣпленіе не было полное и безусловное; въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣдующими указами переходъ дозволялся

---

* Въ столицѣ существовали особые, высшіе разряды торговыхъ людей, именно: *гости, гостинная* сотня и *суконная* сотня; изъ нихъ назначались смотрители («головы») при разныхъ казенныхъ сборахъ, напр. при таможняхъ, питейныхъ домахъ, при соболиной казнѣ и пр. Въ случаѣ убытковъ или недоборовъ, они отвѣчали собственнымъ имуществомъ; поэтому служба ихъ иногда была разорительна; за то имъ предоставлялись нѣкоторыя права и привиллегіи, напр. гости могли владѣть населенною землею. Эти высшіе торговые разряды пополнялись самыми богатыми людьми изъ *черныхъ* сотенъ, московскихъ и иногородныхъ.

(напр. отъ мелкаго владѣльца къ мелкому). Для бѣглыхъ сначала была назначена пятилѣтняя давность, т. е. спустя пять лѣтъ послѣ ухода крестьянина, землевладѣлецъ неимѣлъ права отыскивать его и возвращать на свою землю. Потомъ крѣпостное право получило дальнѣйшее развитіе: Михаилъ Ѳедоровичъ вмѣсто пятилѣтняго назначилъ десятилѣтній срокъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ къ прежнему владѣльцу; а уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича срокъ совершенно отмѣненъ, и крестьяне съ своими семействами и со всѣмъ потомствомъ должны были принадлежать къ той землѣ, за которою они записаны въ писцовыхъ книгахъ 1626 года.

Крестьяне повидимому лишены были только права перехода и сдѣлались *крѣпкими землѣ,* а сами они несоставляли такой же собственности землевладѣльца, какъ его холопы или рабы. Но помѣщики не замедлили распространить свою власть и на личность крестьянина, которому трудно было отыскивать управу на обиды и насилія отъ помѣщиковъ. Во второй половинѣ XVII вѣка дворяне уже продаютъ крестьянъ и отдаютъ ихъ въ приданое, безъ земли; а къ концу того же вѣка крестьяне въ своихъ отношеніяхъ къ помѣщику весьма мало отличались отъ его холопей. Впрочемъ и сами они иногда давали на себя *кабалу*, т. е. шли въ холопы, чтобы избавиться отъ казенныхъ податей и повинностей (такъ какъ съ холоповъ подати въ государственную казну не собирались).

Безпрерывные побѣги, при малолюдномъ населеніи, были весьма чувствительнымъ зломъ для Московскаго государства. Бѣглые крестьяне, холопы и посадскіе отчасти уходили на Донъ или въ Запорожье, отчасти укрывались въ лѣсахъ и составляли разбойничьи шайки. Въ теченіе всего XVII вѣка правительство должно было вести неутомимую борьбу съ этимъ явленіемъ; оно отправляло во всѣ стороны отряды сыщиковъ, которые отыскивали бѣглыхъ и возвращали ихъ на

прежнія мѣста, ловили и вѣшали разбойниковъ. Но подобное средство мало способствовало уничтоженію зла, корень котораго заключался въ тяжеломъ положеніи чернаго народа.

Управленіе. Высшимъ правительственнымъ и судебнымъ учрежденіемъ была *боярская дума*, которая вела свое происхожденіе отъ древняго обычая князей совѣтоваться о дѣлахъ съ старшею дружиною. Когда усилилась въ московскомъ государствѣ боярская аристократія, то дума не разъ дѣлала попытки ограничить самодержавіе и пріобрѣсти бо́льшую самостоятельность. Но это удавалось ей только или въ малолѣтство государя, или при царяхъ слабыхъ характеромъ. Въ думѣ обсуждались мѣры, касавшіяся всего государства, рѣшались вопросы внѣшней политики и тѣ дѣла, которыя немогли быть рѣшены низшими учрежденіями. Въ отношеніи къ царю дума имѣла только совѣщательное значеніе, хотя на грамотахъ ея обыкновенно писалось: «царь указалъ и бояре приговорили». Въ ней засѣдали бояре, окольничіе и думные дворяне; иногда призывались патріархъ и другіе архіереи.

Московскій подъячій въ XVII вѣкѣ Кошихинъ слѣдующимъ образомъ описываетъ засѣданіе думы:

Когда случится царю сидѣть съ боярами и думными людьми и разсуждать о своихъ или иноземныхъ дѣлахъ, то думные люди садятся по одаль отъ царя, на лавкахъ; размѣщаются они по степени своей знатности: сначала бояре, потомъ окольничіе, потомъ думные дворяне; а думные дьяки стоятъ, иногда впрочемъ царь приказываетъ имъ сидѣть. Когда государь объявитъ свою мысль и спрашиваетъ совѣта у думныхъ людей, тогда кто изъ нихъ поумнѣе говоритъ свое мнѣніе; «а иные бояре, *брады своя уставя*, ничего неотвѣчаютъ, потому что царь многихъ жалуетъ въ бояре

не по разуму ихъ, а по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ неученые». Когда же дѣло послѣ обсужденія бываетъ рѣшено, царь приказываетъ думнымъ дьякамъ записать приговоръ.

Кромѣ боярской думы, въ XVI и XVII вв. московскіе цари въ самыхъ важныхъ дѣлахъ имѣли обыкновеніе созывать выборныхъ отъ всѣхъ свободныхъ сословій своего государства, что называлось «земскимъ соборомъ» или «великою земскою думою». Это было также продолженіемъ древняго обычая князей собирать иногда на совѣтъ не одну дружину, но и лучшихъ людей города; когда же Русь объединилась, то лучшіе люди собирались уже со всей земли. Первые соборы упоминаются при Иванѣ IV; значеніе ихъ поднялось въ смутное время, особенно въ эпоху междуцарствія. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда отъ народа требовались большія жертвы для устроенія государства, мы видѣли частые земскіе соборы; они встрѣчаются и при Алексѣѣ Михайловичѣ; но послѣ него уже выходятъ изъ употребленія. На соборѣ мнѣнія выборныхъ людей отбирались по сословіямъ, а не поголовно.

Далѣе, изъ постоянныхъ правительственныхъ учрежденій въ московскомъ государствѣ слѣдуютъ *приказы*. Происхожденіе приказовъ относится еще ко временамъ удѣльнымъ; они развились преимущественно изъ домашняго или хозяйственнаго княжескаго управленія; когда же удѣлы были уничтожены, всѣ приказы сосредоточились въ Москвѣ, и здѣсь подраздѣлились на многія отрасли, такъ что въ XVII в. число ихъ простиралось до 40 *. Письменная часть въ приказахъ нахо-

---

* Важнѣйшіе изъ нихъ были слѣдующіе: 1. приказъ большаго дворца, который завѣдывалъ приходами и расходами царскаго дворца; 2. приказъ большой казны — вообще государственными доходами; 3. помѣстный —

дилась въ рукахъ дьяковъ и подъячихъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «приказныхъ людей»; они назначались изъ грамотныхъ людей разныхъ сословій, преимущественно изъ духовнаго званія.

Въ отношеніи областнаго управленія земли московскаго государства главнымъ образомъ дѣлились на *уѣзды*. Величина уѣздовъ была весьма неравная; она опредѣлялась исторически-ми условіями: обыкновенно древніе удѣлы или части удѣловъ, по мѣрѣ того какъ присоединялись къ Московскому государству, составляли особый уѣздъ. Подраздѣленіе уѣздовъ составляли: *станы, погосты, губы*, а наиболѣе распространенною единицею дѣленія служили *волости*, которыя, также какъ уѣзды, по объему своему были весьма различны.

Областные правители, перешедшіе въ Московское государство изъ удѣльно-вѣчевой Руси, т. е. великокняжескіе намѣстники и волостели, въ XVI столѣтіи были замѣнены другими лицами. При Іоаннѣ IV мы встрѣчаемъ правителей, выбираемыхъ изъ служилаго сословія самими общинами, какъ-то: губныхъ старостъ, излюбленныхъ головъ и пр. Въ XVII вѣкѣ выборныя власти опять уступаютъ мѣсто лицамъ, назначеннымъ отъ правительства; во главѣ областнаго управленія становятся *воеводы*. Прежде воеводы встрѣчались только въ

дѣлами о помѣстьяхъ и вотчинахъ; 4. посольскій — сношеніями съ иностранцами, стрѣлецкій, пушкарскій, судный, разбойный и т. д. Вѣдомости приказовъ вообще не были строго опредѣлены и разграничены между собою; иногда дѣла одного рода производились въ разныхъ приказахъ, и на оборотъ. Для нѣкоторыхъ областей существовали особые приказы, напримѣръ: Казанскаго дворца, Сибирскій, Малыя Россіи. Приказы, смотря по ихъ важности, поручались боярину или дьяку, иногда съ товарищами; иногда одинъ и тотъ же бояринъ или дьякъ завѣдывалъ нѣсколькими приказами. Для наблюденія за управленіемъ вообще и за точнымъ исполненіемъ царскихъ повелѣній Алексѣй Михайловичъ учредилъ еще «приказъ тайныхъ дѣлъ», гдѣ засѣдалъ дьякъ съ подъячими и куда бояре недопускались.

пограничныхъ городахъ; но при Михаилѣ Ѳедоровичѣ они являются почти повсюду, и только въ нѣкоторыхъ областяхъ потомъ упоминаются губные старосты въ значеніи правителей *. Воеводы смѣнялись весьма часто, такъ что рѣдко оставались въ одномъ городѣ болѣе 3 лѣтъ. Кругъ воеводской дѣятельности не былъ строго опредѣленъ; большею частію въ рукахъ воеводъ сосредоточивалась власть военная, гражданская и судебная. Воеводство давалось какъ награда за военную службу, потому что оно представляло служилому человѣку возможность увеличить свое состояніе («покормиться»).

Хотя взятки были запрещены; но кромѣ царскаго жалолованья воевода могъ получать отъ жителей добровольныя приношенія, которыя тогда несчитались взятками въ строгомъ смыслѣ этого слова. Напримѣръ: «Одинъ дворянинъ просилъ царя Алексѣя Михайловича о воеводствѣ. Царь послалъ справиться въ Разрядъ, есть ли свободный городъ, въ которомъ можно нажить пять или шесть сотъ рублей; такой городъ нашелся, именно Кострома. Царь назначилъ туда челобитчика, и велѣлъ ему, наживъ деньги, купить себѣ деревню. Отслуживъ урочные годы, воевода донесъ государю, что нажилъ только 400 рублей. Алексѣй Михайловичъ велѣлъ тайно развѣдать, правду ли сказалъ воевода; оказалось, что дѣйствительно онъ бралъ только то, что ему приносили; тогда царь велѣлъ этому доброму человѣку дать другой болѣе нажиточный городъ». Но подобные воеводы были рѣдки, и правители обыкновенно неограничивались добровольными приношеніями. Отъ воеводскихъ притѣсненій особенно страдали жители областей отдаленныхъ отъ сто-

* Вѣдомство губныхъ старостъ въ тѣсномъ смыслѣ простиралось только на дѣла *губныя* или уголовныя, т. е. душегубство, разбой и воровство съ поличнымъ. Имъ предоставлена была поимка и судъ разбойниковъ и воровъ.

лицы, напримѣръ въ Сибири, гдѣ имъ предоставлялась власть еще болѣе обширная, нежели въ областяхъ ближайшихъ къ Москвѣ.

Дѣла подлежавшія воеводскому управленію, производились въ такъ называемой *съѣзжей* или *приказной избѣ*. Въ московскомъ государствѣ кромѣ того существовали многія земскія должности, на которыя посадскіе выбирали людей изъ своей среды. Таковы *земскіе старосты*, которые завѣдывали раскладкою податей и городскимъ хозяйствомъ; они засѣдали въ *земской избѣ*. Потомъ слѣдуютъ разнаго рода *головы* и *цѣловальники*; имъ поручались сборы въ казну пошлинъ торговыхъ, питейныхъ, судныхъ и др. Выборы въ цѣловальники производились ежегодно. Эта земская служба была вообще обременительна для выборныхъ людей; за убытки и недоимки они отвѣчали собственнымъ имуществомъ.

Судопроизводство и доходы. Формы судопроизводства первоначально были довольно просты и несложны. Въ XV и XVI вв. на судѣ намѣстниковъ и волостелей встрѣчаются выборныя лица отъ городскихъ и сельскихъ общинъ, сначала извѣстныя подъ именемъ «судныхъ мужей», потомъ подъ именами «старостъ» и «цѣловальниковъ». При Иванѣ Грозномъ многія общины даже получили право собственнаго суда, т. е. судились только своими выборными людьми; но послѣ онѣ теряютъ это право, и судъ сосредоточивается въ рукахъ областныхъ начальниковъ. Судопроизводство было по преимуществу словесное. Главными доказательствами на судѣ служили: письменные акты, свидѣтели и присяга. Въ уголовныхъ дѣлахъ употреблялся повальный обыскъ, т. е. допросъ мѣстныхъ жителей о самомъ преступленіи или о поведеніи заподозрѣннаго человѣка. Древній обычій испытанія водою и желѣзомъ уже

невстрѣчается; мѣсто его при изслѣдованіи дѣла заступилъ жестокій обычай судебной *пытки* *. По Судебникамъ царей Ивана III и Ивана IV, въ случаяхъ тяжбы, между истцомъ и отвѣтчикомъ допускается *поле*; но въ XVI в. поле уже выходитъ изъ употребленія.

Съ теченіемъ времени судебный процессъ болѣе и болѣе усложняется, письменное судопроизводство беретъ перевѣсъ надъ словеснымъ, число инстанцій увеличивается; а вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ медленность въ рѣшеніяхъ и издержки подсудимыхъ. Тѣ дѣла, которыя почему либо не могли быть рѣшены простыми судьями, переносились въ высшія инстанціи: т. е. сначала къ намѣстнику или воеводѣ главнаго города, потомъ въ одинъ изъ приказовъ, наконецъ подавался *докладъ* царю, который или самъ рѣшалъ дѣло или поручалъ его боярской думѣ. По окончаніи тяжбы тому, кто ее выигрывалъ, выдавалась *правая* грамота. Право суда надъ крѣпостными людьми, за исключеніемъ уголовныхъ преступленій, принадлежало самому владѣльцу. Въ пыткахъ и казняхъ того времени вполнѣ выражается грубость и жестокость нравовъ; наиболѣе употребительныя казни были: висѣлица, четвертованіе, колесованіе и сажаніе на колъ; а самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ за проступки служили плети и палки, отъ которыхъ не было изъято и боярское сословіе. Несостоятельнаго должника заимодавецъ имѣлъ право поставить на *правежъ*, который состоялъ въ томъ, что несчастнаго должника ежедневно по нѣскольку часовъ били палками по ногамъ, пока онъ незаплатитъ долга.

Главнымъ источникомъ казенныхъ доходовъ въ Московскомъ

---

* Вотъ нѣкоторые способы пытки: обвиненному вбивали за ногти желѣзныя иглы, вѣшали надъ зажженнымъ костромъ, били по обнаженной спинѣ плетью, капали холодную воду на бритую голову, и пр.

государствѣ были подати (тягло); онѣ налагались не на отдѣльныя лица, а на цѣлыя общины, которыя уже сами раскладывали ихъ между своими членами. Крестьянскія общины облагались податями по количеству *сохъ*, т. е. извѣстныхъ участковъ земли, которою они владѣли; а посадскія по количеству тягловыхъ дворовъ, означенныхъ въ писцовыхъ книгахъ за каждымъ посадомъ. Почти всѣ ремесла и торговыя статьи были обложены пошлиной. Кромѣ обыкновенныхъ податей существовали еще постоянные сборы на нѣкоторыя потребности государства, напримѣръ *полоняничныя* деньги— для выкупа плѣнныхъ у татаръ; по временамъ производились и чрезвычайные сборы на военныя издержки. Вообще финансовая система въ московскомъ государствѣ представляла много запутанности, и тяжесть налоговъ падала весьма неравномѣрно на разныя сословія и на разныя мѣстности государства *.

Естественныя произведенія, торговля и промышленность. Европейскіе путешественники XV, XVI и XVII вѣковъ изображаютъ Московское государство обширною равниною, которую покрываютъ огромные сосновые и березовые лѣса, и во всѣхъ направленіяхъ пересѣкаютъ большія судоходныя рѣки. Почва этой страны мѣстами песчана, но вообще плодородна, и въ изобиліи производитъ растенія, свойственныя

* Закладываясь за частными владѣльцами, или переходя въ стрѣльцы и козаки, многіе посадскіе и черносошные крестьяне уклонялись отъ государственныхъ податей; а между тѣмъ городскія и сельскія общины должны были платить и за этихъ «выбылыхъ» людей, отъ чего онѣ разорялись еще болѣе, и казенныя недоимки возрастали. Съ другой стороны, вслѣдствіе древняго обычая великихъ князей давать монастырямъ и частнымъ владѣльцамъ разныя льготныя грамоты (тарханныя, обѣльныя и др.), многія деревни и села были изъяты отъ нѣкоторыхъ казенныхъ сборовъ и повинностей, что еще болѣе увеличивало неравномѣрность податнаго бремени.

умѣренному поясу. Климатъ Московіи по ея большому протяженію неодинаковъ; области, прилегающія къ столицѣ государства, отличаются чистымъ и здоровымъ воздухомъ. Что особенно поражало вниманіе иностранцевъ, это рѣзкая противуположность между зимнею и лѣтнею природою. Зимою господствуетъ страшный холодъ и вся страна задернута сплошной пеленою снѣга; напротивъ лѣтомъ, послѣ разлитія водъ, лѣса, луга, нивы оживаютъ и быстро покрываются роскошною зеленью; а лѣтніе жары бываютъ также сильны какъ и зимніе морозы.

Главныя произведенія страны слѣдующія. Земледѣліе доставляетъ разнаго рода хлѣбныя растенія, какъ-то: рожь, пшеницу, овесъ, ячмень и др.; пчеловодство, весьма распространенное въ лѣсистой Московіи, доставляло значительное количество меду и воску; рѣки изобиловали рыбою, особенно волжская система (бѣлуга, осетръ, стерлядь); въ лѣсахъ водилось множество дичи. Звѣроловный промыселъ занималъ важное мѣсто въ народномъ хозяйствѣ по количеству ежегодно добываемыхъ мѣховъ (чернобурыя и другія лисицы, соболи, горностаи, бобры, бѣлки); лучшіе мѣха привозились изъ Сибири, Печерской и Пермской области. Но все это богатство естественныхъ произведеній оставалось весьма мало разработаннымъ и едва доставляло народу предметы первой необходимости. Земледѣльческая промышленность находилась на довольно низкой ступени развитія; успѣхамъ ея препятствовали отчасти рѣдкость населенія, а главнымъ образомъ утвержденіе крѣпостнаго права, уничтожившаго свободу крестьянскаго труда. Цѣны на хлѣбъ, по замѣчанію иностранцевъ, хотя были низки, но непостоянны; по безпеченности сельскихъ хозяевъ въ неурожайные, годы происходилъ голодъ, и богатые люди, имѣвшіе большіе запасы, обыкновенно пользовались этимъ временемъ, что бы продавать хлѣбъ какъ можно дороже.

Средоточіемъ торговой дѣятельности въ Московскомъ государствѣ была столица, которая по самой наружности своей отличалась весьма промышленнымъ характеромъ: она была наполнена рынками, гостинными дворами, рядами и лавками; здѣсь всегда можно было встрѣтить купцовъ и ремесленниковъ многихъ европейскихъ и азіатскихъ націй. Самъ царь принималъ непосредственное участіе въ торговлѣ. Изъ Москвы торговое движеніе распространялось въ разныя стороны, преимущественно: по Волгѣ, въ Литву, къ Новгороду и къ Бѣлому морю.

На востокъ по Окѣ и Волгѣ шелъ путь въ Астрахань, гдѣ постоянно жили купцы персидскіе, бухарскіе и армянскіе, торговавшіе преимущественно шелковымъ товаромъ и бумажными тканями. На этомъ пути лежали важныя пристани Нижній и Казань. Отъ Нижняго до Астрахани ежегодно весною и осенью ходили караваны казенныхъ и купеческихъ судовъ. Но плаваніе ихъ было небезопасно: все нижнее теченіе Волги представляло пустынную страну, въ которой караваны часто подвергались нападенію разбойничьихъ шаекъ, и дѣлались ихъ добычею, не смотря на конвойные стрѣлецкіе отряды. Отъ Волги вверхъ по Камѣ отдѣлялась главная сибирская дорога. По ней отвозили въ Сибирь хлѣбные и военные запасы для служилыхъ людей, а изъ Сибири привозили драгоцѣнные мѣха. Главными торговыми пунктами въ западной Сибири были Верхотурье и Тобольскъ. Во второй половинѣ XVII вѣка служилые люди вмѣстѣ съ русскими промышленниками углублялись все далѣе и далѣе на востокъ; налагая дань (ясакъ) на мелкія туземныя племена и мѣстами воздвигая свои острожки, они расширили московскіе предѣлы до береговъ Восточнаго океана и нижняго теченія Амура. Тогда завязалась торговля съ Китаемъ, и Нерчинскъ сдѣлался важнымъ пунктомъ этой торговли.

На западъ отъ Москвы, въ Литву и Польшу главная до-

рога шла черезъ Смоленскъ. Изъ Польши приводились лучшія лошади для царскихъ конюшенъ. Съ юго-запада, изъ турецкихъ владѣній, иногда пріѣзжали въ Москву греческіе купцы съ женскими украшеніями, конскимъ приборомъ, жемчугомъ и пр. Прямой путь въ Москву былъ для нихъ небезопасенъ отъ запорожскихъ козаковъ; поэтому купцы объѣзжали другою дорогою, черезъ польскія владѣнія. Самые торговые города на юго-западной украйнѣ были Кіевъ и Путивль. Южные кочевые народы, особенно ногайскіе татары, пригоняли въ Московское государство огромные конскіе табуны, которые покупались большею частію для царской конницы.

На сѣверо-западѣ пролегала дорога къ Новгороду и Пскову. Торговля Новгорода съ ганзейскими городами при Иванѣ III почти прекратилась; она возобновилась при Василіѣ III, но уже не въ такихъ размѣрахъ какъ прежде. Открытіе Бѣломорскаго пути англичанами, погромъ Ивана Грознаго, смутное время, потеря балтійскихъ береговъ—одно за другимъ подрывали благосостояніе Новгорода; однако въ XVII вѣкѣ Новгородъ и Псковъ все еще были въ числѣ самыхъ промышленныхъ и богатыхъ русскихъ городовъ. Сюда пріѣзжали преимущественно шведы и нѣмцы; отсюда шли пути за границу: къ Нарвской пристани и къ Ригѣ.

Самый важный путь, Бѣломорскій, шелъ отъ Москвы на торговые города Ярославль и Вологду, потомъ р. Сухоною на Устюгъ, и далѣе Сѣверною Двиною до Архангельской пристани. Къ этой пристани со второй половины XVI вѣка каждое лѣто пріѣзжали европейскіе корабли съ товарами. Сначала исключительными привиллегіями пользовались англичане, которые завели свои факторіи во многихъ внутреннихъ городахъ Россіи; но мало-по-малу ихъ соперниками на этомъ пути явились и другіе купцы, именно голландскіе, нѣмецкіе и французскіе; а въ царствованіе Алексѣя Михайловича, какъ извѣстно, англичане лишились правъ на пов-

семѣстную, безпошлинную торговлю и ограничены однимъ Архангельскомъ.

Изъ Западной Европы въ Россію привозились: металлическія издѣлія, сукна, полотна, вина, сельди, сахаръ, бумага, огнестрѣльные снаряды, золотая и серебрянная монета, разныя пряности и пр. Таможенные чиновники обыкновенно отбирали самые лучшіе товары и покупали ихъ для государя; (товары эти шли отчасти на потребности царскаго двора, отчасти назначались въ продажу). Изъ Россіи иностранцы вывозили сырыя произведенія; самую важную статью отпуска составляли мѣха; потомъ слѣдовали: воскъ, медъ, кожи, сало, икра, ленъ, пенька и отчасти хлѣбъ. Русскіе торговые люди почти неѣздили съ своими товарами въ Западную Европу; на такія поѣздки неблагопріятно смотрѣли какъ самое московское правительство, такъ и иностранные купцы *.

Торговля съ иностранцами составляла незначительную часть всей промышленной дѣятельности народа, и подвержена была многимъ случайностямъ. Она доставляла преимущественно предметы роскоши, которые были доступны только высшимъ сословіямъ; между тѣмъ какъ первымъ и повседневнымъ потребностямъ народной жизни удовлетворяла постоянная торговая и промышленная дѣятельность внутри государства. Почти каждый посадъ служилъ рынкомъ для своихъ окрестностей; посадскіе жители, хотя во многихъ мѣстахъ занимались обработкою полей, но попреимуществу были люди промышленные.

* Одинъ ярославѣцъ поѣхалъ съ пушнымъ товаромъ въ Амстердамъ; но голландскіе купцы, сговорившись между собою, ничего не купили у русскаго, такъ что онъ съ своимъ грузомъ долженъ былъ воротиться въ Архангельскъ. Здѣсь тѣже самые купцы разобрали у него весь товаръ по высокой цѣнѣ: они поступили такъ, по собственному признанію, съ тою цѣлью, чтобы русскіе торговцы неѣздили за границу.

Въ извѣстные дни недѣли въ городъ съѣзжались крестьяне изъ сосѣднихъ деревень и обмѣнивали произведенія сельскаго хозяйства (хлѣбъ, сѣно, дрова) на посуду, платье, земледѣльческія орудія и другіе товары. Большія разстоянія между городами и неудобство путей сообщенія условливали обычай торговцевъ ежегодно въ извѣстное время собираться въ опредѣленномъ мѣстѣ; такимъ образомъ произошли ярмарки. Онѣ соединялись обыкновенно съ храмовыми праздниками и помѣщались около церкви. Особенно замѣчательны ярмарки въ монастырскихъ имѣніяхъ; сюда купцы съѣзжались охотнѣе, потому что крестьяне монастырскихъ земель были болѣе зажиточны, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и самые торги менѣе стѣснялись вмѣшательствомъ таможенныхъ чиновниковъ. Изъ такихъ ярмарокъ наиболѣе знаменитая Макарьевская — около монастыря св. Макарія Желтоводскаго *.

Иностранцы, посѣщавшіе Россію, отзываются о ея жителяхъ какъ о народѣ весьма склонномъ къ торговой и промышленной дѣятельности. Они удивлялись изворотливости и смѣтливости русскихъ купцовъ; но замѣтили и другую черту, которая приносила большой вредъ торговлѣ — это отсутствіе честности. Обычай запрашивать въ нѣсколько кратъ дороже настоящей цѣны, горячо божиться и въ тоже время обманывать покупателя былъ весьма распространенъ между московскими торговцами. Подобная черта является прямымъ слѣдствіемъ необразованности и порчи народнаго характера.

---

* Между русскими торговыми людьми въ XVII в. встрѣчаются уже товарищества или кампаніи, т. е. нѣсколько человѣкъ складывали свои капиталы для торговыхъ предпріятій; на такія складчины по преимуществу велась торговля въ Сибири. Мелкіе торговцы и промышленные крестьяне изъ уѣздовъ Суздальскаго, Шуйскаго и другихъ, прилегающихъ къ р. Клязьмѣ, составляли пѣшеходныя кампаніи для разноски товаровъ; напримѣръ, они отправляли своихъ *ходебщиковъ* въ украинскіе города съ иконами.

Далѣе, на торговлю имѣли неблагопріятное вліяніе слѣдующія обстоятельства. На всѣхъ главныхъ рынкахъ русскій купецъ встрѣчалъ подрывъ со стороны царскихъ товаровъ; напримѣръ, являясь на ярмарку въ Архангельскъ, онъ не смѣлъ торговать прежде, нежели окончится торговля царская, для которой отбирались всегда лучшіе товары. Нѣкоторыя вѣтви торговли находились исключительно въ рукахъ казны; на пр., дорогія мѣха, продажа хлѣбнаго вина и пр. Вообще, по малому развитію здравыхъ экономическихъ понятій, торговая дѣятельность въ Московскомъ государствѣ пользовалась весьма ограниченною свободою; товары при всякомъ движеніи подвергались подробной оцѣнкѣ и должны были оплачиваться многочисленными пошлинами. Сюда же присоединялись обиды отъ воеводъ и приказныхъ людей; таможенные головы и цѣловальники хотя назначались изъ торговыхъ сотенъ, однако притѣсняли и брали взятки неменѣе приказныхъ *. Пути сообщенія— необходимое условіе для торговой дѣятельности—находились еще въ первобытномъ состояніи. Самое обычное время для путешествія была зима; тогда на дорогѣ между главными торговыми пунктами тянулись огромные обозы съ товарами (такъ между Москвою и Ярославлемъ можно было встрѣтить обозы въ 700 и 800 саней). Лѣтомъ главнымъ средствомъ сообщенія служили рѣки; но плаваніе по нимъ было соединено съ препятствіями отъ мелководія и волоковъ, которые требовали довольно частой перегрузки; а каналы въ то время еще не

---

* «Русскій купецъ, раскладывая свои товары, боязливо осматривается на всѣ стороны: не идетъ ли къ нему царскій чиновникъ, чтобъ взять у него что получше, и притомъ даромъ». (Слова эти принадлежатъ Флетчеру, англійскому послу при дворѣ Ѳеодора Іоанновича).

Пошлинные сборы были слѣдующіе: мытъ, мостовщина, привальное, свальное, грузовое, амбарное, отъѣзжее и пр. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича эти мелкіе сборы частію были уничтожены, частію замѣнены другими.

были извѣстны въ Россіи Наконецъ, торговля и вобще народное благосостояніе много страдали отъ разбоевъ.

Что касается до заводской и фабричной промышленности, то она была еще весьма мало распространена въ Московскомъ государствѣ и находилась большею частію въ рукахъ иностранцевъ. Первые желѣзноплавильные заводы устроены въ царствованіе Михаила Өедоровича голландскимъ купцомъ Виніусомъ около Тулы. Вслѣдъ за нимъ гамбургскій купецъ Марселіусъ устроилъ заводы на рр. Костромѣ, Шекснѣ и Вагѣ; а въ царствованіе Алексѣя Михайловича основаны Олонецкіе желѣзные заводы. На этихъ заводахъ отливали для правительства пушки, ядра, дѣлали ружья и другія желѣзныя вещи; мастерами были иностранцы; заводчики однако обязывались научать своему мастерству присылаемыхъ къ нимъ русскихъ работниковъ. Кромѣ того въ XVII в. встрѣчаются нѣкоторыя суконныя и полотняныя фабрики, впрочемъ назначенныя только для царскаго двора.

Искусства и домашній бытъ. Художественная дѣятельность въ Россіи по прежнему сосредоточивалась главнымъ образомъ на строеніи и украшеніи храмовъ. Почти всѣ важныя постройки совершались подъ руководствомъ иностранныхъ художниковъ, которые со временъ Ивана III постоянно выписывались изъ Италіи и Германіи. Въ столицѣ уже находилось много разнаго рода мастеровъ, своихъ и иностранныхъ, Псковъ славился каменьщиками, Новгородъ рѣщиками и живописцами; однако этого было недостаточно: Иванъ IV даже запрещалъ продавать въ Литву ливонскихъ плѣнниковъ, знающихъ какое либо мастерство, и велѣлъ присылать ихъ въ Москву. Относительно архитектурнаго искусства вліяніе византійское въ XV вѣкѣ замѣнилось вліяніемъ западноевропейскимъ. Но въ живописи византійскіе образцы удержались гораздо долѣе; памятниками ея кромѣ

иконъ служатъ еще миньятюрные рисунки въ рукописныхъ житіяхъ святыхъ, которыя преписывались и раскрашивались монахами въ монастыряхъ. Изъ русскихъ иконописцевъ XV века особенно извѣстенъ монахъ Андрей Рублевъ. Въ XVI вѣкѣ лучшіе живописцы было въ Новгородѣ, куда проникало отчасти вліяніе итальянской живописи.

Вообще русское искусство находилось далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Русскіе люди, поступавшіе въ ученье къ иностранцамъ, никогда почти недостигали званія настоящихъ мастеровъ и оставались на степени ремесленниковъ. Виновниками этого явленія отчасти были сами иностранцы, которые съ намѣреніемъ неоткрывали всѣхъ тайнъ своего мастерства, что бы удержать за собою монополію искусства въ Россіи. Главная же причина, неблагопріятная развитію художественной дѣятельности, заключалась въ печальномъ состояніи образованности и въ бѣдности государства. Роскошь и великолѣпіе встрѣчались только въ столицѣ, особенно при царскомъ дворѣ, куда собиралось все лучшее изъ иностранныхъ и туземныхъ произведеній. Между тѣмъ какъ столичные храмы и царскія палаты изобиловали золотою и серебряною утварью съ драгоцѣнными каменьями, въ простыхъ сельскихъ храмахъ церковные сосуды были отчасти оловянные, отчасти сдѣланные изъ дерева.

Русскій городъ раздѣлялся обыкновенно на три части: внутри лежалъ зàмокъ или *кремль*; поселеніе около кремля называлось *посадомъ*, который иногда былъ также окруженъ стѣнами или валомъ; къ посаду примыкали еще *слободы* (названныя такъ по льготамъ, которыми онѣ пользовались сравнительно съ простыми селами). Слободы носили имена по занятіямъ своихъ жителей, напр. рыбная, ямская, стрѣлецкая, казацкая и пр. Городскія стѣны были деревянныя и только въ самыхъ значительныхъ городахъ каменныя съ вы-

сокими зубцами; по стѣнамъ возвышались двухъ или трехъярусныя башни съ отверстіями для стрѣльбы изъ пушекъ и пищалей. Кругомъ стѣнъ иногда ставились двойными или тройными рядами столбы изъ толстыхъ бревенъ *(надолбы)*, которые должны были затруднять подступы къ городу. Кромѣ того, на южныхъ границахъ, постоянно угрожаемыхъ татарами, окрестности городовъ и «остроговъ» были въ разныхъ направленіяхъ изрѣзаны земляными валами и плетнями со множествомъ лѣсныхъ засѣкъ и заваловъ. Въ той сторонѣ встрѣчались почти однѣ крѣпости; простыя же селенія были весьма рѣдки.

Внутренность города прежде всего занималась казенными зданіями, каковы: приказная изба, воеводскій дворъ, государева житница съ хлѣбными запасами для служилыхъ людей, тюрьма и пр. Тутъ же находились «осадные дворы» сосѣднихъ помѣщиковъ, которые во время непріятельскаго нашествія собирались въ городъ. Посады были наполнены по преимуществу домами торговцевъ и ремесленниковъ.

Каждый дворъ огораживался заборомъ или острымъ тыномъ; домъ располагался большею частію по срединѣ двора и состоялъ изъ нѣсколькихъ жилыхъ строеній, соединенныхъ между собою сѣнями или крытыми переходами. У зажиточныхъ людей дома имѣли нижній этажъ («подклѣть»), назначенный для прислуги или для амбаровъ; а наверху дѣлалась еще надстройка («теремъ»). У боярина весь дворъ былъ застроенъ избами для его многочисленной «дворни» и разныхъ хозяйственныхъ заведеній (такъ какъ богатые помѣщики того времени почти все нужное для домашняго обихода приготовляли у себя дома своими слугами). Позади главнаго двора находился еще дворъ, гдѣ помѣщались экипажи, домашнія птицы, скотъ, разныя житницы и пр. Садъ и баня («мыльня») составляли необходимую принадлежность всякаго порядочнаго дома.

Внѣшняя отдѣлка и внутренее убранство частныхъ жилищъ не отличались богатсвомъ или разнообразіемъ. Ворота, ставни, перила и другія наружныя части дома обыкновенно украшались узорчатою рѣзьбою или кувшинообразными колонками. Внутри покоевъ главное мѣсто занимали образа святыхъ и Богородицы, иногда съ серебряными окладами въ створчатыхъ кіотахъ; иконы наполняли весь передній уголъ; передъ ними висѣла лампада. Для стѣнъ самымъ обыкновеннымъ украшеніемъ служили такъ называемая *лубочныя* картины, которыхъ грубыя, уродливыя изображенія вполнѣ удовлетворяли неприхотливому вкусу нашихъ предковъ *. Окна въ бѣдныхъ домахъ были малы и затягивались кожею или пузыремъ; а у зажиточнныхъ людей въ нихъ вставлялись пластинки слюды, иногда расписанныя разными красками и фигурами.

Предки наши въ торжественные дни, особенно въ большіе праздники, любили блеснуть роскошнымъ угощеніемъ, богатыми нарядами и другими дорогими вещами; но вообще они отличались большою бережливостію, и потребности ихъ были весьма ограничены. У самихъ бояръ дорогія платья, оружіе, серебряная посуда и прочіе предметы роскоши употреблялись рѣдко, хранились весьма тщательно и переходили по наслѣдству нѣсколько поколѣній,

Общею и необходимою частью русской одежды была «рубаха», которая носилась сверхъ исподняго платья и низко

---

* Содержаніе лубочныхъ картинъ было: или религіозное (напр, изображеніе страшнаго суда съ разнообразными муками въ аду, и сцены, взятыя изъ священной исторіи), или заимствованное изъ любимыхъ повѣстей и сказокъ, или сатирическое. На картинахъ послѣдняго содержанія высказывался народный юморъ въ своихъ грубыхъ, безъискусственныхъ формахъ; напримѣръ извѣстная картина «мыши кота погребаютъ», изображеніе различныхъ послѣдствій пьянства и пр.

подпоясывалась; у богатыхъ края и грудь вышивались разноцвѣтными шелками и золотомъ, а воротъ иногда былъ унизанъ жемчугомъ. На рубаху надѣвался «зипунъ»—узкое платье до колѣнъ; когда же выходили изъ дому, то надѣвали сверху или «кафтанъ», или «ферязь» — широкое длинное платье съ рукавами почти до земли; зимою носили мѣховую шубу. Эти одежды дѣлались изъ сукна или разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій (каковы: тафта, камка, бархатъ, объярь и пр.) самый любимый цвѣтъ былъ красный. Отличительнымъ знакомъ князей и бояръ служила высокая «горлатная шапка», сдѣланная изъ драгоцѣннаго мѣха съ широкимъ бархатнымъ верхомъ. Высшіе классы, по восточному обычаю, плотно закутывали голову, а волосы подстригали довольно коротко; между тѣмъ какъ борода, чѣмъ была длиннѣе, тѣмъ считалась почетнѣе. Попытка великаго князя Василія Ивановича собственнымъ примѣромъ поощрить бритье бороды не имѣла успѣха, потому что противъ этого нововведенія сильно возстало духовенство.

Обыкновенную женскую одежду составлялъ «лѣтникъ», имѣвшій длинныя широкія рукава и напереди разрѣзъ, который застегивался до самаго горла. Верхняя женская одежда (опашень, тѣлогрѣя, шуба) походила на мужскую. У замужнихъ женщинъ голова была всегда покрыта «волосникомъ» или «кикою»; дѣвушки лѣтомъ носили повязки, а зимою бобровыя и собольи шапки, изъ-подъ которыхъ падали на спину волосы, заплетенные въ одну или въ двѣ косы съ красными лентами. Женская одежда вообще отличалась пестротою и обиліемъ мелкихъ украшеній. Дородность тѣла, по понятіямъ того времени, считалась принадлежностію красоты у обоихъ половъ. По отзыву иностранцевъ, русскія женщины довольно стройны и красивы; но въ городахъ между ними былъ чрезвычайно распространенъ обычай бѣлиться и румяниться *.

* Въ высшемъ сословіи неисполненіе этого обычая навлекало жестокое преслѣдованіе. Вотъ что разсказываетъ между прочимъ голштинскій посолъ

Войско. Главную основу московскаго войска составлялъ многочисленный классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, т. е. сословіе помѣщиковъ и вотчинниковъ. Они отправляли собственно конную службу, и, смотря по количеству отведенной имъ земли, выводили съ собою въ поле нѣсколько вооруженныхъ слугъ. Изъ дворянъ, приписанныхъ къ московскому уѣзду, собирался такъ называемый «царскій полкъ». Кромѣ того всѣ придворные чины (стольники, стряпчіе, жильцы и пр.) были въ тоже время люди военные и составляли конный отрядъ царскихъ тѣлохранителей; они являлись на смотръ въ богатомъ вооруженіи, въ блестящихъ панцыряхъ и шлемахъ, съ дорогими саблями, сидя на красивыхъ и рѣзвыхъ аргамакахъ, убранныхъ дорогою сбруею; ихъ сопровождало значительное количество вооруженныхъ слугъ. Придворнымъ чинамъ подражали простые дворяне и дѣти боярскіе, кто побогаче; тѣ же, которые были побѣднѣе, т. е. большая часть, рѣдко имѣли исправное и полное вооруженіе.

Пѣшее войско набиралось отчасти изъ городовыхъ казаковъ и вольныхъ или «охочихъ» людей, а главнымъ образомъ изъ «даточныхъ», которыхъ въ случаѣ войны выставляли по человѣку съ извѣстнаго числа тяглыхъ дворовъ. Постоянную и хорошо-вооруженную пѣхоту представляли только «стрѣльцы», изъ Москвы мало-по-малу распространенные по всѣмъ главнымъ городамъ; въ столицѣ они служили какъ пѣшая царская

Олеарій, посѣтившій Московію въ царствованіе Михаила Ѳедоровича. «Когда жена знатнаго вельможи князя Ивана Борисовича Черкасскаго, женщина очень красивой наружности, не хотѣла сначала румяниться, прочія жены боярскія тотчасъ обвинили ее въ томъ, что она презираетъ обычаи своей земли и хочетъ опозорить другихъ, ей равныхъ. Посредствомъ своихъ мужей онѣ добились наконецъ, что и эта, отъ природы прекрасная женщина, должна была румяниться, и, такъ сказать, уподобиться свѣчкѣ, зажженной при свѣтломъ солнечномъ сіяніи».

гвардія и занимали караулы. Стрѣльцы пользовались нѣкоторыми привилегіями, получали жалованье, могли свободно заниматься торговлею и разными промыслами. Вооруженіе ихъ состояло изъ тяжелаго ружья, бердыша, сабли и копья; они дѣлились на полки и сотни. Къ московскимъ ратнымъ людямъ въ случаѣ нужды присоединялись еще украинскіе казаки и толпы легкой татарской конницы; а также отряды изъ черемисовъ, мордвы, калмыковъ и другихъ инородцевъ, вооруженные по большей части только стрѣлами. Во время значительныхъ походовъ войско раздѣлялось на пять частей: большой полкъ, правая и лѣвая рука, полки передовой и сторожевой; кромѣ того для разъѣздовъ отдѣлялся легкій конный отрядъ, извѣстный подъ именемъ «яртаула». Московская артиллерія («нарядъ») состояла изъ пушекъ и пищалей и была довольно многочисленна. Въ сраженіяхъ съ татарами употреблялось подвижное укрѣпленіе изъ досокъ или такъ называемый «гуляй-городъ».

Войны съ поляками и шведами доказали, что москвитяне только въ укрѣпленіяхъ защищались съ успѣхомъ; а въ открытомъ полѣ, не смотря на свою многочисленность, они немогли стоять противъ регулярныхъ европейскихъ армій. Вообще въ военномъ искусствѣ со временъ татарскаго ига русскіе далеко отстали отъ своихъ западныхъ сосѣдей и приблизились болѣе къ азіатскому образу веденія войны; такъ они съ шумомъ и крикомъ, въ безпорядкѣ, нападали на непріятеля и старались подавить его своею массою. Правительство мало-по-малу убѣдилось въ необходимости завести войска, устроенныя по образцу европейскихъ армій. Уже Борисъ Годуновъ имѣлъ отрядъ тѣлохранителей въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, набранный изъ ливонцевъ, поляковъ, шотландцевъ и пр. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ для второй польской войны нанято было въ Германіи нѣсколько полковъ въ русскую службу; но они

мало принесли пользы и были потомъ распущены. Съ тѣхъ поръ московское правительство старалось привлекать въ Россію значительное число иностранныхъ офицеровъ, давало имъ жалованье, помѣстья и поручало обучать русскихъ ратныхъ людей «иноземному строю». При Алексѣѣ Михайловичѣ являются у насъ многіе конные и пѣшіе полки съ иностранными названіями: рейтаръ, гусаръ, драгунъ и солдатъ, подъ командою иноземныхъ полковниковъ, ротмистровъ и капитановъ. Но европейское военное искусство и дисциплина весьма слабо прививались къ русскимъ ратнымъ людямъ, и войска наши по прежнему представляли пестрыя, нестройныя и плохо вооруженныя толпы ратниковъ. Даже не всѣ дворяне являлись на службу съ огнестрѣльнымъ оружіемъ (съ «огненнымъ боемъ»); еще многіе изъ нихъ по древнему обычаю выѣзжали на войну съ лукомъ и стрѣлами (съ «лучнымъ боемъ») *. Θеодоръ Алексѣевичъ оставилъ своимъ преемникамъ войско, простиравшееся до 200,000 человѣкъ.

Церковь. Внѣшнее устройство греко-россійской церкви или іерархія оставалась почти таже самая какъ и въ періодъ удѣльно-вѣчевой. Московское государство въ церковномъ отношеніи дѣлилось на эпархіи, управляемыя архіереями. Назначеніемъ патріарха и епископовъ по большой части завѣдывалъ самъ царь, выбирая ихъ изъ архимандритовъ и игумновъ знаменитѣйшихъ монастырей. Высшее духовенство нерѣдко за-

---

* При Алексѣѣ Михайловичѣ сдѣлана попытка завести военный флотъ изъ судовъ, построенныхъ по иностраннымъ образцамъ. Именно, на Окѣ были сооружены голландскими мастерами трехмачтовый корабль «Орелъ» и нѣсколько мелкихъ судовъ; ихъ спустили по Волгѣ въ Каспійское море для охраненія русской торговли отъ морскихъ разбойниковъ. Но Орелъ скоро былъ сожженъ Стенькою Разинымъ и такимъ образомъ попытка завести флотъ неимѣла успѣха.

сѣдало въ боярской думѣ, пользовалось правомъ ходатайствовать за опальныхъ и подсудимыхъ, и вообще имѣло значительное вліяніе на государственныя дѣла; но въ свою очередь оно было вполнѣ подчинено царской власти, и учрежденіемъ патріаршества нисколько неизмѣнились ихъ взаимныя отношенія. Епископы имѣли у себя на службѣ довольно значительное число свѣтскихъ чиновниковъ, т. е. бояръ, дѣтей боярскихъ, дьяковъ и пр.

Эпархіи дѣлились на округи или «десятины», которыми завѣдывали «десятинники». Послѣдніе объѣзжали свои округи, собирали епископскіе доходы, производили судъ между духовными лицами и крестьянами, принадлежавшими духовенству (за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, которыя подлежали всегда свѣтскому суду). Священники или назначались епископомъ, или выбирались прихожанами изъ грамотныхъ людей разныхъ сословій. При Иванѣ IV бѣлое духовенство получило право выбирать изъ своей среды, сотскихъ и десятскихъ священниковъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «поповскихъ старостъ».

Монашество съ теченіемъ времени образовало въ древней Россіи многочисленное и важное по своему значенію сословіе. Въ отдаленныхъ и глухихъ краяхъ государства оно по прежнему способствовало заселенію и обработкѣ безлюдныхъ, лѣсныхъ пространствъ, потому что крестьяне, привлекаемые многими льготами, охотно селились на монастырскихъ земляхъ, расчищали почву и едва проходимыя дотолѣ дебри обращали въ плодоносныя нивы. Большіе монастыри были въ тоже время и крѣпости, которыя особенно въ смутное время оказали многія услуги государству. Въ удѣльно-вѣчевой Руси монахи сами выбирали себѣ игумна; въ Московскомъ же государствѣ игумны назначались иногда епископомъ, а въ знаменитѣйшіе монастыри самимъ царемъ. Первостепен-

ныя обители (лавры) обыкновенно были изъяты изъ епископскаго суда и подчинены прямо суду патріарха.

Весьма частыя пожертвованія благочестивыхъ людей въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ сосредоточили въ рукахъ монастырей огромныя поземельныя владѣнія *. Правительство отъ этого лишалось многихъ земель, которыя были ему нужны для раздачи ратнымъ людямъ; а вслѣдствіе монастырскихъ привилегій оно теряло и значительную часть своихъ финансовыхъ доходовъ. Съ другой стороны, владѣніе населенными землями отвлекало монастырское начальство отъ религіозныхъ интересовъ къ заботамъ чисто-хозяйственнымъ; а богатства, скопившіяся въ стѣнахъ обители, привлекали туда многихъ тунеядцевъ и способствовали порчѣ монастырскихъ нравовъ. При Иванѣ III знаменитый отшельникъ Нилъ Сорскій на духовномъ соборѣ 1504 года поднялъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли владѣть селами инокамъ, которые, отрекшись отъ міра, не должны заниматься ничѣмъ мірскимъ и должны кормиться своими трудами. Его поддерживали бѣлозерскіе пустынники; но митрополитъ, епископы и краснорѣчивый Іосифъ Санинъ на этотъ разъ отстояли привилегіи монастырей. Вопросъ возобновился потомъ при Василіѣ III: мнѣніе Нила Сорскаго развивали два извѣстные монаха, Вассіанъ Косой и ученый Максимъ Грекъ; они сильно вооружались противъ роскоши, лѣности и другихъ пороковъ, которыми страдало русское монашество (особенно противъ пьянства). Рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ по-

---

* Не одно благочестіе заставляло иногда частныхъ владѣльцевъ отказывать земли въ монастырь «по душѣ» (т. е. на поминъ души). Такъ какъ монастырскія земли пользовались льготами относительно государственныхъ повинностей, то нѣкоторые вотчинники, желая обезпечить себѣ спокойное пожизненное пользованіе своимъ имуществомъ, дарили его монастырю на извѣстныхъ условіяхъ.

ступилъ Иванъ IV. При немъ на Стоглавомъ соборѣ архіереи и монастыри лишены были права покупать вотчины безъ царскаго позволенія; а на послѣдующихъ соборахъ владѣльцамъ запрещено отказывать свои вотчины въ монастырь на поминъ души.

Вообще образованіе и нравственность русскаго духовенства часто несоотвѣтствовали его высокой цѣли; приходскіе священники въ областяхъ были люди малограмотные, которые заботились болѣе о насущномъ хлѣбѣ, нежели о наставленіи и поученіи своихъ прихожанъ. Противъ пороковъ духовенства не разъ въ самой церкви поднимались голоса благомыслящихъ людей; на соборахъ обсуживались мѣры къ исправленію нравственности и къ лучшему образованію священнослужителей; но дѣло исправленія весьма медленно подвигалось впередъ. Въ понятіяхъ народныхъ между тѣмъ продолжали господствовать преданія и вѣрованія чисто-языческія, чему доказательствомъ служитъ множество всякаго рода суевѣрій (примѣты, чары, заклинанія и пр.); во многихъ мѣстахъ еще свято сохранялись языческія празднества и жертвоприношенія.

До какой степени язычество было еще сильно въ народѣ (особенно тамъ, гдѣ преобладало финское населеніе) показываетъ грамота новгородскаго архіепископа Макарія къ духовенству Воцкой пятины, въ 1534 году. «Мнѣ сказывали— пишетъ архіепископъ,—что въ вашихъ мѣстахъ многіе христіане отстали отъ истинной вѣры, въ церкви неходятъ, духовныхъ отцовъ своихъ не посѣщаютъ, а молятся деревьямъ и камнямъ; многіе ѣдятъ скоромное въ Петровъ постъ, приносятъ жертвы мерзкимъ бѣсамъ и призываютъ для совершенія молитвы отступниковъ чудскихъ волхвовъ. Мертвыхъ не возятъ хоронить къ церквамъ на погосты, а кладутъ въ селахъ по курганамъ въ присутствіи тѣхъ же волхвовъ; послѣднихъ призываютъ также, когда родится дитя, чтобы

дать ему имя, и когда поминают покойниковъ, чтобы принести жертву сквернымъ бѣсамъ», и т. д. Спустя 13 лѣтъ, преемникъ Макарія архіепископъ Ѳеодосій обращается къ тому же духовенству и говоритъ о тѣхъ же самыхъ обычаяхъ.

Стоглавый соборъ 1551 г. между прочими безпорядками указываетъ на слѣдующія явленія въ русскомъ простонародьѣ. Нѣсколько разъ въ году (именно: въ Ивановъ день, Троицкую субботу, Великій четвергъ и др.) мужчины и женщины сходились вмѣстѣ и предавались необузданнымъ играмъ или громко выли надъ могилами покойниковъ и вообще совершали разные языческіе обряды. По селамъ ходили ложные пророки обоего пола нагіе и босые съ распущенными волосами: они кривлялись, били себя въ грудь, расказывали о видѣніяхъ св. Пятницы и св. Анастасіи, запрещали христіанамъ работать въ среду и пятницу, и пр.

Послѣ дѣла о жидовской ереси Русскую церковь не разъ тревожили и другія ученія, для борьбы съ которыми созывались обыкновенно духовные соборы; такъ въ XVI вѣкѣ замѣчательны ереси Матвѣя Башкина и Ѳеодосія Косаго, которые оспоривали церковные догматы о Іисусѣ Христѣ. Нисшее духовенство и простой народъ, по излишней приверженности къ внѣшнимъ обрядамъ, къ буквѣ писаннаго закона, съ недовѣріемъ встрѣчали всякую попытку къ измѣненію и исправленію. Во времена Никона исправленіе церковныхъ книгъ обнаружило существованіе раскольничьихъ сектъ, число которыхъ къ концу XVII вѣка быстро возрастаетъ. Что касается до инородцевъ, принадлежавшихъ къ Московскому государству, то въ XVI и XVII вв. еще большая часть финскихъ племенъ на сѣверѣ и востокѣ Россіи были идолопоклонники; а татарскія области оставались вѣрны исламу. Впрочемъ, благодаря трудамъ нѣкоторыхъ ревностныхъ проповѣдниковъ, христіанство продолжало мало-по-малу распространяться между этими

племенами; вмѣстѣ съ русскими завоеваніями оно проникло и въ отдаленную Сибирь.

Образованность. Многіе иностранцы, посѣтившіе Россію въ XVI и XVII вв., отдаютъ должную справедливость природному разсудку русскаго народа и его способности къ умственному развитію; но вслѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ уровень образованности въ Московскомъ государствѣ находился на довольно низкой ступени. Съ XIII столѣтія, т. е. со временъ татарскаго ига, началось быстрое отчужденіе Россіи отъ Европы и русскій народъ вступилъ въ близкія отношенія къ дикимъ азіатскимъ сосѣдямъ, которыя оставили глубокій слѣдъ на государственномъ устройствѣ и на обычаяхъ нашихъ предковъ. Кромѣ азіатскаго вліянія, на характерѣ Московскаго государства отразилось вліяніе византійскихъ преданій, проводникомъ которыхъ служила церковь, литература и законодательство; преданія эти относились къ позднѣйшимъ временамъ византійской образованности, т. е. ко временамъ ея упадка.

Хотя со второй половины XV вѣка Московское государство и начинаетъ входить въ связь съ европейскими державами; но связь эта долгое время ограничивалась дипломатическими сношеніями и призывомъ иностранныхъ мастеровъ на службу правительства. Русскіе же люди не отпускались за границу для образованія, и европейская наука непользовалась въ Россіи покровительствомъ высшихъ классовъ. Указывая на опасность, постоянно грозившую со стороны иноземныхъ ересей, духовенство заботливо охраняло народъ отъ вліянія западно-европейскихъ идей и крѣпко держало въ своихъ рукахъ народное образованіе. Съ цѣлью оградить русское православіе отъ западныхъ ересей и подкрѣпить его связь съ восточною церковью, при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ учрежде-

но было въ Москвѣ высшее училище подъ названіемъ «Славяно-греко-латинской академіи». Первыми учителями академіи были знаменитые греческіе ученые, братья Лихуды; воспитанники изучали преимущественно греческій и латинскій языки, христіанскую философію и богословіе. При отсутствіи свѣтскихъ школъ, монахи и церковнослужители въ тѣ времена были почти единственными учителями грамотности. Боярское же и дворянское сословіе по своему умственному развитію весьма мало возвышалось надъ массою простолюдиновъ; все воспитаніе его ограничивалось обученіемъ чтенію и письму, но и до этого искусства достигали не всѣ бояре.

Печальное состояніе образованности и восточное вліяніе на русскіе нравы ярко отразились въ домашнемъ деспотизмѣ главы семейства и въ рабскомъ положеніи женщинъ. Въ удѣльно-вѣчевой Руси женщина пользовалась нѣкоторою свободою и значительными правами въ обществѣ; но съ XIII в. ея положеніе измѣняется. Между тѣмъ какъ въ нисшихъ классахъ женщины находились подъ гнетомъ тяжелыхъ домашнихъ работъ, въ высшемъ сословіи, онѣ были удалены изъ общества мужчинъ и заключены въ терема, гдѣ проводили жизнь, обреченную праздности и скукѣ. Пряденіе, вышиваніе (золотомъ, жемчугомъ, бисеромъ), разговоры съ служанками и однообразныя забавы въ родѣ качелей наполняли время боярскихъ женъ и дочерей; изъ дому онѣ выѣзжали неиначе какъ въ закрытыхъ колымагахъ, окруженныя толпою холоповъ. Бракъ съ обѣихъ сторонъ устроивался родителями, при чемъ о согласіи молодыхъ людей не спрашивали. Женихъ обыкновенно до самаго окончанія свадьбы не могъ видѣть своей невѣсты, отъ чего между боярами случались иногда обманы: напримѣръ, вмѣсто той дочери, за которую сватались, выдавали другую, отличавшуюся какимъ нибудь недостаткомъ; или, когда родственница жениха пріѣзжала смотрѣть невѣсту, по-

казывали ей вмѣсто дочери красивую служанку. При такихъ условіяхъ естественно браки были рѣдко счастливы; мужъ весьма часто пользовался своимъ варварскимъ правомъ: *учить* жену плетью; а жены по большей части не отличались строгою нравственностію *.

Только христіанскія понятія о бракѣ смягчали иногда это рабское положеніе женщины и возвышали ее на степень подруги. Русскіе книжники XVI вѣка такими чертами изображаютъ намъ идеалъ женщины: она безропотно покоряется старшимъ (т. е. мужу и его родителямъ), усердно занимается хозяйствомъ, облегчаетъ въ своемъ домѣ тяжелое положеніе рабовъ, и совершаетъ другіе подвиги христіанскаго милосердія (постъ, милостыню, молитву). Вообще направленіе этихъ идеальныхъ женщинъ аскетическое: проникнутыя глубокою вѣрою, онѣ отказываютъ себѣ въ удовольствіяхъ жизни и ведутъ постоянную борьбу съ своими страстями (которыя олицетворялись обыкновенно въ образѣ дьявола).

Наиболѣе образованныя области Московскаго государства лежали на западѣ, т. е. по сосѣдству съ Европою. Новгородъ, благодаря своей торговлѣ, долгое время служилъ для

---

* Какимъ образомъ наши предки смотрѣли на отношенія жены къ мужу и вообще на отношеніе семейства къ своему главѣ, ясное понятіе даетъ книга *Домострой;* она написана священникомъ Благовѣщенской церкви Сильвестромъ—тѣмъ самымъ, который игралъ важную роль въ царствованіе Ивана IV. Въ этой книгѣ Сильвесртъ поучаетъ сына Анѳима, какъ ему устроить свое хозяйство, обращаться съ женою и воспитывать дѣтей. Между прочимъ онъ совѣтуетъ: если жена, сынъ или дочь не слушаетъ мужа или отца или мать, то наединѣ «постегать плетью», а кулакомъ и палкою небить, чтобы неизуродовать человѣка или неразстроить его здоровье. «А только велика вина и кручиновато дѣло — прибавляетъ авторъ Домостроя, — и за великое и за страшное ослушаніе и небреженіе, *плеткою вѣжливенько побить, за руки держа,* по винѣ смотря; да поучивъ примолвити; а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не видѣли и не слыхали; жалоба бы о томъ не была».

Москвы главнымъ проводникомъ европейской цивилизаціи; но въ концѣ XVI вѣка онъ приходитъ въ упадокъ. Въ XVII в. его мѣсто въ отношеніи къ Москвѣ заступаетъ Малороссія съ своими школами, типографіями, съ своими духовными писателями и учеными, которые образовались во время борьбы противъ уніи и католицизма (Смотрицкій, Копыстенскій, Могила, Гизель и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается въ Московской Руси вліяніе польской гражданственности и польской литературы. Постоянный приливъ европейскихъ ремесленниковъ, торговцевъ, офицеровъ и пословъ также немогъ остаться безъ нѣкотораго вліянія на русскій бытъ. Въ XVII вѣкѣ западные европейскіе обычаи хотя слабо но уже замѣтно проникаютъ въ высшее московское общество. Между приверженцами этихъ обычаевъ изъ русскихъ бояръ первое мѣсто занимаетъ Матвѣевъ, подъ вліяніемъ котораго при московскомъ дворѣ положено было начало театру: царь Алексѣй Михайловичъ выписалъ изъ Германіи труппу актеровъ, музыкантовъ и танцовщиковъ; а Матвѣевъ выучилъ драматическому искусству своихъ дворовыхъ людей, и заставлялъ ихъ играть мистеріи, содержаніе которыхъ заимствовалось изъ священной исторіи. Когда Ордынъ-Нащокинъ управлялъ посольскимъ приказомъ, въ Москвѣ появились первые русскіе газеты или *куранты* (рукописныя), впрочемъ исключительно назначенныя для двора; въ нихъ помѣщались переведенныя изъ иностранныхъ газетъ извѣстія о европейскихъ событіяхъ.

Литература и народная поэзія. Книжная словесность древней Руси заключалась по преимуществу въ разнаго рода рукописныхъ сборникахъ, которые въ большомъ количествѣ дошли до насъ. Главное мѣсто занимаютъ книги религіознаго содержанія. Въ нихъ входили: во первыхъ, поученія отцовъ церкви, распредѣленныя для чтенія на каждый день; во вто-

рыхъ, житія святыхъ руеской церкви и греческой вообще. Перваго рода сборники извѣстны подъ именами: *златоструевъ*, *златоустовъ*, *измарагдовъ* и пр.; а вторые назывались *четьи-минеи*, *прологи* и *патерики*; замѣчательны Великія Четьи-минеи, собранныя митрополитомъ Макаріемъ, современникомъ Ивана Грознаго, и Патерикъ Печерскій, составленный въ Кіевѣ въ XV в. Потомъ слѣдуютъ сборники библейскихъ (преимущественно апокрифическихъ) сказаній или *палеи*.

Для распространенія историческихъ свѣдѣній о древней Россіи служили многочисленные лѣтописные сборники. Иногда изъ лѣтописей дѣлались выписки по княженіямъ и царствованіямъ («степенныя книги»), или составлялись лѣтописные своды; замѣчателенъ особенно сводъ лѣтописей, составленный по приказанію Никона. Въ XV в. московская лѣтопись получаетъ по преимуществу государственный (оффиціальный) характеръ и ведется при дворѣ великихъ князей; въ XVI ее начинаютъ замѣнять «разрядныя записки», куда дьяки вносили главныя придворныя событія и служебную дѣятельность бояръ. Въ томъ же вѣкѣ появляются историческія записки современниковъ; таково сочиненіе князя Курбскаго о царствованіи Іоанна Грознаго. Въ XVII вѣкѣ лѣтописная дѣятельность почти прекращается, и записки выступаютъ на первый планъ; самыя замѣчательныя это Авраамія Палицина «Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ», и любопытное сочиненіе «о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», принадлежащее подъячему посольскаго приказа Кошихину; оно написано въ Швеціи, куда Кошихинъ убѣжалъ изъ Московскаго государства (около 1654 г.) *.

---

* Памятниками письменности въ древней Россіи и вмѣстѣ важнымъ матеріаломъ для ея исторіи служатъ также многочисленные грамоты: уставныя,

Свѣтская или легкая литература того времени состояла изъ большаго количества сказокъ и повѣстей, которыя служили любимымъ предметомъ чтенія или изустнаго расказа и на ряду съ другими сочиненіями входили въ составъ рукописныхъ сборниковъ. Многія изъ этихъ повѣстей очевидно иноземнаго происхожденія, частію занесенныя съ востока (напр. «о Синагриппѣ царѣ» — изъ арабскихъ сказокъ «Тысяча и одна ночь»), частію съ запада, посредствомъ Польши (напр. «Бова королевичъ» — изъ итальянскихъ рыцарскихъ романовъ); но онѣ обыкновенно передѣлывались на русскій ладъ. Форму повѣстей принимали также многочисленныя легенды назидательнаго содержанія (напр. Муромская легенда о князѣ Петрѣ и княгинѣ Февроніи), и сатирическіе расказы, въ которыхъ народное остроуміе выставляло на видъ дурныя стороны своего общественнаго быта; образецъ такихъ расказовъ представляетъ «Шемякинъ судъ»—сатира на неправедныхъ, корыстолюбивыхъ судей.

Вотъ его содержаніе: Къ судьѣ Шемякѣ пришли три истца и жаловались ему на одного бѣднаго человѣка: у перваго истца этотъ бѣднякъ взялъ на время лошадь и возвратилъ

договорныя, жалованныя, духовныя, правыя и др. Самое богатое собраніе такихъ грамотъ и актовъ заключается въ изданіяхъ *Археографической коммисіи,* которая была учреждена въ 1834 г. для печатанія русскихъ историческихъ матеріаловъ.

- Драгоцѣнный источникъ для исторіи до-Петровской Россіи, для знакомства съ ея нравами и обычаями представляютъ еще записки иностранцевъ, довольно многочисленныя въ XVI и XVII вв. Составители этихъ записокъ отчасти посѣщали Россію въ качествѣ пословъ и путешественниковъ, каковы: баронъ Герберштейнъ, Поссевинъ, Флетчеръ, Олеарій, баронъ Мейербергъ (австрійскій посолъ при Алексѣѣ Михайловичѣ); отчасти находились въ московской или польской службѣ, каковы: Маржеретъ (французскій офицеръ въ гвардіи Бориса Годунова и Лжедимитрія I), Бопланъ, Коллинсъ (англійскій врачъ при дворѣ Алексѣя Михайловича), ученый сербъ Крижаничъ, и др.

ее безъ хвоста; у другаго, зайдя на ночлегъ, онъ сорвался съ полатей на зыбку, въ которой лежалъ сынъ хозяина, и причинилъ смерть ребенку; у третьяго, онъ убилъ отца, упавши на него съ моста. Отвѣтчикъ, идя на судъ, взялъ камень, завернулъ его въ платокъ и положилъ въ шапку; ставъ передъ судьей, онъ на его вопросы только кланялся и показывалъ платокъ. Шемяка рѣшилъ дѣло такимъ образомъ, что каждый изъ истцовъ потомъ заплатилъ деньги отвѣтчику, чтобы избавиться отъ исполненія судейскаго рѣшенія (напр. третьему истцу присуждено было стать на мостъ и упасть на отвѣтчика точно также, какъ тотъ упалъ па его отца). Когда же Шемяка велѣлъ бѣдняку показать, что у него завернуто въ платкѣ, тотъ вынулъ камень и объяснилъ, что этимъ камнемъ онъ хотѣлъ убить судью, еслибы послѣдній рѣшилъ дѣло не въ его пользу. Судья былъ очень доволенъ своимъ рѣшеніемъ, которое сохранило ему жизнь.

Между тѣмъ какъ книги составляли умственную пищу грамотныхъ людей и по рѣдкости своей были доступны только зажиточному классу, художественныя потребности простаго народа находили себѣ удовлетвореніе въ разнообразныхъ и многочисленныхъ пѣсняхъ, т. е. въ произведеніяхъ народной фантазіи и народнаго чувства. Между ними первое мѣсто занимаютъ пѣсни съ эпическимъ характеромъ. Героями этихъ пѣсенъ являются богатыри; они олицетворяютъ собою княжескую дружину въ борьбѣ съ враждебными сосѣдями, преимущественно съ азіатскими племенами, которыя то выступаютъ въ видѣ несмѣтнаго войска, то представляются въ чудовищномъ образѣ Змѣя Горыныча и другихъ фантастическихъ существъ. Богатыри русскіе обыкновенно собираются около великаго князя Владиміра «Красное Солнышко», который задаетъ имъ великолѣпные пиры и посылаетъ ихъ совершать великіе подви-

ги *. Наибольшею славою въ народѣ изъ такихъ идеальныхъ героевъ пользовались: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ.

Кромѣ этого княжескаго цикла (т. е. круга) эпическихъ пѣсенъ, получившихъ начало преимущественно въ южной Россіи, былъ еще другой циклъ пѣсенъ, принадлежавшихъ сѣверной или новогородской Руси. Здѣсь вмѣсто княжескаго двора или дружины на заднемъ планѣ рисуется община; а героями пѣсенъ являются предпріимчивые гости и повольники новогородскіе, которые признаютъ надъ собою только власть вѣча. Таковы пѣсни: «Василій Буслаевъ» и «Садко богатый гость». И тотъ и другой циклъ по происхожденію своему относится къ удѣльно-вѣчевой Руси, т. е. къ періоду борьбы между княземъ и вѣчемъ; но пѣсни эти сохранились въ устахъ народа до позднѣйшихъ временъ.

Въ XVI и XVII вв. образуется въ Московской Руси циклъ собственно царскій; такъ, слагаются пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, о его завоеваніяхъ, пирахъ и боярахъ, о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и т. д. Между тѣмъ въ Малой Россіи образуется обширный историческій эпосъ изъ казацкихъ пѣсенъ или «думъ»; содержаніемъ ихъ служатъ подвиги казацкихъ героевъ, преимущественно любимыхъ гетмановъ. Эти думы слагали и пѣли народные малороссійскіе поэты («кобзари» или бандуристы). Въ тоже время являются разбойничьи пѣсни, напримѣръ о Стенькѣ Разинѣ и другихъ знаменитыхъ атаманахъ. Къ разряду эпическихъ произведеній

---

* На княжескомъ пиру богатырь ѣстъ и пьетъ сообразно съ своею непомѣрною силою. Ему наливаютъ:

«Чару зелена вина въ полтора ведра
И турій рогъ меду сладкаго въ полтретья вина».

А богатырь:

«Принимаетъ чару единой рукой,
Выпиваетъ ее единымъ духомъ».

можно отнести и такъ называемые «стихи» религіоз наго содержанія, каковы «о Голубиной книгѣ» и «о Страшномъ судѣ». Въ нихъ особенно ярко отразилась смѣсь языческихъ понятій съ христіанскими вѣрованіями *.

Что же касается до русскихъ лирическихъ пѣсенъ, то въ нихъ вполнѣ высказался внутренній міръ народа, т. е. сторона сердца или чувства, которое у славянскихъ племенъ по большей части преобладаетъ надъ другими силами души. На этихъ пѣсняхъ лежитъ общій отпечатокъ задушевности; а господствующій въ нихъ тонъ — *заунывный*, который есть слѣдствіе многочисленныхъ страданій, перенесенныхъ русскимъ народомъ въ теченіе его долгой исторической жизни. Въ особенности меланхолическимъ настроеніемъ и нѣжнымъ сосредоточеннымъ чувствомъ отличаются пѣсни малороссійскія, тогда какъ великорусскія пѣсни отражаютъ болѣе широкую натуру, способную и къ кипучей дѣятельности и къ беззаботному разгулу **.

* Напримѣръ, вотъ какимъ образомъ Голубиная книга расказываетъ о происхожденіи міра:

«У насъ бѣлый свѣтъ отъ Господа,
Солнце красное отъ лица божьяго
Свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей божіихъ
Звѣзды свѣтлыя отъ ризъ божіихъ
Ночи темныя отъ думъ господнихъ» и т. д.

** Въ XVI и XVII вв. выработываются два главные типа русской народности: сѣверо-восточный или «великорусскій» и южный или «малорусскій». Въ основу перваго типа положенъ древне-новогородскій элементъ, который въ видѣ многочисленныхъ новогородскихъ колоній распространился по всей сѣверной или финской половинѣ Россіи; порабощая себѣ финскую народность онъ въ свою очередь самъ подвергся вліянію новой почвы и дѣйствію московскаго государственнаго порядка. Второй типъ образовался изъ древняго южно-русскаго элемента подъ вліяніемъ казачества и польской гражданственности. Вмѣстѣ съ этими типами выработываются и соотвѣтственныя имъ два главныя нарѣчія русскаго языка.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

РУСЬ-ИМПЕРІЯ.

I. ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ИЛИ ЭПОХА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ РЕФОРМЪ.

1682 — 1725.

Стрѣлецкій бунтъ. Послѣ смерти бездѣтнаго Ѳедора Алексѣевича ближайшее право на престолъ имѣлъ слѣдующій за нимъ братъ Іоаннъ; но онъ былъ извѣстенъ своею слабостію тѣлесною и душевною; поэтому патріархъ Іоакимъ и бояре, мимо старшаго брата, провозгласили царемъ десятилѣтняго Петра. Тогда главное значеніе при дворѣ получила мать Петра, Наталья Кирилловна, и воспитатель ея бояринъ Матвѣевъ былъ немедленно возвращенъ изъ ссылки. Противъ царицы Натальи и ея родственниковъ Нарышкиныхъ вооружилась партія Милославскихъ; душою этой партіи сдѣлалась умная, честолюбивая Софья, одна изъ дочерей Алексѣя Михайловича отъ перваго брака. Такъ какъ при дворѣ ея отца, подъ вліяніемъ западныхъ обычаевъ, царевны нестрого соблюдали

древнія правила затворничества, то Софья чтеніемъ и бесѣдою съ людьми образованными успѣла развить свой умъ и познакомиться съ дѣлами государственными. Въ царствованіе брата Θеодора она уже принимала нѣкоторое участіе въ политикѣ, а послѣ провозглашенія царемъ Петра рѣшилась оспаривать власть у своей мачихи. Для исполненія своихъ замысловъ Софья и ея родственники обратились къ стрѣлецкому войску. Между московскими стрѣльцами, около того времени, обнаружилось волненіе по слѣдующему поводу: войско жаловалось правительству на притѣсненія своихъ полковниковъ; а правительство ограничилось нѣсколькими нерѣшительными мѣрами; тогда стрѣльцы начали собираться въ круги, по казацкому обычаю, и самовольно расправляться съ своими начальниками. Софья воспользовалась этимъ волненіемъ; посредствомъ преданныхъ ей людей она склонила стрѣльцовъ на свою сторону; внушила имъ, что царевичъ Іоаннъ незаконно отстраненъ отъ престола, и возбудила наконецъ открытый, кровавый бунтъ противъ Нарышкиныхъ.

Утромъ, 15 мая 1682 года, сообщники царевны прискакали въ стрѣлецкую слободу съ извѣстіемъ, что Нарышкины задушили царевича Іоанна. При звукахъ набатныхъ колоколовъ собрались стрѣлецкіе полки, числомъ около 15000 человѣкъ, и немедленно бросились въ Кремль. Подступивъ къ дворцу, они громко требовали выдачи Нарышкиныхъ, погубившихъ царевича. Наталья Кирилловна вывела на Красное крыльцо обоихъ братьевъ, Іоанна и Петра. Стрѣльцы, видя, что ихъ обманули, остановились, и начали слушать увѣщанія боярина Матвѣева, нѣкогда своего любимаго начальника. Мятежъ уже готовъ былъ утихнуть; но приверженцы Софьи употребили всѣ усилія воспламенить его снова. Имъ помогъ своею неосторожностію начальникъ стрѣлецкаго приказа князь Михаилъ Долгорукій, который, послѣ кроткой рѣчи Матвѣева, вдругъ закричалъ на стрѣль-

цовъ и съ угрозами велѣлъ имъ разойтись. Мятежники разсвирѣпѣли, взбѣжали на крыльцо, и, схвативъ Долгорукаго, бросили его внизъ на копья своихъ товарищей; той же участи подвергся и несчастный Матвѣевъ. Одни изъ стрѣльцовъ ворвались въ самый дворецъ и убили нѣсколько вельможъ, имена которыхъ находились въ спискѣ, составленномъ Милославскими; другія толпы бунтовщиковъ разсѣялись по Москвѣ, отыскивая по всюду людей обреченныхъ на смерть. Убійства возобновились на другой и на третій день. Въ числѣ многихъ знатныхъ людей въ это время погибли: Языковъ, бывшій любимецъ царя Θедора, и родной братъ царицы Иванъ Нарышкинъ.

Прекративъ наконецъ свои убійства, стрѣльцы, по внушенію Софьи объявили государями обоихъ царевичей вмѣстѣ; дума боярская и выборные отъ разныхъ сословій согласились на это двоевластіе. Вслѣдъ за тѣмъ, стрѣльцы настояли, чтобы правленіе, за молодостію братьевъ, было вручено царевнѣ Софьѣ.

Правленіе царевны Софьи. Первымъ дѣломъ правительницы была борьба съ раскольничьимъ движеніемъ. Несмотря на преслѣдованія, которымъ подвергались приверженцы «старой вѣры» въ царствованіе Алексѣя и Θедора, число ихъ быстро умножалось. Учители раскола и основатели разныхъ сектъ или *толковъ* укрывались по отдаленнымъ областямъ государства, и тамъ собирали вокругъ себя послѣдователей (таковы два старца Денисовы и монахъ Капитонъ); особенно много раскольничьихъ *скитовъ* появилось въ глухихъ лѣсахъ пустыннаго Архангельскаго края. Въ самой столицѣ раскольники были довольно многочисленны; къ нимъ тайно принадлежала и часть стрѣльцовъ. Послѣ майскаго переворота стрѣлецкое войско стало смотрѣть на себя какъ на главную опору правительства; раскольники ободрились, и на-

чали дѣйствовать тѣмъ смѣлѣе, что новый начальникъ стрѣльцовъ, князь Хованскій, былъ послѣдователь ихъ ученія. Болѣе другихъ отличался своимъ фанатизмомъ разстриженный священникъ Никита, прозванный «Пустосвятомъ». Однажды онъ съ большею толпою явился въ Кремль и вызывалъ патріарха на Лобное мѣсто для торжественнаго прѣнія о вѣрѣ. Патріархъ принялъ вызовъ; но прѣніе, по желанію Софьи, произошло не на площади, а во дворцѣ, въ Грановитой палатѣ, гдѣ присутствовали правительница, оба царя, вельможи и выборные московскіе люди (въ іюлѣ 1682 г.). Прѣніе было шумное и продолжалось до вечера; выходя изъ палаты, раскольники провозгласили побѣду. Когда такимъ образомъ соблазнъ въ народѣ достигъ опасныхъ размѣровъ, правительница рѣшилась прибѣгнуть къ строгости: спустя нѣсколько дней послѣ прѣнія, предводители раскольниковъ были схвачены; Никитѣ отрубили голову, а другихъ заточили. Ученики ихъ разсѣялись въ разныя стороны, но ревностно продолжали дѣло своихъ учителей; преслѣдуемые правительствомъ, они удалялись въ сѣверные лѣса, въ донскія и волжскія степи или спасались за шведскую и польскую границу.

Между тѣмъ стрѣлецкое войско не переставало волноваться; а Хованскій, потворствуя своеволію подчиненныхъ, сдѣлался ихъ любимцемъ, и началъ питать честолюбивые замыслы. Пребываніе въ столицѣ и ея окрестностяхъ становилось небезопасно для правительницы; она вмѣстѣ съ дворомъ удалилась въ крѣпкій Троицкій монастырь, куда стала созывать служилыхъ людей для защиты царскаго семейства. Хованскій, отправившись по ея приглашенію къ Троицѣ, былъ схваченъ на дорогѣ, и безъ суда казненъ вмѣстѣ съ сыномъ. Стрѣльцы сначала подняли бунтъ; но, устрашенные войскомъ, собраннымъ около Троицкаго монастыря, они скоро смирились, и упросили патріарха ходатайствовать за нихъ пе-

редъ царевною. Когда потребовали выдачи главныхъ зачинщиковъ, около 3000 человѣкъ отправились въ монастырь съ петлями на шеѣ, неся въ рукахъ плахи и топоры. Имъ объявлено было прощеніе; а стрѣлецкій приказъ Софья поручила думному дьяку Шакловитому, человѣку вполнѣ ей преданному.

Въ это время любимцемъ царевны и первымъ ея совѣтникомъ является князь Василій Голицынъ, вельможа умный, получившій отчасти европейское образованіе. Изъ внѣшнихъ дѣлъ Софьи и Голицына самымъ важнымъ былъ союзъ противъ Турціи, предложенный польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ. Царевна приняла предложеніе короля только подъ условіемъ вѣчнаго мира съ Польшею, который долженъ былъ подтвердить статьи Андрусовскаго договора и упрочить за Москвою Кіевъ. Поляки согласились на это тяжкое для нихъ условіе, и въ Москвѣ былъ заключенъ вѣчный миръ (1686 г.) Вслѣдъ затѣмъ Россія, въ союзѣ съ Польшею, Австріею и Венеціею, открыла войну противъ Турціи. По условію русскіе должны были напасть на хана, чтобы отвлечь его отъ соединенія съ турками. 100,000 московскаго войска подъ начальствомъ Голицына и 50,000 малороссійскихъ казаковъ съ гетманомъ Самойловичемъ выступили противъ крымцевъ (1687 г.). Но походъ по открытымъ степямъ былъ чрезвычайно труденъ для большаго войска. Татары зажгли степи, и лошади начали падать отъ безкормицы, люди терпѣли отъ дыму и зноя, оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Голицынъ безъ битвы воротился назадъ. Первымъ слѣдствіемъ неудачи было сверженіе Самойловича; казацкіе старшины, нелюбившіе гетмана за гордость и корыстолюбіе, обвинили его въ измѣнѣ, и потребовали, чтобы онъ былъ смѣненъ. Софья исполнила ихъ требованіе; Самойловича сослали въ Сибирь, а на его мѣсто былъ выбранъ Иванъ Мазепа. Весною

1689 года Голицынъ съ Мазепою предпринялъ второй походъ на Крымъ; на этотъ разъ русскіе дошли до Перекопа, но опять воротились назадъ безъ успѣха. Правительница однако щедро наградила своего любимца и другихъ воеводъ, принимавшихъ участіе въ крымскихъ походахъ. Въ томъ же году русскій уполномоченный Головинъ заключилъ съ Китаемъ Нерчинскій договоръ; по этому договору плодоносные берега Амура, завоеванные горстью казацкихъ удальцовъ, снова отошли къ китайцамъ, и крѣпость Албазинъ, которую казаки прославили своею геройскою защитою, была разорена.

Воспитаніе Петра и паденіе Софьи. Младшій сынъ Алексѣя Михайловича росъ подъ надзоромъ своей матери и получилъ воспитаніе, совершенно непохожее на то, которое прежде давалось московскимъ царевичамъ. (Вполнѣ подчиненные строгимъ правиламъ церемоніала, господствовавшаго при московскомъ дворѣ, они до извѣстныхъ лѣтъ отрочества почти непокидали внутреннихъ покоевъ дворца и оставались недоступны для глазъ народа; учителями ихъ были преимущественно лица духовныя). Рано лишившись отца; Петръ въ царствованіе брата и правленіе сестры находился въ нѣкоторомъ удаленіи отъ придворной жизни, и пользовался гораздо большею свободою, нежели его предшественники. Съ дѣтства онъ обнаружилъ необыкновенно дѣятельную, пылкую натуру, геніальныя способности и чрезвычайную любознательность. Дьякъ Зотовъ, приставленный къ Петру для обученія грамотѣ, будучи недалекъ по уму и познаніямъ, не могъ удовлетворить любознательности своего ученика. Царевичъ самъ нашелъ себѣ учителей между обитателями Нѣмецкой слободы, т. е. между иностранцами, состоявшими въ русской службѣ. Изъ этихъ иностранцевъ наиболѣе извѣстны: голландецъ Тиммерманъ, учившій Петра ариѳметикѣ, геометріи и артиллеріи,

и ловкій, веселый швейцарецъ Лефортъ, въ послѣдствіи другъ и любимый собесѣдникъ царя. Ихъ разсказы, знакомившіе Петра съ подробностями европейской образованности, еще сильнѣе возбуждали въ немъ жажду знанія и дѣятельности.

Дѣтскія забавы Петра отличались военнымъ характеромъ: онъ окружилъ себя сверстниками изъ дѣтей придворныхъ служителей, и, проводя большую часть времени въ царскихъ подмосковныхъ селахъ, игралъ съ ними въ солдаты. Съ помощью иностранныхъ офицеровъ онъ образовалъ изъ товарищей своихъ игръ *потѣшныя* роты, сформированныя по образцу регулярнаго, солдатскаго войска; число охотниковъ, поступавшихъ въ эти роты, постоянно увеличивалось, и изъ нихъ составились потомъ два первые гвардейскіе полка, Преображенскій и Семеновскій (названные такъ по двумъ подмосковнымъ селамъ). Иностранные корабельные мастера помогли царевичу завести также и потѣшный флотъ изъ судовъ, построенныхъ по европейскимъ образцамъ.

Самъ Петръ такимъ образомъ разсказываетъ (въ предисловіи къ морскому регламенту) о началѣ потѣшнаго флота.

Однажды, въ 1688 году, ему вмѣстѣ съ Тиммерманомъ случилось быть въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ. Осматривая амбары, въ которыхъ лежали старыя вещи покойнаго Никиты Ивановича Романова, царевичъ увидалъ незнакомое для него иностранное судно и обратился съ распросами къ Тиммерману. Послѣдній объяснилъ, что это англійскій ботъ, который можетъ ходить на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра. Удивленный Петръ спросилъ, нѣтъ ли человѣка, который могъ бы починить ботъ и показалъ бы его ходъ на водѣ? Тиммерманъ указалъ на голландскаго мастера Бранта, который при Алексѣѣ Михайловичѣ участвовалъ въ постройкѣ судовъ для Каспійскаго моря. Брантъ удовлетворилъ желанію юноши, спустилъ ботъ на Яузу, и научилъ Петра лавировать. Петръ скоро такъ пристрастился къ но-

вой забавѣ, что неудовлетворился однимъ ботомъ, а въ слѣдующемъ году при помощи того же Бранта выстроилъ уже цѣлую флотилію судовъ на Переяславскомъ озерѣ.

Софья мало заботилась о военныхъ потѣхахъ и разгульномъ образѣ жизни своего брата. Но по мѣрѣ того, какъ молодой царь приходилъ въ возрастъ, борьба между имъ и властолюбивою правительницею становилась неизбѣжна. Софья хотѣла снова поднять на свою защиту стрѣлецкое войско; но стрѣльцы на этотъ разъ не показали охоты поддерживать правительницу, и большинство ихъ явно склонялось на сторону царя. Тогда Шакловитый рѣшился посягнуть на самую жизнь Петра и его матери. Два стрѣльца ночью явились въ Преображенское къ царю и извѣстили его объ опасности. Внезапно разбуженный, Петръ тотчасъ сѣлъ на коня и ускакалъ въ Троицкую лавру подъ защиту ея укрѣпленій; за нимъ послѣдовали царица Наталья, ея родственники и приверженцы. По призыву царя сюда скоро начали стекаться и военные люди; изъ Москвы пришелъ стрѣлецкій Сухаревъ полкъ и увлекъ за собою другихъ стрѣльцовъ; явились и служилые иноземцы. Почти всѣми оставленная, правительница тщетно прибѣгала къ посредничеству патріарха и другихъ, близкихъ особъ. Шакловитый и его сообщники были казнены, князь Голицынъ съ сыномъ отправленъ въ Пустозерскъ; а Софья заключена въ Новодѣвичій монастырь (1689 г.). Семнадцатилѣтній Петръ сдѣлался теперь единодержавнымъ государемъ. Хотя братъ его Иванъ продолжалъ именоваться царемъ на всѣхъ грамотахъ и при торжественныхъ случаяхъ являлся народу въ царскомъ облаченіи, но непринималъ дѣйствительнаго участія въ управленіи; онъ умеръ въ 1696 году.

Азовскіе походы и путешествіе за границу. Первое время своего правленія Петръ преимущественно занимался

устройствомъ регулярнаго войска. Онъ давалъ примѣрныя сраженія солдатскихъ полковъ съ стрѣльцами (при чемъ первые обыкновенно оставались побѣдителями); продолжалъ строить суда на Переяславскомъ озерѣ, и два раза ѣздилъ въ Архангельскъ, чтобы познакомиться съ моремъ. Отъ своихъ трудовъ царь нерѣдко отдыхалъ за веселыми пирами и попойками въ обществѣ приближенныхъ лицъ, преимущественно иностранныхъ офицеровъ; на эту дружбу съ иностранцами неодобрительно смотрѣли духовенство и старые московскіе бояре.

Скоро вниманіе государя обратилось на югъ, къ морямъ Азовскому и Черному, гдѣ война съ турками, начатая при Софьѣ еще не была окончена. Главнымъ пунктомъ для своего нападенія царь избралъ Азовскую крѣпость, которая служила ключемъ къ сосѣднему морю. Посадивъ войско на суда, онъ переправилъ его Окою, Волгою и Дономъ къ Азову; въ тоже время другая армія подъ начальствомъ Шереметева вмѣстѣ съ малороссійскими казаками направилась къ низовьямъ Днѣпра. Осада Азова въ которой участвовалъ самъ Петръ, на первый разъ была неудачна (1695 г.), отчасти по неимѣнію искусныхъ инженеровъ, отчасти потому, что азовскій гарнизонъ свободно получалъ подкрѣпленія съ моря. Царь отступилъ, но въ туже зиму построилъ до 30 военныхъ судовъ на рѣкѣ Воронежѣ; а на слѣдующую весну снова выступилъ въ походъ, назначивъ адмираломъ флота любимца своего Лефорта, а главнымъ начальникомъ сухопутнаго войска боярина Шеина. На этотъразъ крѣпость, окруженная съ сухаго пути и съ моря, сдалась послѣ двухмѣсячной осады. Побѣдителямъ былъ устроенъ тріумфальный входъ въ столицу, причемъ царь шелъ впереди морскаго отряда въ мундирѣ простаго капитана. Чтобы утвердиться на берегахъ Азовскаго моря, Петръ немедленно приступилъ къ сооруженію большаго флота на счетъ землевладѣльцевъ своего государства; постройка судовъ производилась на

Воронежской верфи, окрестности которой изобиловали въ тѣ времена густыми, первобытными лѣсами.

Для обученія морскому дѣлу царь отправилъ до 50 молодыхъ людей изъ своихъ стольниковъ и спальниковъ въ Венецію, Англію и Голландію. Вслѣдъ за тѣмъ онъ самъ рѣшился ѣхать за границу, чтобы видѣть европейскую цивилизацію и научиться искусству строить корабли. Съ этою цѣлью снаряжено было торжественное посольство, во главѣ котораго поставлены генералы Лефортъ и Головинъ; а въ числѣ дворянъ, составлявшихъ посольскую свиту, отправился самъ царь подъ именемъ дворянина Петра Михайлова. Управленіе государствомъ на время отсутствія онъ поручилъ тремъ вельможамъ: своему дядѣ Нарышкину, князю Борису Голицыну и князю Прозоровскому (1697 г.). Въ Ригѣ шведскій комендантъ недружелюбно принялъ пословъ и не дозволилъ Петру осмотрѣть городскія укрѣпленія; за то въ сѣверной Германіи посольство повсюду встрѣчало ласковый пріемъ *. Въ Голландіи Петръ остановился, и нѣсколько мѣсяцевъ съ топоромъ въ рукѣ работалъ на корабельныхъ верфяхъ, сначала въ городкѣ Сардамѣ, потомъ въ Амстердамѣ. Отсюда онъ переѣхалъ въ Англію, чтобы усовершенствовать себя въ искусствѣ мореплаванія. Изъ Англіи Петръ отправился въ Вѣну, ко двору императора Леопольда, откуда уже хотѣлъ ѣхать въ Венецію, когда

---

* Въ городкѣ Коппенбургѣ (недалеко отъ Ганновера) Петръ посѣтилъ курфирстину Ганноверскую Софью Шарлоту и дочь ея Софью, курфирстину Бранденбургскую. Вотъ какъ потомъ отзывались о немъ обѣ курфирстины въ своихъ письмахъ: «Царь очень высокаго роста, строенъ и весьма красивъ; онъ одаренъ замѣчательною живостію ума, отвѣты его быстры и мѣтки. Но при блестящихъ природныхъ дарованіяхъ ему недостаетъ хорошихъ манеръ; если бы онъ получилъ лучшее воспитаніе, то былъ бы человѣкомъ совершеннымъ». «Москвитяне, танцуя съ нами, приняли корсетныя пружины за наши кости, и царь замѣтилъ: у этихъ нѣмокъ чертовски-жесткія кости».

пришла вѣсть о новомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, и царь поспѣшилъ въ Москву.

Еще до отъѣзда Петра за границу былъ открытъ заговоръ на его жизнь, составленный стрѣлецкимъ полковникомъ Цикλеромъ, окольничимъ Соковнинымъ и другими приверженцами старины; заговорщики подверглись казни. Во время же отсутствія Петра четыре стрѣлецкіе полка, стоявшіе на литовской границѣ, будучи недовольны разлукою съ своими семьями и тяжелою службою, возмутились, и пошли къ столицѣ, изъявляя намѣреніе перебить бояръ и нѣмцевъ. Говорятъ, царевна Софья изъ своего монастырскаго уединенія звала стрѣльцовъ въ Москву, распуская слухъ, будто бы Петръ умеръ за границею. Бояринъ Шеинъ и генералъ Гордонъ съ регулярными полками встрѣтили мятежниковъ около Воскресенскаго монастыря и разсѣяли ихъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Послѣ обычнаго розыска (пытокъ) главные зачинщики были повѣшены, а остальные мятежники разсажены по тюрьмамъ. Такимъ образомъ прежде, нежели царь успѣлъ прибыть въ Москву, мятежъ былъ усмиренъ.

Первымъ дѣломъ Петра по возвращеніи изъ путешествія (въ августѣ 1698 года) было запрещеніе носить бороду, служившую наружнымъ отличіемъ русскихъ отъ западныхъ европейцевъ. Бояре и вообще придворныя лица прежде другихъ должны были пожертвовать этимъ почетнымъ украшеніемъ оно оставлено только духовенству и крестьянамъ; а люди другихъ сословій за право носить бороду должны были платить пошлину. Въ тоже время служилымъ людямъ и горожанамъ приказано переменить свою старинную долгополую одежду на короткое европейское платье. Съ началомъ XVIII столѣтія царь велѣлъ праздновать начало новаго года не 1 сентября—какъ прежде, а 1 генваря—какъ у другихъ европейцевъ. Эти крутыя мѣры не обошлись безъ сильнаго ропота со стороны

народа. Между тѣмъ, недовольный розыскомъ Шеина, Петръ приказалъ снова, допрашивать стрѣльцовъ подъ страшными пытками. Убѣдившись въ участіи Софьи, онъ наконецъ прекратилъ розыскъ. Послѣдовали безпощадныя казни: всѣ стрѣльцы, замѣшенные въ бунтѣ, казнены, за исключеніемъ несовершеннолѣтнихъ *. Стрѣлецкое войско потомъ мало-по-малу было уничтожено.

Великая сѣверная война и пріобрѣтеніе балтійскихъ береговъ. Весною 1699 года Петръ съ своимъ воронежскимъ флотомъ ходилъ въ Азовское море; но въ слѣдующемъ году онъ заключилъ миръ съ турками и отложилъ дальнѣйшія предпріятія на югѣ. Въ то время главное его вниманіе и вся энергія устремились на борьбу со шведами, т. е. на пріобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря. Обстоятельства благопріятствовали этому стремленію: короли датскій и польскій заключили съ Петромъ наступательный союзъ противъ Швеціи. О заключеніи союза преимущественно хлопоталъ ливонецъ Паткуль, который принадлежалъ къ партіи дворянъ, недовольныхъ шведскимъ правительствомъ за отобраніе у нихъ въ казну («редукцію») многихъ земель. По его плану польскій король Августъ рѣшился отнять у шведовъ Ливонію, между тѣмъ какъ русскіе должны были захватить Ингрію и Карелію, а датчане герцогство Голштинское.

Начало войны, открывшейся весною 1700 года, было не-

* Когда на московскихъ площадяхъ начали приготовлять множество висѣлицъ, патріархъ Адріанъ, какъ разсказываютъ, явился къ Петру съ иконою Богоматери и умолялъ его о пощадѣ осужденныхъ. Царь съ гнѣвомъ отвѣчалъ ему: «Зачѣмъ подвигнулъ ты святую икону? Удались и поставь ее на свое мѣсто. Знай, что я чту Бога и Пресвятую Богородицу не менѣе тебя; но знай также и то, что долгъ мой охранять народъ и наказывать злодѣяніе».

счастливо для союзниковъ. Молодой шведскій король, Карлъ XII, побѣдивъ датчанъ и принудивъ ихъ къ миру, поспѣшилъ въ Лифляндію; а оттуда пошелъ противъ русскихъ, которые осаждали Нарву. Русская армія простиралась до 35000 человѣкъ, большею частію новобранцевъ, и состояла подъ начальствомъ иностраннаго генерала, герцога де Кроа; Карлъ имѣлъ войско втрое меньшее числомъ, но опытное и отлично устроенное. Быстрымъ, неожиданнымъ нападеніемъ шведы разбили русскихъ и захватили всю артиллерію (19 ноября). Храбрый полководецъ, Карлъ однако не былъ дальновиднымъ политикомъ и невоспользовался своею побѣдою; онъ оставилъ русскихъ въ покоѣ, и нѣсколько лѣтъ провелъ въ Польшѣ, увлекаясь своимъ торжествомъ надъ слабымъ, изнѣженнымъ Августомъ. Этимъ временемъ Петръ воспользовался какъ нельзя лучше: онъ устроилъ новую армію и предпринялъ зовоеваніе сосѣднихъ шведскихъ провинцій, которыя защищались незначительными силами. Фельдмаршалъ Шереметевъ разбилъ въ двухъ битвахъ шведскаго генерала Шлиппенбаха, и занялъ восточную часть Лифляндіи, при чемъ русскіе по своему старому обычаю, жестоко опустошали непріятельскія земли. Между тѣмъ самъ царь завоевалъ Ингрію, взялъ шведскія крѣпости на рѣкѣ Невѣ (Нотебургъ и Ніеншанцъ), и такимъ образомъ пробился къ давно-желанному морскому берегу. На одномъ изъ острововъ, лежащихъ въ устьѣ Невы (на Люстъ-Эйландѣ), Петръ немедленно заложилъ городъ Петербургъ— свою будущую столицу (1703 г.); а въ Олонцѣ онъ устроилъ верфи для новаго, балтійскаго флота.

Весною 1705 года Петръ двинулъ часть русскихъ войскъ въ Литву на помощь своему союзнику. Но эта помощь не спасла польскаго короля: преслѣдуемый Карломъ въ самой Саксоніи, своемъ наслѣдственномъ курфиршествѣ, Августъ отказался наконецъ отъ польской короны въ пользу познан-

скаго воеводы Станислава Лещинскаго, и выдалъ шведамъ несчастнаго Паткуля, который былъ ими колесованъ какъ измѣнникъ (1706 г.). Теперь у Карла оставался только одинъ непріятель — московскій царь. Петръ тщетно предлагалъ миръ, требуя хотя одной гавани на Балтійскомъ морѣ; шведскій король несоглашался ни накакія уступки, и хотѣлъ въ Москвѣ предписать миръ своему противнику.

Одновременно съ этой трудной шведской войною царь, за свои нововведенія и крутыя мѣры, долженъ былъ выдерживать почти постоянную борьбу съ народнымъ неудовольствіемъ; а въ отдалѣнныхъ областяхъ неразъ происходило отрытое возмущеніе. Такъ въ Астрахани сынъ одного изъ казненныхъ стрѣльцовъ поднялъ народъ слухами о намѣреніи царя перемѣнить вѣру, раздѣлить государство и выдать всѣхъ русскихъ дѣвицъ за нѣмцевъ (для избѣжанія такого несчастія астраханцы въ одинъ день повѣнчали у себя сто паръ); но астраханскихъ мятежниковъ довольно легко усмирилъ фельдмаршалъ Шереметевъ (1706 г.). Гораздо опаснѣе было возмущеніе донскихъ казаковъ.

Петръ отправилъ отрядъ войска, что бы отыскивать и возвращать назадъ тяглыхъ людей, которые спасаясь отъ рекрутскихъ наборовъ и новыхъ налоговъ, въ большомъ числѣ бѣжали на Донъ. Шайка голутвенныхъ казаковъ собралась подъ начальствомъ одного изъ старшинъ, Булавина, и нечаяннымъ нападеніемъ истребила русскій отрядъ. Мятежъ быстро разлился по Дону, и Булавинъ, завладѣлъ главнымъ городомъ казаковъ, Черкаскомъ (1708). Но подоспѣвшія царскія войска, нанесли мятежникамъ нѣсколько пораженій. Тогда домовитые казаки отложились отъ Булавина, и онъ съ отчаянія застрѣлился; а одинъ изъ его товарищей, Некрасовъ, ушелъ съ своею шайкою на Кубань, и поддался крымскому хану. Начальникъ царскихъ войскъ, князь Василій Долгорукій, разорилъ до основанія непокорныя станицы, и перевѣшалъ множество бунтовщиковъ. (По рѣкамъ пуще-

ны были плоты съ повѣшенными на нихъ казаками, что навело большой страхъ на весь Донъ).

Лѣтомъ 1708 года Карлъ съ главнымъ войскомъ направилъ путь въ Украйну; на помощь ему изъ Лифляндіи шелъ генералъ Левенгауптъ съ обозомъ военныхъ запасовъ. Петръ лично напалъ на Левенгаупта, разбилъ его при деревнѣ Лѣсной и захватилъ въ свои руки весь непріятельскій обозъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ вѣсть объ измѣнѣ малороссійскаго гетмана. Честолюбивый старикъ уже давно тяготился московскимъ подданствомъ; но искусно скрывалъ свои планы и показывалъ себя вѣрнымъ слугою Петра. Стремясь къ большей самостоятельности и раздѣляя вѣру въ непобѣдимость Карла XII, Мазепа завелъ переговоры съ Станиславомъ Лещинскимъ. Личный врагъ Мазепы генеральный судья Кочубей и полковникъ Искра донесли царю объ измѣнѣ гетмана; но царь былъ слишкомъ увѣренъ въ его преданности, и доносчики, выданные Мазепѣ, подверглись казни. Когда Карлъ вступилъ въ Украйну, гетманъ присталъ къ нему съ отрядомъ казаковъ; но поднять всю Малороссію ему неудалось, и большинство войска осталось вѣрно царю. Генералъ Менщиковъ взялъ приступомъ и разорилъ гетманскую столицу Батуринъ, послѣ чего въ гетманы былъ выбранъ полковникъ Скоропадскій, а Мазепа преданъ церковному проклятію.

Карлъ, обманутый надеждою на казацкую помощь, имѣлъ при себѣ неболѣе 3000 человѣкъ, утомленныхъ битвами и тяжелыми лишеніями; русскія же области, въ которыя они вступили, заранѣе были опустошены царскими генералами. Шведы расположились между Псёломъ и Ворсклою, и осадили Полтаву. На помощь осажденнымъ явился самъ Петръ, и здѣсь 27 іюня 1709 года произошла знаменитая битва. Карлъ, тяжело раненный въ ногу, не могъ въ этотъ рѣшительный день сѣсть на коня и принять личное участіе въ

сраженіи, между тѣмъ какъ Петръ являлся всюду, гдѣ грозила наибольшая опасность. Шведы были разбиты на голову; король съ Мазепою и нѣсколькими сотнями своихъ солдатъ успѣлъ переправиться за Днѣпръ, и бѣжалъ въ Турцію; а остатки шведскаго войска, настигнутые Менщиковымъ, сдались на капитуляцію. Полтавская побѣда имѣетъ важное значеніе въ исторіи сѣверной и восточной Европы: она нанесла сильный ударъ могуществу Швеціи и подняла Россію во мнѣніи европейскихъ державъ. Датскій король и Августъ (снова занявшій польскій престолъ) возобновили союзъ съ Москвою. На берегахъ Балтійскаго моря города одинъ за другимъ стали переходить въ руки Петра; между прочимъ взяты: Рига, Ревель и Выборгъ. Но вскорѣ царь опять былъ отвлеченъ на югъ, потому что Карлъ XII и французскій дворъ успѣли вооружить противъ него турецкаго султана.

Получивъ обѣщаніе помощи отъ господарей Молдавіи и Валахіи и надѣясь возбудить возстаніе между турецкими славянами, Петръ съ сорокатысячнымъ войскомъ неосторожно углубился въ степи и перешелъ границу. На помощь къ нему явился только одинъ молдавскій господарь Кантеміръ. Услыхавъ о приближеніи огромныхъ турецкихъ силъ, царь поспѣшилъ отступить; но на берегахъ Прута былъ окруженъ двухсот-тысячною арміею великаго визиря (въ іюлѣ 1711 г.). Тогда Петръ вошелъ въ переговоры, и, сверхъ ожиданія, великій визирь охотно согласился на миръ. По этому миру туркамъ сдѣланы значительныя уступки, и такъ какъ имъ возвратили Азовъ, то русскіе снова были отрѣзаны отъ Чернаго моря.

Между тѣмъ сѣверная война продолжалась непрерывно. Союзники вытѣснили шведовъ съ южныхъ балтійскихъ береговъ; а на морѣ русскій флотъ одерживалъ верхъ надъ шведскимъ. Но царь скоро разсорился съ своими союзниками,

которые начали подозрѣвать его въ намѣреніи завладѣть Мекленбургскимъ герцогствомъ. Тогда Карлъ XII завязалъ переговоры съ царемъ, соглашаясь на многія уступки; но внезапная смерть короля прекратила эти переговоры (1718 г.), и шведское правительство возобновило войну. Высадки русскихъ войскъ на берега Швеціи, подъ начальствомъ адмирала Апраксина, и страшныя опустошенія, произведенныя ими, заставили наконецъ шведовъ согласиться на миръ, который и былъ заключенъ въ Ништадѣ (30 августа 1721 года). Швеція уступила Россіи: Лифляндію, Эстляндію, Ингрію, часть Кареліи и часть Финляндіи. Петръ великолѣпными пирами и маскерадами праздновалъ этотъ знаменитый миръ. Во время торжества онъ принялъ новый, болѣе громкій титулъ «Всероссійскаго Императора», который вмѣстѣ съ именами «великаго» и «отца отечества» былъ поднесенъ ему сенатомъ и духовенствомъ; народъ же болѣе всего радовался прекращенію двадцатилѣтней, тяжелой войны. Россія купила дорогою цѣною великія пріобрѣтенія, утвержденныя Ништадскимъ миромъ: частые рекрутскіе наборы и большіе налоги сильно истощили государство.

Въ слѣдующемъ году императоръ предпринялъ свой послѣдній походъ, объявивъ войну Персіи за обиды, причиненныя въ Шемахѣ русскимъ купцамъ. Онъ спустился Окою и Волгою въ Каспійское море, взялъ Тарки, Дербентъ, и воротился, оставивъ тамъ русскіе гарнизоны. Договоромъ 1723 года Петръ обѣщалъ шаху Тохмасу помощь противъ персидскихъ мятежниковъ, а шахъ уступилъ Россіи нѣсколько прикаспійскихъ областей (Гилянь, Мазандеранъ и Астрабатъ).

Реформы Петра Великаго. Между реформами Петра весьма важное мѣсто занимаютъ мѣры, относившіяся къ пре-

образованію сословій. Запрещеніе мѣстничества уже довольно сильно поколебало зданіе московской родовой аристократіи. Петръ нанесъ послѣдній ударъ боярской знати, открывъ дорогу къ высшимъ должностямъ людямъ самаго незначительнаго происхожденія и бѣднымъ иностраннымъ выходцамъ. Такимъ образомъ служба и милость государя окончательно были поставлены выше знатнаго происхожденія. Своею «табелью о рангахъ» (1722 г.) Петръ раздѣлилъ все служащее сословіе, по образцу нѣмецкаго, на степени или «классы» (числомъ 14); каждому классу соотвѣтствовалъ извѣстный чинъ военный и гражданскій. Въ тоже время учрежденіемъ нѣкоторыхъ орденовъ (Андрея Первозваннагѡ и св. Екатерины) введены знаки отличія за усердную или продолжительную службу. Этими мѣрами положено было начало чиновничьей іерархіи *(бюрократіи)* въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ до сихъ поръ въ Россіи. Чиновные классы наполнялись преимущественно людьми изъ помѣщичьяго или прежняго служилаго сословія, которое получило теперь общее названіе *дворянства.* Петръ сравнялъ помѣстья съ вотчинами, но за то подтвердилъ обязанность всѣхъ дворянъ служить до самой смерти; воевода каждой провинціи долженъ былъ собирать дворянскихъ сыновей отъ 10 до 13 лѣтъ и записывать ихъ въ военную службу, а неспособныхъ къ ней опредѣлять въ гражданскую.

Преобразуя древнюю родовую знать въ чиновничью, Петръ въ тоже время попытался прекратить постоянное раздробленіе вотчинъ и создать въ Россіи поземельную аристократію, по образцу англійской. Съ такою цѣлью онъ издалъ указъ о майоратѣ (1714 г.); по этому указу все недвижимое имущество должно было переходить къ старшему сыну или къ тому, котораго изберетъ отецъ, и родовыя земли немогли быть проданы въ чужія руки. Но подобная мѣра совершенно несоотвѣтствовала

русскимъ обычаямъ и понятіямъ о наслѣдствѣ (по которымъ всѣ дѣти имѣли право на равныя части); а потому она послужила источникомъ зависти и разныхъ хитростей, породила многіе безпорядки и судебные процессы. Напримѣръ, родители, принужденные передать землю одному сыну, другому отдавали деньги, скотъ, хлѣбъ, земледѣльческія орудія, и отъ такого раздѣла сельское хозяйство приходило въ разстройство.

Посадскіе люди раздѣлены были Петромъ на три разряда; первые два, подъ названіемъ «гильдій», состояли изъ купцовъ и разныхъ мастеровъ; а къ третьему отнесена бѣднѣйшая часть городскихъ жителей. Въ сельскомъ населеніи образовались еще два особые разряда: *половники* или немногіе крестьяне удержавшіе право перехода, и *однодворцы* или обѣднѣвшіе служилые люди, которые на равнѣ съ крестьянами должны были платить поголовную подать, но сохраняли право владѣть крѣпостными людьми.

Замѣна прежней поземельной подати *подушнымъ* (или поголовнымъ) окладомъ повела за собою первую *ревизію* податнаго сословія (1719 г.). Въ этой ревизіи помѣщичьи крестьяне были смѣшаны съ кабальными холопами; тѣ и другіе обложены одинаковыми податями и рекрутскою повинностью, за исправность которыхъ передъ правительствомъ отвѣчали землевладѣльцы. Послѣдняя мѣра окончательно уничтожила личную свободу крестьянъ и закрѣпила ихъ за помѣщиками *.

Административныя мѣры Петра направлены были на введеніе болѣе опредѣленныхъ и однообразныхъ формъ управле-

* Одинъ изъ указовъ Петра (1721 г.) замѣчателенъ слѣдующими словами (которыя обнаруживаютъ нерѣшительную попытку облегчить положеніе крестьянскаго сословія): «Продажу людей пресѣчь; а если нельзя уже совсѣмъ, то продавать цѣлыми семьями, а не порознь, какъ скотъ, чего во всемъ свѣтѣ недѣлается».

нія (въ чемъ онъ слѣдовалъ системѣ французской централизаціи, которую тогда брали за образецъ нѣмецкія державы). Такъ, вмѣсто прежняго областнаго дѣленія, сложившагося въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и потому довольно запутаннаго, онъ раздѣлилъ Россію на 12 губерній, которыя въ свою очередь подраздѣлялись на провинціи; во главѣ первыхъ были поставлены губернаторы или генералъ-губернаторы, вторые поручались воеводамъ. Подчиненные имъ мѣстные начальники носили иностранныя названія: ландрихтеровъ, коммендантовъ, ландратовъ, коммиссаровъ и пр. Въ 1711 году учрежденъ былъ *сенатъ*, какъ высшее правительственное и судебное мѣсто въ государствѣ. Здѣсь дѣла рѣшались не иначе, какъ единогласнымъ приговоромъ всѣхъ членовъ и при утвержденіи этого приговора генералъ-прокуроромъ сената. Далѣе, московскіе приказы Петръ преобразовалъ въ *коллегіи*, устроенныя по датскимъ и шведскимъ образцамъ и подчиненныя сенату; въ нихъ дѣла рѣшались членами по большинству голосовъ *. Учрежденіе «надворныхъ судовъ» въ важнѣйшихъ городахъ указываетъ на попытку отдѣлить судебную часть отъ вѣдомства областныхъ правителей. Точно также Петръ сдѣлалъ попытку освободить торговыхъ и промышленныхъ людей отъ вѣдомства воеводъ учрежденіемъ «бурмистровъ», которые выбирались горожанами изъ своей среды и составляли «ратушу» (1699 г.); потомъ въ главныхъ городахъ учреждены были «магистраты», также изъ выборныхъ людей. Но эти земскія учрежденія не имѣли самостоятельности и обязаны были наблюдать собственно за исполненіемъ казенныхъ повин-

* Коллегіи были слѣдующія: иностранныхъ дѣлъ, военная, адмиралтейская, вотчинная, юстицъ, мануфактуръ, бергъ, коммерцъ, каммеръ и штатсъ-коллегіи (послѣднія двѣ финансовыя).

ностей. Вообще управленіе со временъ Петра, по большему количеству инстанцій, сдѣлалось довольно сложно, и письменное дѣлопроизводство получило сильное развитіе *. Въ городахъ и уѣздахъ Петръ положилъ начало *полицейскому* управленію, которое должно было заботиться объ общественномъ порядкѣ и безопасности.

Относительно церковной іерархіи важною мѣрою Петра было отмѣненіе патріаршества. Когда умеръ патріархъ Адріанъ (1700 г.), приверженецъ старины и противникъ нововведеній, царь неназначилъ ему преемника; а дѣла, подлежавшія вѣдомству патріарха, поручилъ рязанскому митрополиту Стефану Яворскому, назвавъ его «блюстителемъ патріаршаго престола». Въ послѣдствіи для управленія церковными дѣлами учреждена была коллегія изъ высшихъ духовныхъ лицъ подъ именемъ *святѣйшаго синода* (1721 г.). Первымъ президентомъ синода былъ тотъ же Стефанъ Яворскій, одинъ изъ лучшихъ духовныхъ писателей своего времени; изъ его сочиненій особенно извѣстно «Камень вѣры», направленное противъ протестантскихъ мнѣній, которыя тогда начали распространяться въ Москвѣ. Между духовными лицами самымъ усерднымъ защитникомъ реформы былъ псковскій архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, извѣстный своимъ честолюбіемъ и краснорѣчивыми проповѣдями; онъ по порученію Петра написалъ духовный уставъ или «регламентъ» для синода. Этимъ уставомъ предписывалось каждому епископу имѣть при себѣ школу для приготовленія священниковъ, а безграмотныхъ сы-

---

* Напримѣръ, по указамъ 1714 года истецъ долженъ былъ начинать дѣло съ вице-комменданта, переходить къ комменданту или оберъ-комменданту; затѣмъ идти къ ландрихтеру, отъ него къ вице-губернатору, потомъ къ губернатору или генералъ-губернатору и наконецъ уже обращаться къ сенату и къ государю. Указомъ же 1700 года подъ страхомъ казни запрещено было утруждать государя жалобами по мимо низшихъ инстанцій.

новей церковнослужителей велѣно брать въ солдаты; поступленіе въ монашество и прежняя свобода монаховъ въ образѣ жизни значительно стѣснены. Всѣмъ православнымъ приказано было посѣщать богослуженіе въ праздничные дни; за неисполненіе этого приказа назначался штрафъ. Иностранцамъ предоставлена почти полная свобода въ отправленіи богослуженія; строгія же мѣры противъ раскольниковъ были усилены. Раскольники въ то время болѣе всѣхъ роптали на Петра за его нововведенія, и уподобляли его, такъ же какъ и Никона, антихрісту. Изъ духовныхъ писателей съ расколомъ особенно боролся св. Димитрій, митрополитъ ростовскій, который въ своемъ сочиненіи «Розыскъ о раскольничьей Брынской вѣрѣ» описалъ существовавшія тогда раскольничьи секты.

Посреди важныхъ государственныхъ заботъ и безпрерывныхъ военныхъ предпріятій, Петръ находилъ время обращать вниманіе на мельчайшія подробности народнаго хозяйства. Такъ, онъ далъ право по всюду искать руду и разработывать ее съ уплатою извѣстнаго процента землевладѣльцу, приказалъ снимать хлѣбъ косами вмѣсто серповъ; посылалъ за границу многихъ русскихъ людей учиться разнымъ ремесламъ, и пр. Мануфактурная промышленность, дотолѣ едва существовавшая въ Россіи, была создана дѣятельностію Петра; при немъ основано болѣе 200 фабрикъ и заводовъ. Для облегченія торговаго движенія внутри государства онъ обратилъ вниманіе на пути сообщенія; проведено было нѣсколько сухопутныхъ дорогъ; а устройствомъ каналовъ Ладожскаго и Вышневолоцкаго Петербургъ — съ 1713 года столица государства — соединенъ съ волжскимъ водянымъ путемъ, по которому доставлялся хлѣбъ изъ низовыхъ областей *.

---

* Основаніе столицы въ болотистой и пустынной мѣстности, отдаленной отъ средины государства, стоило огромныхъ усилій и пожертвованій. Для

Главнымъ предметомъ попеченій для Петра служили армія и флотъ, на которыхъ было основано внѣшнее значеніе государства. Съ устройствомъ регулярнаго войска введена болѣе точная и постоянная система рекрутскихъ наборовъ: всѣ крестьяне и податные сословія должны были выставлять по одному рекруту съ извѣстнаго числа ревижскихъ душъ; только торговые люди могли откупаться деньгами отъ рекрутской повинности. Дворянство доставляло для арміи офицеровъ; молодые же дворяне обыкновенно начинали свою службу рядовыми въ гвардіи, куда выбирались лучшіе солдаты изъ армейскихъ полковъ. Все внѣшнее устройство сухопутнаго войска было основано на нѣмецкихъ образцахъ, и военные люди одѣты въ нѣмецкій мундиръ; а флотъ снаряженъ преимущественно по образцу голландскому. Хотя русскій простолюдинъ издавна отличался терпѣніемъ и былъ закаленъ въ физическихъ лишеніяхъ, однако нѣмецкая военная школа съ ея строгою дисциплиною и мелочною выправкою многимъ показалась весьма тяжела; побѣги изъ полковъ сдѣлались довольно часты, а вмѣстѣ съ ними увеличилось число разбойничьихъ шаекъ.

Заботы Петра о народномъ образованіи ограничивались духовнымъ и дворянскимъ сословіемъ; для перваго заведены были училища въ каждой эпархіи; для втораго велено открыть элементарныя школы въ провинціяхъ, куда учителями посылались воспитанники московскихъ математическихъ школъ, и

постройки города ежегодно, въ теченіе многихъ лѣтъ, изъ дальнихъ областей вызывали по 40,000 работниковъ, которыхъ значительная часть погибала въ Петербургѣ отъ трудовъ и болѣзней; царь иногда останавливалъ каменныя работы во всемъ государствѣ, приказывая высылать всѣхъ каменьщиковъ на берега Невы; нѣсколько разъ вода затопляла городъ, и надобно было поднимать почву насыпями. Но Петръ въ этомъ случаѣ не жалѣлъ никакихъ расходовъ и непреклонно шелъ къ своей цѣли.

дворянинъ неимѣлъ право жениться до тѣхъ поръ, пока невыучился грамотѣ. Кромѣ того основано было нѣсколько специальныхъ училищъ, каковы: морское, инженерное и школа для подъячихъ; въ тоже время начались переводы учебныхъ книгъ по артиллеріи, фортификаціи, исторіи и др. По мысли знаменитаго германскаго ученаго Лейбница, государь задумалъ учредить академію наукъ и пригласить для нея ученыхъ нѣмцевъ съ тѣмъ, чтобъ они приготовляли русскихъ учителей. Но академія была открыта уже послѣ Петра его преемницею.

Петръ неоставилъ безъ вниманія и самый семейный бытъ народа. Такъ онъ вооружался противъ затворничества женщинъ и старался о развитіи общественной жизни. Съ этою цѣлью въ столицѣ заведены *ассамблеи*, которыя состояли въ томъ, что вельможи и другіе зажиточные люди должны были зимой, въ назначенные дни, принимать у себя гостей обоего пола, званыхъ и незваныхъ *. Чтобы женихъ и невѣста имѣли время познакомиться другъ съ другомъ, Петръ опредѣлилъ между обрученіемъ и свадьбою шестинедѣльный срокъ, въ продолженіе котораго бракъ могъ разстроиться.

Преобразованія Петра были направлены преимущественно на усвоеніе внѣшнихъ формъ европейской образованности.

---

* Берхгольцъ, каммеръ-юнкеръ голштинскаго герцога, живя нѣсколько лѣтъ въ Россіи велъ дневникъ (съ 1721 по 1725 г.), который превосходно знакомитъ насъ съ обычаями того времени. Описывая ассамблеи, онъ въ заключеніе говоритъ: «Но вотъ что мнѣ ненравится въ этихъ ассамблеяхъ: во-первыхъ, въ танцовальной комнатѣ, гдѣ присутствуютъ дамы, мущины курятъ табакъ и играютъ въ шашки, отъ чего бываютъ непріятный запахъ и неумѣстная стукотня; во вторыхъ, дамы всегда сидятъ отдѣльно отъ мущинъ, такъ что съ ними нельзя разговаривать; когда не танцуютъ, всѣ сидятъ какъ нѣмые и только смотрятъ другъ на друга». Ясно, что отчужденіе женщинъ отъ мужскаго общества и грубость послѣдняго не могли еще уничтожиться такъ скоро.

Переноси иноземныя учрежденія на русскую почву, онъ не-всегда сообразовался при этомъ съ естественными условіями своего государства и съ характеромъ своего народа. Законодательство въ его время окончательно пріобрѣло форму «указовъ», которые быстро слѣдовали одинъ за другимъ и сопровождались обыкновенно энергическими мѣрами; но и самые благонамѣренные изъ нихъ, не опираясь на общественную нравственность, скоро теряли свою силу вслѣдствіе чиновничьихъ злоупотребленій *. Нѣкоторыя изъ учрежденій Преобразователя поэтому оказались непрочными, и уступили мѣсто старымъ обычаямъ. Самая же видная сторона его неутомимой дѣятельности заключается въ томъ, что онъ успѣлъ поднять Россію на степень внѣшняго могущества и облегчилъ для нея дальнѣйшее сближеніе съ Западною Европою.

Сотрудники Петра и дѣла семейныя. Петръ отличался особеннымъ умѣньемъ находить для своихъ плановъ способныхъ исполнителей. Первое мѣсто между государственными людьми, его окружавшими, принадлежитъ князю Менщикову. Родомъ изъ простолюдиновъ, онъ возвысился, благодаря покровительству Лефорта, и по смерти своего благодѣтеля сдѣлался самымъ приближеннымъ лицемъ къ государю. Но Менщиковъ неполучилъ почти никакого образованія и съ

---

* Современникъ Петра, торговый человѣкъ Посошковъ, написавшій сочиненіе «О скудости и богатствѣ», такими словами жалуется на отсутствіе правосудія и притѣсненія простому народу: «У насъ вѣра святая, благочестивая, а судебная расправа никуда негодится и указы императорскіе ни во что обращаются; всякій дѣлаетъ по своему обычаю; крестьяне оставляютъ свои домы и бѣгутъ отъ неправды. Пока у насъ въ Россіи неустроится настоящее правосудіе, мы никогда не будемъ богаты и доброй славы себѣ не-наживемъ».

большими талантами соединялъ чрезвычайный эгоизмъ; онъ готовъ былъ все приносить въ жертву своему честолюбію или корыстолюбію. Не разъ уличенный въ лихоимствѣ, Менщиковъ только милостью государя спасался отъ заслуженнаго наказанія. Далѣе замѣчательны: умный, образованный фельдмаршалъ Шереметевъ, храбрый и великодушный князь Михаилъ Голицынъ и графъ Брюсъ, извѣстный своею ученостію; эти три лица честнымъ и прямымъ характеромъ своимъ рѣзко выдавались изъ среды государственныхъ дѣятелей, которые въ то время вообще неотличались нравственными достоинствами. На дипломатическомъ поприщѣ прославились: баронъ Шафировъ, врагъ Менщикова и подобно ему возвышенный изъ низкаго состоянія, и баронъ Остерманъ, сынъ одного нѣмецкаго пастора, знаменитый своимъ тонкимъ, проницательнымъ умомъ и искуснымъ лицемѣріемъ (онъ вмѣстѣ съ Брюсомъ заключилъ Ништадскій миръ). Въ царствованіе Петра началъ свою службу другой даровитый иностранецъ, также какъ и Остерманъ игравшій впослѣдствіи весьма важную роль, — это Минихъ; будучи отличнымъ инженеромъ, онъ заслужилъ благосклонность государя своими работами по Ладожскому каналу.

Что касается до семейныхъ дѣлъ, то въ этомъ отношеніи Петръ не всегда былъ счастливъ. Первая его супруга Евдокія Ѳедоровна, изъ рода Лопухиныхъ, приверженная къ старымъ обычаямъ, была заключена въ суздальскій Покровскій монастырь (1699 г.). Петръ вступилъ во второй бракъ съ простою ливонскою плѣнницею Мартою (въ православіи Екатерина), которая понравилась ему красотою, умомъ и живостію своего характера. Сынъ его отъ перваго брака, Алексѣй Петровичъ, долженъ былъ послѣ отца наслѣдовать русскій престолъ; но царевичъ этотъ имѣлъ весьма печальную судьбу.

Петръ, постоянно отвлекаемый походами и путешествіями, сначала необратилъ надлежащаго вниманія на воспитаніе своего наслѣдника; Алексѣй до девятилѣтняго возраста оставался на рукахъ матери, и росъ, окруженный людьми, которые съ ненавистью смотрѣли на петровскія нововведенія. Царь наконецъ замѣтилъ въ своемъ сынѣ сочувствіе къ старинѣ и отвращеніе къ безпокойной военной дѣятельности. Отецъ сильно огорчался, прибѣгалъ къ строгимъ мѣрамъ, даже къ побоямъ, чтобъ измѣнить характеръ Алексѣя; грозилъ лишить его наслѣдства; но подобныя мѣры только ожесточали сердце юноши. (Ихъ взаимному нерасположенію немало способствовали приближенные царя, особенно Меншиковъ). По желанію Петра, царевичъ вступилъ въ бракъ съ некрасивою Софьею Шарлотою, принцессою Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскою; этотъ бракъ былъ несчастливъ, и Софья вскорѣ умерла, оставивъ маленькаго сына Петра Алексѣевича. Тогда государь потребовалъ отъ Алексѣя, чтобъ онъ постригся въ монахи, если нехочетъ совершенно измѣнить свой характеръ и поведеніе. Царевичъ изъявилъ согласіе на постриженіе; но вслѣдъ за тѣмъ, пользуясь пребываніемъ Петра за границею, бѣжалъ изъ Россіи вмѣстѣ съ любимою имъ дѣвушкою Евфросиньею (простою финляндкою). Онъ нашелъ покровительство и убѣжище у германскаго императора Карла VI, который отправилъ его въ одинъ уединенный тирольскій замокъ, откуда перевелъ потомъ въ Неаполь (1717 г.). Однако тайный совѣтникъ Толстой и капитанъ гвардіи Румянцевъ, по порученію Петра, скоро открыли убѣжище царевича.

Отецъ хотѣлъ во чтобы то ни стало получить непокорнаго сына въ свои руки, грозилъ даже войною императору; но хитрый Толстой уладилъ это дѣло довольно легко. Онъ привлекъ на свою сторону Евфросинью, и при ея помощи уговорилъ царевича воротиться въ отечество, обѣщая ему отъ имени государя полное прощеніе. Едва Алексѣй пріѣ-

халъ въ Россію, какъ его заключили подъ стражу и подвергли розыску; въ тоже время арестованы лица, помогавшія бѣгству царевича и находившіяся въ тайныхъ сношеніяхъ съ его матерью, (которая нехотѣла помириться съ монастырскимъ заключеніемъ и продолжала называть себя царицею). Употреблены были страшныя пытки, чтобы вполнѣ раскрыть замыслы царевича и его партіи, питавшей надежду на возвращеніе стараго порядка. За пытками послѣдовали многочисленныя казни свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ это дѣло (ростовскій архіепископъ Досифей, генералъ Глѣбовъ, Кикинъ и др.). Судъ, составленный изъ высшихъ сановниковъ государства приговорилъ къ смертной казни и Алексѣя Петровича; но приговоръ не былъ публично приведенъ въ исполненіе, и несчастный царевичъ умеръ въ темницѣ (1718 г.). Дѣло царевича показываетъ, что жестокость нравовъ, наслѣдованная отъ Московскаго періода, господствовала на Руси еще въ полной силѣ въ началѣ XVIII вѣка.

Послѣ смерти сына Петръ издалъ указъ о томъ, что русскій государь можетъ назначать наслѣдника престола по своему выбору, а также и отрѣшать его отъ наслѣдства; но самъ онъ сошелъ въ могилу, неуспѣвъ назначить себѣ преемника. Тяжелые труды, соединенные съ неумѣреннымъ образомъ жизни, разстроили крѣпкое здоровье императора. Въ началѣ 1725 года Петръ простудился на обрядѣ водоосвященія, и слегъ въ постель; а 28 января онъ уже скончался.

II. ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ ОТЪ СМЕРТИ ПЕТРА I ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ АЛЕКСАНДРА II.

1725—1855.

Петръ I оставилъ послѣ себя семейство, состоявшее, главнымъ образомъ, изъ супруги его Екатерины, двухъ дочерей, Анны и Елизаветы, и малолѣтнаго внука Петра Алексѣевича. Дворъ раздѣлился на двѣ партіи: вельможи, принадлежавшіе къ старымъ боярскимъ фамиліямъ, хотѣли возвести на престолъ царевича Петра; но русскіе люди, возвысившіеся личными заслугами, и иностранцы взяли сторону Екатерины. Въ пользу ея особенно усердно дѣйствовали Менщиковъ, архіепископъ новгородскій Ѳеоѳанъ Прокоповичъ и голштинскій министръ графъ Бассевичъ (находившійся при русскомъ дворѣ вмѣстѣ съ голштинскимъ герцогомъ, женихомъ Анны Петровны). Вопросъ о преемникѣ былъ рѣшенъ при помощи гвардіи: Менщиковъ успѣлъ склонить ее на свою сторону, и провозгласилъ императрицею Екатерину.

ЕКАТЕРИНА I И ПЕТРЪ II 1725—1730.

Менщиковъ и Долгорукіе. Екатерина по смерти супруга жила только два года и преемникомъ своимъ назначила Петра Алексѣевича. Главное мѣсто въ исторіи этихъ двухъ царствованій занимаютъ многочисленныя придворныя интриги и борьба лицъ, старавшихся присвоить себѣ вліяніе на государственныя дѣла. Сначала самымъ большимъ значеніемъ при дворѣ пользовался князь Менщиковъ; императрица даже объявила его дочь невѣстою наслѣдника престола. Гордость и

дурной характеръ князя вооружили противъ него многихъ вельможъ; но попытка ихъ свергнуть временщика при жизни Екатерины окончилась неудачею, и нѣкоторые изъ его враговъ поплатились ссылкою въ Сибирь.

Со вступленіемъ на престолъ двѣнадцатилѣтняго Петра II (1727 г.) Менщиковъ окончательно забралъ въ свои руки управленіе государствомъ. Но гордый, неуступчивый правитель скоро возстановилъ противъ себя молодаго императора. Тогда князья Долгорукіе интригами своими успѣли наконецъ низвергнуть Менщикова *, и овладѣть довѣріемъ государя. Дворъ переѣхалъ въ Москву, и здѣсь императоръ отдался праздному образу жизни, посвященному разнымъ забавамъ, преимущественно охотѣ; а между тѣмъ государственныя дѣла пришли въ сильное разстройство. Долгорукіе устроили обрученіе императора съ сестрою его любимца, князя Ивана; но вслѣдъ за тѣмъ Петръ II скончался отъ оспы (въ началѣ 1730 года).

Изъ правительственныхъ распоряженій въ эти два царствованія замѣчательны: во первыхъ, учрежденіе Верховнаго тайнаго совѣта, который Екатерина составила изъ главныхъ сановниковъ государства; послѣ чего сенатъ потерялъ свое первенствующее значеніе. Во вторыхъ, большое число чиновниковъ и канцелярій найдено было обременительнымъ для народа; поэтому многія канцеляріи въ губерніяхъ (и

---

* Главнымъ виновникомъ этого дѣла былъ князь Иванъ Долгорукій, любимецъ Петра II и товарищъ его дѣтскихъ игръ. Долгорукому помогалъ хитрый Остерманъ, назначенный воспитателемъ императора. Они воспользовались болѣзнію правителя, и такъ настроили Петра, что Менщиковъ послѣ выздоровленія вдругъ былъ арестованъ и отправленъ съ семействомъ на житье въ Раненбургъ (городъ Рязан. губ.). Отсюда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, его перевели въ Березовъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1729 г.

между прочимъ надворные суды) въ царствованіе Екатерины уничтожены; почти вся административная и судебная власть сосредоточилась въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ, чѣмъ была ослаблена коллегіальная система Петра I. Относительно Малороссіи правительство на время отступило отъ политики покойнаго императора, который по смерти гетмана Скоропадскаго (1722 г.) не позволилъ избрать ему преемника и поручилъ управленіе дѣлами Малороссійской коллегіи. Въ царствованіе Петра II гетманомъ избрали миргородскаго полковника Апостола; власть его однако была сильно ограничена присутствіемъ императорскихъ чиновниковъ.

Что касается до внѣшней политики, то оба царствованія отличались мирнымъ характеромъ. Впрочемъ этотъ миръ едва не былъ нарушенъ Екатериною, которая хотѣла защищать права своего зятя, голштинскаго герцога, въ его спорѣ съ датскимъ королемъ; но смерть императрицы остановила приготовленія къ войнѣ.

АННА ІОАННОВНА 1730—1740.

Замыслы Верховнаго совѣта и времена Бирона. Со смертію Петра II прекратилось мужеское потомство въ домѣ Романовыхъ. Этимъ обстоятельствомъ хотѣли воспользоваться члены Верховнаго тайнаго совѣта, чтобы ограничить императорское самодержавіе. Ближайшими наслѣдниками престола были: дочь Петра I Елизавета и малолѣтный внукъ его, сынъ Анны Петровны герцогини голштинской. Но «верховники» помимо ихъ обратились къ племянницѣ Петра I Аннѣ Іоанновнѣ, вдовствующей герцогинѣ Курляндской (дочь царя Іоанна Алексѣевича); они предложили ей корону на условіяхъ, въ силу которыхъ всѣ важнѣйшія государствен-

ныя дѣла должны быть рѣшаемы неиначе какъ съ согласія Верховнаго совѣта *. Анна подтвердила условія и прибыла изъ Митавы въ Москву. Между тѣмъ сенатъ, синодъ и большинство дворянъ съ неудовольствіемъ встрѣтили попытку вельможъ захватить всю власть въ свои руки. Многочисленная депутація отъ дворянства и войска, имѣя во главѣ князей Черкасскаго и Трубецкаго, явилась во дворецъ и подала императрицѣ просьбу о принятіи неограниченной власти. Тогда Анна разорвала условія, предписанныя ей совѣтомъ, и короновалась самодержавною императрицею.

Въ царствованіе Анны старые русскіе вельможи должны были уступить свое мѣсто нѣмецкой партіи, представителями которой являются Биронъ, Минихъ и Остерманъ. Биронъ, красивый, ловкій и честолюбивый курляндецъ, получивъ мѣсто при дворѣ своей герцогини, скоро началъ пользоваться ея неограниченнымъ довѣріемъ. Вслѣдъ за Анною онъ пріѣхалъ въ Россію, и, спустя нѣсколько времени, сталъ во главѣ управленія. Управленіе это отличалось весьма жестокимъ характеромъ, и время его считается одною изъ самыхъ бѣдственныхъ эпохъ въ Русской исторіи. Особенно замѣчательна жестокость, съ которою по распоряженію Бирона собирались недоимки государственныхъ податей за прежніе годы: по областямъ разосланы были военныя команды, у крестьянъ отбирали скотъ и все имущество, помѣщиковъ и старостъ сажали въ тюрьму. Слѣдствіемъ такихъ мѣръ былъ всеобщій ропотъ, противъ котораго Биронъ употреблялъ систему доно-

* Предложеніе это подписали: канцлеръ Головкинъ, два князя Голицына и четверо Долгорукихъ (двѣ послѣднія фамиліи явно стремились тогда къ олигархіи); но дальновидный вице-канцлеръ Остерманъ, ненадѣясь на успѣхъ дѣла, притворился больнымъ, чтобы неучаствовать въ засѣданіяхъ совѣта, и подъ разными предлогами уклонился отъ подписи условій, ограничивающихъ самодержавіе.

совъ; шпіоны его разсѣялись по всему государству; безпрерывно раздавалось грозное «слово и дѣло», за которымъ слѣдовали пытки, казни и ссылки *. Правитель умѣлъ окружить императрицу людьми ему преданными, такъ что жалобы народа не могли достигать до ея слуха, и она была увѣрена въ благоденствіи своихъ подданныхъ. Партія старыхъ русскихъ вельможъ подверглась преслѣдованію, особенно пострадала фамилія князей Долгорукихъ (двое изъ нихъ были казнены, въ томъ числѣ и князь Иванъ, любимецъ Петра II). Нѣсколько архіереевъ лишены своего сана (напр. тверской архіепископъ Ѳеоѳилактъ Лопатинскій, который написалъ сочиненіе о «лютеранской и кальвинской ереси» и вооружилъ противъ себя хитраго Ѳеоѳана Прокоповича); священники, позабывшіе отслужить молебенъ въ царскіе дни, были разстригаемы, биты кнутомъ и ссылаемы въ Сибирь. Кабинетъ-министръ Артемій Волынскій, человѣкъ даровитый, но гордый и безнравственный, поплатился головою за попытку вступить въ борьбу съ нѣмецкою партіею. Самыя забавы того времени, напримѣръ обиліе шутовъ въ домахъ знатныхъ людей, еще болѣе усиливаютъ мрачный характеръ эпохи *.

---

* Кто хотѣлъ донести о важномъ государственномъ дѣлѣ, произносилъ. слово и дѣло! Его и тѣхъ людей, которыхъ онъ оговаривалъ, немедленно брали въ Тайную розыскную канцелярію для допросовъ.

* Замѣчательны особенно маскерадъ и свадьба одного придворнаго шута, устроенные зимою 1740 года для развлеченія скучающей императрицы. На этотъ маскерадъ съ разныхъ концовъ Россіи вызваны были инородцы въ своихъ національныхъ костюмахъ; а для новобрачныхъ выстроенъ ледяной домъ со всѣми принадлежностями, сдѣланными также изо льда. Поздравительные стихи для нихъ поручено было сочинить секретарю академіи наукъ и «придворному поэту» Тредьяковскому, который извѣстенъ въ исторіи русской литературы какъ неутомимый труженикъ науки, но бездарный, жалкій стихотворецъ. Его роль придворнаго поэта неотличалась отъ роли шута; какъ безцеремонно знатные люди обходились въ то время съ незнатными писате-

Пороки современнаго высшаго общества, въ особенности его лѣнь и мелочное тщеславіе, яркими красками изображены въ сатирахъ князя Антіоха Кантеміра, горячаго поборника петровскихъ реформъ.

Дѣла внутреннія и внѣшнія. Изъ правительственныхъ распоряженій Анны замѣчательны слѣдующія: Верховный тайный совѣтъ уничтоженъ; на мѣсто его учрежденъ «Кабинетъ», члены котораго назывались кабинетъ-министрами. Далѣе, отмѣненъ былъ ненавистный дворянству майоратъ и облегчена обязанность дворянской или «шляхетской» службы. Прежде дворяне служили въ войскѣ неопредѣленное время; только раны, болѣзнь или глубокая старость давали имъ право на отставку; Анна положила для нихъ срокомъ службы 25 лѣтъ. Русское войско содержалось въ замѣчательномъ порядкѣ, благодаря особенно дѣятельности Миниха, который завелъ строжайшую дисциплину; по его предложенію учрежденъ въ Петербургѣ кадетскій корпусъ для воспитанія нѣсколькихъ сотъ дворянскихъ дѣтей, и русскіе офицеры уравнены въ жалованьѣ съ иностранцами, состоявшими въ русской службѣ. Гвардія увеличилась двумя полками (измайловскимъ и коннымъ). Вообще внѣшнимъ порядкомъ и безостановочнымъ теченіемъ дѣлъ правленіе Анны превосходитъ царствованія предыдущее и послѣдующее.

Анна Іоанновна возвратила Персіи провинціи, завоеванныя Петромъ, которыя мало приносили намъ пользы, а между тѣмъ стоили большихъ издержекъ. По смерти Августа II (1733 г.) русское правительство вмѣшалось въ дѣло о нас-

---

лями и учеными, показываютъ отчасти жестокіе побои, которые публично нанесъ Тредьяковскому во время приготовленій къ маскераду кабинетъ-министръ Волынскій, распорядитель этого комическаго праздника.

лѣдствѣ польскаго престола, и поддерживало саксонскаго курфирста Августа III противъ его соперника, короля Станислава Лещинскаго, которому помогали французы. Русское войско подъ начальствомъ Ласси осадило Данцигъ, гдѣ заперся Лещинскій; Минихъ, смѣнившій Ласси, взялъ городъ; король спасся бѣгствомъ, и Августъ III утвержденъ на польскомъ престолѣ. Потомъ въ союзѣ съ Австріей Россія открыла войну противъ Турціи. Въ этой войнѣ отличились тѣже иностранцы Ласси и Минихъ: первый взялъ Азовъ и проникъ въ восточную часть Крыма; а второй взялъ Перекопъ, Очаковъ и одержалъ блистательную побѣду надъ Турками при Ставучанахъ (въ Молдавіи). Но австрійцы слабо поддерживали своихъ союзниковъ; потерпѣвъ нѣсколько пораженій, они вступили въ переговоры съ Портою при посредничествѣ французскаго посла въ Константинополѣ. Биронъ также принялъ посредничество французовъ, и миръ, заключенный въ Бѣлградѣ (1739 г.), прекраталъ подвиги Миниха. Россія непріобрѣла почти ни какихъ выгодъ, и ограничилась славою своихъ побѣдъ, которыя обошлись весьма дорого, потому что походы по южнымъ степямъ были очень трудны и сопровождались большею потерею людей.

Анна Іоанновна желала упрочить русскій престолъ за потомствомъ своего отца. Она выдала племянницу свою мекленбургскую принцессу Анну Леопольдовну за Антона Ульриха, принца брауншвейгскаго, и, когда отъ этого брака родился сынъ Іоаннъ, назначила его наслѣдникомъ престола (въ сентябрѣ 1740 г.). Императрица въ то время страдала тяжкою болѣзнію и очевидно приближалась къ смерти. Биронъ, уже выбранный (при помощи русскихъ штыковъ) герцогомъ курляндскимъ, началъ хлопотать о регенствѣ. По его желанію кабинетъ-министры и нѣсколько другихъ знатныхъ лицъ подали императрицѣ просьбу о томъ, чтобъ она назна-

чила Бирона правителемъ государства до совершеннолѣтія наслѣдника. Послѣ нѣкотораго колебанія умирающая Анна Іоанновна согласилась на эту просьбу *.

IОАННЪ VI 1740 — 1741.

Свержевіе Бирона и правленіе Анны Леопольдовны. Регенство Бирона продолжалось только три недѣли. Соперникъ его честолюбивый, энергическій фельдмаршалъ Минихъ предложилъ матери императора свои услуги для сверженія регента и получилъ ея согласіе. Однажды ночью онъ отправился къ лѣтнему дворцу въ сопровожденіи 80 гренадеръ, и арестовалъ герцога; Анна Леопольдовна была объявлена правительницею, а Бирона сослали въ Пелымъ. Но Минихъ обманулся въ надеждѣ играть главную роль въ имперіи. Правительница подчинилась вліянію саксонскаго посланника графа Линара, и недовѣряла Миниху, опасаясь его честолюбивыхъ замысловъ: фельдмаршалъ вышелъ въ отставку. Такимъ же недовѣріемъ она отдалила отъ себя и другую свою опору — графа Остермана.

Безпечностію правительницы воспользовалась Елизавета Петровна. Приверженцы Елизаветы постарались расположить въ ея пользу нижніе гвардейскіе чины (съ помощію французскаго золота); особенною ловкостію отличился при этомъ докторъ ея Лестокъ. Онъ уговорилъ Елизавету дѣйствовать рѣшительно: однажды ночью (въ ноябрѣ 1741 г.)

---

* Когда императрица подписала бумагу о регенствѣ, Биронъ былъ въ восторгѣ. Герцогъ благодарилъ собравшихся у него министровъ за ихъ усердіе къ отечеству, и, увлекшись потокомъ краснорѣчія, произнесъ извѣстную своимъ безсмысліемъ фразу: «Господа, вы поступили какъ Римляне!»

она явилась въ казармы Преображенскаго полка и обратилась съ рѣчью къ солдатамъ; 300 человѣкъ послѣдовали за нею. Семейство правительницы было немедленно арестовано, и Елизавета провозглашена императрицею. Маленькаго Іоанна Антоновича заключили въ Шлюссельбургскую крѣпость; а мать его съ мужемъ и другими дѣтьми отправлена на житье въ Холмогоры. Минихъ, Остерманъ, Головкинъ и нѣкоторые другіе вельможи, устранявшіе отъ престола Елизавету, преданы суду и приговорены къ смерти; но императрица замѣнила смертную казнь ссылкою: Остерманъ отправленъ въ Березовъ, а Минихъ въ Пелымъ (на мѣсто Бирона, котораго перевели въ Ярославль).

Елизавета Петровна 1741 — 1761 г.

Дворъ Елизаветы и характеръ ея царствованія. Лица, помогавшія Елизаветѣ взойдти на престолъ, были щедро награждены; 300 гренадеръ, которые послѣдовали за нею ко дворцу правительницы, составили особый отрядъ гвардіи подъ названіемъ «лейбъ-компаніи»; всѣ они получили дворянское достоинство и вотчины. Съ царствованіемъ Елизаветы пало господство нѣмецкой партіи въ государствѣ, и престолъ окружили исключительно русскіе вельможи. Императрица, отличавшаяся набожностію, частыми поѣздками на богомолье, а также склонностію къ удовольствіямъ, предоставляла управленіе государствомъ довѣреннымъ лицамъ. Изъ приближенныхъ особъ самую видную роль въ это царствованіе играли слѣдующіе вельможи:

Во первыхъ, братья Разумовскіе, родомъ изъ простыхъ малороссійскихъ казаковъ. Старшій изъ нихъ, Алексѣй Григорьевичъ, началъ свою карьеру придворнымъ пѣвчимъ; об-

ративъ на себя милостивое вниманіе Елизаветы, онъ скоро возвысился въ званіе фельдмаршала и графа; это былъ человѣкъ простой, неотличавшійся ни способностями, ни честолюбіемъ. Вмѣстѣ съ Алексѣемъ Разумовскимъ возвысился и младшій его братъ Кириллъ, получившій образованіе за границею. Для него позволено было казакамъ снова выбрать себѣ гетмана (по смерти Апостола мѣсто гетмана оставалось незанятымъ), и малороссійская рада выбрала молодаго Кирилла Разумовскаго, который, также какъ и братъ, не отличался дѣятельнымъ характеромъ. Гораздо болѣе воспользовалась своимъ значеніемъ фамилія Шуваловыхъ. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ во вторую половину царствованія заступилъ при дворѣ мѣсто Алексѣя Разумовскаго; ловкій царедворецъ, отлично образованный, онъ оказалъ значительныя услуги государству своими заботами о народномъ просвѣщеніи и заслужилъ славу русскаго мецената. Онъ покровительствовалъ знаменитому Ломоносову; его же стараніями былъ основанъ и первый русскій университетъ, въ Москвѣ (1755 г.) Но родственникъ его Петръ Ивановичъ Шуваловъ, человѣкъ весьма даровитый, запятналъ себя лихоимствомъ. Далѣе замѣчателенъ Бестужевъ-Рюминъ, который въ качествѣ канцлера завѣдывалъ внѣшними дѣлами; Бестужевъ возвысился, благодаря дружбѣ Лестока; но вскорѣ сдѣлался его врагомъ и вооружилъ противъ него императрицу, такъ что Лестокъ былъ отправленъ въ ссылку.

Первымъ важнымъ распоряженіемъ Елизаветы въ дѣлахъ внутренняго управленія было уничтоженіе Кабинета и возвращеніе Сенату того значенія, которое ему дано Петромъ Великимъ. Относительно рекрутской повинности Россія, по плану Петра Шувалова, раздѣлена на пять частей или полосъ: наборъ рекрутъ, сдѣлавшійся теперь ежегоднымъ производился не вдругъ со всего государства, а съ каждой поло-

сы по очереди (по 1 человѣку съ 100). Далѣе: учреждены два заемные банка, одинъ для дворянства, другой для купечества (заемъ производился подъ залогъ движимаго и недвижимаго имущества по 6%); для облегченія торговли уничтожены внутреннія таможни и мелочные сборы; въ уголовномъ судопроизводствѣ отмѣнена смертная казнь. Но вообще судопроизводство и администрація во времена Елизаветы находились въ разстроенномъ состояніи; лихоимство и неправосудіе достигли большихъ размѣровъ. Дороги, деревни и даже города были небезопасны отъ разбойниковъ. Расколъ, не смотря на строгія мѣры, постоянно размножался; а притѣсненія военныхъ командъ вызывали иногда случаи добровольнаго самосожженія раскольниковъ.

Относительно высшихъ классовъ общества въ царствованіе Елизаветы произошла важная перемѣна: нѣмецкое вліяніе, преобладавшее со временъ Петра I, замѣнилось вліяніемъ французской, болѣе утонченной, цивилизаціи. При дворѣ и въ домахъ знатныхъ людей входятъ въ употребленіе французскіе нравы и французскій языкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ начинается господство парижскихъ модъ и сильное распространеніе роскоши. Являются также и писатели, подражавшіе произведеніямъ французской, особенно лже-классической, литературы. Во главѣ этой подражательной школы стоялъ Сумароковъ съ своими трагедіями и комедіями. Онъ же былъ и первый директоромъ постояннаго публичнаго театра, основаннаго въ 1756 г.* Къ той же эпохѣ относится разнообразная дѣятельность Ло-

---

* Публичныя представленія въ Москвѣ начались при Петрѣ I; съ переселеніемъ двора въ Петербургъ онѣ прекратились. Въ царствованіе Анны и Елизаветы при дворѣ находились обыкновенно иностранныя трупы актеровъ; а русскія піесы игрались иногда воспитанниками кадетскаго корпуса. По примѣру ихъ Ѳедоръ Волковъ, сынъ костромскаго купца, человѣкъ чрезвычайно даровитый, устроилъ театральныя представленія въ Ярославлѣ. Узнавъ

моносова; сынъ холмогорскаго рыбака, онъ убѣжалъ съ родины въ Москву, чтобы удовлетворить мучившей его жаждѣ знанія, и пріобрѣлъ потомъ славу великагó ученаго и писателя. Особенно важную услугу оказалъ онъ русскому литературному языку, стараясь освободить его отъ иностранныхъ примѣсей и тяжелыхъ церковно-славянскихъ оборотовъ. Въ своихъ похвальныхъ одахъ, прославлявшихъ разныя событія современнаго царствованія, Ломоносовъ подражалъ нѣмецкимъ и латинскимъ поэтамъ; оды его высокопарны и растянуты; но онѣ отличаются чистотою и гармоніею языка, дотолѣ неизвѣстною въ русской книжной словесности.

Внѣшняя политика. Въ царствованіе Елизаветы Россія вела двѣ войны. Первая война была съ Швеціей, которая хотѣла возвратить завоеванную Петромъ Великимъ часть Финляндіи; но русскія войска, подъ начальствомъ Ласси, одержали верхъ надъ шведами, и по миру, заключенному въ Або (1743 г.) Россія пріобрѣла новую часть Финляндіи, до р. Кюменя *. Во вторую половину царствованія русскіе приняли дѣятельное

объ его успѣхѣ, Елизавета вызвала въ столицу Волкова съ товарищами (изъ которыхъ особенно знаменитъ актеръ Дмитревскій), и они-то составили первую русскую труппу столичныхъ императорскихъ театровъ.

* Во время этой войны въ дѣйствующей арміи обнаружилась сильная нелюбовь русскихъ солдатъ къ офицерамъ-иноземцамъ. Одинъ изъ этихъ иноземцевъ русской службы Манштейнъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: Когда армія стояла около Выборга, въ русскій лагерь пріѣхали два шведа съ письмами къ главнокомандующему; солдаты преображенской и семеновской гвардіи вдругъ объявили, что иноземцы вошли въ сношенія съ непріятелемъ и хотятъ измѣнить. Тотчасъ собралось нѣсколько сотъ бунтовщиковъ, которые рѣшили истребить всѣхъ иноземцевъ. Въ эту критическую минуту генералъ Кейтъ бросается въ толпу, схватываетъ одного изъ предводителей, и приказываетъ священнику приготовить его къ смерти. Пораженная ужасомъ, толпа разсѣялась, и зачинщики были строго наказаны.

участіе въ Семилѣтней войнѣ (когда австрійская императрица Марія Терезія въ союзѣ съ Франціей вооружилась противъ прусскаго короля Фридриха II). Каждая изъ воюющихъ державъ старалась склонить Елизавету на свою сторону; каждая прибѣгала къ интригамъ и подкупамъ вліятельныхъ лицъ при петербургскомъ дворѣ; наконецъ партія французско-австрійскаго союза одержала верхъ, при помощи Шуваловыхъ и личнаго нерасположенія Елизаветы къ Фридриху. Въ 1757 году восьмидесятитысячная русская армія двинулась въ восточную Пруссію; фельдмаршалъ Апраксинъ взялъ Мемель, разбилъ прусскаго генерала Левальда; но вслѣдъ за тѣмъ поспѣшно отступилъ, какъ будто потерпѣлъ пораженіе. Онъ сдѣлалъ это по совѣту канцлера Бестужева, который во время опасной болѣзни императрицы расчитывалъ на скорою перемѣну политики. Преданный суду, Апраксинъ вскорѣ умеръ; а Бестужевъ былъ сосланъ въ деревню. Въ слѣдующіе годы русскіе совершили нѣсколько походовъ въ Пруссію; особенно замѣчателенъ походъ подъ начальствомъ графа Салтыкова, который, соединившись съ австрійцами, разбилъ на голову прусскаго короля въ битвѣ при Кунерсдорфѣ. Только смерть Елизаветы (въ декабрѣ 1761 г.) вывела Фридриха изъ критическаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ борьбою съ тремя великими державами.

Устранивъ потомство царя Іоанна Алексѣевича, Елизавета постаралась упрочить русскій престолъ за потомками Петра I. Она вызвала въ Россію племянника своего герцога голштинскаго Петра Ульриха (сынъ Анны Петровны), и объявила его своимъ наслѣдникомъ (1742 г.); а, спустя два года, сочетала его бракомъ съ принцессою ангальтъ-цербскою Софьею Августою, получившею въ православіи имя Екатерины Алексѣевны.

ПЕТРЪ III 1761 — 1762.

Правительственныя мѣры Петра III. Это былъ государь добродушный, но къ сожалѣнію недальновидный. Не смотря на весьма короткое время своего царствованія, онъ успѣлъ однако сдѣлать нѣсколько важныхъ и благодѣтельныхъ распоряженій. Во первыхъ, замѣчателенъ манифестъ объ уничтоженіи обязательной службы для дворянства: теперь оно имѣло право служить только по своей охотѣ. Потомъ государь уничтожилъ Тайную розыскную канцелярію и запретилъ произносить ненавистное «слово и дѣло». Запрещено было также преслѣдовать раскольниковъ; а тѣмъ изъ нихъ, которые бѣжали за пограничныя мѣста, позволено возвратиться; имъ отводили въ Сибири земли для поселенія. Объявлено было прощеніе крестьянамъ, оказавшимъ неповиновеніе помѣщичьей власти, если они принесутъ раскаяніе. Многіе вельможи, сосланные въ предыдущее царствованіе, были возвращены изъ Сибири, въ томъ числѣ и знаменитый Минихъ.

Относительно внѣшней политики первымъ дѣломъ Петра III былъ союзъ съ Фридрихомъ, къ которому онъ питалъ безпредѣльное уваженіе; часть русскихъ войскъ сражлвшихся противъ пруссаковъ, присоединена была къ арміи прусскаго короля; остальныя отозваны въ отечество. Въ тоже время Петръ задумалъ другую войну: онъ началъ готовиться къ походу въ Данію, чтобы покончить старые споры голштинскихъ герцоговъ съ датскими королями. Внезапный государственный переворотъ помѣшалъ этому предпріятію. Приверженность Петра къ иностранцамъ, поклоненіе Фридриху II, предпочтеніе, которое государь оказывалъ своему голштинскому отряду передъ русскими солдатами, и заведенная имъ строгая военная дисциплина, — все это произвело

неудовольствіе между гвардейскими полками. Неудовольствіемъ гвардіи и излишнею самоувѣренностію своего супруга искусно воспользовалась умная Екатерина, и Петръ III уступилъ ей престолъ.

Однажды утромъ (28 іюня 1762 г.), когда императоръ находился въ своемъ любимомъ замкѣ Ораніенбаумѣ, Екатерина изъ Петергофа пріѣхала въ Петербургъ; гвардія ей немедленно присягнула; а примѣру гвардіи послѣдовала и вся столица. Извѣщенный о событіи, Петръ началъ составлять разные планы защиты; но не предпринималъ ничего рѣшительнаго. Въ его свитѣ находился фельдмаршалъ Минихъ, который, не смотря на преклонныя лѣта и долгое заточеніе, оставался вѣренъ своему дѣятельному, честолюбивому характеру; фельдмаршалъ указалъ Петру на Кронштадскую крѣпость. Государь однако медлилъ разстаться съ своимъ голштинскимъ отрядомъ. Вдругъ приходитъ извѣстіе, что Екатерина во главѣ 15000 регулярнаго войска выступила на петергофскую дорогу; тогда только императоръ со всею свитою сѣлъ въ яхты, и велѣлъ грести въ Кронштадъ. Но было уже поздно: кронштадскій гарнизонъ между тѣмъ перешелъ на сторону императрицы. Петръ воротился въ Ораніенбаумъ, и подписалъ актъ отреченія. Спустя нѣсколько дней, онъ скончался.

ЕКАТЕРИНА II 1762—1796.

Характеръ императрицы и главныхъ дѣятелей ея царствованія. Одаренная отъ природы блестящими, разнообразными способностями, Екатерина кромѣ того успѣла развить свой умъ литературными занятіями, особенно чтеніемъ лучшихъ французскихъ писателей своего вѣка. Проницательностію, искусствомъ пользоваться обстоятельствами и

умѣньемъ находить людей для выполненія своихъ плановъ она заслужила всеобщее удивленіе. Съ рѣдкими дарованіями императрица соединяла стремленіе къ славѣ, наружному величію и къ завоеваніямъ. Первые годы ея царствованія необошлись безъ нѣкоторыхъ попытокъ со стороны людей, привыкшихъ къ частымъ перемѣнамъ правителей и желавшихъ на новомъ государственномъ переворотѣ основать свое личное возвышеніе; но Екатерина успѣвала всегда предупреждать опасность. *

Главные государственные дѣятели этого царствованія. подобно сотрудникамъ Петра I, были люди незначительные по происхожденію, рѣдко отличавшіеся нравственными достоинствами, но по большей части весьма талантливые и усердные исполнители высшихъ распоряженій. Изъ нихъ замѣчательны: во первыхъ братья Орловы, Григорій и Алексѣй, болѣе всѣхъ помогавшіе вступленію на престолъ Екатерины и извѣстные своимъ смѣлымъ рѣшительнымъ характеромъ. Во вторыхъ братья Панины, Никита и Петръ; особенно заслуживаетъ вниманія старшій, Никита Ивановичъ Панинъ, вельможа очень умный и образованный, котораго совѣты весьма уважались императрицею. Онъ завѣдывалъ дипломатическими сношеніями, и пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность проектомъ *вооруженнаго нейтралитета*, который имѣлъ цѣлью защиту морской торговли нейтральныхъ державъ и былъ направленъ преимущественно противъ англійскихъ крейсеровъ (1780 г. во время сѣверо-американской войны). Послѣ Панина на дипломатическомъ поприщѣ особенно отличился графъ Безбо-

---

* Замѣчательна попытка подпоручика Мировича. Занимая однажды караулъ въ Шлиссельбургской крѣпости, онъ вздумалъ освободить изъ нея Іоанна Антоновича и провозгласить его императоромъ. Но предпріятіе его неудалось, и мятежный подпоручикъ сложилъ свою голову на плахѣ.

родко. Потомъ заслуживаютъ вниманіе: князь Вяземскій, около 30 лѣтъ занимавшій важный постъ генералъ-прокурора въ сенатѣ, и графъ Сиверсъ, который въ качествѣ новогородскаго намѣстника пріобрѣлъ общее уваженіе своею полезною дѣятельностію.

Придворное значеніе Григорія Григорьевича Орлова впослѣдствіи перешло къ Григорію Александровичу Потемкину. Онъ былъ сынъ небогатаго смоленскаго дворянина; учился въ новооткрытой московской гимназіи, потомъ перешелъ въ университетъ; но некончилъ курса и поступилъ въ конную гвардію. Здѣсь Потемкинъ скоро былъ замѣченъ императрицею, и тогда началось его быстрое возвышеніе. При блестящихъ способностяхъ онъ былъ необыкновенно честолюбивъ, пріобрѣлъ огромное вліяніе на государственныя дѣла и умѣлъ удержать за собой это вліяніе почти до самой своей смерти (1791 г.) *; находясь на верху могущества, онъ выказалъ деспотическія наклонности, непостоянную, капризную волю, и любилъ создавать обширные, фантастическіе планы. Въ концѣ царствованія самымъ приближеннымъ лицемъ къ императрицѣ сдѣлался Платонъ Александровичъ Зубовъ.

На военномъ поприщѣ особенно прославились два полководца, Румянцевъ и Суворовъ, которые своими побѣдами сообщили царствованію Екатерины много внѣшняго блеска. Въ дѣтствѣ своемъ Суворовъ, по слабости здоровья, предназначался отцомъ въ гражданскую службу; но, замѣтивъ сильное

---

* Замѣчателенъ способъ, который употребилъ Потемкинъ, чтобы обратить на себя особое вниманіе: будучи уже генералъ-адъютантомъ, онъ вдругъ сдѣлался мраченъ, удалился въ Александро Невскую лавру и началъ готовиться къ постриженію въ монахи (будто бы съ отчаянія отъ безнадежной любви). Тактика его вполнѣ удалась: Потемкинъ былъ вызванъ изъ монастыря и осыпанъ новыми милостями.

влеченіе сына къ военной дѣятельности, отецъ перемѣнилъ намѣреніе и записалъ его солдатомъ въ гвардію. Не имѣя при дворѣ могущественныхъ покровителей, Суворовъ довольно долго прослужилъ въ нижнихъ чинахъ; за то онъ имѣлъ время познакомиться съ военною службою во всѣхъ ея подробностяхъ и изучить характеръ русскаго солдата, чѣмъ въ послѣдствіи умѣлъ превосходно пользоваться. Семилѣтняя война дала ему случай впервые обнаружить и развить свои военные таланты *.

Внѣшнія пріобрѣтенія и внутреннія волненія. Россія въ царствованіе Екатерины широко раздвинула свои предѣлы завоеваніемъ польскихъ областей на западѣ и турецкихъ на югѣ. Въ Польшѣ умеръ Августъ III (1763 г.), и вопросъ объ избраніи новаго короля по обыкновенію раздѣлилъ дворянство на партіи. Екатерина II пожелала возвести на польскій престолъ графа Понятовскаго, который пріобрѣлъ ея расположеніе въ то время, когда находился при англійскомъ посольствѣ въ Петербургѣ. Русскія войска двинулись въ Польшу, Фридрихъ II прусскій также принялъ сторону Понятовскаго, и партія послѣдняго одержала верхъ. Вслѣдъ затѣмъ начались волненія со стороны польскихъ диссидентовъ (т. е. православныхъ и протестантовъ), которые требовали себѣ равныхъ правъ съ католиками и для достиженія этой цѣли составили союзъ или конфедерацію. Сеймъ долженъ былъ

* Достигши значительныхъ чиновъ, Суворовъ мало-по-малу началъ играть роль чудака: велъ оригинальный образъ жизни, позволялъ себѣ въ обращеніи съ другими много странностей, говорилъ русскими загадками и прибаутками и подъ видомъ шутки часто высказывалъ жосткую правду. Этою ролью чудака, какъ думаютъ, онъ хотѣлъ съ одной стороны обратить на себя вниманіе Екатерины, а съ другой отклонить дѣйствіе зависти и придворныхъ интригъ.

согласиться на требованія конфедератовъ, потому что ихъ поддерживали русскія войска. Но вліяніе Екатерины на польскія дѣла возбудило опасеніе въ другихъ державахъ, и нѣкоторые польскіе магнаты (Красинскій, Пулавскій и Потоцкій), побуждаемые французскимъ дворомъ, составили конфедерацію въ городѣ Баръ съ цѣлію отнять права у диссидентовъ и низложить съ престола Понятовскаго (1768 г.). На помощь королю двинулись русскія войска подъ начальствомъ Рѣпнина; плохо вооруженные отряды конфедератовъ, состоявшіе подъ начальствомъ нѣсколькихъ вождей, почти независимыхъ другъ отъ друга, не могли устоять противъ регулярныхъ русскихъ войскъ, и въ четыре года войны Барская конфедерація была уничтожена, не смотря на поддержку Франціи. Польша, ослабѣвшая вслѣдствіе внутреннихъ неустройствъ, не могла долѣе сохранять цѣлость и независимость своихъ владѣній посреди сильныхъ сосѣдей. Между дворами русскимъ, прусскимъ и австрійскимъ состоялось соглашеніе, слѣдствіемъ котораго былъ первый раздѣлъ Польши (1772 г.), и Россія получила Бѣлоруссію.

Въ одно время съ польскою войною Екатерина должна была вести борьбу съ Турціею (1768—1774 г.). Побуждаемый французскимъ дворомъ, султанъ воспользовался тѣмъ, что русскіе сожгли пограничное татарское селеніе Балту, и подъ этимъ ничтожнымъ предлогомъ объявилъ Россіи войну. Императрица не могла послать большаго войска противъ турокъ; но Румянцевъ, назначенный главнокомандующимъ умѣлъ и съ малыми силами одолѣть многочисленныхъ непріятелей (на его просьбу о подкрѣпленіи Екатерина отвѣчала: Римляне не хотѣли знать о числѣ враговъ; а только спрашивали, гдѣ они). Самою славною эпохою этой войны былъ 1770 годъ, когда Румянцевъ одержалъ надъ турками двѣ блестящія побѣды: первую на берегахъ Ларги, гдѣ была разсѣяна стотысячная

армія крымскаго хана; вторую на берегахъ Кагула, гдѣ потерпѣло пораженіе войско великаго визиря, простиравшееся до 150,000 человѣкъ (у Румянцева было только 17,000). Въ томъ же году русская эскадра, обогнувъ берега Западной Европы, явилась въ Архипелагѣ, одержала побѣду надъ турецкимъ флотомъ, и сожгла его въ Чесменской гавани; въ этомъ дѣлѣ отличились особенно Спиридовъ и Грейгъ, а главнымъ начальникомъ эскадры былъ графъ Алексѣй Орловъ. Въ слѣдующемъ году князь Василій Долгорукій произвелъ удачное вторженіе въ Крымъ. Военныя дѣйствія продолжались еще три года и окончились миромъ, который былъ заключенъ въ русскомъ лагерѣ при Кучукъ-Кайнарджи (недалеко отъ Силистріи). По этому миру Россія пріобрѣла часть азовскихъ и черноморскихъ береговъ (Азовъ, Керчь, Кинбурнъ); русскимъ купеческимъ кораблямъ открыто свободное плаваніе въ Средиземное море; крымскіе, буджакскіе и кубанскіе татары объявлены независимыми отъ Турціи; султанъ долженъ былъ уплатить 4,500,000 рублей за военныя издержки и пр.

Между тѣмъ какъ русскія войска одерживали блистательныя побѣды за предѣлами государства, внутри оно страдало отъ физическихъ бѣдствій и сильнаго народнаго волненія. Изъ Молдавіи проникла въ Россію чума и начала свирѣпствовать въ Москвѣ (1771 г.). Когда главнокомандующій столицею графъ Салтыковъ покинулъ зачумленный городъ, суевѣрная чернь возмутилась, и умертвила архіепископа Амвросія за то, что онъ велѣлъ снять съ Варварскихъ воротъ Боголюбскую икону Богоматери (сюда собирались толпы народа въ ожиданіи исцѣленія, отъ чего зараза распространялась еще болѣе). Московское возмущеніе было остановлено энергическими усиліями генерала Еропкина и окончательно усмирено присланнымъ изъ Петербурга княземъ Григоріемъ Орловымъ.

Спустя два года послѣ этого бѣдствія, государство сильно было потрясено мятежемъ, извѣстнымъ подъ именемъ *пугачевщины.* Еще прежде между казаками были попытки взволновать народъ слухами о томъ, что Петръ III живъ и скоро потребуетъ обратно свой престолъ; но самозванцы, принимавшіе его имя, при самомъ началѣ своихъ дѣйствій попадали въ руки правительства. За то при первой удачной попыткѣ мятежъ разлился съ необыкновенною быстротою и силою. Бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, пробравшись на Яикъ, объявилъ себя императоромъ Петромъ III; онъ былъ схваченъ и отправленъ въ Казань. Но при помощи раскольниковъ ему удалось оттуда бѣжать и снова появиться на Яикѣ; здѣсь вокругъ самозванца скоро собрались толпы казаковъ, уже давно роптавшихъ на стѣсненіе своей вольности и незадолго передъ тѣмъ усмиренныхъ силою оружія. Пограничныя крѣпости вслѣдствіе измѣны гарнизоновъ начали переходить въ руки бунтовщиковъ, а начальники обыкновенно гибли на висилицѣ. Вслѣдъ за тѣмъ по всему Поволжскому краю распространилось возстаніе крестьянъ, которымъ Пугачевъ обѣщалъ вольность. Въ связи съ казацкимъ и крестьянскимъ возстаніемъ происходило движеніе раскольниковъ, особенно многочисленныхъ между казаками; Пугачевъ обѣщалъ пожаловать ихъ «крестомъ и бородою». Крестьяне съ уральскихъ заводовъ и бѣглые каторжники немедленно пристали къ самозванцу; взбунтовались также и различные инородцы восточной Россіи, т. е. башкиры, калмыки, мордва и пр. Такимъ образомъ возобновились времена Стеньки Разина. Въ самой Москвѣ чернь глухо волновалась и повидимому съ нетерпѣніемъ ждала Пугачева. Первыя дѣйствія войскъ, отправленныхъ противъ бунтовщиковъ были неудачны. Дѣла правительства начали поправляться, когда главнокомандующимъ былъ назначенъ генералъ Бибиковъ; но онъ скоро умеръ, и мѣсто его

заступилъ графъ Петръ Панинъ. Между тѣмъ самозванецъ сжегъ Казань, взялъ Пензу и Саратовъ. Только съ большими усиліями удалось усмирить этотъ огромный мятежъ: неоднократно разбитый Михельсономъ, Пугачевъ наконецъ былъ окруженъ императорскими войсками, выданъ своими сообщниками въ руки правительства и привезенъ въ Москву, гдѣ получилъ достойную казнь. (1775 г.).

Крымское ханство, признанное по Кучукъ-Кайнарджійскому миру независимымъ отъ Турціи, немогло долго сохранять ни свою самостоятельность, ни внутреннее спокойствіе между двумя противоположными вліяніями Россіи и Турціи. Когда у татаръ начались междоусобія и сверженіе хановъ, русскіе вмѣшались во внутреннія дѣла полуострова и возвели на престолъ Шагинъ-Гирея. Убѣжденный агентами Екатерины, Шагинъ-Гирей вскорѣ отрексяотъ ханства, а крымскіе мурзы присягнули на русское подданство. Турецкій султанъ послѣ нѣкотораго колебанія согласился признать присоединеніе Крыма къ Россіи (1783 г.). Такимъ образомъ это гнѣздо разбойниковъ, въ продолженіе трехъ вѣковъ грабившихъ Рускую землю, наконецъ сдѣлалось для нея безвреднымъ. Управленіе вновь пріобрѣтенною провинціей поручено генералъ-губернатору Новороссійской области князю Потемкину, который дѣятельно занимался устройствомъ южнаго пустыннаго края, и основалъ нѣсколько новыхъ городовъ (Херсонъ, Екатеринославль, Николаевъ, Севастополь). Въ тоже время положено начало нашему черноморскому флоту *.

* По желанію Потемкина императрица (въ 1787 г.) въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты совершила путешествіе въ Тавриду. Обстановка этого путешествія, устроенная могущественнымъ любимцемъ, отличалась театральнымъ характеромъ. Такъ напримѣръ, когда раззолоченныя яхты со свитою императрицы плыли по Днѣпру, то на берегахъ, дотолѣ пу-

Слабость, обнаруженная Турціей, подала поводъ къ появленію при русскомъ дворѣ такъ называемаго *греческаго проекта*, цѣлью котораго было изгнаніе турокъ изъ Европы и возстановленіе Греческой имперіи. Этотъ проектъ особенно поддерживалъ Потемкинъ. Общіе замыслы противъ Турціи сблизили Екатерину съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, и они заключили тѣсный союзъ. Тогда Турецкій дворъ, побуждаемый англійскимъ и прусскимъ, снова объявилъ войну Екатеринѣ (1787 г.). Главное начальство надъ русскими войсками во второй турецкой войнѣ принялъ Потемкинъ; но его личные подвиги ограничились завоеваніемъ Очакова. Слава же этой войны принадлежитъ преимущественно Суворову, который совершилъ цѣлый рядъ громкихъ подвиговъ; изъ нихъ особенно замѣчательны: побѣды при Фокшанахъ и Рымникѣ и взятіе сильной крѣпости Измаила. Но союзники наши австрійцы дѣйствовали неудачно.

Въ тоже время Россія должна была вести борьбу на сѣверозападѣ съ шведскимъ королемъ Густавомъ III, который хотѣлъ воспользоваться турецкою войною, чтобы отнять у русскихъ Финляндію. Борьба со шведами происходила преимущественно на морѣ и притомъ съ перемѣннымъ счастіемъ (русскіе сражались подъ начальствомъ адмираловъ: Грейга, Чичагова и Круза); она окончена миромъ въ Верельской долинѣ (1790), и оба государства остались при прежнихъ границахъ. А въ слѣдующемъ году въ Яссахъ былъ подписанъ миръ съ турками, по которому Россія пріобрѣла пространство между Бугомъ и Днѣстромъ и утвердила свое владычество на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря.

стынныхъ и безлюдныхъ, виднѣлись: цвѣтущія селенія, толпы народа въ праздничномъ нарядѣ, маневрирующія войска и пр. Путешествіе это описано въ мемуарахъ сопровождавшаго Екатерину французскаго посланника графа Сегюръ.

Судьба Польши. Въ Польшѣ между тѣмъ составилась партія людей, пытавшихся произвести важныя перемѣны въ государственномъ устройствѣ; перемѣны эти имѣли цѣлью поддержать государство, очевидно клонившееся къ паденію. Во главѣ преобразовательной партіи стояли: Игнатій Потоцкій, Малаховскій, Коллонтай и другіе патріоты. Не смотря на противодѣйствіе консерваторовъ, патріотамъ дѣйствительно удалось провозгласить новую конституцію (въ маѣ 1791 г.): престолъ, по смерти Станислава Понятовскаго, вмѣсто избирательнаго становился теперь наслѣдственнымъ въ Саксонскомъ домѣ; король получалъ исполнительную власть, отмѣнялось liberum veto (т. е. право каждаго шляхтича останавливать сеймовое рѣшеніе) и пр. Вмѣстѣ съ новой конституціей обнаружилось значительное движеніе противъ Россіи, которая старалась поддерживать въ Польшѣ старый порядокъ. Но уже въ слѣдующемъ году въ Тарговицѣ составилась конфедерація изъ приверженцевъ прежняго государственнаго устройства; главы этой конфедераціи (Феликсъ Потоцкій и Браницкій) обратились съ просьбою о помощи къ Екатеринѣ, и 100,000 русскаго войска немедленно вступили въ Польшу. Польское правительство не могло выставить значительныхъ силъ для сопротивленія, а надежда на прусскую помощь была обманута. Самъ король Станиславъ Августъ по требованію Екатерины присталъ къ Тарговицкой конфедераціи, и майская конституція была отмѣнена. Послѣ того императрица вошла въ соглашеніе съ прусскимъ королемъ, и произошелъ второй раздѣлъ Польши; Россія получила на свою долю области Волынскую и Минскую. (Французская революція, находившаяся тогда въ сильномъ разгарѣ, отвлекла вниманіе западныхъ державъ отъ Восточной Европы). Вскорѣ прекратилось и самое существованіе Польскаго государства.

Патріотическія тайныя общества, силившіяся спасти поги-

бающую Польшу, успѣли произвести возстаніе (въ мартѣ 1794 г.), которое изъ Кракова быстро распространилось на сѣверъ; главнокомандующимъ и диктаторомъ былъ избранъ храбрый литвинъ Тадеушъ Костюшко. Русскій отрядъ, расположенный въ Варшавѣ, застигнутъ въ расплохъ и потерялъ до 2000 человѣкъ. Но скоро подоспѣли русскія и прусскія войска, и польскіе предводители одинъ за другимъ начали терпѣть пораженіе. Самъ Костюшко проигралъ битву при Маціовицахъ и попался въ плѣнъ.

Костюшко, желая предупредить соединеніе двухъ русскихъ корпусовъ, Суворова и Ферзена, шедшихъ на Варшаву, двинулся на встрѣчу послѣднему съ 8000 человѣкъ; но, обманутый ложными извѣстіями, увидалъ передъ собою гораздо сильнѣйшаго противника. Тогда онъ поспѣшно отступилъ къ мѣстечку Маціовицы (на правомъ берегу Вислы къ югу отъ Варшавы), окопался въ этой болотистой, лѣсистой мѣстности и велѣлъ генералу Понинскому какъ можно скорѣе притти на помощь. Ферзенъ, не теряя времени, послѣдовалъ за поляками и (30 сентября 1794 г.) съ разныхъ сторонъ напалъ на ихъ лагерь. Послѣ продолжительнаго и упорнаго боя силы поляковъ истощились, а между тѣмъ Понинскій не приходилъ. Костюшко сдѣлалъ послѣднее, отчаянное, усиліе вырвать побѣду изъ рукъ Ферзена: во главѣ своей отборной кавалеріи онъ врубился въ русскіе ряды; но, изнемогши отъ ранъ, упалъ на землю, и съ словами: «finis Poloniae!» лишился чувствъ. Покрытый простымъ національнымъ плащомъ изъ сѣраго сукна, диктаторъ не былъ узнанъ русскими, и едва не погибъ подъ ихъ ударами, когда одинъ польскій всадникъ закричалъ: «стойте, это Костюшко»! Нѣсколько казаковъ тотчасъ сложили свои копья въ видѣ носилокъ и отнесли раненнаго въ ближайшій монастырь. Побѣда была самая рѣшительная; едва полторы тысячи поляковъ успѣли спастись черезъ лѣса въ Варшаву.

Вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ, соединившись съ Ферзеномъ, послѣ безпощаднаго штурма овладѣлъ Прагою, предмѣстьемъ Варшавы, и тѣмъ положилъ конецъ войнѣ. Предводители польскаго возстанія удалились за границу; король Станиславъ Августъ отказался отъ престола и послѣдніе годы свои провелъ въ Петербургѣ; а Польша окончательно была раздѣлена между Россіею, Пруссіею и Австріею. На долю первой досталась Литва и вассальное Курляндское герцогство (1795 г.).

Въ послѣдній годъ Екатерининскаго царствованія произошла война съ Персидскимъ шахомъ, который напалъ на закавказскія владѣнія, находившіяся подъ покровительствомъ Россіи. Отправленный противъ персіянъ, графъ Валерьянъ Зубовъ взялъ Дербентъ; но успѣхи его были остановлены смертію императрицы, и преемникъ ея прекратилъ персидскую войну.

Внутренняя дѣятельность Екатерины II. Еще Петръ I сдѣлалъ попытку составить новый сводъ законовъ, такъ какъ уложеніе его отца неудовлетворяло новымъ потребностямъ государства; преемники Петра возобновляли его попытку, но дѣло неподвигалось впередъ. Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ, Екатерина II принялась за проектъ новаго уложенія, и потомъ поручила это дѣло коммиссіи, составленной изъ депутатовъ отъ разныхъ сословій и правительственныхъ мѣстъ *. Для руководства коммиссіи императрица напи-

* Именно, по одному депутату: отъ сената, синода, всѣхъ коллегій и канцелярій, отъ каждаго города, отъ дворянства каждаго уѣзда, отъ однодворцевъ каждой провинціи, также отъ пѣхотныхъ солдатъ и другихъ служилыхъ людей, отъ государственныхъ крестьянъ, инородцевъ (некочующихъ) и казацкихъ войскъ. Депутаты должны были имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, имъ назначено жалованье и даны нѣкоторыя привилегіи; они избирались баллотировкою по большинству голосовъ; избиратели снабжали ихъ письменными наставленіями.

сала краснорѣчивый «Наказъ», въ которомъ она изложила просвѣщенныя идеи (заимствованныя изъ сочиненій Беккарія и Монтескьё) о государствѣ, законахъ, обязанностяхъ гражданина, о системѣ наказаній и пр. 30 іюля 1767 года съ большею торжественностію совершилось въ Москвѣ открытіе коммиссіи. Въ первыхъ же ея засѣданіяхъ начались прѣнія о важныхъ государственныхъ преобразованіяхъ; поднятъ былъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права; но противъ этого вопроса съ жаромъ возстало большинство дворянскихъ депутатовъ; затронуты были также злоупотребленія чиновниковъ. Между тѣмъ депутаты поднесли императрицѣ титулъ «великой», «мудрой», и «матери отечества»; она согласилась принять только послѣднее названіе. Но уже въ слѣдующемъ году депутаты были распущены, и вопросъ о новомъ уложеніи остался нерѣшеннымъ.

Централизація государства сдѣлала большіе успѣхи; особенно ее подвинуло впередъ «учрежденіе губерній» (1775 г.), которымъ Екатерина II докончила дѣло Петра I. Россія была раздѣлена на 50 губерній; границы ихъ опредѣлялись не историческими и естественными условіями, а количествомъ населенія (въ каждой отъ 300 до 400 тысячъ душъ). Губернія раздѣлялась на уѣзды и управлялась гражданскимъ губернаторомъ, иногда нѣсколько губерній ввѣрялось генералъ-губернатору или намѣстнику. Вмѣстѣ съ этимъ учрежденіемъ явилась система административныхъ и судебныхъ мѣстъ, до сихъ поръ господствующая въ Россіи *. Новое

* Въ уѣздахъ заведены: *уѣздные суды* для дворянъ, *городовые магистраты* для купцовъ и мѣщанъ, *нижнія расправы* для однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ, *казначейство* для сбора и храненія доходовъ и *нижніе земскіе суды* для полиціи. Изъ уѣздныхъ учрежденій дѣла могли переходить въ высшія инстанціи, т. е. въ губернскія учрежденія: въ *верхній земскій судъ*, *губернскій магистратъ* и *верхнюю расправу*.

раздѣленіе вводилось въ теченіе 20 лѣтъ; вмѣстѣ съ нимъ приступлено было ко всеобщему обмежеванію земель. Въ царствованіе Екатерины открыто до 200 городовъ; но такъ какъ при этомъ руководствовались соображеніями административными, а не промышленными и естественными условіями, то новые города не могли процвѣтать; они отличались бѣдностію, и многіе изъ нихъ впослѣдствіи уничтожились.

Въ 1785 году издано было *городовое положеніе*, по которому городское сословіе получило до нѣкоторой степени право собственнаго суда (т. е. судилось своими выборными людьми). Купцы по объявленнымъ ими капиталамъ раздѣлены на три гильдіи; остальная часть городскаго податнаго населенія получила названіе *мѣщанъ*. Въ томъ же году дарована *жалованная грамота* дворянству, которою точнѣе опредѣлились права и привилегіи дворянскаго сословія, считавшагося главною опорою престола. Такъ, дворяне освобождались отъ тѣлеснаго наказанія и получали право выбирать людей изъ своей среды въ нѣкоторыя общественныя должности. Въ тоже время власть помѣщиковъ надъ крестьянами достигла высшей степени своего развитія: помѣщики могли уже продавать крѣпостныхъ людей по одиночкѣ, могли ссылать ихъ въ Сибирь на поселеніе и на каторжную работу; а крѣпостнымъ людямъ запрещено подавать жалобы на своихъ господъ. Число крѣпостныхъ людей значительно увеличилось при Екатеринѣ щедрою раздачею деревень въ награду придворнымъ лицамъ и заслуженнымъ генераламъ. Строгія же мѣры противъ расколь-

---

Кромѣ того въ губернскихъ городахъ установлены: *уголовная палата*—для уголовнаго судопроизводства, *гражданская*—для гражданскаго, *казенная*—для государственныхъ доходовъ, *губернское правленіе*—съ исполнительною и полицейскою властью. Потомъ слѣдуютъ: *совѣстные суды, дворянская опека, сиротскіе суды* и *приказы общественнаго призрѣнія*.

никовъ большею частію были отмѣнены; а сектѣ старообрядцевъ (отличающейся приверженностію къ старопечатнымъ книгамъ) разрѣшено имѣть свои церкви.

Въ 1763 году состоялась важная мѣра, которую имѣлъ въ виду еще Петръ I, именно отобраніе церковныхъ имуществъ. Крестьяне, принадлежавшіе прежде духовному вѣдомству, (числомъ болѣе 900,000) поручены были сначала Коллегіи экономіи, а потомъ перешли въ частное владѣніе и въ другія вѣдомства. Въ отношеніи къ государственнымъ финансамъ царствованіе Екатерины замѣчательно введеніемъ ассигнацій, т. е. бумажныхъ денегъ. Въ 1768 году былъ учрежденъ ассигнаціонный банкъ съ капиталомъ въ милліонъ рублей звонкою монетою; на столько же рублей было выпущено ассигнацій. Они принимались во всѣ платежи казенные и частные и встрѣтили общее довѣріе; но это довѣріе подало поводъ правительству постепенно увеличить количество ассигнацій до 100 милліоновъ рублей; отъ такого чрезмѣрнаго выпуска курсъ бумажныхъ денегъ началъ понижаться, а товары поднялись въ цѣнѣ. Вмѣсто, учрежденныхъ Елизаветою, дворянскаго и коммерческаго банковъ Екатерина основала государственный заемный банкъ для ссуды дворянамъ и городскимъ обывателямъ по 5 процентовъ.

При постоянномъ усиленіи централизаціи въ Русской имперіи, Малороссія и Запорожье не могли долѣе сохранять свое отдѣльное устройство. Еще при жизни Кирилла Разумовскаго гетманское достоинство было окончательно отмѣнено (1764 г.), и Малороссія потомъ на равнѣ съ другими областями имперіи раздѣлена на губерніи. Малороссійскіе крестьяне объявлены крѣпостными людьми тѣхъ владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ засталъ ихъ указъ. Запорожская Сѣчь также отжила свой вѣкъ: когда началось заселеніе южныхъ степей и учреждена Новороссійская губернія, Запорожье очутилось

посреди русскихъ областей, и главное назначеніе его — служить пограничнымъ оплотомъ со стороны крымскихъ татаръ — уже немогло имѣть мѣста при перемѣнѣ границъ. А между тѣмъ безпокойные запорожцы не хотѣли оставить своихъ старыхъ привычекъ, и съ толпами гайдамакъ время отъ времени нападали на сосѣдніе села и города (напр. разбои Максима Желѣзняка). Наконецъ по приказанію императрицы Сѣчь была занята русскимъ отрядомъ, и запорожское войско перестало существовать (1775); часть его ушла въ Турцію и приняла турецкое подданство; а часть оставшихся запорожцевъ перешла на Кубань и составила войско черноморскихъ казаковъ, которому въ концѣ Екатерининскаго царствованія былъ отданъ островъ Фанагорія съ землями между Кубанью и Азовскимъ моремъ. Здѣсь казаки продолжали по прежнему служить Русской землѣ, защищая ея предѣлы отъ набѣговъ хищныхъ кавказскихъ горцевъ.

Заселеніе южныхъ степей началось въ царствованіе Елисаветы Петровны; нѣсколько тысячъ славянскихъ семействъ, преимущественно сербовъ, изъ турецкихъ и австрійскихъ владѣній перешли въ русское подданство и поселились на границахъ Украйны (около верховьевъ Ингула) въ странѣ, которая получила названіе Новой Сербіи. Правительство Екатерины II, заботясь о заселеніи плодородныхъ, но пустынныхъ пространствъ на югѣ и востокѣ имперіи, приглашало въ Россію иностранныхъ колонистовъ, съ обѣщаніемъ разныхъ льготъ и пособій на первое хозяйственное обзаведеніе. Это приглашеніе имѣло успѣхъ и привлекло нѣсколько десятковъ тысячъ колонистовъ изъ Германіи; особенно много поселилось ихъ въ Самарской провинціи.

Училища и литературное движеніе. Относительно мѣръ для народнаго образованія царствованіе Екатерины за-

мѣчательно попытками основать стройную и постоянную систему училищъ. Такъ предположено было: завести въ уѣздныхъ городахъ *малыя* народныя училища для первоначальнаго образованія дѣтей всѣхъ сословій, а въ губернскихъ учредить *главныя* народныя училища, и открыть еще нѣсколько университетовъ. Планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе только отчасти: главныя народныя училища учреждены въ немногихъ городахъ и ни одинъ университетъ не былъ открытъ. Особенныя заслуги дѣлу народнаго воспитанія оказалъ генералъ Бецкій, по мысли котораго были основаны воспитательные дома въ Москвѣ и Петербургѣ; его же стараніями положено начало закрытымъ учебнымъ заведеніямъ для женскаго пола (училище при петербургскомъ Смольномъ монастырѣ для дворянскихъ дѣвицъ). Основаніемъ кадетскихъ корпусовъ, инженернаго и артиллерійскаго, увеличилось число военно-учебныхъ заведеній.

Вліяніе французскихъ обычаевъ и французской литературы на высшіе классы общества въ царствованіе Екатерины II сдѣлало быстрые успѣхи; вліяніе это замѣтно отразилось на смягченіи нравовъ, которому немало способствовалъ просвѣщенный взглядъ самой императрицы. Многочисленныя казни Петра и Анны Іоанновны и безпощадное сѣченіе кнутомъ временъ Елизаветы начинаютъ переходить въ область преданій; пытки, хотя употреблялись еще при судебныхъ допросахъ, но производились уже далеко не въ такихъ размѣрахъ и не съ такою жестокостію какъ прежде *. Подражательная литература

---

* Порошинъ, одинъ изъ учителей наслѣдника престола Павла Петровича, разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что однажды за обѣдомъ у его высочества зашла рѣчь о дѣлѣ извѣстнаго кабинетъ-министра Волынскаго. Никита Ивановичъ Панинъ (главный воспитатель наслѣдника) замѣтилъ, что онъ недавно читалъ это дѣло и что его чуть неразбилъ параличъ: такое сильное впечатлѣніе произвели на Панина мученія, которыя претерпѣлъ Волынскій!

получила сильное развитіе, процвѣтая преимущественно подъ покровительствомъ двора, и поэты-чиновники, по примѣру Ломоносова, продолжали сочинять похвальныя оды. Представителемъ такихъ поэтовъ въ вѣкъ Екатерины является знаменитый Державинъ; сынъ одного отставнаго полковника, онъ учился въ казанской гимназіи, потомъ началъ свою службу рядовымъ гвардіи и былъ въ послѣдствіи статсъ-секретаремъ императрицы. Въ своихъ тяжелыхъ, но звучныхъ и выразительныхъ стихахъ Державинъ преимущественно воспѣвалъ Екатерину (подъ именемъ *Фелицы*) и нѣкоторыя громкія событія ея царствованія. Представителемъ другаго направленія въ литературѣ того времени — направленія сатирическаго былъ даровитый Фонъ-Визинъ; въ своихъ комедіяхъ (особенно въ *Бригадирѣ* и *Недорослѣ*) онъ нападалъ на два недостатка современнаго общества: съ одной стороны на безсмысленное, чисто-внѣшнее подражаніе новымъ, французскимъ обычаямъ при полномъ отсутствіи нравственнаго воспитанія, съ другой на грубые нравы и предразсудки, наслѣдованные отъ русской старины. Тоже сатирическое направленіе отразилось и въ русской *журнальной* литературѣ.

Начало русской журналистикѣ положено было въ послѣдніе годы Елизаветинскаго царствованія, и первый сатирическій журналъ («Трудолюбивая пчела») принадлежалъ извѣстному Сумарокову. Особеннымъ развитіемъ журналистики отличается первая половина Екатерининскаго царствованія (именно между годами 1769 и 1775); въ это время явилась цѣлая семья журналовъ («Всякая всячина», «Трутень», «Адская почта» и др.) съ яснымъ, опредѣленнымъ направленіемъ: главною задачею своею они ставили указаніе современному обществу на его дурныя стороны. Нападенію журнальной сатиры подвергались преимущественно два рода людей: чиновники торгующіе правосудіемъ или закоснѣлые взяточники, и люди,

старавшіеся блистать поверхностнымъ образованіемъ и моднымъ европейскимъ костюмомъ («петиметры»). Но попытки перейдти къ обсужденію болѣе важныхъ вопросовъ встрѣтили сильныя препятствія, и большая часть упомянутыхъ журналовъ скоро прекратила свое существованіе. Сама императрица принимала живое участіе въ литературной и научной дѣятельности; она писала нравоучительныя сказки для дѣтей, драматическія піесы для своего придворнаго театра (въ эрмитажѣ) и записки о русской исторіи; а для научнаго знакомства съ естественными произведеніями и жителями своего государства она отправляла ученыя экспедиціи въ отдаленныя области имперіи (путешествія: Палласа, Гмелина, Гильденштедта и др.). Когда знаменитая княгиня Дашкова, назначенная директоромъ академіи наукъ (1782 г.) начала издавать при академіи, ежемѣсячный журналъ («Собесѣдникъ любителей русскаго слова»), въ немъ приняли участіе императрица съ нѣкоторыми изъ своихъ придворныхъ и самые извѣстные писатели того времени (Державинъ, Богданоничъ, Фонъ-Визинъ, Княжнинъ, Капнистъ); впрочемъ этотъ журналъ, подобно другимъ, скоро окончился. Однимъ изъ самыхъ благородныхъ дѣятелей на поприщѣ народнаго образованія и русской словесности во второй половинѣ XVIII вѣка былъ Николай Ивановичъ Новиковъ.

Сначала издатель нѣсколькихъ сатирическихъ журналовъ, Новиковъ въ 1781 году вмѣстѣ съ профессоромъ московскаго университета Шварцемъ основалъ «Дружеское ученое общество»; оно имѣло своею цѣлью переводы и печатаніе книгъ для народа, продажу ихъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ и даже даровую раздачу, а также помощь бѣднѣйшимъ молодымъ людямъ, желавшимъ учиться. Многія богатыя и знатныя лица дѣлали пожертвованія въ пользу этого общества, и вліяніе его на молодое поколѣніе было самое благотворное. Но въ концѣ Екатерининскаго царствованія литератур-

ная дѣятельность и частныя общества подверглись значительнымъ ограниченіямъ, чему много способствовали, безпокойства произведенныя событіями французской революціи. Одновременно съ невѣріемъ и матеріальнымъ направленіемъ французскихъ философовъ XVIII вѣка, распространялось въ Европѣ, противуположное имъ, мистическое ученіе Сенъ-Мартена и другихъ мечтателей; въ связи съ этимъ ученіемъ размножились таинственныя *масонскія* братства, основанныя подъ видомъ благотворительныхъ цѣлей. Онѣ появились въ Россіи, и даже вошли у насъ въ моду; но около эпохи французской революціи навлекли на себя подозрѣніе въ разныхъ политическихъ замыслахъ. Новиковъ, бывшій однимъ изъ послѣдователей религіознаго, мистическаго направленія мартинистовъ и масоновъ, неизбѣжалъ подобнаго подозрѣнія; онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость (1792 г.), откуда его освободилъ потомъ преемникъ Екатерины.

ПАВЕЛЪ I. 1796—1800.

Изъ правительственныхъ распоряженій Павла I замѣчательны: во первыхъ, указъ объ императорской фамиліи, которымъ опредѣлены взаимныя отношенія ея членовъ и порядокъ престолонаслѣдія; во вторыхъ, постановленія о крестьянахъ. Когда началось новое царствованіе крестьяне, обманутые ложными слухами о свободѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отказались повиноваться своимъ помѣщикамъ, и были усмирены военными отрядами. Однако вскорѣ послѣ того изданъ манифестъ, который запрещалъ принуждать крестьянъ къ работѣ по праздникамъ, и въ теченіе недѣли помѣщики могли пользоваться только трехдневною крестьянскою работою (1797 г.); а въ слѣдующемъ году запрещено продавать въ Малороссіи крестьянъ безъ земли. Этими мѣрами въ русскомъ

законодательствѣ положено было начало ограниченію помѣщичьей власти. Далѣе, вслѣдствіе новыхъ политическихъ теорій, волновавшихъ тогда западную Европу, послѣдовало запрещеніе отправлять молодыхъ людей для образованія за границу, а взамѣнъ того позволено остъ-зейскому дворянству открыть свой университетъ въ Дерптѣ (1799 г.). Въ тоже время частныя типографіи были закрыты и новыми постановленіями о цензурѣ усиленъ надзоръ за книгопечатаніемъ; дозволялось издавать только тѣ книги, въ которыхъ не было ничего противнаго греко-россійской церкви и русскому государственному устройству.

Относительно внѣшнихъ дѣлъ императоръ Павелъ сначала изъявилъ намѣреніе держаться миролюбивой политики и прекратилъ начатыя Екатериною приготовленія къ борьбѣ съ французскою революціею; но, спустя два года, постоянное распространеніе французскихъ завоеваній побудило императора заключить наступательный союзъ съ Англіею и Австріею противъ Франціи. Предводителемъ войска, отправленнаго въ Италію на помощь австрійцамъ, избранъ былъ Суворовъ, который въ началѣ этого царствованія попалъ въ немилость. Императоръ, весьма любившій военную службу, неутомимо занимался устройствомъ арміи, ввелъ въ ней строгую дисциплину, прусскую форму съ напудренными буклями и башмаками, и пр. Такія нововведенія ненравились старому фельдмаршалу, привыкшему распоряжаться въ своихъ полкахъ совершенно самостоятельно, и онъ получилъ отставку. Суворовъ жилъ въ своей деревнѣ, когда, по желанію австрійскаго императора Франца, Павелъ I назначилъ его главнокомандующимъ надъ соединенною русско-австрійскою арміею, и старикъ съ радостію принялъ начальство (1798 г.). Итальянскій походъ покрылъ громкою славою русскаго полководца; но плоды его блестящихъ побѣдъ въ Италіи были уничтожены

неблагоразумными мѣрами и завистью австрійскаго военнаго совѣта. Совершивъ безпримѣрный переходъ по Альпійскимъ горамъ въ Швейцаріи, Суворовъ отступилъ въ Баварію. Въ тоже время экспедиція соединеннаго англо-русскаго отряда въ Голландію окончилась неудачею. Тогда Павелъ I, недовольный союзниками, отозвалъ свои войска обратно въ Россію. Онъ даже вошелъ въ сношенія съ первымъ консуломъ французской республики, Бонапартомъ, и думалъ объявить войну Англіи; но скончался посреди приготовленій къ этой войнѣ.

Александръ I 1800—1825.

Павелъ I оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей: Александра, Константина, Николая и Михаила. Старшій изъ нихъ вступилъ на престолъ; онъ былъ любимый внукъ Екатерины II и заботами ея получилъ весьма тщательное воспитаніе. Въ царствованіе императора Александра Россія снова расширила свои предѣлы, пріобрѣла значительное вліяніе на политическія дѣла Европы и достигла высшей степени своего внѣшняго блеска. Почти вся первая половина этого царствованія наполнена безпрерывными войнами.

Войны. Въ 1808 году открылась война со шведами, театромъ которой была Финляндія; русскія войска вытѣснили оттуда слабые шведскіе отряды и заставили сдаться сильную крѣпость Свеаборгъ; а зимою слѣдующаго года онѣ перешли по льду Ботническаго залива и напали на самую Швецію. Тогда король шведскій Густавъ IV отказался отъ престола, и преемникъ его Карлъ XIII заключилъ въ Фридрихсгамѣ миръ, по которому Россія пріобрѣла всю Финляндію до рѣки Торнео вмѣстѣ съ Аландскими островами.

18

Между тѣмъ на югѣ цѣлыя шесть лѣтъ происходила война съ Турціею за Молдавію и Валахію (1806—1812 г.). Военныя дѣйствія шли съ перемѣннымъ успѣхомъ до тѣхъ поръ, пока начальство надъ арміей не принялъ графъ Каменскій; онъ оттѣснилъ турокъ до самыхъ Балкановъ; но смерть остановила его подвиги. Преемникъ Каменскаго, Кутузовъ заманилъ великаго визиря на лѣвый берегъ Дуная, и нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Тогда султанъ согласился на миръ, который и былъ заключенъ въ Бухарестѣ: Турція уступила намъ Бессарабскую область и границею сдѣлалась рѣка Прутъ. Въ тоже время удачно шла борьба съ персами въ Закавказскомъ краѣ.

Всѣ эти войны были ничтожны въ сравненіи съ тою громадною борьбою, которую Россія должна была выдержать противъ величайшаго завоевателя новыхъ временъ, Наполеона I. Первостепенныя державы спѣшили составлять коалиціи, чтобы общими силами остановить быстрое распространеніе французскаго владычества въ Европѣ. Сначала русскіе выступили противъ Наполеона въ союзѣ съ австрійцами, которымъ Александръ I послалъ на помощь войско подъ начальствомъ Кутузова; этотъ походъ окончился пораженіемъ русско-австрійской арміи при Аустерлицѣ въ Моравіи (1805 г.). Австрія заключила миръ; а Россія продолжала войну въ слѣдующемъ году уже въ союзѣ съ Пруссіею. Вторая война была также неудачна какъ и первая. Разсѣявъ прусскую армію при Іенѣ, Наполеонъ напалъ на русскія войска, состоявшія подъ начальствомъ генерала Беннигсена, и послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ битвъ нанесъ имъ сильное пораженіе подъ Фридландомъ. Тогда императоръ Александръ заключилъ съ Наполеономъ миръ въ Тильзитѣ (1807 г.): принадлежавшая Пруссіи Бѣлостокская область присоединена къ Россіи, и оба императора обѣщали помогать другъ другу въ будущихъ войнахъ.

Россія обязалась, кромѣ того, запереть свои гавани англійскимъ кораблямъ, т. е. принять участіе въ «континентальной системѣ», посредствомъ которой Наполеонъ хотѣлъ подорвать англійскую торговлю.

Но союзъ съ французскимъ императоромъ не могъ быть проченъ. Самовластіе, съ которымъ завоеватель распоряжался въ Европѣ, скоро сдѣлалось невыносимо. Поводомъ къ разрыву послужили слѣдующія обстоятельства. Во первыхъ, Наполеонъ, повидимому хотѣлъ возстановить польское королевство; во вторыхъ онъ отнялъ владѣнія у герцога Ольденбургскаго, родственника императору Александру, и не обратилъ вниманія на протестъ русскаго двора. Кромѣ того, Россія весьма тяготилась континентальною системою, потому что вывозъ ея сырыхъ произведеній уменьшился, ассигнаціи сильно упали въ цѣнѣ и товары вздорожали; опасаясь окончательно подорвать свои финансы, русское правительство отступило отъ строгаго соблюденія континентальной системы, и, чтобы уменьшить вывозъ звонкой монеты, наложило высокую пошлину на нѣкоторые предметы роскоши, получаемые изъ Франціи. Наполеонъ приготовилъ огромныя силы для войны съ Россіею; онъ призвалъ вспомогательныя войска нѣмецкія, польскія, итальянскія, испанскія, и собралъ армію въ 600,000 человѣкъ. Въ іюнѣ 1812 года французы перешли пограничную рѣку Нѣманъ и вступили въ предѣлы Русской имперіи.

Александръ сосредоточилъ въ западныхъ областяхъ до 200,000 войска, которое было раздѣлено на двѣ главныя арміи: первою командовалъ военный министръ Барклай де Толли, второю храбрый генералъ Багратіонъ. По плану Барклая, русскіе начали отступать въ глубь страны. Подъ Смоленскомъ обѣ арміи соединились; но продолжали отступленіе, потому что умный Барклай, понималъ невозможность побѣдить въ рѣшительной битвѣ перваго полководца своего време-

ни, стоявшаго во главѣ вдвое болѣе многочисленной и еще свѣжей арміи. Войска наши роптали на осторожность своего вождя, и оказывали ему, какъ иностранцу, явное недовѣріе. Въ такихъ обстоятельствахъ императоръ Александръ внялъ народному голосу; и выбралъ главнокомандующаго изъ русскихъ генераловъ, именно престарѣлаго князя Кутузова, который пользовался славою искуснаго полководца и ловкаго дипломата *. Кутузовъ расположилъ армію при селѣ Бородинѣ (Можайскаго уѣзда), и здѣсь 26 августа далъ генеральное сраженіе. Цѣлый день продолжался чрезвычайно упорный и кровопролитный бой. Потерявъ почти половину войска, Кутузовъ не рѣшился возобновить сраженіе на другой день и отступилъ за Можайскъ; Наполеонъ провозгласилъ побѣду. Русскіе готовились къ новой битвѣ подъ Москвою; а московская чернь волновалась, одушевляемая патріотическими воззваніями генералъ-губернатора графа Растопчина **. Но главнокомандующій рѣшилъ пожертвовать столицею для спасенія арміи и перешелъ на рязанскую дорогу. Французы безпрепятственно вступили въ опустѣвшую Москву (2 сентября), и въ тотъ же день вспыхнулъ пожаръ, который истребилъ большую часть города. Здѣсь однако успѣхи Наполеона кончились.

Русскій народъ охотно приносилъ большія жертвы для борьбы съ непріятелемъ: дворянство разныхъ губерній вооружило

---

* Суворовъ о своемъ любимцѣ Кутузовѣ отзывался такъ: «уменъ, очень уменъ; его и Рибасъ не обманетъ». (Рибасъ былъ адмиралъ, извѣстный своимъ хитрымъ, изворотливымъ умомъ).

** Въ своихъ печатныхъ объявленіяхъ (афишкахъ) Растопчинъ приглашалъ московскихъ жителей къ поголовному ополченію противъ врага, стараясь при этомъ выражаться простонароднымъ языкомъ. Напримѣръ, въ объявленіи отъ 30 августа сказано: «Когда до чего дойдетъ мнѣ надобно молодцовъ городскихъ и деревенскихъ; я кличъ кликну дни за два, а теперь не надо я и молчу! Хорошо съ топоромъ, недурно съ рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки; французъ не тяжеле снопа аржанаго» и пр.

на свой счетъ до 300,000 ратниковъ; всѣ сословія вмѣстѣ пожертвовали 100,000,000 рублей на военныя издержки; въ тоже время началась партизанская и народная война. Непріятельскіе отряды истреблялись одинъ за другимъ; недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, болѣзни, мародерство разстроили французскую армію, между тѣмъ какъ русскіе постоянно получали подкрѣпленія. Наконецъ, когда французскій авангардъ потерпѣлъ пораженіе при Тарутинѣ, непріятель оставилъ Москву (11 октября), и началось знаменитое отступленіе «великой арміи», сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ битвъ (при Малоярославцѣ, Вязьмѣ, Духовщинѣ, Красномъ). Французы, принужденные возвращаться по разоренной смоленской дорогѣ, тысячами гибли отъ морозовъ и голода, и трупами своими устилали дорогу. На берегахъ Березины русскіе генералы думали окружить Наполеона: Кутузовъ съ главными силали былъ у него въ тылу; съ сѣвера шелъ корпусъ Витгенштейна, прикрывавшій дотолѣ дорогу на Петербургъ; съ юга подоспѣла дунайская армія (окончившая турецкую войну) подъ начальствомъ адмирала Чичагова, который долженъ былъ загородить французамъ дорогу во время переправы черезъ Березину. По ошибочному движенію Чичагова, Наполеонъ успѣлъ совершить переправу, но съ большими потерями, и одни жалкіе остатки великой арміи достигли русской границы.

Съ изгнаніемъ французовъ война непрекратилась; императоръ Александръ рѣшился продолжать ее до тѣхъ поръ, пока французское владычество въ средней Европѣ не будетъ уничтожено. Пруссія первая изъ германскихъ державъ отстала отъ союза съ Наполеономъ и войска ея соединились съ русскими; но могущество французскаго императора было сокрушено только тогда, когда къ союзникамъ пристала Австрія, и Наполеонъ проигралъ трехдневную великую битву при Лейп-

цигѣ. Союзники вступили во Францію, низложили Наполеона и возстановили на французскомъ престолѣ династію Бурбоновъ (1814 г.). За тѣмъ открылся Вѣнскій конгрессъ, на которомъ русскій императоръ занималъ первенствующее мѣсто посреди европейскихъ государей. (Главнымъ дѣломъ этого конгресса было уничтоженіе перемѣнъ, произведенныхъ въ Европѣ французскимъ оружіемъ, и возстановленіе государствъ по большей части въ ихъ прежнемъ видѣ). Россія, въ вознагражденіе за помощь противъ французовъ, получила бо́льшую часть Варшавскаго герцогства, которое Наполеонъ образовалъ изъ польскихъ земель, принадлежавшихъ Пруссіи и Австріи; нѣкоторыя земли были возвращены этимъ державамъ, а остальныя подъ именемъ Царства Польскаго составили особое владѣніе подъ верховною властію русскаго императора (1815 г.).

Въ томъ же году Александръ I, король прусскій и императоръ австрійскій заключили *священный союзъ*, цѣлью котораго было охраненіе существующаго политическаго порядка въ Европѣ. Александръ до конца своего царствованія оставался вѣренъ началамъ священнаго союза.

Внутренняя дѣятельность. Государственная централизація въ царствованіе Александра I сдѣлала новые успѣхи учрежденіемъ *министерствъ* (вмѣсто коллегіальной системы Петра Великаго): различныя отрасли управленія точнѣе прежняго разграничены между собою и каждая изъ нихъ подчинена особому министру; число министерствъ сначала простиралось до осьми (1802 г.) *. Около того же времени былъ учреж-

* Именно: министерство военное (генералъ Вязмитиновъ), морское (адмиралъ Мордвиновъ), иностранныхъ дѣлъ (канцлеръ графъ Воронцовъ), внутреннихъ дѣлъ (графъ Кочубей), юстиціи (Державинъ), финансовъ (графъ Васильевъ), коммерціи (графъ Румянцевъ) и народнаго просвѣщенія (графъ Завадовскій). Въ послѣдствіи министерство коммерціи упразднено и образовано вновь министерство полиціи.

денъ *государственный совѣтъ*, который разсматривалъ проекты новыхъ законовъ и учрежденій и повѣрялъ отчеты министровъ. Въ судопроизводствѣ окончательно запрещено было употребленіе пытки и всякихъ «пристрастныхъ» допросовъ. Для народнаго образованія приняты были слѣдующія мѣры: главныя народныя училища, переименованныя въ «гимназіи», открыты почти во всѣхъ губернскихъ городахъ, умножено число малыхъ или «уѣздныхъ» училищъ, а для первоначальнаго образованія заведены «приходскія» школы (1803 г.) Въ Москвѣ и Петербургѣ основаны «педагогическіе институты» для приготовленія учителей; открыты новые университеты: въ Казани, Харьковѣ и Петербургѣ. Въ духовномъ вѣдомствѣ система школъ получила также болѣе правильное устройство: изданы уставы академій, семинарій и духовныхъ училищъ (1814); на содержаніе духовныхъ училищъ назначенъ доходъ, получаемый церквами отъ продажи восковыхъ свѣчъ. Въ исторіи русскихъ крестьянъ царствованіе Александра I замѣчательно нѣкоторыми законодательными попытками ограничить крѣпостное право: изданъ указъ о сословіи *свободныхъ хлѣбопашцевъ*, дозволявшій помѣщикамъ отпускать на волю цѣлыя деревни (1803 г.); у помѣщиковъ, уличенныхъ въ жестокомъ обращеніи, приказано отбирать крестьянъ и отдавать ихъ въ опеку; прекращена раздача населенныхъ земель частнымъ лицамъ въ награду за службу *.

Изъ государственныхъ людей, помогавшихъ императору въ

---

* Уничтоженіе крѣпостнаго права было любимою мыслію Александра Павловича въ первые годы его царствованія. (Поэтъ Державинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что эту мысль развивалъ преимущественно воспитатель Александра Лагарпъ). Но совѣтники государя указывали на то, что крестьяне еще недостаточно приготовлены къ уничтоженію крѣпостной зависимости, и что быстрый переходъ къ свободѣ грозитъ опасностью спокойствію и цѣлости имперіи.

его заботахъ о внутреннемъ устройствѣ имперіи, замѣчательны: графъ Кочубей, другъ юности Александра I; Сперанскій, сынъ сельскаго священника, своимъ умомъ и способностями достигшій степени государственнаго секретаря, и адмиралъ Мордвиновъ, честный, прямодушный патріотъ, который въ государственномъ совѣтѣ постоянно возвышалъ свой голосъ противъ разныхъ злоупотребленій (напр. противъ системы винныхъ откуповъ). Значительнымъ вліяніемъ на внутреннюю политику пользовался графъ Аракчеевъ, представитель строгой военной дисциплины и основатель военныхъ поселеній въ Новгородской губерніи.

НИКОЛАЙ I 1825—1855.

Александръ Павловичъ скончался, во время своей поѣздки на югъ имперіи, въ г. Таганрогѣ 19 ноября 1825 года. Онъ не оставилъ дѣтей, и Россія при извѣстіи о его кончинѣ немедленно присягнула Константину Павловичу, который находился въ Варшавѣ. Константинъ еще при жизни Александра I отрекся отъ своего права на престолъ въ пользу младшаго брата Николая Павловича; хотя отреченіе это и хранилось въ тайнѣ, однако великій князь снова подтвердилъ его, и письмомъ пригласилъ брата занять престолъ. 14 декабря обнародованъ былъ манифестъ о восшествіи на престолъ Николая I. Первымъ дѣломъ молодаго императора было усмиреніе военнаго мятежа.

Во вторую половину царствованія Александра, между молодыми офицерами образовалось нѣсколько тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлію преобразовать государственное устройство

Россіи («сѣверное общество», «южное», «соединенные славяне» и др.). Государь зналъ о существованіи этихъ обществъ, но не употреблялъ строгихъ мѣръ до тѣхъ поръ, пока не получилъ ясныхъ свѣденій о составленіи заговора. Незадолго передъ кончиною своею онъ велѣлъ арестовать главныхъ начальниковъ заговора въ арміи, расположенной на югѣ Россіи. Тогда заговорщики, находившіеся въ Петербургѣ, поспѣшили привести въ исполненіе свои замыслы, и для того хотѣли воспользоваться короткимъ междуцарствіемъ, которое произошло вслѣдствіе отреченія Константина. Они распространили между нижними военными чинами слухъ, будто Константинъ нисколько не думалъ отказываться отъ престола. Поэтому 14 декабря, когда войска должны были присягнуть Николаю Павловичу, часть гвардіи отказалась дать присягу и съ оружіемъ въ рукахъ собралась на сенатской площади (вокругъ памятника Петру I); но, не имѣя общаго предводителя, остановилась здѣсь въ нерѣшимости. Императоръ между тѣмъ собралъ вокругъ Зимняго дворца остальные гвардейскіе полки. Послѣ того, какъ увѣщанія о покорности оказались безполезными и генералъ-губернаторъ Петербурга Милорадовичъ палъ отъ руки убійцы, государь приказалъ сдѣлать нападеніе; атака кавалеріи была неудачна; но, когда артиллерія начала картечью поражать мятежниковъ, они тотчасъ разсѣялись въ бѣгствѣ. Назначенная государемъ, слѣдственная коммисія вполнѣ раскрыла составъ и замыслы тайныхъ обществъ; наиболѣе виновные наказаны ссылкою въ сибирскіе рудники; пятеро главныхъ заговорщиковъ подверглись смертной казни; а солдаты, принимавшіе участіе въ мятежѣ, посланы на Кавказъ, чтобы въ битвахъ съ горцами заслужить себѣ прощеніе.

Изъ правительственныхъ мѣръ этого царствованія особенно замѣчательны: изданіе законодательнаго свода и уничтоженіе уніи въ Западной Россіи. Со временъ Петра Великаго

до Николая I почти безпрерывно существовали коммисіи для усовершествованія русскаго законодательства и приведенія его въ стройную систему; но дѣятельность этихъ коммисій, также какъ и знаменитая попытка Екатерины II, оставались почти безъ всякихъ результатовъ. А между тѣмъ, накопившаяся въ теченіе времени, огромная масса указовъ, несобранныхъ вмѣстѣ и часто противорѣчащихъ другъ другу, сильно затрудняла дѣлопроизводство и покровительствовала злоупотребленіямъ чиновниковъ. Императоръ Николай, спустя полтора мѣсяца послѣ вступленія своего на престолъ, приказалъ учредить при собственной канцеляріи особое отдѣленіе для приведенія въ порядокъ русскихъ законовъ *, и поручилъ это дѣло Сперанскому. Послѣ четырехлѣтней работы было издано въ 45 томахъ Полное Собраніе Законовъ, въ которое вошли, начиная съ уложенія царя Алексѣя Михайловича, почти всѣ указы до кончины Александра I (числомъ болѣе 30,000 актовъ). Изъ Полнаго Собранія потомъ извлечены постановленія, сохранившія свою силу, которыя и составили «Сводъ законовъ Россійской имперіи» (1833 г.); издававшіеся послѣ того указы собирались въ отдѣльные томы и присоединялись къ Своду подъ именемъ его «Продолженія».

При вступленіи на престолъ Николая Павловича, въ западныхъ областяхъ имперіи почти 2,000,000 жителей исповѣдывали унію, и признавали папу главою своей церкви. Им-

---

* Оно составило «Второе отдѣленіе Его императорскаго величества канцеляріи». Вслѣдъ затѣмъ учреждено «Третье отдѣленіе», которое замѣнило собою министерство полиціи, упраздненное въ концѣ царствованія Александра I. Управленіе третьимъ отдѣленіемъ ввѣрено шефу корпуса жандармовъ. Впослѣдствіи учреждено новое министерство — государственныхъ имуществъ для управленія государственными крестьянами (1838 г.).

ператоръ для управленія духовными дѣлами этой церкви приказалъ учредить особую коллегію подъ предсѣдательствомъ грекоуніатскаго митрополита (1828 г.); коллегія должна была заботиться о точномъ сохраненіи греческихъ обрядовъ. А, спустя 11 лѣтъ, высшее духовенство грекоуніатской церкви собралось въ Полоцкѣ, и представило государю просьбу о соединеніи своей паствы съ православною церковью. На эту просьбу послѣдовало высочайшее утвержденіе, и унія въ Западной Россіи была отмѣнена (1839 г.).

Между событіями внѣшней политики первое по времени мѣсто занимаетъ война персидская (1826 — 1828 г.), въ которой прославился своими подвигами генералъ Паскевичъ, назначенный главнокомандующимъ нашею закавказскою арміею. Онъ взялъ крѣпкую Эривань и перешелъ Араксъ. Испуганный движеніемъ русской арміи къ столицѣ Персіи, Фетъ-али-шахъ согласился на миръ, заключенный въ Туркманчаѣ; онъ уступилъ Россіи ханство Эриванское и Нахичиванское и заплатилъ 20,000,000 рублей серебромъ контрибуціи. Едва окончилась персидская война, какъ началась борьба съ Турціею вслѣдствіе покровительства, которое русскій государь оказывалъ грекамъ, возставшимъ противъ турецкаго владычества. Весною 1828 года русская армія подъ начальствомъ графа Витгенштейна вступила въ княжества Молдавію и Валахію, перешла за Дунай и овладѣла Варною; а въ слѣдующемъ году новый главнокомандующій графъ Дибичъ разбилъ великаго визиря, перешелъ Балканы и занялъ Адріаноп оль. Между тѣмъ въ Азіи Паскевичъ взялъ крѣпости Карсъ, Ахалцыхъ и занялъ Эрзерумъ, столицу турецкой Арменіи. Тогда султанъ Махмудъ заключилъ съ Россіею миръ въ Адріанополѣ (1829 г.): онъ уступилъ Россіи восточный берегъ Чернаго моря, призналъ Молдавію, Вала-

хію и Сербію подъ нашимъ покровительствомъ, открылъ русскимъ судамъ свободное плаваніе по Дунаю и Дарданелламъ, и призналъ независимость новаго Греческаго королевства. Вслѣдъ за турецкою войною произошло возстаніе Польши.

Учредительною Хартіею 1815 года императоръ Александръ даровалъ Царству Польскому особое политическое устройство. съ національнымъ сеймомъ и собственнымъ войскомъ. Благодаря этому устройству и внутреннему спокойствію, матеріальное благосостояніе Польши начало быстро развиваться; земледѣліе, торговля, промышленность и литература въ теченіе 15 лѣтъ достигли значительной степени процвѣтанія. Но между тѣмъ въ народѣ, въ арміи, между студентами образовались тайныя общества, которыя волновали умы надеждою на возвращеніе самобытности. Ночью 17 ноября 1830 года толпа заговорщиковъ (состоявшая большею частію изъ воспитанниковъ военной школы) бросилась въ Бельведерскій дворецъ, гдѣ жилъ намѣстникъ Царства Польскаго, великій князь Константинъ Павловичъ. Великій князь успѣлъ во-время спастись изъ дворца, и, видя что польскія войска приняли сторону мятежниковъ, онъ удалился изъ Варшавы. Возстаніе быстро распространилось по всему Царству и проникло въ Литву. Главнокомандующимъ польскихъ войскъ и диктаторомъ былъ объявленъ генералъ Хлопицкій, нѣкогда сражавшійся подъ знаменами Костюшко. Императоръ двинулъ въ Польшу болѣе 100,000 войска. Начальникъ этой арміи графъ Дибичъ выигралъ два кровопролитныя сраженія съ поляками, при Гроховѣ и Остроленкѣ: но вслѣдъ за тѣмъ онъ умеръ отъ холеры, которая свирѣпствовала тогда въ Россіи съ страшною силою (жертвою ея сдѣлался и великій князь Константинъ Павловичъ). Мѣсто Дибича заступилъ графъ Паскевичъ.

Между тѣмъ въ польскомъ лагерѣ не было единодушія;

тамъ боролись двѣ партіи: аристократическая (главою которой былъ Чарторижскій) и демократическая (къ послѣдней принадлежали профессоръ Виленскаго университета Лелевель и знаменитый поэтъ Мицкевичъ). Тщетно вторая партія настаивала на освобожденіи крестьянъ; дворянство несоглашалось на эту уступку. Генералы, смѣнившіе тяжело раненнаго Хлопицкаго (Скржинецкій, Дембинскій, Малаховскій) не были способны остановить грозное движеніе русскихъ войскъ на Варшаву, и 25 августа 1831 года Паскевичъ взялъ приступомъ Волю—предмѣстье столицы; а на другой день, послѣ отчаяннаго сопротивленія, сдалась и самая Варшава. Мятежъ былъ вскорѣ усмиренъ, и главные предводители спаслись бѣгствомъ за границу. Въ февралѣ 1832 года Учредительная Хартія отмѣнена, и Царство Польское вошло въ составъ имперіи наравнѣ съ другими ея областями. Варшавскій и Виленскій университеты были закрыты (для западныхъ областей спустя два года, основанъ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ).

Въ 1849 году, когда Франція, Германія и Италія были объяты революціоннымъ движеніемъ, императоръ Николай посылалъ свои войска на помощь Австріи противъ возставшихъ Венгерцевъ, и возстаніе вскорѣ было усмирено. Спустя четыре года послѣ того, снова произошелъ разрывъ между Россіею и Турціею; поводомъ къ этому разрыву послужило то обстоятельство, что русскій дворъ вступился за права христіанъ греческаго исповѣданія въ Палестинѣ. Когда Порта отвѣтила отказомъ на требованія императора Николая, русская армія подъ начальствомъ князя Горчакова, лѣтомъ 1853 года перешла границу и заняла княжества Молдавію и Валахію; а осенью того же года русскій черноморскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Нахимова истребилъ турецкую эскадру

при Синопѣ. Но Англія и французскій императоръ Наполеонъ III, опасаясь за самую самостоятельность Турціи, послали ей на помощь свои войска и флоты, подъ предлогомъ поддержать политическое равновѣсіе Европы; къ нимъ присоединилась и Сардинія. (Австрія также приняла угрожающее положеніе). Тогда загорѣлась борьба Россіи съ четырьмя соединенными державами. Союзники, пользуясь своимъ громаднымъ флотомъ, появились почти на всѣхъ русскихъ водахъ: въ Черномъ морѣ, въ Балтійскомъ, Бѣломъ и у береговъ Камчатки. Главныя же военныя дѣйствія сосредоточились на нашихъ южныхъ границахъ. Въ сентябрѣ 1854 года русская армія очистила княжества и перешла обратно Прутъ; въ тоже время сильный англо-французскій флотъ высадилъ войска союзниковъ въ Крыму у Евпаторіи. Главнокомандующій крымскою арміею князь Менщиковъ на берегахъ Альмы далъ сраженіе; но принужденъ былъ отступить. Непріятели съ моря и суши осадили Севастополь, въ гавани котораго заперся нашъ черноморскій флотъ. Въ продолженіе 11 мѣсяцевъ длилась подъ Севастополемъ упорная и чрезвычайно кровопролитная борьба. Попытки нашихъ генераловъ атаковать англо-французскій лагерь, на Инкерманскихъ высотахъ и при Черной рѣчкѣ, окончились неудачею. Русская армія, бывшая всегда предметомъ особыхъ попеченій императора Николая, сражалась съ обычнымъ своимъ мужествомъ и самоотверженіемъ; но союзники имѣли на своей сторонѣ превосходство оружія и путей сообщенія: между тѣмъ какъ они легко получали подкрѣпленія и продовольствіе при помощи своего флота, сообщеніе центральной Россіи съ Крымомъ производилось обширными степями по простымъ дорогамъ (Россія имѣла одну желѣзную дорогу-между Москвою и Петербургомъ). Во время севастопольской осады 18 февраля 1855 года скончался императоръ Николай I, и на престолъ вступилъ нынѣ

царствующій Императоръ Александръ II. Война продолжалась съ тою же энергіею.

28 августа, послѣ страшнаго трехдневнаго бомбардированія и рѣшительнаго приступа, французы овладѣли Малаховымъ курганомъ, т. е. главнымъ севастопольскимъ укрѣпленіемъ; тогда русскій главнокомандующій князь Горчаковъ (смѣнившій князя Менщикова) оставилъ разрушенный городъ, и перевелъ гарнизонъ на сѣверную сторону севастопольской бухты. Между тѣмъ въ Малой Азіи, на южныхъ предѣлахъ Закавказья, русскіе имѣли почти постоянный успѣхъ въ битвахъ съ турками, и завоеваніе крѣпости Карса генераломъ Муравьевымъ ускорило ходъ переговоровъ о мирѣ. Наконецъ война прекратилась Парижскимъ миромъ 1856 года (18 марта). Съ обѣихъ сторонъ завоеванія были возвращены; устья Дуная впрочемъ отошли къ Турціи; Черное море объявлено нейтральнымъ и открыто для торговыхъ судовъ всѣхъ націй.

Кромѣ упомянутыхъ войнъ царствованіе Николая I ознаменовано безпрерывными военными дѣйствіями противъ кавказскихъ горцевъ.

Начало кавказской войны относится къ первымъ годамъ XIX столѣтія, когда Грузія вступила въ подданство Россіи и кавказскій хребетъ очутился между русскими владѣніями. Сначала русскіе ограничивались оборонительными дѣйствіями отъ набѣговъ разбойничьихъ племенъ; съ назначеніемъ генерала Ермолова главнокомандующимъ (1816 г.) наше владычество мало-по-малу стало проникать въ горы. Но успѣхи русскихъ были остановлены появленіемъ новой мусульманской секты — *мюридизма*, который въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія съ необыкновенною быстротою распространился въ Кавказскихъ горахъ и мелкія разъединенныя дотолѣ племена соединилъ общимъ религіознымъ

фанатизмомъ; изъ предводителей мюридовъ самымъ сильнымъ и опаснымъ для насъ явился Шамиль, принявшій высшій духовный титулъ имама. Вытѣсненные изъ многихъ пунктовъ, русскіе должны были значительно увеличить свои силы и начать трудную, упорную борьбу съ грознымъ имамомъ. Тщетно время отъ времени войска совершали экспидиціи въ разныя горныя области, жгли и разоряли черкесскія аулы; покореніе племенъ медленно подвигалось впередъ. Распространеніе прочныхъ завоеваній началось только съ проложеніемъ широкихъ лѣсныхъ просѣкъ и съ открытіемъ болѣе правильныхъ и постоянныхъ наступательныхъ дѣйствій. Наконецъ искусными распоряженіями кавказскаго намѣстника князя Барятинскаго Шамиль былъ со всѣхъ сторонъ стѣсненъ русскими войсками; осажденный въ своемъ неприступномъ аулѣ Гунибъ, онъ сдался въ плѣнъ (въ августѣ 1859 года), и вся восточная часть Кавказа покорилась русскому владычеству.

Взглядъ на состояніе науки и литературы въ первой половинѣ XIX столѣтія. Европейская наука послѣ реформы Петра Великаго мало-по-малу начала прививаться къ русской жизни; но университетъ и академія не скоро могли пріобрѣсти прочное вліяніе на общество, которое нуждалось еще въ первоначальномъ образованіи. Притомъ же большинство академиковъ и профессоровъ, долгое время состоявшее изъ иностранцевъ, оставалось почти чуждо русской жизни и рѣдко находилось въ согласіи съ небольшимъ числомъ русскихъ ученыхъ. (Такъ, Ломоносовъ, будучи членомъ академіи наукъ, сильно враждовалъ съ партіей нѣмецкихъ ученыхъ). Только со второй четверти XIX столѣтія начинается замѣтное вліяніе университета на молодое поколѣніе, когда стройно организованная система среднихъ учебныхъ заведеній приготовила достаточное количество слушателей, а посылка моло-

дыхъ людей въ заграничные университеты доставила многихъ отличныхъ профессоровъ. *

Русская литература во времена Александра I окончательно усвоила себѣ форму западно-европейской журналистики, и званіе писателя пріобрѣтаетъ почетъ помимо высокихъ чиновъ и громкихъ титуловъ. Нѣсколько талантливыхъ писателей своими трудами способствуютъ обработкѣ литературнаго слога и развитію вкуса между читателями. Въ этомъ отношеніи особенно важны заслуги Карамзина. Но литературный интересъ пока ограничивался небольшими кружками образованныхъ людей; журналы слабо распространялись въ массѣ читающей публики, и вліяніе ихъ на цѣлое общество было весьма незначительно; впрочемъ и самое содержаніе ихъ еще мало представляло современнаго общественнаго интереса. За то переводные французскіе романы и нѣкоторыя русскія подражанія этимъ романамъ находили огромный кругъ читателей. Во второй четверти XIX столѣтія наша литература получаетъ болѣе самостоятельный характеръ и замѣтно сближается съ русскою жизнію. Сатирическое направленіе достигаетъ замѣчательной степени развитія въ комедіи Грибоѣдова («Горе отъ ума») и особенно въ художественныхъ произведеніяхъ Гоголя (юмористическая поэма «Мертвыя души» и комедія «Ревизоръ»), которыя преслѣдуютъ главное зло русскаго общества — недостатокъ честности и добросовѣстности. Гоголь нашелъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей («натуральная школа»), которые усвоили нашей періодической литературѣ преимущественно форму повѣсти, и подъ этою формою, изображая разныя стороны русскаго быта, въ границахъ, опредѣленныхъ цензурны-

* Нѣкоторые изъ профессоровъ особенно благотворно дѣйствовали на своихъ слушателей изящнымъ изложеніемъ науки и возвышеннымъ благородствомъ своего характера; таковы: Грановскій—въ Москвѣ и Мейеръ—въ Казани.

ми постановленіями, касались самыхъ живыхъ общественныхъ вопросовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, съ особенною любовью посвящая свой талантъ изображенію крестьянскаго быта, мало-по-малу вызвали вниманіе къ нему и сочувствіе образованнаго класса. Подражательная поэзія и обработка изящнаго стиха нашли себѣ самыхъ полныхъ представителей въ лицѣ Жуковскаго, Батюшкова и Пушкина. Но Пушкинъ въ тоже время начинаетъ новую эпоху русской поэзіи, сближая ее съ источниками чисто народными (т. е. съ пѣснями, сказками и преданіями Славянъ). Литературная критика, долгое время отличавшаяся своимъ ничтожествомъ и мелочнымъ направленіемъ, вдругъ пріобрѣла (въ сороковыхъ годахъ) замѣчательную силу и оригинальность подъ перомъ даровитаго Бѣлинскаго, который умѣлъ приводить въ тѣсную связь вопросы чисто литературные съ вопросами общественными и пробуждать къ нимъ живой интересъ. За эпохою Гоголя и Бѣлинскаго — эпохою литературнаго движенія, наступило на нѣкоторое время затишье въ русской литературѣ.

Между тѣмъ русскій простолюдинъ, который послѣ реформы Петра Великаго началъ рѣзко отличаться отъ высшихъ классовъ, усвоившихъ себѣ внѣшнюю европейскую цивилизацію, по прежнему оставался вѣренъ старымъ обычаямъ и преданіямъ, находя въ сказкахъ и пѣсняхъ главное удовлетвореніе своей художественной потребности.

Исторіографія. Начало критической разработкѣ русской исторіи положено было въ XVIII в. нѣмецкими учеными, членами петербургской академіи наукъ, именно: *Байеромъ*, *Миллеромъ* и *Шлёцеромъ*, которые трудились надъ источниками первоначальной русской исторіи; Миллеръ, кромѣ того, оказалъ большую услугу наукѣ, какъ издатель многочисленныхъ историческихъ матеріаловъ. Въ томъ же вѣкѣ нѣ-

которые изъ русскихъ писателей пытались составить полную отечественную исторію: во первыхъ заслуживаетъ вниманія «Ядро Россійской исторіи», написанное *Манкіевымъ* при Петрѣ Великомъ; оно имѣетъ видъ историческаго учебника. Еще болѣе замѣчателенъ трудъ *Татищева*, который подъ именемъ «Исторіи Россійской съ самыхъ древнѣйшихъ временъ» представилъ подробный сводъ лѣтописныхъ извѣстій, доведенныхъ до Михаила Өедоровича *. Потомъ слѣдуетъ русская исторія князя *Щербатова*, написанная въ царствованіе Екатерины II (15 томовъ); неограничиваясь однимъ сводомъ извѣстій, авторъ старался объяснять событія и обращалъ вниманіе на внутреннее состояніе общества.

Въ царствованіе Александра I написана была *Карамзинымъ* знаменитая «Исторія государства Россійскаго» (12 томовъ, доведена почти до эпохи Романовыхъ). Огромная начитанность, блестящій литературный талантъ и горячая любовь къ предмету сообщили исторіи Карамзина весьма важное значеніе: она составила эпоху въ нашей исторической литературѣ. Впервые появившійся на русскомъ языкѣ изящный, живописный разсказъ событій возбудилъ въ обществѣ живой интересъ къ

---

* Татищевъ былъ изъ числа молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ I учиться за границу; потомъ онъ управлялъ горными заводами и былъ астраханскимъ губернаторомъ. На занятія русскою исторіею навело его составленіе полной русской географіи, предпринятое ученымъ графомъ Брюсомъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ нѣкоторое время. Въ предисловіи къ своему труду Татищевъ объясняетъ почему онъ остановился на 1613 годѣ. Въ дальнѣйшей исторіи, говоритъ онъ, «явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которыхъ если писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойти оныя погубить истину и ясность исторіи, или вину ту на судившихъ обратить, еже было съ совѣстію несогласно, того ради оное оставляю инымъ для сочиненія». Дѣйствительно, когда Татищевъ въ 1739 году пріѣхалъ съ своею исторіею въ Петербургъ и многимъ давалъ ее читать, трудъ его встрѣтилъ почти однѣ порицанія.

отечественной исторіи, и книга имѣла необыкновенный успѣхъ. Для настоящаго времени главный ея недостатокъ заключается въ томъ, что событія по большой части имѣютъ одну внѣшнюю, хронологическую связь между собою. Послѣ Карамзина заслуживаютъ вниманія: «Повѣствованіе о Россіи» *Арцыбашева*—сводъ лѣтописныхъ и другихъ извѣстій, доведенный до 1698 года, и «Исторія Русскаго народа» *Полеваго*, прекратившаяся на царствованіи Іоанна Грознаго. Съ 1851 года стала издаваться «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» *Соловьева*, отличающаяся подробнымъ, критическимъ сводомъ источниковъ и стремленіемъ раскрыть внутреннюю связь событій *.

Въ числѣ вопросовъ, которые по преимуществу служили предметомъ разногласія въ русской исторической литературѣ, важное мѣсто занимаетъ вопросъ о достовѣрности лѣтописныхъ источниковъ для первоначальной русской исторіи; достовѣрность эту болѣе всѣхъ отвергала такъ-называемая *скептическая* школа ученыхъ. Второй предметъ разногласія, интересующій всю образованную часть нашего обще-

* Между попытками иностранцевъ написать полную русскую исторію самая замѣчательная—это «Исторія Русскаго государства» нѣмецкаго ученаго Германа (прекращается на срединѣ Екатерининскаго царствованія). По отдѣльнымъ частямъ русской исторіи заслуживаютъ вниманія труды: Бантышъ-Каменскаго («Исторія Малой Россіи» и «Словарь достопамятныхъ людей русской земли»), Погодина («Замѣчанія и лекціи Русской исторіи»), Устрялова («Исторія царствованія Петра Великаго»), Забѣлина («Домашній бытъ русскихъ царей»), Костомарова («Богданъ Хмельницкій» и «Очерки нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ»), и др.

Между сборниками историческихъ матеріаловъ особенно замѣчательны: «Вивліоѳика» изданная извѣстнымъ Н. И. Новиковымъ; потомъ изданія «Археографической коммиссіи» въ Петербургѣ, и «Общества исторіи и древностей» при Московскомъ университетѣ. Изъ иностранныхъ сборниковъ, много матеріаловъ по русской исторіи находится въ «Магазинѣ» Бюшинга (нѣмецкій ученый прошлаго столѣтія).

ства, представляетъ реформа Петра Великаго; особенно критически относится къ этой реформѣ *славянская* школа.

Матеріалами для русской исторіи XVIII и первой половины XIX столѣтія служатъ: во первыхъ «Полное собраніе законовъ», во вторыхъ многочисленные мемуары иностранцевъ и русскихъ. Изъ иностранныхъ замѣчательны мемуары *Берхгольца* и *Манштейна*; изъ русскихъ: маіора *Данилова* и *Болотова*, которыя важны для быта русскихъ дворянъ въ XVIII столѣтіи; а для исторіи высшаго класса любопытны: записки князя *Шаховскаго*, *Порошина*, *Державина*, княгини *Дашковой* и *Храповицкаго* (статсъ-секретарь Екатерины II). Самые же богатые запасы историческихъ матеріаловъ (акты дипломатическіе и административные, судебныя дѣла и пр.) хранятся въ государственныхъ архивахъ.

